

С. Д. МАРТЫНОВ

**ГОСУДАРСТВО
И ЭКОНОМИКА**

СИСТЕМА ВИТТЕ

—

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2002

УДК 330
ББК 65
М 29

Мартынов С. Д. Государство и экономика: система Витте. — СПб.: Наука, 2002. — 405 с.

ISBN 5-02-028509-9

В монографии впервые комплексно рассмотрены составляющие системы Витте: анализируются роль государства в экономике, протекционизм и привлечение иностранного капитала, финансово-бюджетная и денежно-кредитная политика правительства, поддержка частного предпринимательства и развитие казенного хозяйства. Исследуются факторы, обеспечивавшие успех денежной реформы и винной монополии, налоговой и таможенной политики, огромного железнодорожного строительства. Затронуты вопросы государственного управления, централизации и роли бюрократии, противоречий форм и методов административного и экономического регулирования народного хозяйства. Система Витте может рассматриваться как ценный национальный опыт использования активной роли государства в экономических преобразованиях.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся опытом реформ и проблемами социально-экономического развития России.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-02-16006д*

ТП-2002-1-41
ISBN 5-02-028509-9

© С. Д. Мартынов, 2002
© Издательство «Наука», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

На пороге XXI в. Россия находится в состоянии системного кризиса, идут активные поиски национальной модели рыночного хозяйства, которая обеспечила бы возрождение и процветание страны. Происходят и процессы обновления теоретического фундамента реформ. Недавнее увлечение монетаризмом уступает место другим подходам, в частности эволюционной теории, институциональной концепции становления рыночной экономики.

В этих условиях закономерно повышается интерес к реформам и реформаторам прошлого, актуализуется потребность в осмыслении отечественного опыта социально-экономических преобразований, определении роли государства в экономике, выборе форм и методов ее регулирования. Есть смысл оглянуться назад, но не просто из интереса к родной истории, а прежде всего потому, что ретроспектива является основанием для прогноза. Еще Белинский заметил: «Мы допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Особый интерес у отечественных и зарубежных историков и экономистов проявляется к периоду пореформенной России, когда страна развивалась по капиталистическому пути. При этом повышенное внимание у исследователей вызывает «этап взлета» (по выражению У. Ростоу) национальной экономики, характеризовавшийся не только высокой динамикой развития, но и структурной перестройкой, первой индустриализацией страны. Происходило это в 90-е годы XIX в., когда министром финансов, творцом экономической политики царского правительства был Сергей Юльевич Витте.

В 1915 г. «Русские ведомости», оценивая его деятельность, сразу после кончины писали: «Целая эпоха нашей фи-

нансовой и экономической истории связана с его именем. Эпоха эта столь богата мероприятиями, что, просматривая перечень их, удивляешься, как могло хватить инициативы и нервной силы одного руководящего человека для осуществления их». ¹ Можно говорить о том, что С. Ю. Витте предложил и во многом успешно реализовал свой путь в преодолении отсталости России, ее модернизации на рельсах рыночной экономики с государством в роли «локомотива». При этом следует отметить, что Витте относится к числу немногих министров финансов (Ж. Кольбер, А. Гамильтон), которые оставили свой след и в экономической науке. В теоретических работах он заявил себя сторонником эволюционного пути, реалистической, или национальной, экономии, требующей учета национального менталитета и других институциональных слагаемых социально-экономических систем.

Яркий след в истории страны оставила не только экономическая деятельность Витте. На его долю, как творца Манифеста 17 октября 1905 г., выпали и глубокие реформы политического строя России, переход к парламентаризму. Имя Витте вошло в историю мировой дипломатии. Разные его инициативы касались культурной, образовательной и других сфер. Не случайно А. С. Суворин говорил о «государственном творчестве» Витте, затрагивавшем многие стороны жизни общества.

Личность С. Ю. Витте сложна и противоречива, результаты его деятельности не однозначны, что во многом связано с особенностями его времени — времени больших перемен в жизни российского общества.

К сожалению, многогранная деятельность Витте-реформатора не получила еще, на наш взгляд, адекватной оценки. Патриот-государственник, видевший смысл жизни в служении России, не был понят и оценен по заслугам, рано отставлен от дел, полузабыт потомками. При довольно широкой известности имени Витте о его творчестве известно далеко не все. В советское время фигура сторонника капиталистического пути развития не могла вызывать симпатий у властей, исследования его деятельности не поощрялись, теоретические труды не переиздавались, архивные материалы были малодоступны для исследователей.

¹ Русские ведомости, 1 марта 1915 г.

В последние годы ситуация стала меняться, появился ряд новых статей и несколько монографий, чего явно недостаточно. К тому же они касаются отдельных сторон его творчества, и можно согласиться с мыслью, «что пока в научной литературе отсутствует исследование, которое бы охватило деятельность Витте во всем многообразии».¹

Следует отметить, что до сих пор исследованием деятельности Витте занимались в основном историки, в то время как многие ее аспекты требуют внимания и экономистов. Это касается углубленного анализа таких вопросов, как экономическая стратегия, налоговая политика, денежная реформа, ведение казенного хозяйства, государственное регулирование и поддержка предпринимательства и др.

Именно эти вопросы стали здесь основным предметом внимания. Впервые с позиций экономиста предпринята попытка представить основные направления деятельности Витте-реформатора в области финансово-бюджетной и денежной кредитной политики, развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства, внешнеэкономических связей, специального образования — всего того, что условно объединяется понятием «система Витте». Для полноты картины, во избежание упрека в «узком экономизме», автор посчитал необходимым рассмотреть позицию С. Ю. Витте в вопросах геополитики, государственного управления и политических преобразований в России, к которым он имел непосредственное отношение.

Осмысление экономической истории России «эпохи» Витте, выявление того особенного в менталитете нации, что определяет своеобразие процессов преобразований в России, на наш взгляд, может быть полезной социо-культурной информацией при уточнении стратегии современных реформ. «Система» Витте привлекает внимание своей эффективностью и может рассматриваться как ценный национальный опыт использования активной роли государства в рыночной экономике. Опыт этот далеко не однозначен и уже поэтому требует серьезного исследования.

¹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю., Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 5.

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВОГО ОПЫТА

Многовековая история России богата бунтами и революциями, сотрясавшими общество до основания, и реформами, проходившими менее заметно, но многое менявшими в стране. Еще сравнительно недавно, в советский период, реформаторский путь развития принципиально недооценивался, реформы рассматривались исключительно как навязываемые народу «сверху», как вынужденные уступки правящего класса, нерешительные, половинчатые и т. п., а революции, названные Марксом «локомотивом истории», — как единственная возможность исполнить вековые чаяния народа, дать ему все блага сразу и бесповоротно. Однако социальная практика советской эпохи XX в. не подтвердила правильности этого пути развития для России.

В настоящее время эволюционный путь развития, разрешения противоречий и преодоления кризиса в России признан в общественном мнении наиболее целесообразным, однако ход реформ не вызывает удовлетворения. Причины следует связывать и со слабостью в научной проработке концепции и стратегии реформ, невостребованностью опыта дореволюционной России, когда экономика страны развивалась по рыночному пути.

Сегодня отечественные общественные науки, которые долго находились под гнетом идеологических догм, вырабатывают новые взгляды и подходы в реформировании, развивается теория эволюционной экономики. Представляется, что наиболее продуктивным может стать широкий системный взгляд на реформы в связи с процессами модернизаций, характерных для разных стран. Анализ мирового и отечествен-

ного опыта позволит выявить общее и специфическое, особенное присущее России, что необходимо учитывать при выработке стратегии реформ.

История реформаторства в дореволюционной России достаточно богата, от Алексея Адашева до Петра Столыпина страна не раз пыталась путем модернизации преодолеть свое отставание от более развитых стран Запада. Все эти попытки не схожи, предпринимались в различных исторических условиях, разными людьми. Тем не менее у всех этих попыток было нечто общее: модернизации осуществлялись по имперской модели «сверху», по инициативе правящей элиты, точнее ее части.

Вопросы истории и специфики российских реформ продолжают оставаться предметом научных дискуссий, которые получили новый импульс сегодня вследствие очередных радикальных преобразований в стране на пороге XXI в.¹

Многие авторы пытаются разобраться в причинах успехов и неудач реформ в России, выявить особенное в развитии народного хозяйства в сравнении с другими странами. При многообразии мнений почти все исследователи отмечают, что в дореволюционной России процесс преобразований не носил непрерывный, последовательный, органичный и заверченный характер, реформы сочетались с контрреформами.

Несмотря на прерывность процессов, следует подчеркнуть общую направленность преобразований на преодоление отставания социально-экономического развития страны от европейских стран, западной цивилизации. При этом в самом российском обществе всегда были сторонники самобытного пути развития страны, шла идейная борьба между «почвенниками» и «западниками». Очевидно, что вопрос о России по отношению к Европе отнюдь не только географический, но и философский и социально-политический. Из многих взглядов на этот вопрос выделяются следующие.

¹ Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. СПб., 1995; Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер Н. Т. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса М., 1996; Реформы в истории России. Волгоград. М., 1995; Реформы в России. 1993; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. СПб., 1998.

— Россия была не Европой, но Петр I сделал ее таковою. Славянофильский подход усматривал излишнюю беду России в искушении Западом, приобщение к которому (пресловутое «окно в Европу») означало конец самобытного пути развития (Аксаковы, Хомяков, Кошелев, Самарин, Катков и др.)

— Россия состоится, если войдет в Европу. Разворачивается масштабная программа похода на «выучку к Западу» (от Полевого, Чаадаева, Столыпина до современных демократов).

— Россия была Европой и должна в нее вернуться. Западническая парадигма (Герцен, Огарев, Грановский, Кавелин и др.) состоит в том, что у начал российской государственности и реформизма западные истоки. Ввиду своей инертности Россия как бы обречена преодолевать отставание, проходя именно те пути, которые уже прошел Запад и которые он преподносит как универсально значимые.

— Россия — полу-Европа, полу-Азия. Чтобы осознать себя русскими, нужно осознать себя евразийцами. Перспективы России — Евразии — прорисовываются в дополнении дела, начатого Петром I; за решительным поворотом к Европе следует произвести столь же решительный поворот к Азии;

— Россия — третья, примиряющая сила между Западом и Востоком, у нее особая миссия в судьбе человечества, «неизбежно царство третьей силы, единственным носителем которой может быть только славянство и русский народ» (Соловьев В. С.).¹

Важнейшая для России в настоящее время дилемма рассматривается часто как традиционное противопоставление «Восток—Запад». Это одна из дихотомий мировой истории, которая была доминирующей по крайней мере до пробуждения Азии. Но с тех пор как Япония и «азиатские тигры», умело используя принципы западной системы, добились значительных успехов в модернизации, это противопоставление стало терять прежний смысл.

Представляется необходимым в этой связи уточнить понятие «модернизация», которая трактуется в научной литера-

¹ Ильин В. В. Реформы в России: социально-политические оценки с позиции мирового опыта // Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. СПб., 1995. С. 10—11.

туре неоднозначно. Модернизация — нечеткий собирательный термин, который относят к разнородным социальным и экономическим процессам. Например, В. Г. Федотова считает, что понятие «модернизация» связано с вызовом Запада, который рассматривается как вызов современности прошлому. Он представлен в идее прогресса, утверждающей в теории то, что уже начало осуществляться на практике, — общей линии развития по пути, предлагаемому лидером.

Понятие прогресса предполагало непрерывное движение к высшему показателю (материальному, научному, гуманитарному), пример достижения которого давал Запад. Не участвовать, не стремиться к прогрессу другие страны не могли, так как это усиливало бы отставание, вольную или невольную зависимость от более развитых государств, неизбежную деградацию. Чтобы избежать этого, «менее счастливые страны» уже с XVI в. начали гонки за лидером.

Разумеется, и без этой гонки этим странам были присущи некоторый собственный темп развития, собственное движение в сторону улучшения их жизни. Но теперь им пришлось, имея пример, изменить свой естественный ритм развития, ускорить его, максимально приблизить к западному. Такая задача требовала переделки своей внутренней природы, традиций, существующих обычаев. Этот процесс национального ускорения, приближения к современному (modern) Западу стал именоваться модернизацией.¹

Аналогично модернизация трактуется в международной энциклопедии общественных наук: «Под модернизацией подразумевается процесс общественных преобразований, в результате которого менее развитые общества приобретают черты более развитых обществ».²

В науке сформировалась теория модернизаций, которая связана с процессами общественных преобразований в разных странах мира.

¹ Федотова В. Г. Свободный выбор и принуждение к свободе // Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. СПб., 1995.

² International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1972. Vol. 10. P. 394.

Представляется, что прежде всего необходим социологический анализ процессов. Известно, что модернизация, проведение реформ в стране порождают изменения в социальной стратификации традиционного общества, в нем возникают пестрая гамма противоречий, социальное напряжение. Инициаторы реформ, внося изменения, апеллируют к тем социальным слоям, которые стоят за изменение существующего порядка вещей.

Социальный конфликт рассматриваемого типа проявляется на различных уровнях неодинаково. Раскол общества на сторонников и противников преобразований носит объективный характер, ибо всегда есть те, кто выигрывает и кто проигрывает. Однако степень осознания современниками причин и значения конфликта может быть весьма различной в соответствии с культурным уровнем, системой ценностей и другим.

В традиционном обществе, каким была Россия в середине XIX в., основная масса населения — безграмотные крестьяне — не обладала способностью осознанного отношения к модернизации, а потому воспринимала ее как нечто чуждое.

Проявление конфликта на среднем уровне, среди дворянской и разночинной интеллигенции, выразилось в расколе и появлении многих идейных течений и организаций: славянофилов, западников, анархистов, народников, социалистов и др. Содержательный анализ политических и правовых взглядов в России во второй половине XIX в. содержится в работе И. А. Исаева и Н. М. Золотухина.¹

Однако кульминацией является проявление конфликта на третьем уровне — внутри сравнительно небольшой социальной группы — правящей элиты. Конечно, здесь конфликт не может рассматриваться совершенно изолированно от конфликта в обществе. В значительной мере он является отражением и выражением этой борьбы. Но для нас важно подчеркнуть специфику борьбы внутри правящей элиты в ходе крупнейших реформ, так как это оказывает непосредственное воздействие на процесс принятия решений, а также на их

¹ Исаев И. А., Золотухин Н. М. История политических и правовых учений России. М., 1995.

проведение в жизнь. Можно сказать, что результат этой борьбы окончательно определяет судьбу реформ. Данное наблюдение особенно верно при изучении механизма власти в государстве Российском, где отсутствовали какие-либо институты социального контроля, способные ограничить власть правительства и влиять на принятие решений.

В центре внимания при этом вполне оправданно оказываются государственный аппарат управления и круг составляющих его лиц — чиновничество, бюрократия, место и значение которых в обществе очень велико, но тщательно скрывается от наблюдения и анализа. Но именно в этой среде находится «модернизирующая элита», перипетии борьбы в правящих кругах находят отражение в прерывности процессов модернизации, сочетании «реформ» и «контрреформ».

Данное сочетание по-разному понимается и трактуется историками. Весьма упрощенно, на наш взгляд, это делается авторами, которые, опираясь на теорию кондратьевских циклов, дают оценку царствований в России на протяжении XIX—начала XX в. в следующем ключе: реформы Александра I; контрреформы Николая I; Великие реформы Александра II 1856—1874 гг.; контрреформы Александра III; реформы Столыпина.¹ Такого рода трактовка не раскрывает внутреннюю неоднозначность и противоречивость социально-политических процессов в стране.

Более обоснованной представляется позиция Т. А. Филипповой, которая отмечает, что если принять масштаб исследовательского взгляда длиною в век, то все XIX столетие в России предстает удивительно целостным феноменом. Общим социально-политическим знаменателем всех царствований является курс на преобразование жизни империи в соответствии с вызовом времени с целью сохранения социальной стабильности и самодержавной государственности. Отсюда и стремление превентивным реформаторством упредить революционный взрыв.

Однако с политико-культурной точки зрения внутреннее членение века выявит серьезные различия, суть которых составит соотношение либерально-консервативных обертонів в

¹ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер Н. Т. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 53.

звучании правительственной политики. Восприятие современников отразит это как представление о прогрессивно-реакционной маятниковости режимов различных царствований.

Все различия между «либеральными» царствованиями Александра I и Александра II и «консервативными» царствованиями Николая I и Александра III проявятся не в стратегической сути, а в тактической форме — в ставке на различные методы консервативной стабильности общества. Причем зачастую на практике задачи консервативной стабилизации лучше достигались либеральными методами реформирования, а либеральные пути обновления и модернизации надежнее осуществлялись, будучи снабженными «предохранительными механизмами консерватизма».¹

В этом свете трудно согласиться с мыслью авторов упомянутой выше книги (Ильин и др.), что «царствованием Александра III, в коронационной речи перед предводителями дворянства 21 мая 1881 г. провозгласившего курс на мир и спокойствие, восстанавливается наиболее косная атмосфера российской государственности, отмечавшая времена единодержавия Николая I». И далее авторы утверждают: «Николай I и Александр III — темнейшие, узколобейшие фигуры на троне».²

Политическая история России второй половины XIX в., воплотившаяся в весьма различных внешне правлениях царя-освободителя Александра II и куда более консервативного царя-миротворца Александра III, отмечена интересным явлением. Правители осознанно предпринимают попытки совместить в своем внутривнутриполитическом курсе либеральные и консервативные характеристики. Александр II держал при себе как либеральных бюрократов (Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн), так и «шуваловскую партию», сторонников консервативной политики. Александр III даже в эпоху так называемых «контрреформ» наряду с ретроградами (Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев) опирается на таких энергичных реформаторов, как Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте.

¹ Филиппова Т. А. Российское реформаторство второй половины XIX века: проблема либерально-консервативного синтеза // Реформы и реформаторство в истории России. М., 1996.

² Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер Н. Т. Реформы и контрреформы в России. С. 54.

Многое в научной дискуссии о путях развития России в XIX в. связано с особенностью трактовки понятия «консерватизм». Одна из них — «склонность к сохранению при способности к улучшению». В таком понимании консерватизм на практике отнюдь не оказывается антиподом либерализму. Консерватор будет защищать значимость конечной цели — охрану стабильности общественного организма, либерал же сделает упор на разработку путей и способов продвижения к этой цели. Все эти обстоятельства весьма осложняли ситуацию: импульсы либеральной модернизации и консервативной стабилизации действовали одновременно, придавая противоречивость и многоплановость функциям государственных деятелей.

Самодержавие стремилось использовать оба метода социальной стабилизации: ускоренное реформаторство усилиями государственного аппарата и сдерживание обновленческих импульсов модернизации с помощью того же аппарата, но другими руками. Модернизацию хотели сделать контролируемой, однако привычные бюрократические методы, «игры» и борьба амбиций затрудняли достижение желаемого результата. В отсутствие правительства в европейском смысле слова (как единой согласованной деятельности официальных институтов) стал необходим синтез политических воззрений.

Трудности этого пути не были чисто российского свойства. Политика Бисмарка в Германии и Наполеона III во Франции, «эпоха Мейдзи» в Японии при всем социально-политическом различии по своей тактике и целям были явлением сходного порядка. Когда в Европе особенно возросла опасность социальных столкновений, перед правящими элитами встала проблема сильного превентивного реформаторства как средства против революций. Тем самым открывалось благодатное поле для совмещения либерально-консервативных приемов в политике. Драмой России стало то, что наметившийся синтез консервативно-стабилизирующего и либерально-реформаторского начал в политике С. Ю. Витте не успел во-время завершиться. Опасность подобного запаздывания была наглядно продемонстрирована уже первой русской революцией.

Запоздалую попытку догнать время царский режим принял используя энергию и одаренность П. А. Столыпина. Этот последний крупный государственный деятель дорево-

люционной России являл собой нечастый в истории пример «консервативного революционера». Свое кредо он определит «как святую обязанность оградить законность». О своей власти он скажет как о «средстве для охранения жизни, спокойствия и порядка».¹ Он торопился, но не успел создать порядок, необходимый для развития самых широких реформ. У Столыпина, как и у Витте, налицо все признаки совмещения либерально-консервативных ценностей, по крайней мере на уровне государственного замысла.

Что же помешало во-время достичь «консервативного обновления» России? Среди причин указывают: замкнутость на институциональное бюрократическое решение проблем, запоздалость социальной программы, подозрительное отношение к общественной инициативе, опору на авторитарные традиции русского прошлого, нарастание репрессивно-полицейских черт в управлении и др.² На наш взгляд, одной из основных причин того, что не удалось осуществить либеральный синтез в политической практике, являлось преобладание утопических идей в головах русской интеллигенции и элиты — от «консервативной романтики» старого порядка до либеральной идеи прорыва в «новый мир», своего рода «прогрессистской агрессии».

Правда, в политической культуре России после революции 1905 г., прежде всего в сборнике «Вехи», появились признаки освобождения от прежних утопий. Избегая правого и левого радикализма, «веховцы» предложили курс, который обладал конструктивностью целеполагания, политической интуицией, идея освоения опыта Запада сочеталась с опорой на собственные традиции. Что касается политической практики, синтез консерватизма и либерализма можно найти в государственной деятельности С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, для которых характерны политическая ответственность, просвещенность, прагматичность, однако, как и авторы «Вех», они, к сожалению, не были услышаны и поняты современниками. Тем не менее в истории модернизации России реформаторы оставили яркий след, который должен быть еще осмыслен и как мировой опыт модернизаций.

¹ *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия... Полн. собр. речей в Госдуме и госсовете. 1906—1911. М., 1991.

² *Медушевский А. Н.* Формирование гражданского общества. Реформы и контрреформы в истории России. М., 1996.

История России знает два варианта реформ, направленных на модернизацию социальных отношений. Первый из них состоит в ускоренном, догоняющем развитии исключительно путем административного регулирования, направленного на быстрое достижение стратегических целей. Среди них ведущие — наращивание военного потенциала как признака мощи державы. Лучшим примером служат реформы Петра I, в короткие сроки создавшего промышленность, образование, армию, флот. Выбору подобного варианта способствует ряд исторически сложившихся предпосылок: слабость общества, авторитет государства, развитый бюрократический тип управления. При таком варианте быстрых результатов государство достигает до предела напрягая общественные ресурсы, полностью перекрывая для этого механизмы социального контроля. Это ведет к отчуждению власти от народа, подавляются демократические начала саморегуляции общества.

Другой вариант модернизации представлен Великими реформами 60-х—70-х годов XIX в., опирающимися на поддержку более широких кругов общества, которым присуще осознание необходимости преобразований. Главной отличительной особенностью данного варианта реформ является то, что они сразу провозгласили коренное социальное переустройство. Ликвидация крепостничества, введение земского и городского самоуправления, реформы образования, суда, печати и др. служили реальным основанием постепенной рационализации и европеизации общественных отношений, создания в перспективе правового демократического государства. Контрреформы Александра III заморозили эти процессы. Индустриализация Витте, которого можно назвать «реформатором в эпоху контрреформ», хотя и обеспечила мощный экономический подъем, но уперлась в политический барьер, проявился неорганический характер модернизации.

История реформ и контрреформ в России показывает, что модернизация есть объективный и комплексный процесс. Наступление контрреформ оказывается пирровой победой в более длительной перспективе. Вместо ожидаемого успокоения общества оно только на время отодвигает разрешение противоречий, порождая тенденцию к социальной дестабилизации и революции. Непродуктивно рассматривать экономическую политику вне связи с общественными политиче-

скими процессами, без социологического анализа расклада сил в обществе. Для условий самодержавной России особого внимания заслуживает правящая элита, без учета этого фактора трудно понять диалектику «реформ» и «контрреформ».

Думается, что вопросы реформации и модернизации пореформенной России представляют не только академический интерес для историков. Подтверждением тому являются мысли одного из реформаторов постсоветской эпохи Е. Гайдара, который пишет: «Россия оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизации. Есть два возможных ответа на европейский вызов. Первый: попытаться перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом „своим путем“; опереться на силу Московского государства, хорошо прищипорить покорное общество, выжать из него как можно больше ресурсов, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания...» Другая стратегия: изменить само устройство социально-экономической системы, попытаться снять многовековые наслоения, перейти с «восточного» на «западный» путь, пусть не сразу, постепенно, но взрастить подобные европейским институты на российской почве и, опираясь на них, создать мощные стимулы к саморазвитию, предпринимательству, интенсивному экономическому росту. Но это неизбежно означает «укоротить государство».¹

Такого рода постановка вопроса представляется оправданной, вторая стратегия, конечно, предпочтительнее, однако на практике политика правительства Гайдара не соответствовала рецепту идеолога. Стремительное «бегство» государства из экономики, приверженность жесткому монетаризму были не демонстрацией постепенности, эволюционного реформаторства, а скорее проявлением своего рода большевизма, стремлением «немедленно и сразу» осуществить рыночные преобразования, и как следствие, провал и дискредитация либеральных реформ. Представляется, что в этом плане теоретику Гайдару явно следовало бы для начала изучить опыт прагматика Витте.

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. СПб., 1997. С. 55—56.

ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

2.1. Общество, государство и экономическая политика

Глубокий политический кризис, разразившийся в России в середине XIX в., стимулировал мыслящую часть российского общества на поиски путей модернизации страны. В царствование Александра II наступает «эра либерализации». Это была наиболее грандиозная попытка привлечь общество к активному участию в жизни страны, хотя и без предоставления ему возможности играть роль в делах политических. Конец 50-х—начало 60-х годов стали временем редкостного единодушия, когда интеллигенция объединялась, чтобы помочь правительству осуществить на практике проведение программы грандиозных реформ.

Проведенные в 60—70-е годы царским правительством реформы не без оснований принято считать Великими: ведь они охватили все важнейшие сферы жизни общества — социально-экономическую, культурно-образовательную, административно-управленческую. За Манифестом 19 февраля 1861 г., отменившим крепостную зависимость крестьян, последовали земская (1864 г.) и городская (1870 г.) реформы, судебная и образовательная (1864 г.), реформы печати (1865 г.) и военная (1874 г.), которые заметно продвинули страну в сторону Запада. Наиболее значительной по последствиям стала реформа 1861 г., принципиально изменившая правовое и экономическое положение двух основных сословий общества — крестьян и дворянства, а значит, десятков миллионов людей на громадной территории с величайшим разнообразием региональных, культурных и национальных особенностей. Это открывало путь к созданию основ гражданского общества, а в перспективе давало мощный импульс развитию демократии.

Однако издание Манифеста 19 февраля не принесло с собой ни успокоения, ни оптимистических настроений и надежд на будущее, напротив, в обществе увеличились и разочарование, и напряженность.¹ Это было вызвано в первую очередь всеобщей духовной атмосферой, которая являлась прямым следствием распространения революционного образа мышления.

В «Истории русской революции» Л. Кульчицкий пишет: «Настроение в России между 1857 и 1870 годами во многом напоминает то, что происходило во Франции перед революцией, хотя там и были некоторые специфические особенности... Тогдашнее поколение было обуреваемо неограниченной верой в прогресс и в человеческое счастье; ведь они сами выросли и вышли из тумана реакции и незнания, приняли участие в прекрасном триумфальном шествии науки и в разрушении вековых институтов. Таких, как, например, крепостное право. Тогда люди были полностью убеждены, что Россия — это белый лист, на котором можно записать все, что диктует наука и социология».²

Эти настроения преобладали в кругах интеллигенции, которая твердо верила в начало новой эпохи, пришедшей после смерти Николая, в победу над реакцией. Мышление этих кругов в известном смысле было совершенно не политическим. Казалось неважным, кто собственно откроет эту эпоху свободы и прогресса, кто поведет Россию по пути реформ и освобождения. Пусть это будет даже самодержец. Герцен первоначально считал, скорее, благоприятным то обстоятельство, что в России существует абсолютная монархия; возлагая надежды на Александра II, он прямо обращался к царю с советами в выходившем в Лондоне журнале «Колокол». Интересно, что даже социалист Чернышевский писал в «Современнике»: «Благословение, обещанное миротворцам и милостивым, увенчает и Александра II счастьем так, как еще не был увенчан ни один монарх в Европе, ибо большое счастье самому начать и провести в жизнь освобождение своих подданных».³ Но поскольку такое доверие к монарху не основывалось на прочих политических принципах, носило чисто

¹ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 182.

² Кульчицкий Л. История русской революции. М., 1910. Т. II, С. 292.

³ Леонтович В. В. История либерализма в России. С. 185.

эмоциональный характер, то оно и исчезло так же быстро, как и появилось.

Антикрепостническая реформа далась Александру нелегко, в результате нескольких лет напряженной борьбы и противодействия в правящем классе, и тем не менее она вызвала разочарование и размежевание в обществе. О единодушной поддержке интеллигенции пришлось забыть.

Первая брешь образовалась после опубликования условий освобождения крестьян. Радикальное крыло во главе с Чернышевским, не учитывая переходный характер мер, было разочаровано тем, что земледелец получил лишь половину обрабатываемой им земли, да еще должен был за нее расплачиваться, и объявило всю затею с освобождением крестьян бессовестным надувательством. Последовавшие в начале 60-х годов студенческие волнения вкупе с Польским восстанием 1863 г. привели к расколу общества на два крыла — консервативное и радикальное, «между которыми притулились немногочисленные сторонники либерального подхода», — отмечает Р. Пайпс.¹

Радикалы и консерваторы не могли ни о чем договориться, единственное, что их объединяло, — общая неприязнь к рассудительным прагматическим деятелям центра, проводившим реформы.

Постижение духовного состояния российского общества 60—70-х годов позволяет во многом понять особенности процесса модернизации в России и политику властей. Как уже отмечалось, в головах российской интеллигенции, игравшей особую роль в обществе, преобладали утопические идеи, следствием которых, в частности, были нигилизм и политический радикализм. Политический радикализм проявлялся в росте списка требований к правительству, к уже выдвинутым требованиям присоединялись новые, которые вообще нельзя было удовлетворить в тогдашних условиях. Мирный путь реформ, исходящих от правительства, радикалы начали отвергать, предлагая революционную акцию как единственное действенное средство. То особое опьянение, которое легко связывается с идеей революционной борьбы, охватило сознание интеллектуальных кругов. Русская интеллигенция, лишенная какого-либо политического опыта, не сумела устоять

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 351.

против искушения достичь желаемой цели насильственным разрушением существующего порядка. Писарев призывал молодежь крушить и направо и налево, лупить по учреждениям и обычаям в предположении, что если какие-то из них рухнут, то и сохранять их не стоило. Таким образом, своим революционным подходом интеллигенция закрыла себе путь к участию в подготовке и проведении в жизнь реформ.

Противоположная радикальной, консервативная политическая тенденция питалась одновременно из нескольких источников, одними из важных были славянофильство и романтизм. Славянофильство, появившееся в 40-е годы как неформальная альтернатива уваровской идеологии, тяготело к идеям панславизма и патриархальной утопии, включало неприятие буржуазного общества, оппозицию самодержавию и бюрократии в пользу общинной модели, увенчанной земским собором. П. Б. Струве так обрисовал идеологическую драму славянофильства: сначала, в эпоху своего расцвета, славянофильство — это течение «только гонимая или еле терпимая казенщиной романтика с широким размахом мысли». Затем, в эпоху декаданса, эта романтика была обращена на «казенные надобности и дух ее вышел». Славянофильство 80-х годов у Каткова, например, стало узким направлением практической мысли, препятствием на пути модернизации России. Особенностью позднего консервативного романтизма стало компромиссное принятие существующей системы, критика данного порядка, если и позволялась, то только справа. Катков и компания стремились наделить идеальными чертами именно существующий порядок вещей, причем во времени идея была устремлена, скорее, к прошлому, чем к будущему.

К какому же лагерю принадлежали представители либеральной бюрократии, которые разрабатывали и осуществляли реформы Александра II? Очевидно, что к консервативному, но у них преобладало чувство ответственности, реализма и понимания необходимости упреждающих мер, способных предотвратить крах системы. В то же время в деятельности реформаторов-либералов П. А. Валуева, Д. А. Милютина, М. Х. Рейтерна и других было немало противоречивого, как и в самой ситуации в стране.

Так, долгое пребывание Д. А. Милютина на посту военного министра во многом предопределило энергичное реформирование армии, благодаря чему она достигла европей-

ского уровня. Одновременно внутривластная жизнь, определявшаяся курсом шефа жандармов П. А. Шувалова, характеризовалась нарастанием полицейских, бюрократических свойств. Но из лагеря сторонников Милютина всерьез обвиняли консервативного Шувалова. В чем же? В «конституционных мечтаниях». А поводом были весьма скромные предложения шефа жандармов ввести ограниченные представительные начала в обсуждение хозяйственных вопросов в Государственном совете.

Либеральные бюрократы открыто заявляли, что именно они истинная опора самодержавия и в отличие от «аристократической фронды» не заинтересованы в его ограничении. Ведь именно императорская власть легализировала процесс либеральных реформ. Шувалов же в свою очередь упрекал Милютина и его сторонников в излишней жесткости позиции по отношению к восставшим полякам, в имперском курсе на русификацию окраин и в другом.

Государство и общественное управление

Реформы Александра II затронули многие стороны русской жизни, однако, несмотря на их размах, практически не изменили сути самодержавного правления. В дальнейших преобразованиях нуждалась прежде всего система управления страной, причем в комплексе, на всех уровнях.

В России в отличие от Европы не было как конституции, так и объединенного правительства. Созданный Александром II в 1857 г. Совет министров выполнял, скорее, декоративную функцию. Реформы, проведенные в 60—70-е годы, способствовали формированию начал гражданского общества, но необходимо было создать политическую надстройку европейского типа. Александр II не решился или не успел сделать этого, хотя попытка изменить систему управления страной предпринималась.

Земская и городская реформы дали импульс внедрению демократических начал в управление. Как подчеркивает В. Леонтович, в основу деятельности органов земского самоуправления легла не идея децентрализации государственного суверенитета, или, иными словами, разделения властей, а концепция, резко противопоставлявшая общество и государ-

ство. Из этой концепции вытекало, что вмешательство государства в общественную сферу представляет собой весьма нездоровое явление. Считали естественным, что те проблемы, которые возникают в жизни общества, и решаться должны силами общества, а не бюрократией. Вопрос о роли государства в жизни общества, таким образом, выходил на первый план.

Во влиятельной тогда газете «Московские ведомости» М. Н. Катков писал: «Жизнь наша полна была гнилых плодов и злоупотреблений. Причиной тому был, конечно, не излишек самостоятельного развития различных жизненных сил, а, наоборот, подавление их всех одной-единственной. Наука? — Не было науки, на ее месте была бюрократия. Право частной собственности? — Его не было, на месте его господствовала бюрократия. Закон и суд? — Суда не было, на месте его была бюрократия. Даже церковь была бюрократизирована. Бюрократия имеет свою сферу, в которой она, бесспорно, может действовать, принося большую пользу. Но там, где она становится на место других сил, она не создает ничего, кроме призраков и вредных явлений».¹

Б. Н. Чичерин также считал необходимым расширение самостоятельной сферы деятельности общественных сил. По его мнению, «вмешательство государства нужно только там, где частная и общественная деятельность оказываются недостаточными».² Недостатки бюрократической гипертрофии эпохи отмечал и министр внутренних дел П. А. Валуев: «... везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания».³

Гнет государства, его ведущая роль в жизни общества и бюрократические традиции имели вековые корни, что было связано с драматическими особенностями исторического развития страны, расположенной между Западом и Востоком. Если в культурном отношении превалировало влияние Запада, то экономические и политические структуры в значительной мере могут быть отнесены к разряду восточных обществ. Как писал Н. А. Бердяев, «интересы создания, поддержания огромного государства занимают исключительное и подавля-

¹ Цит. по: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. С. 311.

² *Чичерин Б. Н.* Вопросы политики. М., 1904. С. 87.

³ *Валуев П. А.* Записки // Русская старина. 1891. Май. С. 357.

ющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни... Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непоносимые требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность... выковалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия, и она превратилась в самодовлеющее, отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни».¹

То, что бюрократическая гипертрофия, подавлявшая живые силы общества, препятствовавшая развитию инициативы и предприимчивости граждан, превратилась в серьезное препятствие для экономического и социального развития страны, было осмыслено правящей элитой. Очевидные потребности модернизации системы управления заставили правительство искать пути устранения препятствий. В конце 70-х годов у императора обсуждаются «Конституционные записки» П. А. Валуева.

В начале января 1881 г. газета «Земство» писала: «Во всеуслышание стала высказываться мысль о необходимости крупных реформ, о предоставлении обществу более широкого участия в государственном управлении, о своевременности венчания здания». Правда, по заявлению нового министра внутренних дел М. Г. Лорис-Меликова, осуществление мечтательных иллюзий печати о привлечении общества к участию в законодательстве и управлении «в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних земских соборов не входит в ближайшую правительственную программу». Тем не менее эти идеи все более распространялись, в обществе крепла надежда, что «за упорядочиванием управления местного и весь государственный строй подвергнется преобразованиям».²

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад, в котором были изложены идеи дальнейшего преобразования политического строя России. Этот доклад, одобренный царем, не имел строго конституционного ха-

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1991. С. 14.

² Цит. по: Реформы в истории России. Волгоград, 1955. С. 6.

рактера, но в обществе был воспринят именно в этом смысле. Правительство явно готовилось вступить на путь дальнейшего развития реформ, хотя либерал Лорис-Меликов и боялся открыто заявить о новом курсе. В тиши канцелярий готовился новый важный законопроект.

1 марта 1881 г. он был одобрен императором, но в тот же день Александр II погиб от взрыва бомбы террористов. Так руками крайних радикалов был прерван процесс, который, вероятно, привел бы к установлению конституционной монархии в России. В итоге же страна получила Манифест Александра III «О незыблемости самодержавия» от 29 апреля 1881 г.

Массированная контратака на реформизм началась практически сразу после убийства царя именно с вопросов государственного управления. На заседании 8 марта 1881 г. ближайший советник Александра III К. П. Победоносцев решительно отменил любую европейскую реформу: «В России хотят ввести конституцию и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституция, так существующая, есть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг... И эту фальшь, по иноземному образцу для нас непригодную, хотят к нашему несчастью, к нашей гибели ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем».¹

Наступает время контрреформ. В основе противоречий лежит вопрос о том, какой путь развития экономики и социальных отношений перспективнее: свободное развитие частной инициативы, предпринимательства и конкуренции или продолжение регулирования со стороны административного аппарата. Реформы 60—70-х годов открыли путь свободному предпринимательству, однако в 80-е годы контроль государства заметно усилился, что означало возвращение к дореформенной практике в новых условиях. Таким образом, реформы Александра II, явившиеся самыми радикальными преобразованиями за всю историю императорской России, сменились весьма продолжительным периодом контрреформ, был оста-

¹ Цит. по: Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер Н. Т. Реформы и контрреформы в России. С. 54.

новлен процесс демократических преобразований. Несомненно, роковую роль сыграл консерватизм дворянства, политического строя и правящей элиты, но немалую лепту внесли и радикалы-революционеры.

Изложенное дает представление об общей политической картине в России в пореформенный период, на фоне которой необходимо рассматривать и экономическую политику правительства.

Роль государства и экономическая политика

Исследованию социально-экономического развития России во второй половине XIX—начале XX в. посвящено огромное число работ отечественных и зарубежных авторов. Несмотря на наличие многих взглядов и концепций, общим является признание особой, выдающейся роли государства в процессе развития крупной капиталистической промышленности. Деятельность С. Ю. Витте, вся его «система» тесно связаны с реализацией этой роли и не могут быть рассмотрены изолированно, вне общих процессов, без учета деятельности его предшественников на посту министра финансов.

В России XIX в. исключительными представителями государственных интересов были самодержавие и его орган — царское правительство. Все притязания дворянства и буржуазии на непосредственное (например, парламентское) участие в управлении страной пресекались вплоть до революции 1905 г. Но и после создания Думы положение реально не изменилось. Политика правительства и прежде всего ее цели определялись государственными интересами, которые не были тождественны национальным, народным интересам. Возможность и право определять общегосударственные интересы давали правительству известную свободу действий в постановке задач и выборе методов реализации экономической и социальной политики.

К числу общегосударственных интересов, безусловно, относились обеспечение стабильности политической системы, поддержка нормального функционирования государственного организма, сохранение государственного суверенитета и международных позиций. Необходимость решения этих задач существенно влияла на определение курса внутренней,

особенно торгово-промышленной, политики царского правительства.

Использование понятия «политика» требует уточнения. Понятия «политика» (правительственная политика) и торгово-промышленная политика, в частности, как отмечает Л. Е. Шепелев, сложны и нередко трактуются различно. Предложенное им определение: «Под политикой имеются в виду, как цели, так и меры (средства) их достижения».¹ Вместе с тем автор подчеркивает, что избранное средство не всегда приводит к желаемой цели, в чем и заключаются трудности осуществления политики.

В узком смысле торгово-промышленная политика правительства — это государственная деятельность, имевшая специальной задачей оказать воздействие на развитие отраслей народного хозяйства. Деятельность эта зависела от многих факторов, как объективных, так и субъективных (в частности, от взглядов царя и министров, результатов межведомственной борьбы и т. п.). Поэтому для выяснения действительно верной картины экономического развития необходимо проследить историю этой политики на возможно более длительном отрезке времени, что, естественно, усложняет исследовательскую задачу.

Вопросы выработки целей и выбора средств экономической политики решались рядом правительственных учреждений царской России. В 1802 г. в структуре созданной министерской системы было образовано Министерство финансов, функции которого на протяжении XIX в. неоднократно уточнялись. Изначально главной задачей Министерства было заведование всеми источниками государственных доходов, но ему были подчинены также горное дело и внешняя торговля. В 1819 г. в ведение Министерства были переданы промышленность и торговля, которые прежде относились к Министерству внутренних дел.

Для предварительного обсуждения вопросов финансовой политики в 1806 г. был образован особый, действовавший негласно, Комитет финансов из числа лиц, специально назначаемых царем. Официальный статус Комитет получил лишь в 1906 г.

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во II половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 9.

В 1857 г. в целях объединения деятельности министерств был образован Совет Министров, который должен был время от времени собираться под началом царя для обсуждения наиболее важных вопросов государственного управления, однако этот орган существенной роли не играл, Александр II и его наследники предпочитали решать вопросы напрямую, путем личных докладов министров. Как подчеркивает Л. Е. Шепелев, важная особенность правительственного аппарата в России заключалась в том, что деятельность ведомства, ответственного за выработку и реализацию торгово-промышленной политики, не была согласована с деятельностью других ведомств. Точную характеристику особенностей функционирования правительственного механизма дал министр внутренних дел П. А. Валуев. В своем дневнике в 1869 г. он записал: «Органически действующего правительства в точном смысле слова у нас нет. Ни внешней солидарности, ни внутреннего согласия между разными правительственными частями не существует: идея единства сосредоточена исключительно в лице самодержца. Но правительственная деятельность есть деятельность непрерывная, между тем как верховная доля этой деятельности, принадлежащая самодержцу, может проявляться только отрывочно».¹ Валуев отмечает, что в России политическая судьба одного министра совершенно не зависела от политических судеб других министров. Их «солидарность невозможна при существенном различии коренных взглядов, руководящих начал и преследуемых целей». Причем это различие направлений министров проявляется «весьма нередко с каким-то особым цинизмом... Некоторые из них прямо указывают на самодержавное начало как патент, узаконивающий их междоусобицу. Самодержавная власть, со своей стороны, находит в разладе между министрами некоторое обеспечение своей всецелости и неприкосновенности».² Валуев метко назвал систему организации правительства «министерской олигархией».

В этих условиях вопрос осуществления торгово-промышленной политики стал зависеть в 60-х годах от того, будет ли заведование промышленностью и торговлей сосредоточено в Министерстве финансов и тем самым подчинено

¹ Дневник П. А. Валуева — министра внутренних дел. М., 1961. С. 338.

² Там же. С. 339.

интересам государственных финансов (с ведущей функцией риска) или оно будет выделено в самостоятельное министерство, где этим отраслям уготовано главное и самостоятельное значение. Этот вопрос обсуждался исходя из того, что к тому времени уже было создано Министерство путей сообщения, а еще ранее, в 1837 г., Министерство государственных имуществ. При этом имелось в виду, что торгово-промышленное ведомство должно быть организовано на иных, чем прочие ведомства, началах, поскольку чиновно-бюрократические методы руководства признавались в этом случае совершенно непригодными. В тот период результатом межведомственных баталий стало сохранение Департамента торговли и промышленности в составе Министерства финансов, однако вопрос о выделении поднимался позже не раз, вплоть до 1905 г., когда он был, наконец, решен положительно.

Очень многое в решении подобных вопросов в тех условиях зависело от личностного фактора — фигуры министра. Как правило, министры финансов назначались для реализации конкретной программы. В 1881 г. М. Т. Лорис-Меликов писал, что направление ведомств зависит преимущественно от лиц, стоящих во главе их. Естественно, что в бюрократической сфере и в обществе ко всем назначениям министров относились с большим вниманием.

Однако сами министры находились под влиянием извне и внутри ведомства, многое в их деятельности зависело от нижестоящего чиновничества, и прежде всего директоров департаментов. Последние нередко представляли основную идейную силу в министерствах, обладая специальными знаниями и достаточным влиянием. На уровне практической реализации политики немаловажная роль принадлежала и начальникам отделений, которых один из опытных чиновников характеризовал как «столпов министерского управления». К сожалению, внутренний механизм функционирования «бюрократической машины» министерств почти не исследован.

Цели экономической политики

В отечественной литературе советского периода при характеристике пореформенного периода истории широко использовалась ленинская фраза: «В течение этого периода сле-

ды крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху».¹ Это положение нередко распространялось и на экономическую политику царского правительства. Развитие экономики вообще и промышленности в частности было непосредственной желательной целью этой политики, а капитализм был вынужденным средством достижения этой цели и платой за это. Ф. Энгельс писал, что «русскому государству... приходится в интересах риска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности».² Это отнюдь не было каким-нибудь искусственным приемом, но точно отражало понимание правительством задач политики, а сами термины «капитализм» и «капиталистический» вообще долго не употреблялись. По данным Л. Е. Шепелева, впервые выражение «капиталистический строй» промышленности к России стало употребляться в официальных документах лишь с 1890-х годов.³

Капитализм как буржуазный общественный строй (в широком понимании) не мог быть непосредственной целью царского правительства по классовым соображениям (поскольку политически оно опиралось на дворян-помещиков) и не был такой целью в действительности. Капиталистическая система хозяйства — вот то единственное, что принималось правительственной политикой в качестве полезного элемента — средства достижения развития крупной промышленности в России. При этом предполагалось, что политика правительства призвана не допустить появления таких негативных явлений капитализма, как экономические кризисы, спекуляции, конфликты между трудом и капиталом и т. п., или смягчить их.

Итак, «насаждение капитализма сверху» было не целью торгово-промышленной политики правительства, а ее средством и органическим следствием, причем во многих отношениях нежелательным для самодержавия. Энгельс считал, что царское правительство вообще не вполне отдавало себе отчет в неизбежных последствиях развития капиталистической промышленности. «Я убежден, — писал он в 1892 г., — что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 452.

³ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия... С. 19.

консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день потрясены последствиями своих собственных дел».¹ Говоря о политике «насаждения», Энгельс утверждал, что после 1861 г. «буржуазия, особенно промышленную», стали буквально выращивать посредством щедрой государственной помощи, субсидий, премий и покровительственных пошлин».²

Правительство вынуждено было содействовать процессу формирования элементов нового общественного класса потому, что иначе невозможно решить задачу создания в стране крупной капиталистической промышленности. Но оно все же постоянно препятствовало классовой консолидации буржуазии, видя в ней лишь сословие. Вместе с тем по мере развития промышленности и торговли царизм оказывается во все большей экономической зависимости от нового класса.

Поскольку интересы буржуазии во многом расходились с интересами господствовавшего класса дворян-помещиков, то возникла необходимость для политического лавирования правительства, что неизбежно сказывалось и на торгово-промышленной политике.

Вследствие незрелости буржуазии основным носителем программы индустриальных преобразований экономики становится государство, а не ее представители, как на Западе, организаторами реализации — бюрократия, методы же проведения — неизбежно более или менее принудительные.

В условиях России политика насаждения промышленности во второй половине XIX в. не была чем-то новым, а опиралась на традиции петровской эпохи. Уже тогда использовались силы не только предпринимателей, но и государства. На средства казны строились мануфактуры, правда в основном связанные с нуждами армии и флота. Государственное предпринимательство, казенные заводы имели тогда уже вековую историю.

Насаждение, однако, не подменяло фактического развития промышленности, а лишь ускоряло его. Это отметил Ф. Энгельс в 1892 г.: «Тепличная атмосфера в области промышленности убыстряет процесс, который в противном случае мог бы носить более затяжной характер. Она втискивает в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 38. С. 401.

² Там же. Т. 22. С. 261.

какие-нибудь двадцать лет процесс, который бы при других условиях занял шестьдесят лет или более. Но это не влияет на саму природу этого процесса».¹

Осуществляя политику насаждения промышленности, государство лишь удовлетворяло объективно назревшие нужды страны в железнодорожном транспорте, военной технике, оборудовании для промышленности и др. Такая деятельность совпадала с процессами развития товарного хозяйства, торговли, промышленности, происходившими стихийно, снизу.

К началу 60-х годов Россия оставалась аграрной страной, однако в ней существовало громадное число мелких, преимущественно крестьянских и ремесленных заведений, предприятий мануфактурного типа и, наконец, довольно много преимущественно небольших фабрично-заводских предприятий. По подсчетам Ленина, их в стране действовало тогда 5,8 тыс. с числом рабочих 272,4 тыс. (т. е. средней численностью до 50 человек).²

По данным А. В. Погожева, из числа фабрично-заводских предприятий, существовавших к концу XIX в., 15 % возникли до 1861 г., причем для Петербурга это превысило 21 %, а для Москвы — 18 %, из чего можно сделать вывод, что эти города и в конце 50-х годов лидировали в стране. Фабрики и заводы работали в основном на зарубежном оборудовании, но имели слабую энерговооруженность, паровые двигатели были не везде. Главными отраслями промышленности были текстильная, особенно хлопчатобумажная, и пищевая. Машиностроение, по сути, только зарождалось.

Тяжелая промышленность, созданная в XVIII в., еще не получила нового импульса развития, промышленная революция в Европе не дошла до России. Основные металлургические предприятия находились на Урале, были примитивно организованы. Бытовые железные изделия почти не находили спроса среди громадного сельского населения. Заботу о военных нуждах брали на себя казенные предприятия. Появились новые железные дороги, к 1862 г. было открыто для движения 1954 версты железнодорожных путей и строились еще 1117 верст.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 38. С. 398.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 603.

Невысокому уровню экономического развития соответствовали условия предпринимательской деятельности. Архаичность и неполнота были свойственны и промышленному законодательству. Правила фабрично-заводских учреждений существовали только для Петербурга, выдача разрешений исходила здесь от губернатора. Во всех других губерниях разрешение на открытие промышленных заведений выдавали местные власти, которые должны были лишь ставить в известность Министерство финансов.

К тому времени уже действовали акционерные компании, но число их было невелико. Препятствием к их созданию был закон 1836 г., которым предусматривалась разрешительная система учреждения их, что ставило процесс образования компании в полную зависимость от усмотрения властей. Имевшиеся законы нередко заменялись министерскими распоряжениями. Применительно к промышленности и торговле Министерство финансов могло административным путем не только дополнять законодательство, но и способствовать более льготному применению его норм. Это давало в руки чиновников внешнее средство воздействия на частное предпринимательство. Деятельность иностранных компаний особо не регламентировалась. Тогда уже в России имели предприятия Нобели, Сименсы, Кноп и другие, но иностранный капитал еще не нашел дороги в страну.

В дореформенной России, по сути, не было важных элементов рыночной инфраструктуры. Отдельные банки, биржи, страховые компании хотя и существовали, но не выполняли тех функций, которые им свойственны в западных странах, вся финансово-кредитная сфера находилась «под колпаком» у Министерства финансов.

Главным стимулом экономической политики царского правительства было развитие производительных сил на основе капиталистического способа производства. Капиталистические отношения зрели тогда и внутри страны и вне — на Западе. Поскольку Россия не могла отгородиться от экономического влияния капиталистических стран, ушедших далеко вперед по пути индустриализации, более того, сама претендовала на положение великой державы, то влияние этих стран, их опыт имели значение важного фактора капиталистической эволюции страны. Чтобы сохранить политический режим в стране и международное влияние, правительство должно бы-

ло идти на буржуазные, по существу дела, реформы. Альтернативы не было. В научной литературе убедительно показано, что отставание России в области промышленного развития ставило ее, как страну аграрную, в невыгодные условия в экономических отношениях со странами Западной Европы и создавало опасность, что она будет отодвинута во второй ряд мировых держав.

В конечном итоге использование опыта и помощи передовых стран Запада способствовало более быстрому прохождению Россией пути промышленного развития. То, что заняло в некоторых из этих стран около двух столетий, Россия прошла за пять десятилетий.

2.2. Предшественники С. Ю. Витте на посту министра финансов (М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский)

Экономическая политика царского правительства во многом определялась той личностью, которая возглавляла Министерство финансов — главное экономическое ведомство России. В пореформенный период этот пост занимали государственные деятели разного калибра, однако такие предшественники Витте, как М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, оставили наиболее заметный след в экономической истории страны, их не без основания нередко относят к числу реформаторов. Анализ их взглядов и политики представляется весьма важным для понимания деятельности С. Ю. Витте.

Михаилу Христофоровичу Рейтерну довелось возглавлять Министерство финансов в 1862—1878 гг. в период осуществления Великих реформ Александра II. Выходец из дворянского рода обрусевших немцев, выпускник Царскосельского лицея начинал карьеру в кредитной канцелярии Министерства финансов, затем служил в Министерстве юстиции и Морском ведомстве, которые возглавлял тогда великий князь Константин Николаевич — активный сторонник реформ. В 50-х годах Рейтерн был командирован на три года за границу, где изучал «финансовый строй» Пруссии, Франции, Англии, США. Не случайно, что позже в полити-

ке министра финансов Рейтерна была сделана ставка на частное предпринимательство и ориентация на опыт Запада, тем более что он действовал в эпоху Александра II, которая ожидала многого от частной инициативы. Ко времени вступления Рейтерна в должность в 1862 г. основные направления экономической политики были определены при А. М. Княжевиче в программной записке ведомства 1860 г., но Рейтерн считал, что установки ее должны быть дополнены и расширены. Прежде всего предстояло укрепить позиции Министерства, добившись изменения установившихся отношений между Минфином и другими ведомствами. До того ежегодные сметы всех ведомств составлялись с большим опозданием, а вопросы финансирования этих ведомств решались помимо Минфина, непосредственно с императором. Влияние Министерства финансов, по сути, было ничтожно, что являлось и следствием ведомственной разобщенности. Рейтерну пришлось выдержать нелегкую борьбу; только через два года, осенью 1865 г., последовало повеление царя, учитывающее пожелания Рейтерна, а перелом был достигнут лишь в конце следующего года.

В 1862—1863 гг. Министерство финансов предприняло попытку восстановить курс рубля и установить его размен на золото, но она потерпела полный провал. Эта неудача убедила Рейтерна, что денежное обращение зависит прежде всего от состояния экономики в целом, и, таким образом, еще более привлекла внимание к проблемам торгово-промышленного развития.

В первый период министерства М. Х. Рейтерна (до 1866 г.) внимание финансового ведомства было сосредоточено также на вопросах привлечения иностранного капитала, железнодорожного строительства, промышленного и торгового законодательства, налогообложения и др.

Очевидно, что действия Рейтерна по реорганизации сметно-бюджетной части и его стремление ограничить расходы ведомств обострили его отношения с коллегами-министрами, а неудача денежной реформы скомпрометировала его как финансиста. При неясности перспектив экономической политики, тяжелом финансовом и экономическом положении страны усилились критика и прямые нападки на Рейтерна, что побудило его даже подать прошение об отставке. Однако Александр II не принял ее.

Перелом в настроениях и укрепление позиций Рейтерна произошли лишь после подготовки им обстоятельной программы экономической политики правительства в октябре 1866 г. Пристальное внимание было уделено государственным финансам, необходимы были их оздоровление, ликвидация бюджетного дефицита.

Важнейшее место в программной записке 1866 г. было отведено созданию в стране железнодорожной сети. Но специально образованная комиссия во главе с К. В. Чевкиным решительно склонилась к тому, чтобы сооружение железных дорог велось не на государственные, а на частные средства, но при поддержке и под контролем государства, на основе концессий.

К середине 1865 г. в России было отстроено 3,5 тыс. верст железных дорог, находилось в стадии строительства около тысячи верст. Комиссия считала необходимым сооружение еще 5 тыс. верст в течение не более чем 10 лет. При этом высказывалось убеждение, что нельзя ограничиваться одним лишь выжиданием создания железнодорожных компаний, но следует через непосредственные частные сношения с капиталистами, как русскими, так и иностранными, привлекать их к участию в деле, с которым стало тесно связано будущее империи. Это был явный упрек в адрес министра финансов, и Рейтерн его воспринял, заняв более активную позицию. По предложению министра, ввиду особого значения и больших размеров требуемых средств в 1865—1867 гг. был выделен особый железнодорожный фонд. Для его пополнения Рейтерн предложил перейти к «постепенному отчуждению» дорог, принадлежавших казне, т. е. их приватизации.

Принятый курс на частное железнодорожное строительство вызвал настоящую горячку, бум, который продолжался с 1867 г. до середины 1870-х годов. За это время было построено 17,7 тыс. верст путей, т. е. в 3,5 раза больше первоначальных планов.

Отечественная промышленность оказалась неспособной удовлетворить резко возросшую потребность в рельсах, подвижном составе и оборудовании дорог, пришлось увеличить импорт, что значительно ухудшило внешнеторговый баланс страны. В этих условиях Министерству финансов пришлось принимать срочные меры для развития соответствующих отраслей промышленности, в основном на юге России, в част-

ности в Донбассе. Тогда получила распространение практика гарантированных казенных заказов частным предприятиям как существенная мера экономической политики. Именно на таких заказах смог подняться, например, завод А. И. Путилова в Петербурге и другие.

Расстроенное денежное обращение, недостаток национальных капиталов заставляли Рейтерна изыскивать дополнительные стимулы для развития промышленности и привлекать иностранные капиталы. Необходимость последнего не ставилась никем под сомнение, кроме славянофилов. Биографы Рейтерна отмечают, что «целью, к которой он неуклонно стремился, было привлечение в страну, столь бедную капиталами и промышленной инициативой, как Россия, иностранных капиталов и предпринимателей».¹ Впервые при Рейтерне эта проблема обсуждалась в 1863 г. в связи с проектом учреждения Англо-Русского банка. Пришлось решать ряд вопросов правового характера, так как до того деятельность иностранных капиталов и компаний в России особо никак не регламентировалась. Однако, по сути, никаких препятствий не возникло, так как правительство было крайне заинтересовано в притоке иностранных инвестиций. Рейтерн позже указывал на 1866 г., когда он предложил свою экономическую программу, как на поворотный момент. Именно притоком иностранного капитала объяснял он «поразительный успех сооружения железных дорог, разных других предприятий и самой промышленности и торговли... Для достижения этой во всех отношениях важнейшей цели приняты были искусственные меры привлечения к нам и, так сказать, закрепления у нас иностранных капиталов». По мнению Рейтерна, «успех этих мер в финансовом отношении был полным».²

Важным фактором, определявшим общие условия деятельности в стране как отечественных, так и иностранных предпринимателей, было таможенное покровительство. Рейтерн отмечал, что «изменение двух-трех тарифных статей легко может остановить целые отрасли фабричной промышленности и не только разорить фабрикантов, но совершенно

¹ Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. С приложениями посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910.

² Там же. С. 140.

изменить условия жизни в обширных краях».¹ Рейтерн начинал деятельность при тарифе 1857 г., который носил охранительный характер (некий средний между фритредерским и протекционистским). Сначала он признавал его обоснованность, но в мае 1867 г. в докладе Александру II Рейтерн поставил вопрос о необходимости принятия нового «как в видах возможного усиления таможенного дохода, так и в видах облегчения правильной торговли». Правда, в докладе признавалось, что при современном развитии нашей мануфактурной промышленности, требующей еще довольно значительного покровительства, таможенный доход не может быть доведен в России до той высоты, которой он достиг в большей части европейских государств, где внутренняя промышленность получила уже полное, самостоятельное развитие.

При сохранении общего охранительного направления новый таможенный тариф 1868 г. допускал привоз многих весьма важных для промышленности материалов — отчасти беспошлинно (хлопок, каменный уголь, некоторые машины), отчасти с уплатой незначительной пошлины (чугун, сталь). Льготы были установлены в основном для поощрения машиностроения. За последующее десятилетие таможенный доход страны почти удвоился — с 41 до 80 млн рублей, что было существенно для казны. Экономисты того времени разошлись в оценке тарифа 1868 г., одни считали, что он устранил «искусственные меры покровительства» промышленности, другие, наоборот, — что это привело к такому понижению пошлин на предметы иностранного производства, которое подрывало российскую промышленность. Как считает Л. Е. Шепелев, справедливость последнего определения вряд ли может быть оспорена, оно дает ключ к пониманию многих особенностей политики Рейтерна. Тариф 1868 г. привел к «прямому преобладанию привоза над вывозом».²

С особым вниманием М. Х. Рейтерн отнесся к проблеме организации частного кредита. Вслед за европейскими учеными он рассматривал его как главный рычаг для подъема производительных сил страны. Созданный в 1861 г. Государственный банк, хотя он и предназначался «для оживления

¹ Там же. С. 121.

² Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия... С. 115.

торговых оборотов», полностью не решал проблему кредитов для промышленности и торговли. К тому же и первоначально предполагалось, что Государственный банк станет центром системы кредитных учреждений, основной частью которой будут частные коммерческие банки. Хотя в 50-е годы в России возникло 13 проектов банков на иностранных и русских капиталах, но они не устраивали Минфин как недостаточно солидные и доступные надзору.

Первым частным учреждением коммерческого кредита стало возникшее в 1863 г. Петербургское общество взаимного кредита. В следующем 1864 г. при участии правительства был учрежден первый акционерный банк — Петербургский частный коммерческий — с капиталом 5 млн руб. Затем в 1866 г. второй — Московский купеческий с таким же капиталом, два банка возникли в 1868 г., три в 1869 г., шесть в 1870 г., десять в 1871 г. Из них пять действовали в Петербурге, пять — в Москве. Рейтерн отмечал, что публика, привыкшая доверять казенным банковским учреждениям, с доверием отнеслась и к вновь созданным частным предприятиям. Однако выработка банковского законодательства затянулась, и лишь в 1870 г. в Государственном совете впервые рассматривалось Положение об акционерных компаниях.

Немало усилий приложил М. Х. Рейтерн к учредительству акционерных компаний для перехода по опыту Европы к явочной системе их регистрации, но когда законопроект был уже готов, он не поддержал его. Причиной стал биржевой кризис 1873 г., поразивший все крупные капиталистические страны и вызвавший поворот в воззрениях, сомнения в принципах акционерного законодательства. «Опыт последних лет привел меня к убеждению, что такой закон был бы у нас несвоевременным», — разъяснял Рейтерн в «Финансовом духовном завещании».¹

Среди других важных мероприятий в политике Рейтерна необходимо отметить изменение промышленного законодательства и налогообложения, а также поддержку предпринимательства, создание совещательных организаций. Наиболее заметным событием в этом плане был созыв трех общероссийских торгово-промышленных съездов.

Первый съезд состоялся в мае—июне 1870 г. в Петербурге одновременно с Всероссийской мануфактурной выставкой.

¹ Куломзин А. И., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн... С. 156.

Съезд был созван по инициативе Русского технического общества, он проходил под руководством представителей правительства, которые заняли либеральную позицию. Чиновник Министерства финансов А. фон Бушен декларировал тогда: «Я полагаю, что первое и главное условие для развития всякой промышленности — есть свобода». Представитель Министерства государственных имуществ В. И. Вишняков утверждал: «...с падением системы полицейского государства и провозглашением начала свободы промышленности последняя почувствовала потребность в самопознании, в уяснении самой себе своих нужд. Свобода труда, свобода промышленности сделалась девизом современного промышленного прогресса».¹

И созыв съездов, и позиция представителей правительства стали результатом усилий Рейтерна по развитию предпринимательских начал в экономике, были связаны с борьбой его за удержание в своем министерстве заведования промышленностью и торговлей для привлечения промышленников к сотрудничеству с правительством. На втором съезде 1872 г. в Москве Рейтерн заявил, что «купечество может быть уверено, что, доколе он будет министром финансов, ни одна мера, касающаяся промышленности, не спадет на нее как снег на голову».² Именно в то время возникли различные совещательные организации промышленников, контакт с которыми позволял Министерству финансов учитывать мнение предпринимателей в проведении экономической политики.

Интересны записки Рейтерна Александру II 1876—1877 гг., в которых он подводил некоторые итоги реализации программы 1866 г. за 10 лет. В одной из них он писал, что «частный кредит, устройство путей сообщения и развитие механических производств представлялись главными основаниями такого экономического развития России, которое могло бы не только уврачевать недуги и необходимости, вызванные крестьянской реформой, но улучшить настолько общественное благосостояние, чтобы возрастание государственных доходов устранило хронические дефициты».³ Действительно, М. Х. Рейтерну удалось на время добиться оздоровления фи-

¹ Торгово-промышленные съезды в России. СПб., 1896. С. 9.

² Там же. С. 27.

³ Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн... С. 163.

нансов, к 1 января 1878 г. свободная наличность государственного казначейства составляла 40,5 млн руб. В отчете государственного контролера за 1875 г. отмечалось по этому поводу: «Едва ли в других государствах Европы министр финансов вступал в новый год с таким блистательным состоянием государственной казны».¹

К середине 70-х годов Рейтерн считал, что вплотную приблизился к осуществлению сокровенной цели — денежной реформе. Металлический фонд казначейства, возросший за 1867—1874 гг. в три раза, позволял надеяться на успех. Но эти надежды не сбылись. В этот столь радужный для Рейтерна период обнаружились «перекосы» его экономической системы. Особенно сильно они проявились в железнодорожном строительстве, развитие которого, казалось, составляло главную задачу министра финансов. Концессионная лихорадка выродилась в спекулятивное грюндерство, сопровождавшееся массовым расхищением государственных средств и коррупцией. Полная свобода и бесконтрольность предпринимателей в строительстве и эксплуатации дорог стали предпосылкой для злоупотреблений. Подобная ситуация складывалась и в банковском секторе.

С середины 1876 г. реализация программы Рейтерна была осложнена, а частью вообще прервана экономическим кризисом. Затем война с Турцией 1877—1878 гг., решительным противником которой он был, практически разрушила многие из его достижений, в частности возродился бюджетный дефицит, стал быстро расти государственный долг, курс рубля упал как никогда низко.

Крушение надежд на экономическое возрождение Рейтерн воспринял как личную драму. Его здоровье пошатнулось, и в июле 1878 г. он подал в отставку. Его сменил С. А. Грейг. Передавая дела, Рейтерн вручил ему «Финансовое духовное завещание», написанное еще в 1877 г. В нем он намечал курс экономической политики на будущее, предлагал не форсировать более промышленное, железнодорожное и банковское учредительство, а закреплять и упрочивать уже достигнутое. Он писал, что впредь «следует избегать всего того, что могло бы вновь развить лихорадочное возбуждение промышленных и биржевых предприятий», но

¹ Там же. С. 50.

«следует приложить все старания к поддержанию уже существующих, если они представляют задатки солидного развития и находятся только во временном затруднении».¹ По сути, это было утверждение нового подхода к поддержке частных предприятий, носившего не общий, а селективный, избирательный характер со стороны правительства. Этот подход был позже взят на вооружение С. Ю. Витте. «Завещание» свидетельствовало об отходе Рейтерна от старых фритредерских воззрений. К тому времени уже многие европейские правительства окончательно расстались с либеральной экономической концепцией. Идея протекционизма все увереннее пробивала себе дорогу.

Уход Рейтерна был обставлен почетно. После перерыва, в 1881 г., уже Александр III предложил ему должность Председателя Комитета министров, которую он успешно исполнял ряд лет, демонстрируя приверженность традициям Великих реформ.

По характеристике современников, Рейтерн-реформатор отличался предельной осторожностью, предпочитал постепенное движение к цели. Он избегал коренных преобразований, сосредоточившись на чисто экономических мерах, старался обходить злободневные социальные проблемы и не любил вмешиваться в дела других ведомств.

Как министр финансов, несмотря на ряд достижений, в итоге он потерпел поражение, и дело не только в русско-турецкой войне, вызвавшей финансовый крах. Несостоятельной оказалась сама концепция экономической политики. Подобно другим либералам, он ждал обновления России от пробуждения частной инициативы. Правда, стимулирование предпринимательства было связано с тем, что государство не располагало достаточными средствами для модернизации страны. Перенос центра тяжести финансирования промышленности на частный сектор был непродуманным и рискованным шагом, правительство, перенимая опыт Запада, явно не учло специфику страны, слабость отечественной буржуазии, узость внутреннего рынка и др. Экономический бум, вызванный железнодорожными концессиями, льготными дотациями казны, сопровождался грюндерством и различными махинациями. В результате уже в середине 70-х годов начался посте-

¹ Там же. С. 160.

пенный отход к тотальному государственному регулированию экономики.

Оценивая деятельность М. Х. Рейтерна в целом, можно привести слова Н. Х. Бунге, что «он был одним из тех, кто стал деятельным сторонником новой внутренней политики в царствование императора Александра II, которая ожидала всего от частной инициативы».

После отставки М. Х. Рейтерна в 1878 г. пост министра финансов занимали С. А. Грейг (1878—1880) и А. А. Абаза (1880—1881). Этот период экономической политики правительства можно характеризовать как бесцветный. Адмирал Грейг оценивается историками на посту министра как человек случайный, некомпетентный и вместе с тем очень самонадеянный. А. А. Абаза, хотя и был сторонником реформ, однако не смог овладеть экономической ситуацией, которая была исключительно трудной.

Николай Христианович Бунге, занявший пост управляющего Министерством финансов в мае 1881 г., характеризуется как одна из интереснейших политических фигур в России XIX столетия. Он был известным ученым-экономистом, опытным практиком-финансистом, талантливым публицистом, и уже на склоне лет судьба вознесла его на самую вершину бюрократической пирамиды (в 58 лет, в том же возрасте, когда Рейтерн ушел в отставку).

Убежденный либерал-западник, он тем не менее признавал самобытность российской государственности. По его мнению, «русский народ, по свойствам своего характера мало способный к систематической постоянной мелкой повседневной борьбе и усилиям, может в минуты подъема духа делать под руководством единой твердой власти такие шаги и успехи, которые граничат с чудесами».¹

Бунге считал самодержавную форму правления наиболее соответствующей историко-географическим условиям страны и особенностям национального духа. Он верил в способность монархии к решению назревших политических и экономических задач. Эта вера окрепла в период Великих реформ. Бунге полагал, что только политика преобразования, проводимая «верховой властью», только забота монарха о подданных позволят России избежать революции.

¹ Цит. по: *Картавцев В. Е.* Николай Христианович Бунге. Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 11.

Вместе с тем Бунге выступал за европеизацию самодержавия, его идеалом было правление, основанное на законности, гласности и самостоятельности местных выборных органов по английскому образцу. Но он сдержанно относился к системе парламентаризма, считая ее преждевременной для России, по крайней мере до тех пор, пока самодержавие не исчерпало своих реформаторских потенций.

Еще в период Великих реформ Бунге предлагал обширную программу либеральных преобразований. Она носила комплексный характер и охватывала многие сферы экономической жизни. Приоритетное место в ней занимали вопросы социальной политики, касавшиеся правового и материального положения рабочих и крестьян. Он стоял за превращение крестьян в собственников-землевладельцев, а для решения проблемы малоземелья рекомендовал организовать массовое переселение крестьян в Сибирь и на окраины. Он писал, что «размещение сельского населения, более сообразное с экономическими условиями страны, составляет такую насущную потребность, удовлетворение которой не может быть отсрочено на целые полстолетия и даже более до окончания выкупной операции».¹

Для решения рабочего вопроса Бунге предлагал на европейский манер приступить к разработке фабрично-заводского законодательства об охране труда, разрешить создание рабочих организаций и допустить участие рабочих в прибылях предприятий и др. Цель этих мер «заключается в достижении рабочим сословием нравственной самостоятельности среди таких общественных отношений, которые не только ограждали бы каждого члена от случайных бедствий, но устраняли бы рознь и борьбу интересов, с одной стороны, между капиталом и трудом, а с другой — между самими рабочими».

Большое внимание в программе Бунге уделялось проблеме соотношения частного предпринимательства и государственного участия в экономике. Первоначально он отстаивал фритредерские взгляды, однако постепенно стал отходить от них, для него становилось все более очевидным, что отсталость России, ее тяжелое экономическое положение, узость внутреннего рынка и плохие средства сообщения делали не-

¹ Бунге Н. Х. Полицейское право. Введение в государственное благоустройство. Киев, 1869. С. 199.

возможной реализацию принципов свободы торговли. Неудача Рейтерна, делавшего ставку в своей политике на предпринимательские силы, наглядно убедила Бунге в целесообразности активного государственного воздействия на ход экономического развития. Он признал за протекционизмом «историческое значение» и отметил необходимость обеспечить некоторые отрасли отечественной промышленности достаточным таможенным покровительством. Однако Бунге все же и позже оставался сторонником частной инициативы, он видел в ней главный двигатель общественного прогресса и ограничивал государственное вмешательство определенными пределами.¹

Приход Бунге на пост министра финансов произошел в период, крайне неблагоприятный для экономики. Победоносная война с Турцией, потребовавшая колоссальных расходов, поставила страну на грань финансовой катастрофы. Бюджетные дефициты превосходили все ожидания. Государственный долг достиг астрономических сумм в 6 млрд рублей. Широкомасштабная эмиссия для оплаты военных затрат вызвала резкое падение курса рубля. В то же время произошел и мировой аграрный кризис, снижение цен на хлеб нанесло тяжелый удар по сельскому хозяйству России.

Внутриполитическая ситуация в стране, террор «Народной воли» и убийство Александра II усугубляли кризисную ситуацию, начался отход от реформаторского курса «царя-освободителя».

Александр III при назначении Бунге выразил надежду, что тот «положит начало новой финансовой эре». В лице Бунге, который «известен как даровитый писатель и профессор, как безукоризненно честный человек», — отмечал в дневнике А. А. Половцов, — Петербург приобретает теперь видное подкрепление личному составу правительства». ²

К назначению В. Х. Бунге в обществе отнеслись с воодушевлением. «На Бунге были обращены все взгляды, от него ждали нового слова, новой жизни — и этим положение министра делалось еще ответственнее, при едином неверном шаге или даже при единой не зависящей от него неудаче это самое общественное мнение могло из хвалящего превратиться в ху-

¹ Степанов Л. В. Николай Христианович Бунге // Российские реформаторы (XIX—XX в.). М., 1995. С. 193.

² Там же. С. 196.

лящее».¹ Поэтому Бунге принял должность с неохотой, сознавая всю трудность своей задачи. Он дал согласие только по настоянию императора.

Бунге возглавил Министерство, когда сторонники консервативного курса стали брать верх, их идеолог — редактор «Московских ведомостей» М. И. Катков проповедовал создание «интернациональной» российской экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами, выступал за всестороннее усиление государственного вмешательства в развитие народного хозяйства, введение винной и табачной монополии, выкуп в казну частных железных дорог, ужесточение контроля за биржевыми операциями и др.; ему вторила петербургская газета «Гражданин», издававшаяся князем В. П. Мещерским. В правительстве их союзниками стали К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой, и все же Бунге был полон решимости продолжать реформы.

Новый министр финансов был совершенно нетипичен для сановного Петербурга. Многие не верили, что этот невзрачный профессор долго продержится на своем посту, слухи о скором уходе Бунге возникли сразу же и не прекращались все годы министерства. Сам он ясно понимал всю зыбкость своего положения. На следующий день после назначения он сказал знакомым: «Калоши и зонтик мои в порядке — я готов уйти отсюда в каждую минуту».

В то же время он сумел проводить принципиальную политику, и успеху его инициатив способствовала поддержка большинства Государственного совета. Благодаря существовавшей практике назначать членами Совета людей, уволенных с высших постов, в нем постепенно осели многие либеральные бюрократы: А. А. Абаза, Д. А. Милютин, М. Т. Лорис-Меликов, М. С. Каханов и др. Особенно важна для Бунге была поддержка А. А. Абазы, занявшего пост председателя Департамента государственной экономии, и М. Х. Рейтерна, председателя Комитета министров. Бунге удалось преодолеть оппозицию внутри Министерства финансов после того, как он пригласил на работу энергичных и близких по взглядам людей, видных экономистов — Д. И. Пихно, О. А. Ольгина, Ю. Г. Жуковского, А. А. Рихтера, В. И. Ковалевского. По

¹ Ковалько П. Л. Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки. Киев, 1901. С. 9.

степени компетентности и интеллектуальному потенциалу «команда» Бунге не знала равных среди чиновников других ведомств.

Министр поставил перед чиновниками новые задачи. «Бунге был первым министром финансов, — писал В. И. Ковалевский, — исходившим из твердого и ясного сознания, что «узкий финансизм» — исключительная забота о государственных финансах — должен быть заменен «экономизмом» — широкой экономической политикой, направленной к развитию народного труда и производительных сил страны, и что хотя бы только удовлетворительного финансового положения государства нельзя достигнуть при бедности, несправедливости и темноте массы населения».¹ Поэтому важное место в деятельности Министерства отводилось крестьянскому вопросу и податному делу.

Невзирая на сопротивление консерваторов, Бунге удалось провести ряд важных законопроектов: в декабре 1881 г. были понижены выкупные платежи, а в 1882—1886 гг. отменены соляной налог и подушная подать. Это уменьшило налоговое бремя крестьянства, но и доходы государственного бюджета заметно, почти на 100 млн рублей, сократились. Пришлось привлечь к платежам другие сословия, были увеличены гербовый сбор, налог на городскую недвижимость и государственный поземельный налог, установлен налог с наследства и на доходы с денежных капиталов и др. Бунге рассматривал эти меры как подготовительный этап для введения подоходного налога как в европейских странах. Однако эти меры по обложению «имущих слоев» не смогли дать быстрого эффекта и возместить потери казны. Вообще благотворные результаты налоговых реформ Бунге сказались только при его преемниках.

Для компенсации потерь, вопреки своим прежним намерениям, министр вынужден был пойти на увеличение косвенного обложения. В 80-е годы заметно возросли питейный сбор, акцизы на сахар и табак. Тяжесть косвенных налогов легла на плечи крестьянства, что во многом свело на нет социальное значение податных преобразований.

Бунге прилагал огромные усилия для поддержания бюджетной экономики, он был принципиальным сторонником

¹ Воспоминания В. И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 28.

миролюбивой политики Александра III, постоянно повторяя, что русские финансы не выдержат очередной войны. Однако уже в 1885 г. вследствие англо-русского конфликта в Средней Азии военные расходы резко возросли. В итоге Бунге так и не смог избавиться от бюджетных дефицитов. Хотя они уже не достигали такой величины, как после турецкой кампании, но тем не менее продолжали оставаться хроническими.

В условиях финансового кризиса Министерство сосредоточилось на урегулировании денежного обращения. За основу был взят план Рейтерна второй половины 70-х годов. С 1881 г. осуществлялось изъятие из обращения кредитных билетов временного выпуска. Весной 1883 г. Государственный совет рассмотрел представление Бунге о допущении использования золотой и серебряной монеты в сделках между частными лицами. Подобная мера безуспешно предлагалась Рейтерном еще в 1877 г., и на сей раз Совет большинством голосов отклонил проект из опасения утечки драгоценного металла за границу. Однако Бунге не отказался от усилий по подготовке денежной реформы.

Для активизации торгового баланса Бунге проводил политику поощрения экспорта, особенно хлеба. Одновременно с 1882 г. были повышены таможенные ставки на ввоз многих сырьевых продуктов и промышленных изделий. Тем самым финансовое ведомство осуществляло переход к протекционной системе. В итоге России удалось обеспечить небольшое, но устойчивое положительное внешнеторговое сальдо.

Однако процесс финансового оздоровления экономики протекал с большими трудностями, изъятие из обращения кредитных билетов при неразвитости в России безналичных расчетов привело к стеснению внутреннего земельного рынка. Колебания курса рубля заставили Бунге отказаться в 1884 г. от повышения ценности земельной единицы и взять курс на ее девальвацию. Была осознана и обреченность попыток стабилизировать рубль на традиционной серебряной основе, и выдвинута задача перехода к золотому монометаллизму. Это отражало глобальный процесс обесценения серебра и установления на мировом рынке монополии золота. Для реализации задачи потребовалось значительное увеличение золотого запаса страны.

В августе 1884 г. Бунге распорядился приступить к накоплению золота на текущем счету Казначейства в Государст-

венном банке. Согласно новому уставу 1885 г. была принята проба серебра и золота по образцу большинства европейских стран. К середине 80-х годов в Министерстве финансов сложилась целостная концепция денежной реформы.

В поле зрения финансового ведомства постоянно находился земельный вопрос. В 1882 г. был образован Крестьянский банк, в задачу которого входило с помощью субсидий облегчить крестьянам приобретение земли в собственность. Бунге относился к банку как к любимому детищу и возлагал на него большие надежды. В ходе податных реформ министр финансов получил в 1885 г. согласие на отмену круговой поруки и пересмотр паспортного устава. К этой работе приступили особые комиссии, но дело надолго застопорилось. Круговая порука в деревне была отменена лишь в 1903 г. благодаря усилиям С. Ю. Витте. Для преодоления земельного «голода» Бунге не раз ставил вопрос об основании крестьянских переселений на окраинах страны.

В 1885 г. был учрежден Дворянский банк для льготного кредитования «оскудевшего» поместного дворянства. Бунге, не отрицая значения дворянства, возражал против финансовой помощи землевладельцам за счет других сословий, и его согласие было компромиссом, на который он пошел по требованию Александра III. Следует заметить, что Министерство финансов предлагало тогда проект о всесословном государственном земельном банке, но этот проект не прошел.

Н. Х. Бунге стал инициатором первых актов фабрично-заводского законодательства. В 1882 и 1885 гг. после Морозовской стачки были приняты законы, определявшие условия труда женщин и подростков, для контроля вводилась фабричная инспекция. В 1886 г. утверждена регламентация порядка найма и увольнения рабочих, выдачи зарплаты, наложения штрафов и др. Примером служило рабочее законодательство О. Бисмарка 80-х годов. «России не менее, чем Германии, нужно бороться с разрушительными стремлениями революционной партии, — писал Бунге Александру III, — но, чтобы отстоять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народное и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк».¹ По мнению М. И. Ту-

¹ Записка Н. Х. Бунге Александру III о состоянии бюджета России // Исторический архив. 1960. № 2. С. 143.

ган-Барановского, «Бунге явился в полном смысле слова новатором, осознавшим чрезвычайно важную роль социальной политики, которой совершенно не знала прежняя Россия».¹

Министерство финансов при Бунге не могло оставить без внимания и железнодорожное хозяйство страны, которое представляло собой настоящую «язву» экономики. Дотации частным обществам опустошили казну, льготные субсидии развращали предпринимателей, на дорогах царили хаос и разноречивой в системе тарифов, рентабельность дорог была низкой. Министерство ограничило выдачу ссуд частным обществам, усилило контроль за использованием казенных средств, комиссия графа Э. Т. Баранова, разрабатывала общий Устав дорог, к работе в которой, как специалист, был привлечен и С. Ю. Витте.

При Бунге начался процесс огосударствления железных дорог. По этому пути тогда уже шли Германия и некоторые другие страны. В 1881—1886 гг. у частных владельцев было выкуплено 1,3 тыс. верст дорог, возобновилось казенное их строительство. Это была еще одна мера, которая свидетельствовала о переходе к политике протекционизма, хотя в то время еще умеренного.

Бунге по-прежнему связывал будущее российской экономики с ростом частной инициативы. В 1882 г. он внес предложение в Госсовет пересмотреть ограничительный закон 1872 г. и вновь разрешить повсеместное учреждение коммерческих банков. Он писал, что «везде, где развивалось банковское дело на сколько-нибудь правильных началах, страна сбрасывала с себя зависимость от иностранных капиталов, ее денежный рынок становился источником для покрытия внутренних займов и для выполнения больших общепользных предприятий».² Госсовет для рассмотрения предложения согласился создать комиссию.

Деятельность Министерства финансов во многом шла вразрез с экономическими воззрениями консерваторов. Их не устраивали совершенно недостаточное повышение таможенных пошлин, слишком медленный процесс огосударствления железных дорог, незначительность льгот, дарованных помещикам уставом Дворянского банка, и особенно курс на

¹ Туган-Барановский М. И. Витте и Бунге как министры финансов // Северные записки. 1915. № 3. С. 147.

² Цит. по: Степанов Л. В. Николай Христианович Бунге... С. 205.

введение золотой валюты. С осени 1885 г. Катков и Мещерский на страницах своих изданий начали особенно яростную кампанию против либеральной главы финансового ведомства. Poleмика в печати по экономическим вопросам достигла небывалой остроты. Все общество, писал Ковалько, разделилось на два лагеря: «лагерь благоговейных поклонников Н. Х. Бунге и противоположный — озлобленных его врагов».¹ Катков поклялся «свергнуть» Бунге, на министра посыпались обвинения в незнании нужд народного хозяйства, в слепом следовании западным доктринам. Все меры, принятые Бунге, представляли как главную причину экономических бедствий России.

«Антибунговская кампания» встретила полную поддержку у Победоносцева и Толстого. Последний, являясь министром внутренних дел, не постеснялся провокационно заявить, что через несколько лет по вине министра финансов «мы дойдем до пугачевщины». Однако Александр III по-прежнему благоволил к Бунге и не хотел отдавать его «на расправу» Каткову, поэтому консерваторы не решались прямо требовать отставки министра финансов. Под влиянием тяжелого финансового положения страны и обрушившейся на него критики к концу 1885 г. Бунге «как бы выдохся», устал, его представление о будущем экономики страны приобрело пессимистический оттенок.

В дневнике Половцова (запись за 30 декабря 1885 г.) говорится, что при рассмотрении в Государственном совете бюджета Бунге он «пришел к такому заключению, что положение и экономическое, и финансовое скверно, а улучшения ожидать неоткуда. В воздухе чувствовалось, что от Бунге пахнет мертвецом, что катковская клика поколебала его положение».²

Бунге не удалось осуществить многое из задуманного, некоторые из реформ остались лишь в стадии первичной подготовки, в частности денежная реформа и введение подоходного налога. Формально победа осталась за Катковым, в самом конце 1886 г. Бунге вынужден был уйти в отставку. Особого внимания при этом ему оказано не было, но отставка не

¹ Ковалько П. Л. Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге... С. 9.

² Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1986. Т. 1. С. 372.

стала опалой. По рекомендации Рейтерна Бунге был назначен его преемником и оставался на посту председателя Комитета Министров до своей кончины в июле 1895 г.

Влияние Бунге было существенно шире того, какое следовало непосредственно из его деятельности как министра финансов. Не меньшее значение имело его воздействие как личности и как специалиста на преемников — И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте.

Иван Алексеевич Вышнеградский вступил в управление Министерством финансов с начала 1887 г. С. Ю. Витте полагал, что кандидатура Вышнеградского возникла как следствие войны Каткова против Бунге: Катков «должен был выставить какого-либо своего кандидата. Вот он и выставил Вышнеградского».¹ По свидетельству же Тернера, «в катковских сферах распространялось мнение, что во главе Министерства финансов нужно не бюрократа и не профессора-теоретика, а практического дельца, как на такового указывали на Вышнеградского». Последний пользовался репутацией «очень ловкого и умного дельца».² Ходили слухи, что Вышнеградский пополнил свое состояние и за счет неблагоприятных биржевых операций, но Александр III убедился, что состояние Вышнеградского нажито им за счет значительного содержания, которое он получил, находясь долго во главе крупных железнодорожных и других промышленных предприятий. Вопросы этического плана возникали на фоне безупречной репутации Бунге.

Выдвижение Вышнеградского в правительственных сферах было встречено враждебно. Как отмечает Половцов, с назначением министром он не получил «расположения высших административных кругов».³ Причинами были как его прежняя предпринимательская деятельность, так и связи с Катковым. Следует отметить, что Вышнеградский имел известность и как выдающийся ученый в области механики и машиностроения, автор ряда капитальных исследований, профессор Технологического института в Петербурге. Одновременно с тем он, как умелый управляющий, принимал участие в руководстве ряда акционерных компаний, в частности был вице-председателем Общества Юго-Западных железных дорог, где

¹ Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 1, С. 279.

² Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. СПб., 1911. Т. 2. С. 168.

³ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 413.

работал и Витте. Очевидно, что для поста министра финансов важна была не его научная подготовка, а лишь опыт управляющего и биржевика.

Витте, в судьбе которого Вышнеградский сыграл заметную роль, однако, дал ему в «Воспоминаниях» такую оценку: «...вообще Вышнеградский был человек очень умный; где бы ему ни приходилось быть, говорил всегда очень умно. Но человек он был довольно мелочный, и его всегда более интересовали мелкие вещи, нежели крупные».¹ В проведении избранной линии политики он проявлял большую твердость, умело используя в своих интересах внешние обстоятельства. По воспоминаниям В. И. Ковалевского, Вышнеградский «отличался исключительной трудоспособностью, в работе не щадил себя, что и подорвало его силы», он, как министр финансов, сумел «хорошо дисциплинировать и крепко спаять это ведомство».² Так как Вышнеградский своим назначением «был до известной степени обязан Каткову», то, по выражению Витте, относился к последнему «очень бережно», вынужден был считаться с его мнением.

Новому министру было рекомендовано сразу же очистить Министерство финансов от всех неблагонадежных чиновников-либералов, но требование было выполнено лишь отчасти. По его рекомендации в Министерстве появлялись и новые лица, в частности в 1889 г. С. Ю. Витте — на должности директора Департамента железнодорожных дел. Вскоре смерть Каткова вовсе освободила Вышнеградского от обязательств, хотя и до этого, судя по воспоминаниям Тернера, влияние Каткова не было значительным. По мере того как стала выясняться независимость программы Вышнеградского в ряде пунктов и ее преемственность политики Бунге, отношение к нему в правительственных сферах стало меняться.

Основы программы Вышнеградского были изложены в записке к Александру III от 21 декабря 1888 г. Начиналась записка с заявления о том, что «деятельность нашей финансовой администрации в ближайшем будущем должна быть направлена главнейшим образом к устранению из нашего бюджета тяготеющего над ним дефицита».³ Из идей Каткова в

¹ *Vumte* С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 222.

² Воспоминания В. И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2, С. 152.

³ Там же. С. 153.

программу вошли усиление протекционизма и введение винной и табачной монополии государства. Об изменениях в денежном обращении в записке ничего не говорилось, но практически началась подготовка денежной реформы на основе золотого рубля, что противоречило взглядам Каткова.

Намечалась и поддержка отечественных и иностранных предпринимателей, но для последних предполагался более строгий контроль. Уже в 1887 г. были приняты первые правовые ограничения для иностранных капиталистов, главным образом в области владения землей. К октябрю 1888 г. относится высказывание Вышнеградского в прояснение роли иностранного капитала: «При слабом развитии у нас частной предприимчивости и нерешительности, с которой отечественные капиталисты приступают к новым, не укоренившимся еще и потому сопряженным с неизбежным риском и не обещающим верного получения прибылей предприятиям, привлечение к нам иностранных капиталов представляется одним из необходимых условий для развития отечественной промышленности... За сим нельзя не признать, что ограничение доступа к нам иностранных капиталов будет содействовать лишь большому ввозу к нам иностранных товаров, которые население в силу необходимости и было бы вынуждено покупать, уплачивая иностранцам помимо издержек по производству еще и разные накладные расходы».¹

Что касалось таможенного покровительства, то Вышнеградский пришел к заключению, что оно будет эффективным лишь при условии поощрительного отношения к иностранным инвестициям в российскую промышленность.

По наблюдениям В. И. Ковалевского, Вышнеградский: «вкладывал всю свою энергию и душу в обширный замысел — создать национальную промышленность, освободить наш рынок от ввоза иностранных изделий, и прежде всего от произведений германской индустрии, и вместе с тем исправить наш торговый и расчетный баланс».²

Вышнеградский был совершенно глух к социальным проблемам, был противником рабочего законодательства Н. Х. Бунге, характеризуя его как «сентиментальность, никуда не годную для промышленности, наносящую вред ее раз-

¹ Там же. С. 155.

² Там же. С. 156.

витию».¹ Половцов сообщает, что «хотя Вышнеградский признавал земледелие основой богатства России, но для его поддержки он считал достаточным устройства Дворянского банка и политики платежей земельным банкам».²

Вообще к вопросам земледелия министр относился с безразличием, вступая в беспощадную борьбу с аграриями во всех тех случаях, когда из их уст делались выпады против его любимого детища — общего таможенного тарифа. Однако, по заключению Шванебаха, для Вышнеградского протекционизм стоял «на втором плане, а на первом была забота о балансе и ресурсах фиска. Его идеал был доведенный до минимума ввоз с возможно крупным таможенным доходом, и этого он добился тарифом 1891 года».³

Целеустремленность и одержимость министра финансов позволили добиться главной цели. Бюджет на 1891 г. не только не предусматривал дефицита, но даже обещал избыток поступлений. По случаю успеха председатель Департамента государственной экономии А. А. Абаза устроил обед в честь министра финансов. «Все поздравляли Вышнеградского за бокалом шампанского с достигнутым восстановлением нашего финансового положения, все были в самом приятном настроении духа, все собеседники находились под впечатлением, что это начало новой эры финансового благополучия, — вспоминал Тернер. — А между тем... суждено было случиться прямо противоположному. С этого момента, по крайней мере в судьбе Вышнеградского, начался поворот в обратную сторону: одно за другим последовали неурожай, болезнь Вышнеградского, оставление им министерства и его кончина».⁴

Экономическая политика страны, в который аграрный сектор занимал ведущее положение, не могла зависеть от природно-климатического фактора. Засухи, неурожай и прежде случались нередко, однако трагедия начала 1890-х годов превзошла по масштабам все прежние. Засуха 1891 и 1892 гг. сильно ударила по стране, серьезно пострадали 29 из 97 губерний. От голода и сопутствовавшей холеры умерло

¹ Дневник В. П. Безобразова // Русская старина. 1913. № 3. С. 273.

² Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 354.

³ Шванебах П. К. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 19.

⁴ Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. Т. 2, С. 178.

500 тыс. человек. В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте содержатся яркие впечатления о его поездке в 1892 г. по Волге на холерную эпидемию. Вышнеградский тогда занял жесткую позицию; несмотря на голод, экспорт хлеба ради получения золота не был снижен. Тогда произошло обнищание многих крестьянских хозяйств.

Политика протекционизма в интересах национальной промышленности при Вышнеградском получила развитие вследствие обострения многолетней борьбы за увеличение таможенной охраны в 80-х годах. Сторонники этого направления политики выступали в прессе, на съездах промышленников, в биржевых комитетах, на собраниях Русского технического общества и в других местах. Одним из активных пропагандистов таможенно-охранительного движения явился Д. И. Менделеев. Г. Шульце-Геверниц отмечает, что успехам борьбы сторонников таможенной охраны много способствовал «союз, заключенный промышленностью с господствовавшим националистическим течением. Та же самая пресса, которая проповедовала панславизм и вражду к Европе... выступила против ввоза европейских промышленных изделий и идей».¹

Вместе с тем одной из существенных причин были финансовые затруднения правительства, именно они вынудили Н. Х. Бунге увеличить ставки таможенного обложения в 1885 г. в среднем на 10—20 %. Отчасти это была и реакция на аналогичные меры, принятые Францией и Германией. Вышнеградский под давлением Каткова продолжил и довел до предела эту линию политики. Были повышены пошлины на руду, чугун, сталь и изделия из них, на машины, паровозы, суда, на уголь и кокс, а также на хлопок, шерсть, сахар и др.²

Голос противников протекционизма, в частности аграриев, звучал слабо, так как они не были едины, не имели сильных выразителей своих интересов, и все же Вышнеградский столкнулся с серьезной оппозицией в Государственном совете. Пришлось министру финансов «умаслить» некоторых его членов, в частности А. А. Абазу. После двух месяцев обсуждения в Госсовете новый тариф был одобрен и с 1 июля 1891 г.

¹ Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901. С. 203.

² Соболев М. Н. Таможенная политика России во II половине XIX века. Томск, 1911. С. 49.

введен в действие. В конечном итоге по новому тарифу для 49 % ввоза были оставлены действовавшие ранее высокие ставки, для 49 % ввоза повышены, и лишь для 2 % они были понижены». ¹ Это было меньше того, на что рассчитывал Вышнеградский, но сравнение тарифа 1891 г. с практикой таможенного покровительства в других странах дало основание Шульце-Геверницу заключить, что этот тариф «превосходит все, что когда-либо было сделано в Европе в смысле таможенной охраны». ²

Фискальные результаты введения нового тарифа оказались внушительны: если в 1888—1890 гг. таможенный доход в бюджет составлял в среднем 140 млн руб. в год, то после некоторого снижения по ряду обстоятельств в 1891—1892 гг. он стал неуклонно возрастать, достигнув в 1889 г. — 219 млн руб., а в 1903 г. — 241 млн руб., или 170 % к исходному уровню. ³

Принятие тарифа 1891 г. стало одним из самых существенных событий в деятельности Вышнеградского на посту министра финансов, хотя эффект от действия тарифа проявился позже, уже во времена правления Витте. Речь идет не столько о пополнении доходов казны, сколько о влиянии покровительственной системы на последующее развитие промышленности. Несомненно, что наибольшую выгоду получила русская буржуазия в ущерб интересам основной массы населения.

Существенные изменения тарифов произошли в железнодорожном деле. С середины 80-х годов получает распространение мысль о необходимости государственного вмешательства в дело установления тарифов на перевозку грузов частными железными дорогами. Вызвано это было двумя обстоятельствами: во-первых, в конкурентной борьбе железнодорожные компании неумеренно понижали тарифные ставки, следствием чего были убытки. Но так как доходы железных дорог гарантировались государством, то дефициты, которые составляли более 50 млн рублей в год, покрывала казна. Во-вторых, становилось все очевиднее, что железнодо-

¹ Балобанов Л. М. Промышленность в России в начале XX века // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1. С. 44.

² Шульце-Геверниц Г. Очерк общественного хозяйства... С. 122.

³ Соболев М. Н. Таможенная политика России. С. 356.

рожные тарифы могут быть важным элементом торгово-промышленной политики: стоимость перевозки импортного груза от границы влияла на его стоимость так же, как и ввозная пошлина.

Вопрос о выработке новой политики в этой области долгое время не решался из-за разногласий между министерствами финансов и путей сообщения. Как вспоминает Витте, после увольнения Посыета (в ноябре 1888 г.) Вышнеградский обратился к нему с просьбой составить соображения об увеличении доходности железнодорожной сети. Витте, который в то время фактически возглавлял Общество Юго-Западных дорог, предложил обратить особое внимание на железнодорожные тарифы. Он считал необходимым «обуздать» железнодорожные компании в «тарифном деле»: «представить обществам известную инициативу в тарифах, но самый контроль над тарифами возложить на правительство».¹ Витте был привлечен к разработке соответствующего законопроекта, а в марте 1889 г. по рекомендации Вышнеградского назначен директором вновь образованного в составе Министерства финансов Департамента железнодорожных дел.

В финансовом отношении принятые законы реорганизации тарифного дела имели явный успех. Ежегодные приплаты казны железным дорогам сократились с 1886 по 1891 г. с 55 до 17 млн рублей. Но более существенным было то, что в руках правительства появился новый инструмент экономической политики.

Важным общим условием успешного экономического развития страны в 80-х годах Министерство финансов считало укрепление курса рубля. Этот вопрос связывался с внешнеторговым балансом и таможенным покровительством промышленности. Усилия Бунге в этом плане не дали желаемых результатов, курс рубля поднять не удалось: в 1881 г. он равнялся в среднем 65,7 коп., в 1884 г. — 63,4 коп. золотом. Поэтому основной задачей стали считать стабилизацию этого курса. Пагубное влияние колебания курса Министерство усматривало в том, что товарные цены фальсифицируются и промышленная деятельность страны регулируется неверными и ненадежными указаниями и в значительной мере получает фальшивое направление. При этом, однако, замалчивалось,

¹ *Bumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 203.

что отказ от поднятия золотого курса рубля до номинала означал по существу признание банкротства правительства и его неспособности компенсировать тот существенный ущерб, который был нанесен владельцам капиталов необеспеченными эмиссиями.

Новая политика в области денежного обращения, предложенная Вышнеградским в 1887 г. с участием М. Х. Рейтерна и Н. Х. Бунге признавала в высшей степени важным подкрепление курса рубля золотым денежным обращением, для чего было необходимо не откладывая приступить к подготовке денежной реформы.

Выработанная программа подготовки денежной реформы осуществлялась затем с «большой осторожностью» в течение девяти последующих лет. Осторожность эта была необходима, поскольку имелись разные мнения относительно конкретных условий реализации каждого из пунктов программы.

Наибольшие сомнения вызывала возможность удержать курс рубля стабильным на уровне 66,5 коп. золотом. Уже в 1888 г. колебания курса усилились, и сам Вышнеградский высказывался за переход к размеру по 62,5 коп. за рубль. Но в 1890 г. вследствие благоприятного урожая курс подскочил до 81,8 коп. Тогда-то с полной наглядностью обнаружилось, что повышение курса таит в себе еще большие опасности для промышленности, чем понижение. «Цены на наши вывозные произведения подвергались понижению сначала за границей, а затем и на внутреннем рынке. Естественно, причины сего понижения усилились возвышением курса кредитного рубля»;¹ «угнетение цен» коснулось хлеба, керосина, сахара, пеньки, кожи, сала, масла, шерсти, лесных и других товаров, что делало их производство весьма убыточным. Вместе с этим это понизило цены иностранных товаров на русском рынке. Таким образом, повышение курса рубля противоречило интересам как промышленников, так землевладельцев. Министерство финансов сделало выводы, и в последующие годы с помощью некоторых искусственных мер удалось стабилизировать курс рубля на уровне 66,5 золотых копеек.

Не было единого мнения и относительно количества золота, которое должно быть накоплено в качестве обеспечения размена, когда он будет введен. В 1888 г., по данным Мини-

¹ Воспоминания В. И. Ковалевского. С. 178.

стерства финансов, золотой запас страны составил около 45,8 % к номинальной сумме кредитных билетов, находившихся в обращении; к 1892 г. он вырос до 81,2 % , а к 1996 г. — до 103,2 %.¹ Главными источниками накопления золота были добыча; платежи за экспорт; специальные займы за границей. Последние, правда, значительно увеличили государственный долг России.

В качестве мероприятий по подготовке денежной реформы осуществлялась и конверсия государственных займов, чему способствовала благоприятная обстановка на денежных рынках Западной Европы. Освободившиеся в результате конверсий капиталы в поисках более выгодного помещения, поощряемые экономической конъюнктурой, устремились в сферу предпринимательства. Кроме того, конверсия способствовала накоплению золота в стране.

Таким образом, экономическая политика Вышнеградского во многом способствовала созданию благоприятных возможностей для последующей индустриализации страны, осуществленной С. Ю. Витте. Однако нельзя игнорировать вопрос о социальной стороне, о цене такой политики для населения. Трагические события начала 1890-х годов, когда от голода и эпидемии погибло столько народа, не были случайны. Необычные размеры бедствия свидетельствовали и о серьезных социальных причинах трагедии. Ее спровоцировала и жесткая фискальная политика Вышнеградского. Если Бунге добился отмены подушной подати с крестьян, то Вышнеградский сумел взыскать эти недоимки. «Меркантилистская система Вышнеградского, сводившаяся к скоплению возможно большего количества золота, развивалась всецело за счет сельского хозяйства... Голодные 1891 и 1892 годы с их разрушительными последствиями явились тяжелой расплатой за тот односторонний и суровый фискализм, которым была проникнута финансовая политика восьмидесятых годов. Ужасы голода сломили систему», — писал современник — В. Витчевский.²

Судьба самого И. А. Вышнеградского тоже сложилась драматично. Вследствие многолетних перегрузок на посту министра летом 1892 г. резко обострилась болезнь, и он вы-

¹ Там же.

² Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1899. С. 231.

нужден был подать в отставку, которая была обставлена крайне сухо. Вышнеградский стал членом Государственного совета, но болезнь прогрессировала, и он скончался в марте 1895 г.

Управляющим Министерством финансов указом Александра III от 30 августа 1892 г. был назначен Сергей Юльевич Витте. Следует отметить, что назначение С. Ю. Витте произошло вопреки желанию Вышнеградского.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВИТТЕ

3.1. Реформатор эпохи контрреформ

Ситуация в России в начале 90-х годов XIX в. отличалась сложностью и противоречивостью тенденций в развитии общества и экономики. Это был период консервативной стабилизации, расцвета самодержавия, укрепления международных позиций страны. Во внутренней политике — ревизия реформ 60—70-х годов: свертывание конституционной кампании, ограничение местного самоуправления, стагнация гражданской жизни и усиление бюрократических тенденций — то, что было названо позже «контрреформами». Получила официальное признание теория «народного самодержавия», как самобытной, присущей именно России формы государственного устройства. В ее основе лежала мысль о единении царя с народом, а не с «землей», или земством, дворянство, а не земство призвано было стать «живым звеном между царем и народом». Тема представительного учреждения в любой его форме на многие годы, вплоть до 1905 г., исчезла со страниц российских газет. Катков писал, что русскому царю дано особое отличие от других властителей мира и он не только государь своей страны и вождь своего народа, но и богом поставленный блюститель и охранитель православной церкви.

Влияние Каткова, как и Победоносцева, на Александра III было очень значительным, их рассматривали как второе правительство. Выступая с критикой либеральной реформы Александра II, партия Каткова—Победоносцева опиралась на идеологию «народного самодержавия» и разработала политическую программу самобытного развития России, в частности укрепления самодержавной власти с помощью развития национальной промышленности. *Эконо-*

мическая часть программы предусматривала меры по поощрению ряда отраслей, протекционизм, бумажное денежное обращение, строгий контроль за биржей, государственную монополию на вино, табак, государственную поддержку помещичьего хозяйства и другое.

Идеология нового царствования оказала влияние и на внешнеполитическую доктрину. Ее основу составили экспансия империи, укрепление русского влияния в Азии, панславизм, сближение с Францией. Следует отметить несклонность Александра III к военным авантюрам, что и способствовало созданию образа «царя-миротворца». Внешние условия в период его царствования были наиболее благоприятными для экономики.

Великие реформы, хотя и не решали всех проблем, не создали нормальной основы для капиталистического развития, прежде всего из-за нерешенности аграрной проблемы, тем не менее дали мощный импульс промышленному развитию.

За 80-е годы промышленное производство в России возросло на 36 %, при этом быстрее росли тяжелая промышленность и транспорт. К 1892 г. добыча угля увеличилась в 2,5 раза, нефти — в 14 раз. Стали формироваться новые отрасли — электротехническая, химическая, машиностроение и др. Но иначе обстояло дело с сельским хозяйством, здесь усилились тенденции консервации дворянского земледелия, ограничение внедрения капиталистических хозяйств.

Экономическая политика Вышнеградского, привязанная к общеполитической доктрине Александра III, заметно усилила государственное вмешательство в хозяйственную жизнь страны. Пожалуй, наиболее откровенным выражением данной позиции стала фраза министра финансов, сказанная царю в июле 1890 г.: «...лишь государственной власти надлежит распоряжаться экономическими судьбами государства».¹

Политика протекционизма в отношении отечественной промышленности, утвердившаяся при Вышнеградском, нашла явное выражение в тарифном законодательстве 1891 г., что, однако, в то время было характерно и для большинства европейских стран. Вообще программа самобытного развития 80—90-х годов вовсе не отвергала теорий и практики запад-

¹ Цит. по: Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 95.

ных стран, особенно культивировались результаты политики Бисмарка в Германии.

Многие осуществленные при министерстве Вышнеградского мероприятия имели стратегическую направленность и были рассчитаны на перспективу, однако ему не удалось реализовать все задуманное и увидеть плоды своих трудов: причиной тому стала его отставка в связи с ухудшением здоровья.

*Новая звезда
на бюрократическом небосклоне*

Появление Сергея Юльевича Витте в кресле министра финансов для многих оказалось неожиданным, хотя сама фигура была уже известна в бюрократическом мире Петербурга. До нового назначения Витте полгода управлял Министерством путей сообщения, а перед этим был директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов.

Выходец из дворянской семьи, инородец по происхождению, Сергей Юльевич родился в 1849 г. на Кавказе, где провел детство и юность. Следует отметить, что значительное влияние на формирование молодого Витте оказал дядя по линии матери, известный писатель-славянофил Р. А. Фадеев. Несомненно, что и под его влиянием у Витте сложилось патристическое и промонархическое мировоззрение, которого он придерживался всю последующую жизнь.

Учился Витте в Одессе, закончил Новороссийский университет как математик, думал о научной работе, но жизненные обстоятельства заставили пойти служить на Одесскую железную дорогу, где он сделал успешную карьеру, достигнув в апогее поста управляющего Юго-Западных железных дорог. Там же Витте познакомился с Вышнеградским, который стал ему протектировать. Чтобы получить известность в дворцовых сферах, славянофил Витте вступает в монархическую организацию «Святая дружина», но вскоре выходит из нее. Трагедия в Борках в 1888 г., когда царский поезд потерпел крушение, способствовала переходу Витте на государственную службу в Петербург, где «неуклюжий провинциал» начал стремительную карьеру.

В 1888 г. Вышнеградский приглашает Витте принять участие в реорганизации системы железнодорожных тарифов в стране; работа оказалась сосредоточенной в Министерстве

финансов, где был образован Департамент железнодорожных дел. Директором его, по рекомендации Вышнеградского, в марте 1889 г. и был назначен С. Ю. Витте. Для того чтобы это назначение оказалось возможно, пришлось его, в порядке исключения, перевести из титулярных советников (X класс) в действительные статские советники (IV класс), так как должность была «генеральская». Примечательно, что оклад его был удвоен за счет личного фонда государя.

Тогда Вышнеградский рекомендовал Витте царю как своего преемника на посту министра финансов. Однако в высших кругах к ставленнику Вышнеградского отнеслись недоброжелательно, рассматривали как «выскачку». Но были и те, кто смог оценить способности новичка. Любопытно описание в этом плане первого впечатления князя В. П. Мещерского от встречи с Витте в 1889 г. в кабинете Вышнеградского: «Витте мне сразу стал симпатичен своей естественностью, безыскусственностью в проявлении своей личности... Ум его был живой, оригинальный, порой глубокий, порою тонкий, и в то же время любознательный и пытливый. Порою неожиданность и новизна мысли много придавали прелести в беседе с ним». Возглавив Департамент железных дорог в Министерстве финансов, по словам Мещерского, Витте «...с огненной энергией принялся за порученное ему дело... работая как вол».¹

На посту директора Департамента, заведовавшего «главным экономическим нервом» всего железнодорожного дела в стране, Витте занимается многими проектами, в том числе и подготовкой строительства Транссибирской магистрали, в связи с чем знакомится с будущим императором Николаем II. В январе 1892 г. уходит в отставку министр путей сообщения А. Я. Гюббенет. Александр III счел необходимым заменить его энергичным человеком, который бы привел «железнодорожное дело в порядок». Сам Витте полагал, что это его выдвижение царь имел в виду давно, но в бюрократических кругах считалось, что назначение было «достигнуто Вышнеградским, который рассчитывал иметь в Министерстве путей сообщения подчиненного себе приказчика».²

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминани. Ч. III (1881—1894 гг.). СПб., 1912. С. 356.

² Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 470.

Так или иначе, в марте 1892 г. Витте оказался в министерском кресле. По свидетельству многих современников, личность Витте весьма импонировала натуре Александра III: грубоватая простота, несомненное знание дела, доходчивость рассуждений, отсутствие чиновного лоска, эффективно демонстрируемый патриотизм и монархизм. Привлекала царя и внешность Витте: «высокая статура, грубая поступь, развалистая походка, неуклюжесть, сипловатый голос, неправильное произношение». Как пишет В. И. Ковалевский, Александру III, самому непосредственному и сильному, пришлось по душе такие же черты у Витте. Но те черты личности Витте оказались трудно совместимы с характером Николая II («человека воспитанного»), чем сам Витте объяснял сложность их отношений.

Летом 1892 г. стало известно об усилении болезни Вышнеградского. Для того чтобы сократить круг своих обязанностей и сделать посильным дальнейшее пребывание на посту министра финансов, он предложил царю передать управление промышленностью и торговлей в Министерство путей сообщения, т. е. Витте. Такую реорганизацию он считал целесообразным сохранить и после своего ухода с поста министра. Наблюдая деятельность Витте, он склонялся теперь к мнению, что тот будет «очень хорошим министром» промышленности, торговли и транспорта, и сомневался в разумности его назначения министром финансов ввиду опасения, что Витте будет «слишком широко и неосторожно пользоваться кредитом».

На роль своего преемника Вышнеградский намечал теперь Ф. Г. Тернера, как человека «более осторожного», который по должности товарища министра с апреля по август 1892 г. фактически управлял Министерством финансов ввиду болезни министра. Тернер вспоминал, что «14 августа И. А. Вышнеградский повез государю всеподданнейший доклад о преобразовании Министерства путей сообщения в Министерство путей и торговли и о передаче в его состав департаментов торговли и таможенного. Однако консультации с Витте и другими лицами побудили Александра III «отказаться от проекта, на который он уже изъявил свое согласие и который, по-видимому, был так близок к осуществлению».¹

Как свидетельствует В. И. Ковалевский, незадолго перед тем участие Витте в работе комиссии по определению перс-

¹ Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. Т. 1. С. 410.

пектив экспорта хлеба выдвинуло его в глазах Александра III как знатока в области финансовых и экономических вопросов и запланировало ему путь к посту министра финансов. Так, на бюрократическом небосклоне империи появилась новая звезда.

Многие современники сходились в том, что как государственный деятель Витте был на голову выше своих коллег. В. И. Ковалевский, более 10 лет проработавший под началом Витте и лучше других знавший его, дает следующую характеристику: «Человек сильного ума, твердой воли, большой оригинальности во внешности, образе мыслей и действий. В нем все дышало страстностью, порывом, непосредственностью, нечеловеческой энергией. По натуре боец сильный, даже дерзкий, он как бы искал поприща для состязания... На глазах у всех со сказочной быстротою проявлялась могучая натура, которая постепенно всем овладевала и всех вольно или невольно подчиняла себе. Ум и воля Витте импонировали, резкость и иногда и грубость его выступлений обезоруживали противников, редко идейных, но большей частью сводивших личные с ним счеты».¹ Далее Ковалевский отмечает, что Витте отличался удивительной трудоспособностью, «работал он не менее двенадцати часов в сутки; семейные дела его мало отвлекали... и работа его была чрезвычайно производительна».²

П. Б. Струве писал: «„Экономический гений“ Витте следует искать не в плохих трактатах по политической экономике, написанных чужими руками, а в государственном творчестве, свободном от пут доктрины и с какой-то державной легкостью разрешавшем трудности, перед которыми останавливались мудрецы и знатоки».³

Деятельность Витте на различных государственных должностях всегда была в фокусе общественного внимания. Этот яркий, самобытный, умный и амбициозный человек прекрасно владел искусством политической интриги, виртуозно умел использовать законы и традиции бюрократической игры для достижения поставленных целей. Тот же Ковалевский отмечал, что Витте представлял собой деятеля с совершенно осо-

¹ Ковалевский В. И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 56.

² Там же.

³ Струве П. Б. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики. М.; Пг., 1915. С. 4.

бым нравственным укладом. Так, коллеги по правительству не без оснований обвиняли его в игнорировании сложившегося бюрократического этикета, в том, что он не считался с пределами своей власти, допуская давление на других министров по делам их компетенции. Витте и сам признавался, что в некоторых случаях отказывался отпускать средства другим ведомствам, если не одобрял их политику. Особенно расширилось влияние Министерства финансов на внешнюю политику, железнодорожное строительство, управление государственным имуществом. Деятельность финансового ведомства при Витте вообще значительно активизировалась, его аппарат расширился, а дисциплинированность и спаянность личного состава возросли. Иногда Министерство финансов той поры даже называли «империей Витте».

Вышнеградский верно заметил, что качества и склонности Витте более подходили для руководителя торгово-промышленной сферы, чем для финансов, где он действительно не имел необходимой подготовки. Об этом свидетельствуют и его первые проекты. В частности, как вспоминает Тернер, Витте «вполне предавался мысли развития нашей промышленности путем усиления бумажного обращения».¹ А. И. Куломзин сообщает о планах Витте этим же путем покрыть расходы, связанные с постройкой Транссибирской магистрали. Своего увлечения идеей выпуска бумажных денег не отрицает и сам Витте в «Воспоминаниях».

Однако была надежда на то, что новый министр сумеет быстро разобраться с порученным делом. Известный финансист А. Г. Рафалович, успокаивая Куломзина, сказал ему: «Витте человек такого большого ума, что через шесть месяцев он все поймет и сделается великолепным министром финансов».² Это предвидение оправдалось, но нужно отметить, что большое влияние на Витте в первый период оказывал Н. Х. Бунге.

Система Витте

Вступив на пост министра финансов, Витте попытался придерживаться курса, провозглашенного предшественником, однако очень скоро стал отступать от него по соображениям,

¹ Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. Т. 2. С. 222.

² Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия. С. 198.

чисто прагматическим. И тогда, между 1896 и 1898 гг., его политика приобрела характер известной «системы», т. е. она представляла собой некий компромисс между программами идеологов 1880-х годов и сторонников экономического преобразования 1860—1876 г.¹

Понятие «система Витте» нередко встречается в научной литературе, но закономерен вопрос, была ли такая система в голове у Витте или эту систему создали исследователи его деятельности. У самого Витте это понятие не встречается, но изучение государственного творчества реформатора, анализ высказываний и поступков несомненно говорят о его системном мышлении. Только благодаря этому качеству, на наш взгляд, и стали возможны те огромные последовательные преобразования в экономике страны, которые произошли не только в годы министерства Витте, но и в вплоть до первой мировой войны.

Несомненно, что формирование системных представлений о реформах в России стало результатом эволюции его взглядов, того, что психологи называют «способностью к обучению», живому уму. Витте были не свойственны косность, догматизм. Вопреки ряду утверждений он не был чужд науке, хотя главным всегда была практическая государственная деятельность. Представляется необходимым попытаться понять, что определяло жизнедеятельность реформатора Витте.

Важнейшим элементом в структуре личности и «пусковым механизмом» деятельности психологи называют направленность личности — систему ценностей, потребностей и установок, которые определяют поведение человека. В этом плане следует подчеркнуть, что, по мнению многих исследователей, смыслом и пафосом деятельности Витте было служение Великой России, чему он целиком посвятил свою жизнь. Витте ставил глобальные цели по выводу России в ряд высокоразвитых стран мира, по обеспечению благосостояния общества, как он это понимал.

В. Маклаков пишет, что Витте: «... был сильной индивидуальностью, убеждения которой складываются в ее голове, а не постановлениями большинства. Он сам знал, что нужно России, и верил себе... занимал его один результат, и он пред-

¹ Реформы и власть. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 409.

почитал порядок, при котором конкретных результатов, казалось, легче всего достигнуть, хотя бы и с наименьшим личным успехом».¹ Витте, формируя свою «систему», был убежденным сторонником самодержавия, он верил в исключительную силу бюрократии, опирающейся на неограниченную власть царя. Он стремился провести реформы в экономике и социальной сфере «сверху», однако уперся в политические проблемы, что заставило его позже сместить акценты своей деятельности преимущественно в политическую сферу.

«Он не был либералом, ибо не сочувствовал нетерпеливому устремлению перестроить сразу, одним мановением руки сей государственный уклад, он не был и консерватором, ибо презирал грубые приемы и отсталость политической мысли, характеризовавшие правящую бюрократию России... Он искал блага своей родины, идя своими собственными путями, и поэтому мало имел постоянных попутчиков... всюду на графа смотрели как на чужого», — замечает М. И. Витте в предисловии к «Воспоминаниям» мужа.²

Последние слова выделяют важную особенность личности Витте — его самодостаточность. Мощный интеллект и воля позволяли генерировать идеи и добиваться их реализации самостоятельно, вне зависимости от других. Но позиция «одинокого бизона», даже очень сильного, объективно ограничивает возможности политика. Витте в своей деятельности умело использовал людей, у него были сторонники, но редко постоянные попутчики, не было партии или общественного движения, на которые бы он опирался. Следует, однако, отметить, что подобная самодостаточность и одиночество характерны для ряда крупных политических деятелей, в частности Бисмарка, Черчилля, де Голля, оставивших заметный след в истории своих стран.

Исследованию феномена крупных исторических личностей посвящены работы ряда современных психологов, среди них привлекает внимание труд Б. М. Теплова «Ум полководца», где автор глубоко и очень детально исследует ум профессионала, обладающего высоким уровнем практического мышления.

¹ Цит. по: *Леонтович. История либерализма в России.* М., 1995. С. 389.

² *Витте С. Ю. Воспоминания.* Т. 1. С. XXIX.

Практическое мышление не может удовлетвориться решением «в принципе», блестящими находками в процессе поиска решения. Перед военачальником вопрос всегда стоит в целом, в возможности охватить его и найти такие пути решения, которые являются наилучшими во всех отношениях.

Подчеркивая важность целостного решения, Б. М. Теплов отмечает, что часто в проведении какой-либо операции, заслуживающей в целом восхищения, нельзя выделить никаких идей, которые сами поражали бы своей новизной и оригинальностью. Так в чем же проявляется сила ума полководца? Ответ на этот вопрос звучит так: «Дело не в отдельной абстрактно взятой идее, а в целостном решении конкретного вопроса, и притом решении „ответственным“, т. е. неотрывном от исполнения. Конкретность мышления — необходимое условие успеха. Подлинный военный гений — это всегда и „гений целого“ и „гений деталей“».¹

Но исполнение решения, чтобы быть осуществимым, неизбежно должно хорошо и точно учитывать все звенья системы, через посредство которой проходит само осуществление. Такая система может быть создана лишь при непосредственном участии самого «полководца».

Что же такое «система Витте»? На наш взгляд, — это органический комплекс воззрений, решений и действий по вопросам государственного управления на стадии модернизации страны. Эффективность системы связана с тем, что Витте был автором и одновременно исполнителем произведений, что родились в его голове, и не случайно А. С. Суворин сравнивал деятельность Витте с творчеством художника. В «систему» необходимо включать прежде всего теоретические взгляды, выраженные в рукописных трудах Витте, хотя П. Б. Струве polemически и называет их «плохими трактатами по политической экономии, написанными чужими руками».

Среди работ Витте, на наш взгляд, следует выделить «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве...», где выражен целостный, системный взгляд на экономику России. Витте подробно рассматривает ряд основных факторов, определяющих развитие экономики страны, в частности зависимость труда от количества населения, значе-

¹ Теплов Б.М. Ум полководца. Л., 1983. С. 24.

ние плотности населения и возрастного состава, миграции населения и др., говорит об особенностях России. Раскрывается его понимание роли государства в экономике, рассматриваются свобода торговли и протекционизм, говорится о возражениях против протекционизма и неосновательности их.

Вопрос о политике государственного протекционизма является одним из главных в концепции Витте, он говорит о ходе экономического развития стран под влиянием протекционизма, о задачах торговой и таможенной политики, о расчетном международном балансе и др.

Витте демонстрирует основательную эрудицию, анализируя противоположные взгляды меркантилистов и физиократов на роль государства в экономике, на значение денежной политики и др. В частности, он видит односторонность позиции меркантилистов в том, что они приписывали орудию меры — деньгам, а также торговле как средству привлечения денег в страну слишком всеобъемлющее значение. Меркантилисты совершенно не считались с земледелием — одной из основ народного хозяйства.

Критикуя физиократов, учение которых «явилось односторонним», в свою очередь Витте отмечает их исключительную приверженность идее фритредерства, экономической свободы, предельному ограничению роли государства, которая сводится к обеспечению безопасности внешней и внутренней и к устранению препятствий, тормозящих народное хозяйство. Он рассматривает взгляды А. Смита как представителя английской буржуазии, стремящейся закрепить с помощью свободной торговли свое преобладание в мировой экономике.

В конце XX в. взгляды Витте привлекают внимание в свете полемики, которая происходит вокруг современных экономических доктрин. Последователи А. Смита, неоклассики-монетаристы, подвергаются критике примерно с тех же позиций, в частности Л. Ларуш рассматривает Смита, Рикардо (заодно и К. Маркса) «как экономистов британского империализма», экономистов «нулевого роста».¹

В более ранней работе 1889 г. «Национальная экономия и Ф. Лист» Витте выступает противником фритредерства, ак-

¹ Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997. С. 53.

тивным сторонником немецкого экономиста Листа в осуществлении протекционистской политики государства, активного воздействия на экономику.

В «Конспекте лекций» Витте так формулирует свое понимание роли государства в хозяйственной сфере: «Роль государства в развитии капитализации далеко не является исчерпывающей. Государство не столько созидает, сколько восполняет, истинными же созидателями являются все граждане. Чем дальше идет процесс, тем сложнее становятся все отправления производственного процесса и тем труднее роль его участников — всех граждан. Чтобы справиться с этой ролью, они должны обладать не только капиталами, но и личными качествами — предприимчивостью и энергией, развивающимися на основе самостоятельности. Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее и всячески помогать ей, создавая благоприятные для ее применения условия, — вот истинная задача государства в наше время все усложняющегося народного хозяйства».¹

Важными для понимания воззрений Витте являются работы «Национальная экономика и Ф. Лист» (1889 г.); «Самодержавие и земство» (1901 г.); «Записка по крестьянскому делу» (1904 г.). Очевидно, что появление этих работ не случайно, они отличны от «Воспоминаний», написанных уже после отставки, и являются квинтэссенцией мыслей Витте по узловым вопросам развития страны, которые ему приходилось решать.

Другой важной составной частью «системы» являются программные всеподданнейшие доклады и записки государю, а также законопроекты, подготовленные Витте и Министерством финансов по различным аспектам государственной деятельности. Как отмечает И. Ф. Гиндин, официальные документы, дающие развернутое обоснование начал экономической политики царского правительства, немногочисленны, так как тогда не считали нужным обосновываться перед общественным мнением и ограничивались ежегодными записками министров финансов к государственным росписям. Такие документы могли возникнуть лишь в силу особых обстоятельств, в частности в 1899 г. вследствие раз-

¹ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 132.

ногласий и борьбы в верхах.¹ И. Ф. Гиндин ввел в научный оборот Программу 1899 г., а Л. Е. Шепелев — Программу 1893 г., которые можно считать ключевыми для понимания политики Витте.

Наконец, главной составляющей «системы Витте» являлась сама практическая деятельность, отличавшаяся исключительной многогранностью и энергией, так поражавшей современников. В 1915 г. «Русские ведомости», оценивая его деятельность, сразу после кончины писали, что «целая эпоха нашей финансовой и экономической истории связана с его именем. Эпоха эта столь богата мероприятиями, что, просматривая перечень их, удивляешься, как могло хватить инициативы и нервной силы одного руководящего человека для осуществления их».

О многогранности деятельности Витте говорит уже сам перечень основных направлений. Среди них прежде всего — финансово-бюджетная политика, обеспечившая огромный рост государственного бюджета, денежная реформа, оздоровившая финансы и создавшая условия для индустриализации России.

Торгово-промышленная политика, развитие частного и государственного предпринимательства обеспечили бум 90-х годов, бурное развитие традиционных и новых отраслей промышленности, банковского и биржевого дела. В области транспорта — удвоение железнодорожной сети, строительство в рекордные сроки Великого Сибирского пути, Северной, Донецкой и других дорог, шоссе, портов. Энергичной была внешнеэкономическая и политическая деятельность в Европе и на Востоке, в том числе строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и создание зоны свободной экономической деятельности в Маньчжурии. В области развития образования — строительство политехнических институтов и сети коммерческих училищ, поддержка многих культурных инициатив. Кроме того, подготовка аграрных преобразований, председательство в Особом совещании по нуждам сельскохозяйственной промышленности, создавшем предпосылки для столыпинских реформ. Указанные и многие другие дела осуществлялись в условиях постоянной внутрен-

¹ Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX—начале XX века // Документы по истории монополистического капитализма в России. Т. М., 1959. С. 60.

ней борьбы среди правящей элиты, зависели от изменчивых настроений «венценосного флюгера» — Николая II, с которым у Витте сложились напряженные отношения.

На посту министра финансов Витте оставался до августа 1903 г. В одиннадцатилетнем периоде его правления В. И. Ковалевский выделяет два периода: первый с 1892 по 1900 г. — «период смелой, неустанной борьбы, обширных замыслов и больших реформ», второй — с 1900 по 1904 г. — «ослабление творческой энергии, искание фарватера для безопасного прохода между подводными камнями, опасение за свое положение, искание примирительных выходов среди направленных против него враждебных сил».¹

Второй период министра Витте проходил в условиях экономического кризиса, однако не это, по мнению Ковалевского, стало главной причиной отставки, а принципиальное расхождение с царем и его реакционным окружением («безобразовской шайкой») по вопросу политики на Дальнем Востоке, а также внутренней политики. Тем не менее это еще не был конец политической карьеры Витте. Жизнь предоставила ему еще возможность проявить свои незаурядные дарования на государственном поприще.

В годы первой русской революции ради сохранения политической стабильности, необходимой для продолжения социально-экономических реформ, Витте принимает активное участие в конституционном процессе, становится автором Манифеста 17 октября 1905 г., возглавляет первое объединенное правительство, готовит переход страны к парламентаризму. Затем, в апреле 1906 г., последовала окончательная отставка.

Сравнительно ранняя в 58 лет отставка, да и само развитие событий в стране в начале века не позволили Витте осуществить многие стратегические замыслы реформатора, однако созданная им «система» продолжала действовать, экономическая политика царского правительства существенно не менялась вплоть до лета 1914 г. — начала первой мировой войны. Его преемник В. Н. Коковцов признает в своих воспоминаниях, что не внес ничего принципиально нового в политику, разработанную Витте.

«Политический век» Сергея Юльевича Витте не был особенно продолжительным, деятельность его как реформатора,

¹ Ковалевский В. И. Из воспоминаний... С. 59.

которую справедливо называют «государственным творчеством», преследовала великие цели модернизации России. В сложных условиях благодаря созданной им «системе» удалось осуществить многие крупные преобразования, в частности первую индустриализацию страны, обеспечить быстрые темпы роста экономики в конце XIX — начале XX в., и не его вина, что последующий путь развития России оказался столь драматичен.

Следует учитывать, что Витте творил в условиях самодержавия. «От лица последнего Витте и действовал твердою рукой, как „верный“ и „всесильный“ его приказчик, используя банковский, биржевой и казначейский каналы и расставляя вешку за вешкой по пути к монополистическому капитализму».¹ Это создало для Витте положение, по существу близкое к командному. При этом работать ему приходилось не в сложном механизме конституционного строя, который был ему глубоко чужд; овладеть же влиянием на бюрократический аппарат и придворное окружение он оказался великий мастер — путем «служебной эквилибристики» и всяческой интриги, приобретавших характер широкого маневра, рассчитанного на вовлечение в нее общественного мнения.

В последующих разделах предстоит рассмотреть подробно как общий процесс формирования и развития системы Витте, так и отдельные элементы этой системы, составные части экономической политики царского правительства в эпоху Витте.

3.2. Программа 1893 года и задачи индустриализации России

Экономическая политика царского правительства, когда в 1892 г. Витте занял ключевой пост министра финансов, имела направленность, приданную предшественниками Витте. Несомненно, что ему приходилось учитывать традиции, формируя свою «систему», которая в главном соответствовала стратегическим целям самодержавия в развитии страны. Однако созданию «системы» предшествовал значительный пе-

¹ Романов Б. В. Витте как дипломат // Вестник Ленинградского университета. 1946. № 4—5. С. 151.

риод формирования и эволюции взглядов Витте, которые, видимо, нельзя не учитывать.

До середины 80-х годов Витте смотрел на будущее России глазами убежденного славянофила и выступал против ломки «исконного строя». Свидетельством тому является его статья в аксаковской «Руси» в 1885 г. под названием «Мануфактурное крепостничество», там он, в частности, писал: «Россия имеет перед собою ту стадию экономического развития, которую уже пережили или переживают западные государства. Из страны исключительно земледельческой она будет преобразовываться в страну земледелия и мануфактур. Задача государства должна заключаться в том, чтобы избегать или по крайней мере как можно более ослабить те ужасные последствия для народа, которые на Западе были вызваны этим превращением... Наш народ выстрадал терпеливо крепостное право, сохранившее его, однако, нравственно-неприкосновенным, но устоит ли он в новом рабстве — это еще вопрос».¹

Позже, во второй половине 80-х годов, Витте знакомится с трудами немецкого экономиста Фридриха Листа, идеи которого о протекционизме ему покажутся актуальными для России. Свои взгляды Витте выразил в работе «Национальная экономия и Фридрих Лист», изданной впервые в 1889 г., где он доказывает необходимость для России придерживаться политики государственного протекционизма в будущем, пока страна не преодолеет отсталости от Запада.

Эта идея стала одним из главных элементов системы Витте. Она не противоречила официальному курсу правительства 80—90-х годов, тем не менее Витте и позже неоднократно подчеркивал ее важность. Даже после отставки, в 1912 г., он посчитал нужным переиздать свою работу с новым подзаголовком «По поводу национализма».

При назначении на пост министра финансов от Витте не потребовали, как это было принято, программной записки, что объясняется спешным порядком его выдвижения. Вследствие этого судить о намерениях и планах нового министра относительно экономической политики приходится по более поздним источникам и по «Воспоминаниям». В них Витте так объясняет понимание им общей задачи финансового управ-

¹ Витте С. Ю. Мануфактурное крепостничество // Русь. 1885. № 3.

ления: «Сделавшись механиком сложной машины, именуемой финансами империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет... Топливо — это экономическое состояние России, а так как главная часть населения — это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область. Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге».¹

Бунге обратил внимание Витте на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, однако славянофил Витте воспринял это не сразу. В первой половине 90-х годов он еще оставался убежденным сторонником сельской общины и всецело поддержал закон 14 декабря 1894 г., запрещающий выход из общины без согласия двух третей домохозяев и ограничивший залог и продажу выделенных в собственность наделов. Лишь через пять лет он становится противником общины как препятствия на пути экономического развития страны.

Однако Витте не связывал напрямую вопрос о ликвидации феодальных пережитков в деревне с развитием промышленности, не считал модернизацию аграрных отношений необходимым условием промышленного роста, хотя, казалось, было очевидно, что от этого во многом зависело развитие внутреннего рынка.

Когда Витте в 1892 г. заступил на пост министра финансов, все Министерство приняло демократический по меркам того времени характер. Чиновники вместо мундиров стали носить сюртуки и вместо того, чтобы обмениваться письменными отношениями, ограничивались самыми обыкновенными устными переговорами.

Новый министр произвел существенные изменения в составе руководящих чиновников Министерства и даже оказал влияние на некоторые назначения вне своего ведомства, весьма важные для последующей деятельности. Руководить Департаментом торговли и мануфактур было предложено В. И. Ковалевскому.

С первых дней пребывания на посту министра Витте развил активную деятельность, вовлекая в нее подчиненных. Уже осенью 1892 г. началось уточнение экономической политики с акцентом на торгово-промышленную сферу. Прежде

¹ *Vitte С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 499.

всего была предпринята разработка обширной программы деятельности Министерства финансов. К сожалению, никаких обстоятельств создания этого важного документа неизвестно, ни Витте, ни Ковалевский об этом в своих мемуарах ничего не говорят. Однако можно предположить, что Витте намечал основные контуры политики, а непосредственная разработка программы велась под руководством В. И. Ковалевского. Заметное влияние на генерацию идей оказывал Д. И. Менделеев. Работа эта была закончена к осени 1893 г. и 30 октября как документ утверждена Витте. Основные положения программы изложены в работе Л. Е. Шепелева.¹

Программа состоит из четырех частей. Она начинается характеристикой положения экономики страны до 90-х годов, затем в ней выявляются различия путей развития России и стран Западной Европы и обосновываются цели и методы торгово-промышленной политики царского правительства. Дается характеристика основных направлений и некоторых конкретных мер Министерства финансов. Наконец, довольно подробно изложены задачи и обязанности Департамента торговли и мануфактур Министерства «по отношению к главнейшим предметам его ведения».

Программа носила прогнозный характер, но без указания сроков. В самом начале была обозначена исходная база, в частности отмечалось, что Россия стоит лишь в начале пути промышленного развития. «Как ни значительны успехи, достигнутые русской торговлей и промышленностью за последние 15 лет, успехи эти не могут ослабить сознания, что отечественной промышленности и торговле предстоит пройти еще длинный и трудный путь органического роста и постепенного усовершенствования». Вместе с тем в документе подчеркивалось, что промышленность уже заняла такое место в жизни страны, когда ее судьбы оказываются неразрывно связанными с судьбами экономики страны в целом, и что правительству приходится считаться с этим.

Оценивая экономический потенциал страны, Витте отмечает, что «Российская Империя чрезвычайно богата природой, хотя значение этого богатства в довольно серьезной степени умаляется неумеренностью климата во многих ее частях.

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.

Она весьма слаба капиталами, накопленными ценностями главным образом потому, что она создана непрерывными войнами, не говоря о других причинах. Она может быть весьма сильна трудом физическим и по числу жителей и интеллектуальным, так как русский человек даровитый, здоровый и богобоязненный».¹

Витте исходил из того, что «современное государство не может быть великим без национальной развитой промышленности. Это показывает история. Это очевидно из современной действительности, и наконец, это ясно из экономической здоровой теории», — пишет он в «Воспоминаниях».²

Заметно меньше внимания Витте уделял сельскохозяйственному производству. По свидетельству Н. Н. Кутлера, «он смотрел на сельское хозяйство как на деятельность низшего порядка сравнительно с промышленностью, утверждая, что Россия уже выросла из рамок земледельческого государства».³

Подобное отношение было характерно тогда для многих; в частности, Савва Морозов в 1896 г. высказал мысль, что в России много заботятся о хлебе, но мало о железе, а государство надо строить на железных балках, «Наше соломенное царство неживуче», утверждал известный фабрикант.

Индустриализация страны, создание крупной промышленности были для России исторической необходимостью и для сохранения международного авторитета страны. Ф. Энгельс в письме Н. Ф. Даниэльсону от 18 июня 1892 г. задался вопросом: «Могла бы Россия в 1890 г. существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая за счет экспорта своего зерна и покупающая за него заграничные промышленные изделия?» И отвечал: «Я думаю, что мы с уверенностью можем ответить — нет. Стомиллионный народ, играющий важную роль в мировой истории, не мог бы при современном состоянии экономики и промышленности оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась до Крымской войны... В результате получилась бы Индия — страна, экономически подчиненная великой центральной мастерской — Англии».⁴

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 499—500.

² Там же. С. 504.

³ Цит. по: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия. С. 205.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 38. С. 313—314.

В области экономики Витте считал главным решение двух задач: во-первых, увеличение производства капитала, для чего необходимо было «прочно поставить национальный кредит», во-вторых, — достижение общего роста производительности труда путем создания условий для его приложения. В качестве одного из таких условий рассматривалось расширение путей сообщения, в качестве другого — развитие промышленности.

Программа 1893 г. определяет правительственную политику как «содействие настолько прочному и широкому развитию всех отраслей перерабатывающей промышленности, чтобы произведения их не только удовлетворяли внутреннему спросу, но могли успешно соперничать за пределами России с произведениями других стран». В другом месте речь идет о необходимости «достигнуть наиболее целесообразного использования естественных и культурных сил страны, считаясь со всеми особенностями ее естественного и бытового склада».

Можно говорить о преемственности стратегической линии Витте. В одном из своих докладов Николаю II Витте указывал, что, приступая к разработке торгово-промышленной политики ведомства, он считал своей обязанностью выяснить основания политики своих предшественников и «приложить все силы к тому, чтобы продолжить или закрепить то, что было ими начато или в свою очередь унаследовано ими от своих предшественников». Суть этой линии состояла в следующем: «Покровительственный таможенный тариф, выгодные для государства торговые трактаты, надлежащий строй железнодорожных тарифов — эти общие меры составляют основание строго продуманной и последовательно проводимой национальной торгово-промышленной политики... Однако они создают лишь внешние благоприятные условия, внутри коих должно совершаться прочное и последовательное развитие наших промышленных производств и различных родов торговли. Оградив отечественное производство от соперничества иноземных товаров на русских рынках, правительство не может остаться чуждым по отношению к вопросу о том, насколько успешно справляется наша промышленность с поставленной ей задачей самостоятельного удовлетворения спроса русских потребителей».¹

¹ Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия. С. 207.

В программе выделялась мысль о необходимости учитывать особые условия и обстоятельства прошлого и будущего развития промышленности России по сравнению со странами Запада: «В западноевропейских государствах обрабатывающая промышленность развивалась медленно и постепенно, рука об руку с развитием техники, параллельно с общими изменениями бытовых и культурных условий жизни. Русская промышленность поставлена в гораздо более трудные условия: она в своем развитии должна пропустить несколько исторических ступеней; во многих случаях при самом своем возникновении она должна была удовлетворять всем требованиям усовершенствованной техники».¹

Действительно, во второй половине XIX в. наблюдался быстрый рост таких новых отраслей, как электротехническая, нефтяная, химическая, машиностроение и других, по сути не имевших базы. С учетом всего этого делался вывод: «При необходимости быстрого приспособления обширного, еще недавно патриархального русского народного хозяйства к требованиям современной промышленной и торговой культуры успешное завершение великой задачи постановки отечественного хозяйства на самостоятельный путь может произойти лишь при широком и разностороннем положительном руководстве со стороны правительства».²

Вот оно обоснование проводимой экономической политики «сверху» и активного вмешательства государства в частные дела. Тогда как в развитых странах правительства могут «действовать общими мероприятиями, имея в виду промыслы и классы», правительство России должно учитывать интересы отдельных предприятий и лиц. По сути признавалось и то, что условия для развития предпринимательства малоблагоприятные.

«Частный предприниматель, задумывающий новое дело в России, должен с самого начала и одновременно выполнить столько разнообразных и трудных задач для того, чтобы расчистить почву для своего предприятия, что это оказывается большей частью непосильным для отдельных лиц». Поэтому содействие промышленности со стороны государства должно выражаться не столько в регламентации, сколько в положи-

¹ Там же.

² Там же.

тельной помощи в каждом отдельном случае — там, «где частный почин или невозможен, или слишком слаб, чтобы привести к цели». «Лишь при условии такого ближайшего и строго практического попечения о развитии каждой отдельной отрасли нашей промышленности и торговли центральное управление может разрабатывать и свои общие меры на пользу народного хозяйства».¹

Такого рода «патронаж» со стороны правительства предполагалось осуществлять для всех форм предпринимательства. Осознавалось, что «народное богатство создается не только в крупных, но и в средних и мелких средоточениях народного труда и что, укрепляя каждую часть и даже отдельную промышленную единицу, оно тем самым придает прочность и способность дальнейшего здорового развития целому организму русского народного хозяйства».²

Поскольку на органы Министерства финансов возлагалась задача пособничества и попечительства в предпринимательской деятельности, то много внимания уделялось в Программе 1893 г. и вопросу об организации представительства интересов промышленников перед правительственными учреждениями. Это рассматривалось даже как необходимое условие успешной реализации всей программы.

В программе давался обстоятельный обзор состояния в стране торгово-промышленного законодательства и его применения. Картина представлялась удручающей, ни по одному пункту положение не расценивалось как удовлетворительное, скорейший пересмотр устаревших законов еще дореформенной поры признавался настоятельно необходимым.

Констатировалось и то, что Министерство и Департамент торговли и мануфактуры не располагают требующимися сведениями о состоянии экономики, задача создания системы статистического учета в народном хозяйстве была также признана остроактуальной.

Интересно, что такая широкая, по сути комплексная, программа обходит стороной ряд других актуальных и острых вопросов. Среди них — проблема инвестиций в России и роли иностранных капиталов, вопросы казенной промышленности и государственного предпринимательства, политики в

¹ Там же. С. 208.

² Там же.

отношении монополий и ряд других. По мнению Л. Е. Шепелева, это мог быть преднамеренный обход сложных вопросов, который был продиктован стремлением сохранить свободу действий в зависимости от будущих обстоятельств. Не включались в программу и вопросы, выходявшие за рамки компетенции Министерства финансов, как бы они ни были важны для развития промышленности. Это, в частности, относится и к аграрной проблеме.

Следует отметить, что, утверждая Программу 1893 г., Витте придумал ловкий тактический ход. Чтобы отвлечь внимание и упростить прохождение ее в Государственном совете, программа была подана в виде обоснования для решения, казалось бы, частного вопроса — об увеличении штатов Департамента торговли и мануфактур. Очевидно, что столь обстоятельного обоснования (программа насчитывает более 200 страниц) явно не требовалось. Витте, очевидно, хотел получить косвенное одобрение программы без риска поставить ее под удар критики консерваторов. И в этом он преуспел, программа не встретила формально никаких возражений в Государственном совете, но ведущие экономические ведомства впервые за свою историю получили программный документ с изложением целей и приоритетов политики индустриализации. Тем не менее тот факт, что программа доводилась до сведения Государственного совета, дал Витте основания впоследствии ссылаться на эту программу как зафиксированную в официальном документе и одобренную.

Программа не была официально обнародована, не последовало даже никакого сообщения о ней на страницах официального еженедельника Министерства финансов. Лишь в нескольких газетах еще до начала обсуждения были помещены сообщения «О проекте полной реорганизации Департамента торговли и мануфактур», но и в них речь шла об изменении структуры и штатов этого учреждения. До сих пор программа остается в архиве Министерства финансов и доступна лишь специалистам.

Реорганизация одного из департаментов Министерства, сводившаяся лишь к сравнительно небольшому увеличению его штатов, была, вообще говоря, делом ординарным. До того Департамент торговли и мануфактур состоял всего лишь из 58 человек и был одним из самых малочисленных. В представлении Витте на реорганизацию его говорилось об увели-

чении штата в полтора раза. «Обосновывалось это стремлением министра финансов оказывать впредь более деятельную поддержку развитию нашей промышленности и торговли и осуществить целый ряд мер, направленных к удовлетворению разнообразных нужд и потребностей нашей экономической жизни».¹

Находя, что «усиление средств этого департамента в исправленном размере оправдывается обширностью и сложностью возлагаемых на него задач и предъявляемых к нему требований» общим собранием, Государственный совет 28 декабря 1893 г. утвердил решение.

Позже, уже в 1899 г., Витте отмечал, что преобразование Департамента обеспечило на первое время Министерство финансов средствами «для приступа к более деятельной разработке вопросов торгово-промышленного законодательства» и других. Однако Департамент, как и все Министерство, в последующие годы продолжал расти, достигнув к 1899 г. численности уже 158 человек при 16 отделениях.

Эти преобразования были дополнены еще одной важной мерой — разрешением принимать на службу в ведомство разного рода специалистов, не имевших необходимых чинов и даже прав на государственную службу. Витте мотивировал меру, в частности, необходимостью для Министерства подчинить своему влиянию все более и более широкую сферу частной хозяйственной деятельности, которая требовала и опыта практической работы в частном хозяйстве. Департамент законов Госсовета пошел навстречу и уважил просьбу Витте, согласившись с его доводами. Реализация Программы 1893 г. и расширение аппарата способствовали тому, что, по выражению Витте, «деятельность Департамента удесятилась», причем «сам способ ведения дел, касающихся торговли и промышленности, совершенно изменился».

Изменение способа ведения дел было связано с переходом к политике «положительного покровительства» промышленности, сущность которой заключалась в том, что на первое место выдвигалось не простое устранение препятствий с пути промышленного развития, а прямая поддержка предприятий многообразными способами. Новым здесь был не просто сам принцип, которого придерживался еще М. Х. Рей-

¹ Там же.

терн в 60-е годы, а широта его применения на практике. В повседневной работе Департамент стал шире консультироваться с предпринимателями. Ходатайства последних получали не только более внимательное отношение, но и сочувствие. Интересы торговли и промышленности стали активно отстаиваться в правительственных сферах. Активизировалась законодательская деятельность. С 1893 г. Министерство финансов приступило к изданию «Торгово-промышленной газеты», на страницах которой стали публиковаться материалы о важнейших событиях и проблемах экономической жизни.

Активизация деятельности Министерства финансов была по-разному отмечена современниками. Так, А. А. Половцов, член Государственного совета, сам крупный предприниматель, писал о том, что наблюдает широко проводимые принципы безграничного вмешательства правительственных чиновников в мелочи частной промышленной деятельности и всякого рода предприимчивость. Иная, в основном позитивная, оценка содержится в высказываниях Д. И. Менделеева, который был не только всемирно известным ученым-химиком, но и крупным экономистом.

Логика протекционизма

Очевидно, что одним из самых действенных средств поддержки отечественной промышленности и торговли была политика государственного протекционизма, которая при Витте не только сохранилась, но и заметно усилилась.

В «Конспекте лекций» Витте дает свое понимание протекционизма как системы государственных мероприятий, направленных к поощрению внутреннего производства и к защите его от иностранной конкуренции. Мероприятия, принимавшиеся в разное время с этой целью, весьма разнообразны и сводятся главным образом к следующему: 1) совершенное запрещение ввоза или вывоза некоторых товаров; 2) установление настолько высоких ввозных пошлин на иностранные товары, выработку которых в стране государство желает поощрить, чтобы затруднить ввоз таких товаров из-за границы и сделать выгодным внутреннее их производство; 3) установление вывозных пошлин (низких) на некоторые товары, преимущественно сырые материалы, необходимые для развития внутреннего производства; 4) допущение возврата внутренних

налогов (например, акциза) или выдача особых премий при вывозе за границу с целью облегчить конкуренцию на иностранных рынках; 5) запрещение вывоза машин и орудий производства и выезда за границу мастеров; 6) выдача субсидий и предоставление монопольных прав инициаторам полезных для страны производств; 7) поощрение собственного судостроения и судоходства предоставлением им исключительных льгот, выдача премий и др.; 8) колониальная политика, направленная к преимущественному сбыту изделий метрополии в колониях и получению из колоний нужных для промышленности страны сырых материалов; 9) отдельные соглашения с другими странами о предоставлении льгот по ввозу тех или других товаров.¹

Как видно из перечня, это действительно система мер, а не только таможенные пошлины. Правда, отмечал Витте, не все эти меры применялись, некоторые, например совершенное запрещение ввоза или вывоза товаров, почти не практикуются.

Против этой системы обыкновенно выступают с рядом возражений, — признает Витте. Так, указывают, что созданные под действием протекционизма отрасли промышленности представляются совершенно искусственными, неспособными выдержать конкуренцию с прекращением охраны их и что, если имеются естественно благоприятствующие развитию какой-либо промышленности условия, последняя необходимо разовьется сама без всякой защиты ее государством. Затем указывают, что при покровительстве совершаются лишь перемещения капиталов из одних производств в другие, без увеличения производительности труда. Далее протекционизм обвиняют в том, что он искусственно, благодаря таможенным пошлинам, создает повышение цен на все продукты и затрудняет положение всего населения как потребителя, и даже самой промышленности, вынужденной приобретать по повышенной цене сырье. Наконец, утверждают, что под охраной протекционизма промышленность перестает заботиться о повышении техники производства, об удешевлении продукта, довольствуясь обеспеченными ей большими барышами».²

¹ *Vumme С. Ю.* Конспект лекций о народном государственном хозяйстве, читанных Его императорскому высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 годах. СПб., 1912. С. 184—185.

² Там же. С. 185.

Витте приводит и аргументы, высказанные сторонниками свободы торговли, но замечает, что, для того чтобы правильно судить о значении протекционизма, надо рассматривать вопрос не абстрактно, а применительно к условиям конкретной страны. Страны мира находятся на разной ступени. Одни успешно достигли высшей степени развития, другие — вырабатывают почти одно сырье, очень бедны капиталами. Борьбаться вторым с первыми невозможно, и они обречены быть данниками страны с развитой промышленностью.

Путем протекционизма идут и в наше время страны, стремящиеся достигнуть высокого промышленного и экономического развития, — пишет Витте. «Нет сомнения, что с установлением покровительственной системы страна сначала в лице всех потребителей несет жертвы, ибо приходится платить дороже за продукт худшего качества. Выгоды производства, однако, привлекают извне все новые и новые капиталы, между ними начинается внутренняя конкуренция, способствующая улучшению качества продукта, удешевлению его стоимости. Успеху дела особенно содействует распространение технических знаний, необходима „высокая постанровка в стране технического образования”». Накапливаются собственные капиталы.

Наконец, наступает момент, когда промышленность достигает такого развития, что ей нечего бояться и внешней конкуренции, страна уже богата капиталами, техническими знаниями, хорошо организованными предприятиями. Плодотворные результаты разумной протекционной политики мы можем видеть на примере США и Германии... Свобода торговли — это ново для России, идеал, к которому мы должны идти суровым протекционным режимом», — заключает Витте.¹

Последовательное проведение протекционистской таможенной политики не могло, конечно, не вызвать протестов со стороны тех, чьи интересы оказались ущемленными. Первоначально эти протесты были относительно слабы, что объясняется отчасти как ясно выраженным «изъявлением высочайшей воли», так и националистическим лозунгом. Решающее же значение имели экономическая необходимость такой политики и искусная агитация в ее пользу со стороны финансо-

¹ Там же.

вого ведомства. И все же к 1897 г. нападки на протекционистскую политику со стороны аграриев настолько возросли и проникли в придворную среду, что Витте, не полагаясь более только на свое влияние, счел необходимым прибегнуть к авторитету Д. И. Менделеева. По просьбе министра тот обратился к царю с обстоятельным письмом, в котором разъяснял, что покровительство промышленности отнюдь не противоречит интересам русского сельского хозяйства, а, наоборот, содействует повышению его культуры. По сведениям Менделеева, письмо возымело «некоторое действие».

Тем не менее вопрос нельзя было считать закрытым, и в последующие годы он продолжал возникать в том или ином ракурсе, в частности при обосновании Программы 1899 г.

Среди протекционистских мер правительства наиболее эффективным оставались таможенные пошлины. «С изданием тарифа 1891 года наше законодательство не остановилось, — пишет Витте. — События выдвинули необходимость для России принять в своей тарифной политике ряд новых мер для обеспечения своего положения в международном товарообмене». Тариф 1891 г. был утвержден как единый и одинаково применимый ко всем торговым партнерам России. Однако на Западе в то время стала использоваться система дифференцированных (более или менее благоприятных) таможенных тарифов, применявшихся к торговым партнерам в зависимости от встречного благоприятствования их таможенной политики на основе особых договоров. С учетом этого Витте весной 1893 г. добился проведения закона, согласно которому тариф 1891 г. признавался нормальным (базовым), а министру финансов давалось право (по согласованию с царем) при необходимости повышать ставки этого тарифа по отношению к отдельным странам, и вскоре это право было реализовано при заключении торгового договора с Германией, которая ввела максимальный тариф для русского экспорта. Возник конфликт, который Ковалевский в воспоминаниях назвал «таможенной войной». Это был смелый и довольно рискованный шаг Витте, но, проявив твердость, он смог добиться победы. В результате в 1894 г. был подписан торговый договор с Германией на гораздо более выгодных для России условиях, чем прежний. Именно тогда Витте заслужил благосклонное внимание и отзыв князя Бисмарка, чем он необычайно гордился.

Перипетии дипломатической борьбы довольно подробно описаны в воспоминаниях как Витте, так и Ковалевского. Второй, в частности, пишет: «Для проведения на практике раз принятого решения Витте не останавливался перед выбором средств. Мне припоминается следующий эпизод, опять-таки из периода переговоров с Германией по заключению торгового контракта. Эпизод этот свидетельствует о гибкости и находчивости покойного. Видя, что переговоры идут туго и что немцы насаждают, Сергей Юльевич поручил мне составить представление в Государственный совет о воспреещении выхода польских рабочих в восточнопрусские провинции, если немцы не пойдут на требуемые нами уступки. Представление это было напечатано, должным образом скреплено подписью министра финансов, а затем сожжено, за исключением двух экземпляров, из которых один попал в руки графа Каприви, якобы ловко похищенный, а другой, в таком же качестве, как весьма важный и абсолютно секретный документ доставлен в одну из германских влиятельных аграрных газет.

Витте целил метко. Он знал, что прусские аграрии, главные запевалы в вопросах, возбужденных Германией по торговому договору, нуждаясь в русских рабочих, не устоят перед такой угрозой. И действительно, на тайном совещании Каприви ознакомил представителей рейхстага с содержанием „крайне секретного документа“. Аграрии сдали по всем пунктам. Цель Витте была достигнута. Кстати, замечу, что граф Каприви настолько верил в мудрость покойного, что перед вторым чтением в рейхстаге передал Сергею Юльевичу на просмотр ту часть речи, в которой он пытался доказать, что от таможенной войны пострадает Германия больше России».¹

Таким образом, на переговорах с Германией был создан прецедент, способствовавший установлению новых, более равноправных отношений с западными странами. Вскоре подобные соглашения были подписаны с Францией, Австро-Венгрией и некоторыми другими, что способствовало росту авторитета Министерства финансов. Лично Витте стал активно вмешиваться во внешнеэкономическую политику России и даже формировать ее. Покровительственные тамо-

¹ Цит. по: Глинский Б. Б. Граф С. Ю. Витте // Исторический вестник. 1915. Т. 140. С. 253.

женные тарифы вместе с системой железнодорожных тарифов стали основанием и всей торгово-промышленной политики.

Программой 1893 г. намечалось дальнейшее расширение внешнеторговых связей, при этом ставилась задача не только регулирования импорта, но и расширения промышленного экспорта, что было новым элементом. Однако эта политика натывалась на техническое отставание и зависимость российских предприятий от сырья и оборудования иностранного производства. Поэтому, — разъяснялось в Программе, — при выработке таможенных ставок приходится принимать в тщательное соображение, с одной стороны, необходимость покровительства отечественному производству сырья и орудий производства, а с другой — обстоятельство, как бы высоким их обложением не поставить потребление и производство фабрикатов и полуфабрикатов в угнетенное положение. Проектирование таможенных ставок, удовлетворяющих всей совокупности интересов, представляется делом весьма сложным, трудным и требующим большой осторожности.

Применение таможенных тарифов 1891 г., несомненно, сдерживало импорт, но он тем не менее возрастал. Если в 1890 г. он оценивался в 410 млн рублей, то в 1896 г. — 585 млн рублей. В целом, внешнеторговый баланс складывался в 90-е годы положительно для России: активное сальдо составляло от 100 до 170 млн рублей в год, за исключением 1899 г.

В Министерстве финансов прекрасно понимали, что вследствие разницы промышленных потенциалов России и стран Запада «наши мануфактурные изделия едва ли могут в близком будущем найти себе сбыт в европейских странах. Несравненно более благоприятные условия для их распространения открывают менее культурные государства, граничащие с нами на Востоке, обладающие весьма многочисленным населением и не имеющие почти вовсе обрабатывающей промышленности».¹ Безусловно, этими соображениями и объясняется исключительно активная экспансионистская деятельность Витте в те годы в Китае и на Дальнем Востоке, что подробнее будет рассмотрено ниже.

¹ *Витте С. Ю.* Конспект лекций. С. 189.

Однако в Программе делалась ставка на рост «не просто экспорта вообще, а экспорта обработанных товаров». В 1903 г. Витте имел основания утверждать, что «теперь многие отрасли требуют вывоза», и это относилось к готовым товарам. Одновременно это означало, что промышленное производство насытило внутренний рынок.

Министерство финансов считало необходимым и улучшение самой организации внешней торговли. В связи с этим был создан институт торговых представителей России за границей, главной задачей которых ставилась «деятельная помощь к поддержанию торговых сношений русских подданных за границей». К решению экономических вопросов стала шире привлекаться дипломатическая служба страны.

В Программе 1893 г. была изложена в развернутом виде позиция Витте и по такому важному вопросу, как налогообложение. Так, отмечалось, что действующая в стране система обложения как торговли, так и промышленности построена исключительно на внешних признаках, не всегда характерных и далеко не полностью исчисленных, вследствие чего обложение представляется весьма неуравнительным, не соответствующим ни объему, ни обороту, ни прибыльности предприятий и, с другой стороны, не обеспечивающим роста поступления государственных доходов, который бы соответствовал происходящему в действительности расширению торговли и промышленности. Также заявлялось, что проект коренного изменения системы налогообложения Минфин предполагает представить до лета 1894 г. Однако работа затянулась, и лишь в 1898 г. Витте смог провести его через Государственный совет. Новый закон, вводивший промысловый налог, стал крупным шагом вперед, увеличил доходы казны, но щадящий характер налогообложения для промышленности и торговли не изменился, что способствовало быстрому экономическому росту России.

Политика поощрения предпринимательства Витте проявлялась и во многих других формах, в частности в укреплении правового положения предпринимателей, развитии торгово-промышленного законодательства. Еще в 1892 г. при Департаменте торговли и мануфактур была учреждена комиссия для рассмотрения вопроса «об устранении стеснений в учреждениях промышленных предприятий», в 1894 г. законо-

проект был передан заинтересованным ведомствам, но бюрократическая машина раскручивалась очень долго, и лишь целеустремленность и энергия Витте позволили со временем достигнуть результата, о чем подробнее ниже.

Вообще при исследовании деятельности Витте 90-х годов поражают его кипучая энергия и широчайший кругозор. «Система», которую он создавал, охватывала практически все значимые для развития промышленности вопросы. Своеобразным, но весьма показательным индикатором оценки трудов Витте явилось то, что Д. И. Менделеев изменил свою позицию; если он прежде ратовал за то, чтобы вопросы промышленности были выведены из компетенции Министерства финансов, то в марте 1895 г. он направил Витте пространное письмо, в котором писал, что «ныне, в интересе промышленного роста страны, желательно сохранить общее заведование промышленностью и торговлей в руках Министерства финансов. Учреждение особого Министерства промышленности и торговли было необходимым, когда Министерство финансов смотрело на эти отрасли как на частный и сравнительно незначительный источник обложений и не возглавляло покровительственной торгово-промышленной политики. Время это может наступить, когда промышленность в России разовьется до силы и самостоятельности общенародного дела».¹

Одновременно Менделеев, видя большие возможности финансового ведомства, предлагал передать в его ведение Горный департамент из Министерства земледелия, а также надзор за учреждением и деятельностью промышленных предприятий из Министерства внутренних дел. Наконец, Менделеев считал необходимым образовать в составе Министерства финансов Высший промышленный совет под председательством министра и с участием представителей промышленности. Эти предложения были позже частично реализованы.

Витте вправе назвать первым индустриализатором России, успехи, достигнутые в период его правления в развитии индустрии, не оспаривались никем. «В мое время значительно возросла русская промышленность. Благодаря систематическому проведению протекционной системы и ... приливу к

¹ Менделеев Д. И. Сочинения. Том XXI. С. 370.

нам иностранных капиталов промышленность у нас быстро начала развиваться, и в мое управление министерством, можно сказать, прочно установилась национальная русская промышленность», — пишет он в «Воспоминаниях».¹

3.3. Программа 1899 года: роль иностранного капитала

В начале 1899 г. появился на свет всеподданнейший доклад С. Ю. Витте Николаю II «О необходимости установить, а затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи». Этот важный документ был введен в научный оборот И. Ф. Гиндиным. Как пишет Гиндин, о существовании доклада стало известно из дневника статс-секретаря А. А. Половцова за 1899 г., где тот сообщил, что с середины 1898 г. Николай II, под влиянием своего «окружения» сделался сторонником лженациональной финансовой политики и стал на представляемых уставах иностранных компаний класть резолюции о нежелательности допущения в Россию иностранных капиталов. Резолюции будто бы сделались известны в России и за границей, и прилив иностранных капиталов „внезапно остановился”. Это весьма тревожило Витте, поэтому и появился доклад».²

Половцов называет следующих «советчиков» Николая II: его шурина Великого князя Александра Михайловича и действовавших через него «квасных патриотов» — Хлопова, Шарапова и Белова. Из них несомненно главным был черносотенный публицист Шарапов, которого с известным правом можно считать литературным рупором «диких» помещиков, широко представленных в царском окружении.

Шарапов требовал вместо «покровительства» промышленности и привлечения иностранных капиталов «поддержки» сельского хозяйства, был сторонником неограниченного субсидирования помещичьего хозяйства государством за счет печатания бумажных денег.

Следует, однако, заметить, что Половцов был неточен, сообщая о том, что прилив иностранного капитала якобы

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 504.

² Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства. С. 161.

«внезапно остановился». Не исключено, считает Гиндин, что неправильная версия Половцова была пущена самим Витте, потому что он мог действительно опасаться проникновения в печать и за границу сведений о резолюциях царя и последствий.

Вероятнее всего, Витте сознательно спровоцировал обострение внимания к вопросу об иностранных капиталах, так как хотел пресечь наскоки царского окружения и «колебания» царя. Отсюда ультимативный характер концовки доклада Витте, требовавшего по существу от царя либо подтвердить неизблемость проводимой торгово-промышленной политики, либо указать, какую иную политику должен проводить Витте. Эта закулисная борьба отражала наличие серьезных разногласий внутри правящей элиты по коренным вопросам экономической политики царского правительства.

В докладе были собраны наиболее сильные аргументы противников протекционизма и привлечения в страну иностранных капиталов. Кроме того, основные идеи своего доклада Витте путем публичного выступления сделал достоянием «общественного мнения» и получил широкую поддержку еще до официального обсуждения доклада. По всем этим причинам доклад стал наиболее развернутым и аргументированным изложением основ экономической политики.

Перед докладом была записка Витте царю, которая его убедила. Однако Витте настоял, чтобы она была рассмотрена на специальном совещании министров под председательством царя и чтобы было принято решение, обязательное для всех.

Совещание состоялось 17 марта 1899 г. «Под вашей державой, государь, — начал Витте, — живут 135 млн людей, но в силу исторических судеб, несмотря на неисчерпаемые богатства нашего отечества, еще не достигших того уровня экономического благосостояния, до которого дошли народы Запада. Если сравнить потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу населения составит в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования».¹

В докладе отчетливо показывалось, что, несмотря на несомненные успехи последних лет, отечественная промыш-

¹ Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия. С. 200.

ленность далеко не достигла необходимого уровня развития, более того, существует опасность, что процесс может быть прерван.

«Наша внутренняя промышленность, как ни широко она развилась, все же еще количественно слишком мала: она не достигла таких размеров, чтобы в ней могли развиваться животворящая сила предприимчивости, знания подвижности капитала, то брожение здорового соперничества, при котором она может дешево работать и оплатить всей стране за прежние жертвы дешевизной и обилием своих изделий».¹

Отстаиваемая «буржуазная» программа экономической политики не являлась самоцелью для Витте. «Создание своей собственной промышленности — это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы. А политическая задача заключается в укреплении той твердой и гордой власти, которая охраняет... самостоятельность империи. И наоборот, медленный рост нашей промышленности затрудняет выполнение великих политических задач монарха».²

Более того, в геополитическом плане Витте думает о том, чтобы Россия «сама была метрополией», и ему кажется, что «недалеко то время, когда проценты за капиталы, полученные нами из Европы, мы выплачивали бы из нашей выручки от вывоза в Азию».

Что касается ведущей до того отрасли — сельского хозяйства, то Витте не склонен видеть главное препятствие экономического роста — полукрепостнические отношения в деревне. Напротив, в докладе 1900 г. он утверждает что «малая требовательность русского крестьянина и невысокая зарплата являются для русской предприимчивости счастливым даром, дополняющим богатство русской природы», что население не находит в земледелии полного использования труда «из-за короткого периода производства». Он объясняет слабое накопление капиталов в России тем, что громадное большинство населения все еще занимается земледелием, поэтому «производительность хозяйства дает избыток над потреблением слишком скудным».

¹ Там же. С. 181.

² Там же. С. 164.

Поэтому, не видя никаких путей к подъему сельского хозяйства, Витте все надежды возлагает на то, что само развитие промышленности путем повышения спроса на избыточную рабочую силу деревни и создания широкого внутреннего рынка для сельскохозяйственной продукции даст исцеление безысходным экономическим противоречиям русской деревни.

Во всеподданнейшем докладе 1899 г. Витте во многом повторил основные мысли, содержащиеся в Программе 1893 г., в частности о необходимости широкого положительного руководства народным хозяйством со стороны правительства, о политике протекционизма, о создании условий для развития предпринимательства и т. п. В обосновании протекционизма содержались прежние аргументы, взятые Витте на вооружение от Ф. Листа, а также у отечественных экономистов (Менделеев, Rogozin, Янжул).

В оригинальной работе Е. В. Сапилова¹ рассматривается внутренняя логика, которой, видимо, руководствовался Витте при обосновании своей экономической политики. Он понимал, что протекционизм — противоречивое явление. Высокий таможенный тариф не только защищает национальную промышленность от внешней конкуренции, но и удорожает иностранные изделия, русский житель за многое, что покупает, платит значительно дороже, чем иностранный. Так, за пуд чугуна англичанин платит 26 коп., американец — 32, а русский — 90 коп. Высокие цены по причине монополизма преобладают и на отечественные продукты. Вследствие этого в стране повышаются издержки производства, возрастает стоимость жизни, напрягается до крайности платежная способность населения, сокращается потребление. По этой причине развитие промышленности может прекратиться.

Итак, дилемма: отказ от протекционистской системы, равно как и ее сохранение приводят к одному результату — угрозе нарождающейся, но еще не окрепшей промышленности.

Чтобы развить промышленность в России до уровня европейских стран, необходима национальная потребность. В Европе при малой земельной площади переизбыток населе-

¹ Сапилов Е. В. Не написанная графом С. Ю. Витте глава «Воспоминаний». М., 1994.

ния требовал организации промысловых и промышленных предприятий, иначе страны просто не могли выжить. Для них развитие промышленности не идея, а материя, а в России таких обстоятельств нет. Население живет при малой плотности, расселяется на свободных землях, довольствуется скудным достатком от крестьянского труда и местного промысла. Вот и получается, что обрабатывающая промышленность нужна лишь правительству, а массам населения — нет. Оно и без нее прожить может, была бы потребность, будет и промышленность, найдутся и капиталы.

Логика развития западных стран очевидна. Однако, размышлял Витте, если национальная потребность составляет там мотив развития промышленности, то движущей силой является конкуренция капиталов, предприимчивости. Но и в самой России уже был такой пример — при строительстве железных дорог. Именно конкуренция капиталов, государственных и частных, сыграла здесь решающую роль в строительном буме. «Но для конкуренции нужны прежде всего капиталы, а в России их недостаток. Кроме того, не только капиталы решают дело, нужна целая система мер, чтобы политики протекционизма дала результаты».¹

Три силы и капитал

Что требуется для развития? Ответ в докладе утверждает: капиталы, знания, предприимчивость. Только эти три силы могут ускорить процесс образования вполне независимой национальной промышленности.

Эти силы и стали предметом особого внимания министра финансов. Витте, выделив приоритеты, последовательно добивался реализации намеченной стратегии, проявляя незаурядную энергию и широкий кругозор государственного деятеля.

Казалось бы, почему глава финансового ведомства должен заботиться об открытии новых ремесленных школ, коммерческих училищ, политехнических институтов? Этими вопросами Витте не просто занимался, а добился значительных сдвигов, став, по сути, одним из зачинателей профессиональ-

¹ Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб., 1912.

ного образования в России. Пристальное внимание Витте было обращено на вопросы развития предпринимательства в стране, о чем речь пойдет ниже.

Вместе с тем Витте, будучи прагматиком, прекрасно понимал, что не все «силы» поддаются искусственному насаждению. В самом деле, накопление капитала возможно только в той мере, в какой производительность хозяйства дает избытки над потреблением. «В России, где огромное большинство все еще занимается земледелием, это превышение дохода над расходами служит слишком скудным источником накопления новых капиталов», — пишет Витте, но при этом обходит стороной вопрос о причинах скудости земледелия.

А нет капиталов, нет и знаний, нет и предприимчивости, как ни велико значение просвещения, тем не менее этот путь слишком медленный и сам по себе не доводящий до данной специальной цели. Истинной школой промышленности является прежде всего сама живая промышленность, а учебные заведения служат только ее пособием. С первым отложением сбережений пробуждается в человеке беспокойство предприимчивости, а с первым приложенным к промышленности капиталом зарождается под могучим влиянием личного интереса такая сила пытливости и любознательности, которая превращала неграмотного крестьянина в строителя железных дорог, в смелого промышленника, в финансового деятеля.

«Постепенный рост обрабатывающей промышленности в стране, всегда сопровождающийся удешевлением ее продуктов, дает возможность и торговле пользоваться для экспорта не преимущественно сырьем, как теперь, а и промышленными изделиями, а наши нынешние потери в европейской торговле могут замениться выигрышами в азиатской... Народное благосостояние и государственные финансы, найдя себе сверх земледелия твердую опору в промышленности, приобретут значительно большую устойчивость и силу.

Так велики те конечные задачи, к которым стремится протекционная система, применяемая в России, настойчиво начиная с царствования императора Александра III. Но великие задачи требуют и великих жертв», — подчеркивает Витте.¹

Новая промышленность не может вырасти в короткий срок. Поэтому и покровительственные пошлины должны

¹ Цит. по: *Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия*. С. 178.

оставаться десятки лет, для того чтобы успеть привести к положительному результату. Между тем в течение всего этого подготовительного периода население нуждается в произведениях обрабатывающей промышленности, и так как последняя внутри империи еще не доросла до способности удовлетворять внутреннему спросу, то ему приходится покупать иностранные изделия по ценам, повышенным вследствие пошлины, и почти столько же приплачивать и за изделия внутреннего производства.

Итак, все упирается в капитал. Что же делать? Ожидать естественного накопления капиталов в стране, большинство населения которой переживает трудное экономическое положение и значительную часть своих избытков отдает в казну в виде налогов, — занятие слишком тягостное. Вот здесь и появляется в докладе Витте новый акцент.

Во второй половине 90-х годов вопрос о протекционизме все более связывался с проблемой иностранных капиталовложений в промышленность России. В Программе 1893 г. данный вопрос по сути вообще не стоял, единственная мысль по этому поводу звучала так: «...вслед за установлением пошлин на ввозимые в Россию продукты происходит переселение в Россию иностранных предпринимателей с иностранными капиталами... и русская предприимчивость оказывается иногда не в силах одолеть у себя соперничества иностранной предприимчивости».¹

В течение нескольких последующих лет Витте смог убедиться, что тариф 1891 г. сам по себе, в условиях сохранения множества крепостнических пережитков в стране был не столь эффективным средством развития промышленности, как он предполагал раньше.

Между тем льготные условия для промышленности оказались привлекательны для иностранного капитала, но прилив его в экономику сдерживался законами, ограничивающими торгово-промышленную деятельность иностранцев в России. В записке от 13 марта 1895 г. Витте пытается объяснить, что такие ограничения «в значительной мере затрудняют осуществление лежащих на Министерстве финансов задач». Когда вследствие сильного укрепления позиций рубля иностранные инвестиции в промышленности все же увеличились, они

¹ Там же. С. 220.

стали вызывать протесты со стороны некоторых русских предпринимателей и националистически настроенных публицистов.

Как вспоминал Витте, сопротивление иностранному капиталу особенно проявлялось в Кабинете министров, где его «ярыми противниками были И. Н. Дурново, Плеве и генерал Лобко. Его величество по обыкновению делал резолюцию то в одну, то в другую сторону».¹

Аргументом в поддержку идет выгодность для России привлечения иностранных капиталов. Витте развернул широкую кампанию в печати, а для воздействия на царя он опять привлек авторитет Д. И. Менделеева. Тот направил Николаю II в ноябре 1898 г. письмо с объяснением необходимости беспрепятственного притока иностранных капиталов в экономику России. Письмо было «хорошо принято» и по распоряжению царя напечатано и передано для ознакомления членам Государственного совета.

Во всеподданнейшем докладе 1899 г. подводится базис под неограниченное привлечение иностранных капиталов как способ ускорения развития промышленности и, следовательно, укрепления монархии. Этому посвящена вторая половина доклада.

Приток иностранных капиталов является, по глубокому убеждению Витте, «единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать страну изобильными и дешевыми продуктами. Каждая новая волна капиталов, привлекаемых из-за границы, сбивает неумеренно высокий уровень прибыли, дающейся у нас монопольному предпринимателю, и заставляет последнего искать равновесия в новых технических усовершенствованиях, ведущих за собой и удешевление продукта».²

Но в последнее время, пишет Витте в докладе, «раздаются голоса против прилива капиталов из-за границы, настаивающие на том, что он причиняет ущерб основным народным интересам, что он стремится поглотить все доходы растущей русской промышленности, что он в сущности приводит к распродаже наших производительных богатств».

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 501.

² Цит. по: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия. С. 184.

Для министра финансов, конечно, не может быть тайной, для кого это невыгодно, — тех предпринимателей, кто не хочет соперничества. Но заинтересованные голоса прячутся за беспристрастностью, нежелательное для отдельной группы охотно подается за вредное для целого народного хозяйства. Поэтому министр считает своим долгом подробно остановиться на значении прилива иностранных капиталов в Россию для национальных экономических интересов.

Прежде всего Витте отмечает, что размеры притока иностранных капиталов в Россию обыкновенно очень преувеличиваются. Он называет цифры, величины привлеченных капиталов: в 1896 г. — 92 млн руб., в 1897 г. — 77 млн руб., а всего за 10 лет с 1887 г. — 376 млн руб. Число вновь утвержденных иностранных акционерных компаний в 1896 г. составляло 22, с основным капиталом в 80 млн руб., в 1897 г. — 15 (55 млн руб.), так что если к ним прибавятся еще и те иностранные капиталы, которые вложены иностранцами при учреждении в русские акционерные общества (1896 г. — 12 млн руб., 1897 г. — 22 млн руб.), то все вместе они составят не более одной трети всех капиталов акционерных компаний. При этом если учесть, что излюбленным типом для русского капиталиста являются все еще единоличные предприятия, то эта доля окажется еще меньше.

«Могут ли названные цифры иметь угрожающее значение для огромного русского народного хозяйства, за такую ли цену можно распродать его производительные силы? Это не более как возбуждающий фермент, имеющий серьезное значение не своими размерами, а той энергией, которую он развивает в малоподвижной нашей промышленной среде. Иностранный капитал в 5 раз меньше, нежели русский, тем не менее виднее его, бросается всем в глаза, потому что он несет с собой и лучшие знания, и более опытную предприимчивость. Но эти культурные силы он ведь оставляет в России, и не за это же ей на него быть недовольной», — пишет Витте.¹

«Жалуются на то, что наша протекционная система задерживает ввоз, что мы мало привозим иностранных товаров, но зато широко раскрыли двери перед иностранными капиталами. На самом деле мы за 1896 и 1897 гг. ввезли иностранных товаров на 585 млн руб. и 560 млн руб., в 6 — 7 раз боль-

¹ Там же. С. 185.

ше, чем капиталов. Остаются еще доводы, что, мол, доход от новых предприятий будет доставаться иностранным капиталистам как владельцам машин. Но ведь это только часть средств производства.

Имея в виду, что приток иностранных капиталов является для России, при ее нынешнем экономическом положении, главным средством, могущим развить и оживить производство собственных капиталов, можно было бы, скорее, пожелать упрощения нашего законодательства об иностранцах... Только разлагающие нации могут бояться закрепощения их прибывающими иностранцами, Россия не Китай!» — эмоционально подчеркивает Витте и продолжает, отмечая тезис противников «о продаже страны»: «Природа дала России такие неисчислимы богатства, что капиталы всего мира могут купить лишь самую незначительную их часть. Достаточно нескольких миллиардов рублей иностранных капиталов, чтобы поставить промышленность России на ноги, тогда как не хватит сотен миллиардов рублей, чтобы купить ее богатства.

Не приток иностранных капиталов меня страшит. Я опасаясь, как бы за границей не явилось такое течение, которое, уразумев все значение иностранных капиталов для России, не стало бы противодействовать их отливу к нам. Вероятно, всем памятен пример князя Бисмарка, который... закрыл на продолжительный срок для нашего кредита германский рынок. И действительно, какой смысл для иностранных государств давать нам свой капитал? Зачем им оплодотворять дремлющие силы великана?».¹

В конце доклада Витте предложил утвердить программу из 6 пунктов или указать другую. Главными пунктами его программы были: 1) сохранить таможенный тариф 1891 г.; 2) не препятствовать притоку иностранного капитала неуклонно до 1904 г., чтобы промышленность могла развиваться и окрепнуть.

Как и рассчитывал Витте, участники совещания не смогли опровергнуть его аргументов в обосновании необходимости сохранения политики протекционизма. Несмотря на все трудности, Витте и не помышлял об ослаблении протекционистской системы, поскольку ее альтернативой считал гибель молодой русской промышленности.

¹ Там же.

В ближайшие десятилетия русская промышленность не успеет развиться настолько, чтобы удовлетворить внутренние потребности и занять прочные позиции на рынках Турции, Персии и Китая. Это означало бы не только потери экономической независимости, но и крах всей перспективы восточной политики, где Россия надеялась со временем доминировать.

В отношении второго пункта, как сообщает А. А. Половцов, было сказано, что «допущение иностранных капиталов к промышленным в России предприятиям решено дозволить».

Витте сравнительно легко добился подтверждения незыблемости производившейся им торгово-промышленной политики. Противники «программы» по основам ее боя не приняли. Их критика давала пищу для интриг, с которыми вынужден был считаться Витте, но противопоставить ему свою программу они не могли.

Необходимо отметить, что Витте и позже, уже отойдя от власти, придерживался прежних взглядов. Так, в памятной записке от 3 марта 1907 г. по поводу финансовой политики Коковцова он упирал на необходимость внешних займов для производства заграничных платежей и общего развития страны. «Без внешних займов наша бедность становится еще более чувствительной: внешние займы и приток иностранных капиталов — своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое и финансовое развитие. Печально конечно, что мы не можем обходиться без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности».¹

Борьба за руководство экономикой

Торгово-промышленная политика Витте, несмотря на очевидные успехи, в конце 90-х годов стала сталкиваться с нарастающими трудностями. Частью из них были «обостряющиеся нападки», которые исходили, с одной стороны, от потребителей промышленной продукции, несших тяготы высоких цен, с другой — от промышленников, стремившихся из-

¹ Литвинов-Фалинский В. П. Полное экономическое положение и задачи будущего. СПб., 1908. С. 115.

бежать конкуренции в результате возникновения новых предприятий. Если первые агитировали за отмену таможенного тарифа 1891 г. и смягчение политики протекционизма, то вторые требовали ограничения усилившегося в 90-х годах иностранного предпринимательства в России. Хотя интересы их были различны, но голоса сливались в общей критике Министерства финансов и его главы.

Другой трудностью были кризисные явления, все более проявлявшиеся в экономике в конце 90-х годов, требовавшие, по мнению Витте, еще более энергично государственного регулирования. Наконец, рост масштабов народного хозяйства, обуславливая усложнение процессов управления, вызывал и кризис административных методов. Под предлогом того, что страна нуждается в объединении и твердом руководстве в области торгово-промышленной политики, Витте в феврале 1900 г. предложил Николаю II сосредоточить в руках министра финансов все руководство экономикой страны.

К тому времени и без того влияние министра финансов простиралось далеко за отведенные ему сферы деятельности, сам Витте уверенно выдвинулся на первое место в российской бюрократической элите, и от него во многом зависело определение не только экономической, но и внешней политики.

Так, Министерство располагало весьма разветвленной сетью своих представительств в столицах крупнейших стран мира. Представительства эти были учреждены еще в 1848 г., но до Витте влачили жалкое существование. В 1898 г. коммерческие агенты были переименованы в агентов Министерства финансов и причислены к составу русских посольств и миссий с распространением на них всех тех прав и преимуществ, которыми пользовались за границей военные и морские агенты.

В Министерство финансов стала поступать регулярная информация не только с бирж, но обо всех основных событиях жизни стран мира. Должности агентов Министерства финансов были упразднены уже после отставки Витте, в 1911 г., а при нем играли важную роль в подготовке русских финансовых операций за границей.

Еще в ноябре 1898 г. Витте испросил разрешения Николая II на представление в Государственный совет проекта но-

вой коренной реорганизации учреждений, призванных «руководить и направлять в значительной степени экономическую жизнь страны». Подготовка документа заняла около года.

В сентябре 1899 г. было подписано представление министра финансов «О преобразовании Департамента торговли и мануфактур в Главное управление торговли и промышленности» в составе Министерства финансов. В ходе реорганизации не предполагалось значительного увеличения штата, главным было решение проблемы руководства деятельностью учреждений, ведавших промышленностью и торговлей, в продвижении дальнейшего развития этих отраслей хозяйства.

По сути, признавалось, что министр и руководитель Департамента (В. И. Ковалевский) уже были не в состоянии решать множество частных дел, порожденных крайней централизацией власти в руках министра. «Многие дела замедляются, — говорил Витте, — за недостатком времени у меня и моих сотрудников». С другой стороны, имело место относительное бесправие руководителей отделов, которые оказывались безынициативными и безответственными исполнителями. Подобная ситуация была и в других министерствах, но Витте-прагматик не хотел с этим мириться, и было решено по примеру Военного министерства вместо Департамента создать более самостоятельное Главное управление.

Преобразование повышало на ранг правовой статус Департамента и его подразделений и в конечном итоге делало их более дееспособными. В составе Главного управления предлагалось образовать четыре отдела, почти равных по значению департаментам торговли, промышленности, торгового мореплавания и учебного.

Необходимость реорганизации не вызвала принципиальных возражений в Государственном совете, но большинство склонялось к тому, чтобы не создавать Главного управления, а повысить статус отделов, подчинив их еще одному, третьему заместителю министра. Несмотря на настояния Витте (судя по протоколу, он брал слово 29 раз!), решение было принято не по его проекту, но в конечном итоге он все же добился своего. В Министерстве появилась новая должность, особого товарища министра, которую занял соратник Витте В. И. Ковалевский.

В ходе обсуждения в Госсовете закономерно возник вопрос о целесообразности образования нового самостоятельного Министерства торговли и промышленности. Витте не оспаривал временного характера своего проекта. Однако учреждение особого Министерства противоречило его интересам, поскольку это не только ослабило бы значение возглавляемого им Министерства финансов, но и создало бы еще одно конкурирующее ведомство. Он сделал все, чтобы замять вопрос. В то время Витте боролся за полную централизацию руководства торгово-промышленной политикой в своих руках. Это уже потом, в октябре 1905 г., когда он в качестве премьера формировал первое объединение правительства, Витте нашел необходимым сделать шаг по созданию Министерства промышленности и торговли.

Не дожидаясь конца обсуждения своего проекта в Госсовете, Витте в феврале 1900 г. обратился к царю с докладом «О положении нашей промышленности», где возможное промедление с развитием отечественной промышленности называлось «роковой ошибкой». Витте снова ставил вопрос о необходимости всемерного поощрения капиталистического предпринимательства. Отмечая, что не все нити промышленной политики находятся в его (Минфина) руках, вследствие чего очень трудно на практике добиваться необходимого подъема и расширения предприимчивости, Витте настаивал на признании Министерства финансов единственным и полноправным выразителем интересов промышленного развития торговли. Однако Николай II тем не менее проигнорировал мнение Витте, когда в ноябре 1902 г. было образовано Главное управление торгового мореплавания и торговых портов. Очевидно, основной целью царя было дать пост министерского ранга своему шурину, великому князю Александру Михайловичу. В ведение Управления были переданы из Министерства финансов отдел торгового мореплавания, комитет по портовым делам и др. Это было, по сути, поражение Витте, свидетельствовавшее о падении его престижа и влияния на торгово-промышленную политику. На компрометации, очевидно, сказалось и грозное проявление промышленного кризиса начала века, наступившего после десятилетия промышленного подъема.

Промышленный подъем и кризис

В начале 90-х годов XIX в. промышленность страны вступила в полосу невиданного ранее подъема. Он продолжался до 1900 г., когда сменился острым экономическим кризисом, перешедшим затем в затяжную депрессию. Промышленный подъем был подкреплён рядом хороших урожаев (1893—1895 гг.). Большое значение имело для промышленности и усиление железнодорожного строительства. Здесь новый бум (после бума 60—70-х годов) привел к появлению новых 22 тыс. верст железных дорог, включая Транссибирский путь — крупнейший в мире. Сооружение новых дорог способствовало экономическому развитию отсталых районов и расширению внутреннего рынка. По данным И. П. Табурно, за период 1891—1900 гг. промышленное производство в стране удвоилось (с 1493 до 3083 млн руб.), при этом преимущественно росло производство средств производства (на 99 %), а выпуск предметов потребления лишь — на 38 %.¹ В 90-е годы особенно бурно развивалась тяжелая промышленность на юге страны. За счет усовершенствования техники производства производительность труда рабочих в обрабатывающей промышленности возросла на 25 %. Объем промышленного производства сравнялся в денежном выражении с производством в сельском хозяйстве. Расширился внутренний потребительский рынок, о чем свидетельствовало и то, что ввоз промышленных изделий в Россию оставался на высоком уровне.

Экономический подъем был связан с возникновением многих новых предприятий и акционерных компаний. Пик учредительства приходится на 1899 г., когда начали действовать 156 русских и 37 иностранных фирм. В 90-е годы число действующих предприятий возросло в 2,5 раза, а их капитал почти в 3 раза.²

Так же быстро развивался банковский сектор, собственные капиталы коммерческих банков вместе с вкладами и текущими счетами возросли с 465 млн рублей в 1892 г. до 813 млн рублей в 1900 г. Заметно возросла биржевая активность.

¹ Табурно И. П. Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882—1901 гг.). СПб., 1904.

² Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия. С. 192.

Причины экономического бума 90-х годов, несомненно, были связаны с эффективной финансовой и промышленной политикой правительства.

При почти запретительном тарифе 1891 г. и установившемся твердом курсе рубля развитие крупной промышленности получило благоприятные условия. Кризис сельского хозяйства и расслоение деревни, ускоренное голодом 1891 и 1892 гг., выкинули из деревни армию дешевых рабочих рук.

Огромное железнодорожное строительство послужило базой для развития тяжелой индустрии. Наконец, продажа дворянских земель и введение винной монополии освободили значительный отечественный капитал. Благодаря низкому ссудному проценту на Западе и дешевизне рабочих рук в России сюда хлынул поток иностранных капиталов. Все это и создало во второй половине 90-х годов картину необычного экономического расцвета, поднимавшегося на высоту самоудовлетворяющейся хозяйственной единицы. Казна, принявшая на себя высшее руководство народным хозяйством, казалось, создала, наконец прочную базу, укреплявшую самодержавный строй.

Действительно, верхние слои общества — дворянство, крупная буржуазия, чиновничество заметно повысили уровень благосостояния и не проявили никакой оппозиционности к правительству.

Витте, искусно лавируя среди иногда противоположных интересов землевладельцев и буржуазии, оказывал существенную поддержку и тем и другим.

Покровительство помещикам носило многообразные формы. Это и понижение поземельного налога в 1896 г., и создание благоприятных условий для сбыта зерна, удешевление кредитов для хлебных производителей и торговцев. Государственный банк широко практиковал выдачу ссуд под хлеб, снижались тарифы на железнодорожные перевозки сельскохозяйственной продукции.

Наконец, землевладельцы продолжали получать через Дворянский банк крупный ипотечный кредит, процентная ставка которого была снижена с 4 до 3,5 %. Такая исключительная дешевизна создавалась за счет ежегодных приплат Дворянскому банку из госбюджета.

Покровительство министра финансов не в меньшей мере распространялось на класс предпринимателей и промышлен-

ников. Их могущество не падало по сравнению с дворянством, а, напротив, постоянно росло. Если в 60-е и 70-е годы государственный аппарат выражал преимущественно интересы дворянства и крупной торговой буржуазии, то в 80—90-х годах повысилось влияние интересов промышленной буржуазии. Внутренний рынок был огражден высоким таможенным барьером, за которым русской промышленности ничто не грозило.

Своей протекционистской политикой Витте стремился создать благоприятные условия для отечественной промышленности. В то же время он считал необходимым усилить экономическую мощь самого правительства и заставить буржуазию почувствовать, что ее счастье и несчастье неразрывно связаны с самодержавным строем. Сам факт усиленного железнодорожного строительства отчасти был обусловлен стремлением влиять на промышленность, предоставляя ей выгодные заказы. И действительно, казна являлась самым крупным потребителем продукции тяжелой индустрии. В 1900 г., например, ее потребление составляло до 50 % всей горно-заводской выработки.

Однако, несмотря на все меры государственного регулирования, промышленный подъем сменился кризисом, который можно оценивать как кризис перепроизводства. Он начался в 1898 г. как финансовый и биржевой, а с 1900 г. — уже и как промышленный. Падение производства с 1901 г. приняло массовый характер. Тогда еще не была разработана антикризисная система регулирования (даже на Западе она появилась лишь после великой депрессии 30-х годов). Перепроизводство прежде всего обнаружилось в тяжелой промышленности, особенно связанной с железнодорожным строительством, которое заметно снизилось. Следует заметить, что в том же 1901 г. промышленный кризис начался и в Западной Европе.

Экономический кризис сказался в падении цен на промышленную продукцию. Правда, Министерство финансов изображало это как желательный результат развития промышленности, однако осознавалось, что главные причины все же были связаны с отставанием развития аграрного сектора и узостью внутреннего рынка, а также спекуляциями и злоупотреблениями частного предпринимательства.

Кризис показал иллюзорность некоторых расчетов, недооценку отрицательных явлений в экономике. В августе 1899 г.

Витте опубликовал следующее заявление: «В течение последнего времени на русских биржах замечалось резкое падение цен многих бумаг, преимущественно дивидендных. По поводу настоящего положения вещей Министерство финансов считает необходимым заметить, что государственное казначейство и Государственный банк находятся в отличном состоянии. Общее положение промышленных предприятий вполне удовлетворительно, причем замечается чрезвычайный рост промышленности, обеспеченный непрерывно возрастающим спросом и таможенным ограждением от иностранной конкуренции. Урожай, являющийся одним из главных оснований платежной и покупательной силы населения, в общем удовлетворителен. При указании благоприятных условий нашей внутренней экономической жизни не может быть и речи о возможности возникновения какого бы то ни было общего торгово-экономического кризиса».¹

То был вряд ли казенный оптимизм министра финансов, скорее, неточная оценка ситуации. Уже вскоре после этого заявления произошло крушение предприятий фон Дервиза и Мамонтова, открывшее ряд других крахов.

Для поддержки ведущих предприятий во время кризиса Министерство финансов прибегло к интервенции на бирже, к выдаче ссуд, но главное — к нормированию производства. При помощи казенных заказов правительство обеспечивало работу крупнейших предприятий металлургии и машиностроения на уровне до 60 % их мощности. В связи с этим заметно усилился процесс монополизации промышленности. Особенности развития получили сбытовые монополии, поскольку они способствовали нормированию производства и преодолению кризисных явлений. Тесное сращивание интересов монополий и государства привело к формированию уникальной системы государственного капитализма в России.

Всепоподаннейшие доклады 1899 и 1900 гг. дают представление об основах программы деятельности министра финансов С. Ю. Витте по развитию российской экономики. Отличие ее от Программы 1893 г. заключалось в том, что к 1899 г. в голове у Витте сложилась уже система, которой не было прежде; правда, как таковая «система Витте» нигде полностью не изложена, и вряд ли это было возможно вследствие

¹ Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия. С. 126.

того, что деятельность его была лишена какого-либо догматического элемента и носила творческий, в немалой степени импровизационный характер, а планы не всегда удавалось реализовать. Об этом, в частности, можно судить по высказыванию В. И. Ковалевского: «Программа Сергея Юльевича была бесспорно прогрессивная, несмотря на все деривации (отклонения) под влиянием временных сопряжений. Она была очень широка и захватила многие десятилетия вперед. К сожалению, Витте постоянно приходилось урезывать, усекать, искажать собственные замыслы. Нередко в результате борьбы от первоначальной мысли оставались только остов и шуплый заморыш. Он часто дорожил только принципом, утешая себя тем, что будущее поправит недочеты при его осуществлении.

Особенно широка была его программа по сельскохозяйственным вопросам. Но три четверти ее отпали по не зависящим от него причинам. Критикам его работы следовало бы знать, сколько тяжелых усилий, сколько порчи крови стоило ему все новое и плодотворное».¹

Очевидно, что как соратнику Ковалевскому явно импонировали стиль работы Витте и размах его деятельности, и он понимал неизбежность ошибок и промахов: «У этого крупного человека и ошибки были крупные. Он говорил: „Из-за стремления к совершенству не задерживайте роста жизни. Ошиблись — сознайтесь и управляйте. Россия страдает от избытка самокритики и стремления отыскать безошибочное решение, которое удовлетворяло бы даже глупых людей, нередко попадающих в межведомственные комиссии, и потому-то у нас происходит такая затяжка в насущных вопросах и продолжительность разрешения их измеряется у нас кратным числом от двадцати лет”».²

Витте ставил цели и умел их добиваться, проявляя качества, нетипичные для чиновника-бюрократа, прагматизм преобладал и давал выход страстной натуре деятеля. Представление о «системе» Витте можно получить исследуя не столько теоретические взгляды и официальные доклады, сколько многогранную практическую деятельность этого государственного человека.

¹ Глинский Б. Б. Граф С. Ю. Витте // Исторический вестник. 1915. Т. 140. С. 257.

² Воспоминания В. И. Ковалевского. С. 10.

При анализе деятельности представляется необходимым выделить ряд ключевых аспектов, определявших стратегию Витте.

I. Политические цели заключались в сохранении самодержавия как режима власти, наиболее отвечающей, по мнению славянофила Витте, историческим традициям, «духу народа, его политическому развитию, географическим и этническим условиям страны».¹ Построение Великой России, что являлось пафосом деятельности Витте, требовало, по его мнению, укрепления той твердой и гордой власти, которая охраняет «самостоятельность империи». Даже являясь автором Манифеста 17 октября 1905 г., либерал-консерватор Витте не верил в силу буржуазной демократии и стремился спасти самодержавие как наиболее прочную опору бюрократии, откровенным апологетом которой Витте всегда был.

Однако трактовка роли Витте как «охранителя самодержавия» вступает в противоречие с оценкой его финансово-экономической деятельности, поскольку она своей буржуазностью объективно способствовала разрушению самодержавия.

II. Реформаторская деятельность Витте в экономике была направлена на то, чтобы поднять страну «на уровень самодовлеющей хозяйственной единицы» и освободить народное хозяйство из-под зависимости от чужого рынка. Понимая, что земледельческая страна обречена на неминуемый упадок, Витте делает ставку на быстрое развитие промышленности, осуществляет первую индустриализацию страны. Для подъема производительных сил проводится политика протекционизма и привлечения иностранного капитала, которому отводится роль возбуждающего «фермента».

Промышленному росту и привлечению капиталов способствовала эффективная финансово-бюджетная и денежно-кредитная политика Витте. Укрепление позиций рубля было обеспечено успешной денежной реформой, росту доходов казны способствовали активная налоговая политика и введение винной монополии.

Министр-предприниматель Витте делал упор на развитие частного предпринимательства, его поддержку с помощью го-

¹ *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. СПб., 1903. С. 126.

сударственных заказов, щадящего налогообложения, правовых гарантий и др. В то же время активно использовались формы государственного предпринимательства, особенно в железнодорожном строительстве, оборонном производстве, кредитной сфере и др.

III. Внешнеполитическая деятельность Витте заключалась в реализации геополитических интересов России на мировой арене, обеспечении поддержки экономических реформ, приобретении рынков сбыта и др. Ориентация в процессе модернизации страны на Запад, расчеты на иностранные капиталы требовали тесного сотрудничества с правительствами европейских стран, активной дипломатии, которую Витте успешно осуществлял на протяжении многих лет, приобретая большой международный авторитет.

Витте одним из первых осмыслил геополитические интересы России на Востоке и стал инициатором мирной экспансии с помощью русских капиталов в Китае, где рассчитывал приобрести рынок для русских товаров с тем, чтобы «проценты на капиталы, полученные нами из Европы, мы выплачивали бы из нашей выручки от вывоза в Азию». Особое место в стратегии Витте заняло строительство КВЖД и создание вдоль нее «свободной экономической зоны», где отрабатывалась новая для России модель хозяйствования с опорой на предпринимательские силы.

Витте был принципиальным противником военных комплектаций и авантур, что даже стоило ему карьеры. Тем не менее после позорного поражения в русско-японской войне он блестящей дипломатией добился успеха, заключив Портсмутский мир на выгодных для России условиях.

IV. В социальном плане деятельность Витте носила противоречивый характер. Он не был глух к нуждам народа, понимал трудности жизни, признавал тяжесть жертв, которые несет население для «выращивания промышленности». Трудовое население большую часть своих «избытков» отдает в казну в виде налогов, да еще уплачивает дань иностранцам за импортируемые товары и должно содержать свою «почти монопольную промышленность». И тем не менее он не помышляет об ослаблении бремени налогов, ликвидации нищеты. Винная монополия государства, введенная Витте, заметно пополнив доходы казны, обернулась и ростом потребления алкоголя населением.

Хотя Витте проявлял внимание к крестьянскому вопросу, разрабатывал аграрную реформу, однако не смог добиться результатов, остановить процесс массового обнищания сельского населения. По сути основные положения этой реформы пытался реализовать позже П. А. Столыпин.

Как истинный государственный деятель Витте заботился о развитии образования и культуры, по его инициативе были построены политехнические институты в Петербурге, Киеве и Варшаве, открыто 140 коммерческих училищ, сеть ремесленных школ.

В целом, однако, социальная политика не имела приоритета, оставалась на периферии внимания царского правительства, что стало одной из главных причин социальных потрясений в России в начале XX в., разрушивших многое из того, что удалось создать реформатору.

В следующих разделах подробнее рассматриваются отдельные аспекты государственной деятельности С. Ю. Витте.

ФИНАНСОВО- БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА С. Ю. ВИТТЕ

4.1. Государственный бюджет в регулировании экономики

В системе Витте важное, можно сказать ключевое, положение занимали финансы. Он использовал государственные финансы — бюджет и кредит — как инструменты для индустриализации страны и решения других важных задач.

Финансовая система России в пореформенный период имела весьма специфический характер. Преобладание сельского населения и аграрного сектора в экономике, отсутствие политической власти у буржуазии, огромное казенное хозяйство, значительный удельный вес иностранного капитала существенно отличали хозяйство России от западных стран. Переход к капитализму до победы буржуазных сил привел к теснейшему переплетению высокоразвитых форм капиталистического хозяйства с архаическими элементами феодализма.

В 90-е годы Витте проводит, по сути, реорганизацию финансовой системы в соответствии с новыми требованиями. Обычно выделяются два направления: обеспечение быстрого роста государственного бюджета и перевод денежной системы на золотую основу. Кроме того, надо отметить и активную кредитную политику.

В силу того, что бюджет является основой государственных финансов, он привлекает внимание в первую очередь. Исследование бюджета дает обширную информацию о тенденциях и приоритетах экономической и социальной политики правительства.

Государственный бюджет России строился на общеевропейских принципах, и делился на обыкновенный и чрезвычайный (хотя граница между ними по составу доходов и расходов была весьма непостоянной).

С 60-х годов по инициативе М. Рейтерна общая государственная роспись доходов и расходов стала открытой и ежегодно публиковалась с пояснениями министра финансов и приложениями. Однако сама структура документа, бюджетная классификация статей доходов и расходов создают трудности для анализа, в них много туманного, а цифры в разных источниках заметно не совпадают.

Содержательную оценку бюджетной политики С. Ю. Витте дает Н. Кутлер. И эта оценка заслуживает особого внимания, поскольку ее автор, авторитетный специалист, много лет сотрудничал с Витте и даже входил в состав первого объединенного правительства. Кутлер отмечает, что годы на посту министра финансов Витте «ознаменовались огромным увеличением бюджета, широким развитием государственного хозяйства и крупными реформами в области финансового законодательства. Общий баланс государственного бюджета за время пребывания Витте на посту министра возрос с 965 млн руб. (1892 г.) до 2071 млн руб. (1903 г.). Среднегодовое возрастание бюджета за этот период — 10,5 %. Насколько этот рост велик, говорит то, что бюджет вырос с 1883 по 1892 г. на 24 %, или 2,7 % в год, а с 1903 по 1912 г. на 45 %, или по 5 % в среднем за год».¹ Важно понять, почему и как это произошло.

Как известно, бюджет финансово обеспечивает нужды государства, которые зависят от его функции в жизни общества. В странах Запада, где предпринимательские силы определяли экономическое развитие, функции государства в производственной сфере были ограничены. В России попытка сделать ставку в ходе реформ Александра II на предпринимателей (политика М. Рейтерна) не дала нужных результатов, после чего изменилась и позиция правительства.

Утверждение политики протекционизма при Вышнеградском сопровождалось усилением прямого вмешательства государства в экономику, что достигло апогея при Витте.

Главным тогда стоял вопрос об источниках развития народного хозяйства страны. Слабую предприимчивость и недостаток капиталов в частном секторе предполагалось компенсировать государственным предпринимательством и финансами. Тенденция в огосударствлении, однако, вовсе не

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте // Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 10. С. 827.

означала отрицания или недооценки роли предпринимательских сил, напротив, Витте проводил линию на всяческое их стимулирование (через шадящее налогообложение, госзаказы, развитие кредитования и др.).

Следует заметить, что в советский период в оценке финансовой политики Витте настойчиво насаждалась мысль, что главные цели этой политики были связаны с укреплением царского режима.

«Поддержать падавшее дворянство, главную опору самодержавия, и подвести под абсолютизм еще и другую социальную опору — крупную буржуазию, взяв ее на государственное содержание, — вот основные задачи экономической политики Витте, — писал С. В. Вознесенский. — Для этого ему необходимо было максимально увеличить ресурсы казны и создать экономически мощный государственный аппарат, казенное хозяйство небывало крупных размеров». И далее Вознесенский отмечает, что при помощи налогов и широкого обращения к займам Витте стремился получить возможно больше денег, ввести золотое обращение, создать крупные хозяйственные предприятия казны и этим сосредоточить в руках правительства гегемонию над всей экономической жизнью, сделав его руководящим органом».¹ Таким образом, за счет средств, выкачиваемых в конечном счете с беднеющих народных масс Витте хотел поддержать дворян с помощью дешевого земельного кредита, сахарной нормировки и поощрения винокурения, а буржуазию с помощью казенных заказов, промышленных ссуд и тарифного покровительства.

Конечно, деятельность Витте как политика, безусловно лояльного режиму, преследовала цели его укрепления путем поддержания позиций ведущих классов, однако в перспективе Витте делал ставку на буржуазный путь развития страны. Тем более, что интересы дворянства и буржуазии в то время стали все больше расходиться. Экономическое положение аграрного дворянства сильно пошатнулось вследствие резкого падения в 70-х годах цен на хлеб на мировом рынке и длительного сельскохозяйственного кризиса в России. В то же время промышленная буржуазия поднималась также вследствие расслоения деревни, появления дешевой армии труда.

¹ *Вознесенский С. В.* Государственное хозяйство России накануне первой революции // Записки научного общества марксистов. М.; Л., 1927. № 8. С. 105.

Оценки Витте как «охранителя самодержавия», на наш взгляд, входят в противоречие с буржуазной по сути линией его экономической и финансовой политики, преследовавшей стратегическую задачу развития страны, что объективно работало против старого режима.

Рост бюджета

В докладе по поводу росписи на 1893 г. указывалось, что «правительство не может стремиться к «сдержанности» в расходах, ибо последняя ставит серьезные затруднения нормальному развитию гражданской и экономической жизни страны... В нашем отечестве, — писал Витте, — изобилующем разнообразными естественными богатствами, но еще не достигшем в желаемой степени пользования этими богатствами для возвышения своего благосостояния, финансовая политика не только не должна упускать из внимания нежелательные последствия излишней сдержанности в удовлетворении назревших потребностей, но, напротив, должна поставить своей задачей разумное содействие экономическим успехам» развитию производительных сил страны.¹ В этом плане стремление правительства сосредоточить в своих руках «гегемонию над всей экономической жизнью», став его руководящим органом, нужно рассматривать не как самоцель, а как стратегический маневр, рассчитанный на определенный период, до того как в стране появятся предпринимательские силы, способные выполнять роль экономического локомотива. А пока государство вынуждено было взять эту роль на себя. Реализация же ведущей роли в экономическом развитии страны потребовала и финансового обеспечения, что и обусловило быстрый рост государственного бюджета.

Было бы неверно поражаться столь высоким цифрам роста бюджета без раскрытия причин этого феномена. Прежде всего следует обратить внимание на следующее высказывание Н. Кутлера: «Главнейшая причина особо быстрого роста бюджета, — пишет он, — расширение казенного хозяйства за счет частного, происшедшее в железнодорожном деле и в питейной торговле. Если исключить расходы на эксплуатацию же-

¹ Общая государственная роспись доходов и расходов на 1893 год. СПб., 1893. С. 21.

лезных дорог и на винную монополию из сопоставляемых бюджетов, то балансовые их итоги определяются за округлением: за 1892 г. — в 907 млн руб., а за 1903 г. — 1462 млн руб., т. е. второй итог превысил первый только на 61 %, а средний годовой рост бюджета определился около 5,5 %. Это последнее сопоставление и выражает более точно действительное увеличение бюджета при Витте, ибо расходы на эксплуатацию железных дорог и на казенную продажу питей в существе имеют характер оборотных, возмещаясь соответственными поступлениями». ¹ Тем не менее даже с учетом этой поправки следует признать, что темпы роста бюджета были значительны.

В целях обеспечения быстрого роста бюджета Витте производит существенные изменения в источниках доходной базы бюджета, усиливает фискальную направленность налоговой системы.

Капитализация экономики приводит к росту товарно-денежного обращения. Это в свою очередь создает благоприятные условия для развития прямого обложения. Однако Витте старается оградить буржуазию от роста налогов, наоборот создаются льготные условия для предпринимателей. Покровительственная политика для предпринимателей, включая государственные заказы, связанные с железнодорожным строительством, оборачивается дополнительными расходами бюджета. Численный рост пролетариата также не создает резерва роста бюджета, поскольку у рабочих нет собственности. Таким образом, объектом прямого обложения остается крестьянство. Однако и здесь возможности роста прямого обложения были невелики. Ведь кроме налогов крестьянство продолжало выплачивать и выкупные платежи за землю. По уровню развития производительных сил основная масса крестьян недалеко ушла от XVIII в., примитивные технологии, трехпольный севооборот, зависимость от погодных условий вели к разорению, нередко были неурожаи и голод.

В этих условиях сбор прямых налогов значительно усложнялся, поэтому Витте увеличил главным образом косвенные налоги, которые, по его мнению, имеют существенное преимущество перед прямыми ввиду того, что взимание их гораздо легче, так как не требует никаких принудительных мер.

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь. С. 827.

Витте пришлось впервые составлять бюджет осенью 1892 г. при довольно трудных обстоятельствах. Россия второй год подряд переживала трагедию, вызванную засухой и эпидемией холеры, что, естественно, не только уменьшило сбор урожая, но и потребовало значительных финансовых затрат. Казалось бы, следовало дать возможность крестьянам пострадавших районов оправиться от потерь, уменьшив налоговое бремя, однако в докладе о росписи на 1893 г. Витте высказался за то, чтобы не останавливаться «даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны ради развития отечественной промышленности».¹

По существу Витте наследовал в данном вопросе жесткую линию Вышнеградского и придерживался ее на всем протяжении своего министерства. Как следствие, именно в те годы произошло массовое разорение крестьянских хозяйств и начался активный процесс обнищания деревни. «Некоторое временное напряжение» обернулось постоянным усилением налогового пресса, что и стало одним из главных источников высоких темпов роста государственного бюджета России.

Как уже отмечалось, другим источником быстрого роста бюджета стало быстрое расширение казенного хозяйства. В 1903 г. русская казна собрала 2210 млн руб. обыкновенных и чрезвычайных доходов, причем в качестве промышленных (неналоговых доходов) до 1125 млн руб., т. е. больше половины всех поступлений. Статистический ежегодник за 1904 г. раскрывает источники поступлений: от винной монополии — 542 млн руб., от казенных железных дорог — 453 млн руб., лесного дохода — 62 млн руб., от почт и телеграфа — 58 млн руб., от оброчных статей и промыслов — 24 млн руб., от казенных заводов — 11 млн руб. и др.²

Сбалансированность бюджета

Существенное значение имела в эпоху Витте сбалансированность госбюджета, однако в этом вопросе оценки расходятся. Официальные источники говорили о бездефицитности бюджета, о превышении доходов над расходами, накоплении

¹ Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 16.

² Статистический ежегодник России за 1904 г. СПб., 1905. С. 368.

свободной наличности и т. п. Это было необходимо прежде всего для демонстрации устойчивости финансов в глазах кредиторов.

Как известно, дефицит бюджета России в период после Крымской войны носил хронический характер. Вышнеградскому первому удалось за счет жесткой финансовой политики сбалансировать при составлении бюджет на 1891 г. Однако стихийные бедствия — неурожай и эпидемия холеры 1891 и 1892 гг. разрушили планы правительства. Как отмечает Кутлер, бюджет 1892 г., принятый Витте от своего предшественника, был сведен с дефицитом в 74,3 млн руб. и даже по отделу обыкновенных расходов — в 24 млн руб.¹ Витте приложил все силы к тому, чтобы добиться сбалансированности, при этом использовал манипуляции с чрезвычайными бюджетом и займами.

По утверждению Кутлера, при Витте обыкновенные доходы всегда исчислялись в суммах, значительно превышающих итоги обыкновенных расходов, хотя классификация государственных расходов была изменена и отдел обыкновенных расходов увеличен за счет чрезвычайных. Так, с 1895 г. из чрезвычайных в обыкновенный отдел бюджета были перенесены расходы по перевооружению армии, по заготовлению специальных резервов продовольствия, по портовым сооружениям, по усилению и улучшению существующих железных дорог. Какое значение имели эти изменения бюджетной классификации, можно судить хотя бы по тому, что в России 1903 г. одни лишь железнодорожные расходы, до 1895 г. относившиеся к чрезвычайному бюджету, достигли 100 млн рублей.

Что касается чрезвычайного бюджета, в котором с 1901 г. сохранились только расходы по сооружению новых железных дорог, по досрочному погашению займов, а также издержки, вызываемые войною и народными бедствиями, то часть этих расходов покрывалась чрезвычайными же поступлениями и излишком обыкновенных доходов над обыкновенными расходами.

Для покрытия другой части чрезвычайных расходов приходилось прибегать к иным источникам. Для 1893 г. им стал

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь. С. 828.

государственный заем, для 1894 г. — остатки от реализованного ранее займа, а для всех последующих лет — позаимствования из свободной наличности Казначейства. Они в общей сложности за 11 лет достигли колоссальной цифры — 1 078 652 тыс. руб. Однако неистощимость свободной наличности средств казны достигалась своеобразным порядком составления и исполнения бюджета. Действительное поступление обыкновенных доходов при Витте значительно превышало их сметное исчисление: за 1892—1903 гг. это превышение составило 1 млрд 501 млн руб. (или на 9 % более намеченного). А обыкновенные расходы, напротив, исчислялись довольно точно. Это была внутренняя «кухня», своеобразная «заначка» Витте, дававшая ему возможность маневра.

Всего за 1892—1903 гг. предвиделось по росписям чрезвычайных доходов — 185 613 млн руб., а поступило — 1623,2 млн или почти в 9 раз больше.

В итоге, если свободная наличность Государственного казначейства на 1 января 1892 г. не превышала 25,4 млн руб., то на 1 января 1903 г. достигла 381,3 млн рублей.

Такая система составления бюджета и ведения государственного хозяйства вызывала и теоретические, и практические возражения, к которым Витте не оставался глух. Во всеподданнейшем докладе о росписи на 1901 г. он признает, что для России при крупном ее долге, помещенном за границей, увеличение задолженности для покрытия чрезвычайных издержек было бы опасно. Отсюда выводилось, что обыкновенный бюджет доходов должен дать средства для выполнения не только обыкновенных, но и чрезвычайных расходов.

Что же касается накопления свободных средств казначейства, то оно необходимо ввиду обширности пространства русской империи и чрезвычайного разнообразия условий отдельных ее местностей. В России всегда возможны местные невзгоды. Где же найти средства для помощи населению, если вести хозяйство в обрез, не имея сбережений на «черный день», — ставил вопрос Витте. Необходимы сбережения и для расходов, вызываемых ходом событий в других странах, тем более, что потребности, вызываемые политическими событиями, возникают неожиданно. При отсутствии запасов пришлось бы кредитоваться.

Витте указывает, что запасные средства позволили закончить постройку Сибирской железной дороги, усилить

флот и перевооружить армию, дважды поддержать народ при неурожае, привести в порядок денежную систему, наконец, покрыть крупные расходы на Дальнем Востоке. Приведенные соображения, однако, недостаточны, по мнению Н. Кутлера, для оправдания той системы государственного хозяйства, которой держался Витте; резонно, что если накопление запасов государственных средств было необходимо, то оно могло бы производиться открыто, а не быть результатом заведомо неправильного составления росписи.

Почему же Витте шел на это? Немалое значение, пишет Кутлер, надо думать, имело опасение того, что со стороны Государственного совета могли быть помехи, если бы последний был посвящен в планы Витте и призван к их обсуждению; иначе говоря, Витте использовал любые «хитрости», чтобы ему не мешали осуществлять задуманное.¹

Современник Витте — П. П. Мигулин, проанализировав государственные доходы и расходы, выявил неоднозначную картину по годам. По его данным, за период с 1894 по 1903 г. бюджет России лишь четыре раза складывался бездефицитным.²

Б. М. Сабанти говорит об иллюзии бездефицитного бюджета. Он пишет, что финансовая реформа Витте ставила задачу обеспечения бездефицитного бюджета, но кроме обыкновенного существовал еще и чрезвычайный бюджет. И если обыкновенный складывался все годы его министерства даже с превышением доходов над расходами, то чрезвычайный наоборот — с острым дефицитом. Однако в 90-е годы общий баланс был все же положительным.³

Деление бюджета на обыкновенный и чрезвычайный, по мнению Сабанти, преследовало две цели: во-первых, и это главное, давало возможность всегда сводить обыкновенный бюджет без дефицита, что всячески рекламировалось и было важно для привлечения иностранных инвесторов. Во-вторых, чрезвычайный бюджет позволял бесконтрольно расходовать нужные правительству суммы.

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь. С. 830.

² Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769—1906). Харьков, 1907. Т. 3. С. 136.

³ Сабанти Б. М. История финансов России. Л., 1985. С. 17.

По данным С. В. Вознесенского, за 1892—1903 гг. в чрезвычайный бюджет поступило 1 623 223 тыс. руб. доходов, а расходы составили 3 194 075 тыс. руб. Общий дефицит, таким образом, определился в 1 570 852 тыс. руб. Однако превышения доходов над расходами обыкновенного бюджета перекрыли этот дефицит и образовали даже довольно значительную сумму свободной наличности Государственного казначейства (на 1 января 1903 г. — 381 млн руб.). Но уже в следующем 1904 г. началась русско-японская война, которая поглотила эту наличность и потребовала крупных займов.¹ Однако к тому времени Витте как министр финансов находился уже в отставке и не нес ответственности за бюджет. Хотя Витте был принципиальным противником авантюры на Дальнем Востоке, но «расхлебывать кашу», в частности обеспечивать заем у Германии, пришлось ему.

Очевидно, что основные расходы, связанные с русско-японской войной и революционными беспорядками, имевшими место в 1905 г., в полной мере проявились в бюджете 1906 г. и были покрыты благодаря огромному французскому займу 1906 г., добытому Витте в сумме 857 млн. руб. Это спасло царский режим от финансового краха.

При рассмотрении финансово-бюджетной политики России конца XIX—начала XX в., которую осуществлял Витте почти единолично, держа в своих руках все нити управления, следует подчеркнуть, что путем реформ, используя различные манипуляции с бюджетом, часто скрытые от других, он смог добиться оздоровления финансов, что стало важной предпосылкой осуществления крупных преобразований в экономике России. Однако вопрос средств и цены такой политики, социальных последствий требует более подробного анализа доходов и расходов бюджета.

4.2. Доходы и налоговая политика государства

Ставя задачу стимулирования государственной экономики страны, Витте прежде всего заботился о росте доходов казны, от чего прямо зависела и «несдержанность в расходах».

¹ Вознесенский С. В. Государственное хозяйство России... С. 111.

Таблица 1

Государственные доходы России в 1891 и 1903 гг. в млн руб.

N п/п	Статьи доходов	1891 г.	1903 г.
Отдел I. Прямые налоги			
1.	Налоги казенные с «недвижимых» имуществ и подати	41,962	49,884
2.	Сборы с торговли и промыслов	34,430	67,590
3.	Сборы с доходов от денежных капиталов	12,142	17,776
	Итого	88,534	135,231
Отдел II. Косвенные налоги			
4.	Питейный доход	247,511	34,173
5.	Табачный	28,578	49,029
6.	Сахарный	20,857	75,542
7.	Нефтяной	10,175	31,968
8.	Спичечный	4,690	8,074
9.	Таможенный	120,733	241,466
	Итого	432,548	440,250
Отдел III. Пошлины			
10.	Гербовые судебные, канцелярские и на записи документов	25,201	48,981
11.	С переходящих имуществ	15,094	24,665
12.	С паспортов	4,355	—
13.	С пассажиров и железнодорожных грузов	8,848	—
14.	С застрахованных от огня имуществ	4,083	4,116
15.	Пошлины разных наименований	4,507	12,789
	Итого	62,089	107,291
Отдел IV. Правительственные регалии			
16.	Горный доход	2,806	0,347
17.	Монетный	0,225	5,570
18.	Почтовый	21,145	36,647
19.	Телеграф и телефон	11,299	21,597
20.	Доход от казенной продажи питей	—	542,288
	Итого	35,475	606,479
Отдел V. Казенные имущества и капиталы			
21.	Оброчные статьи и промыслы	12,608	24,419
22.	Лесной доход	16,921	62,051
23.	Казенные железные дороги	60,693	453,354
24.	Казенные заводские, технические заведения и склады	9,184	11,365
25.	Прибыли от принадлежащих казне капиталов	11,054	17,104
26.	Прибыли от участия казны в доходах частных железных дорог	4,636	2,366
	Итого	115,097	570,655
	Всего	921,746	2 209,781

О том, какими путями удалось этого добиться, лучше всего говорит сравнительный анализ статей доходов бюджета на 1891 и 1903 гг., проведенный С. В. Вознесенским (табл. 1).¹

Кроме указанных статей в доходную часть бюджета входили также доход от продажи государственных недвижимых имуществ, выкупные платежи с крестьян, возмещение расходов государственной казны и доходы разного рода. В данном случае они опущены, поскольку изменения за отмеченный период были незначительными.

Как следует из таблицы, изменения в основных статьях доходов составили:

Прямые налоги	+ 52 %
Косвенные	+ 2 %
Пошлины	+ 72 %
Регалии	+ 609 %
Казенные имущества и капиталы	+ 395 %

Однако, как обоснованно отмечает С. В. Вознесенский, эта официальная классификация дает совершенно превратные представления об объеме и составе ресурсов, служивших для удовлетворения государственных потребностей. По ней основной рост произошел не за счет налогов, а за счет государственных регалий и доходов от казенного имущества и капиталов. На самом деле, если перенести доходы от казенной продажи питей из регалий в косвенные налоги, каковыми они, по сути, и являются, то картина изменится радикально. Вознесенский произвел некоторые перемещения статей и предложил следующие данные:

Прямые налоги	+ 41 %
Косвенные налоги	+ 87 %
Пошлины	+ 74 %
Хозяйственные доходы	+ 112 %

Получается, что на самом деле в составе доходов государственного бюджета больше всего возросли доходы от государственного предпринимательства, затем косвенные налоги, пошлины и менее всего налоги прямые.

Так как в России пошлины носили по преимуществу фискальный характер, то многие экономисты справедливо относили их к особой разновидности косвенных налогов, соединив их с последними. Получается, что казна с помощью нало-

¹ Там же. С. 108—109.

гов получила в 1891 г. — 71 % всех доходов, а в 1903 — 79 %. Это говорит о том, что даже небывалое развитие хозяйственной деятельности казны при Витте не только не облегчило налоговое бремя, но еще больше его увеличило, а рост государственного хозяйства служил иным задачам, что будет рассмотрено ниже.

Приоритеты налоговой политики

Налоговая политика царского правительства в пореформенный период представляла собой смесь характерных черт переходного периода от феодального строя к буржуазному. Особенно рельефно это обнаружилось в организации прямого обложения. При феодальном строе, как известно, прямые налоги падают на лицо, при буржуазном — на имущество. В первом случае плательщиками являются податные сословия — в России крестьяне и мещане, во втором — все слои населения, получающие доход.

Еще в 1863 г. в европейской части страны подушная подать с мещан была заменена подомовым налогом, распространенным позже и на Сибирь. Для купечества вместо гильдийских пошлин, заменивших подушную подать еще при Екатерине II, в 1865 г. был установлен промысловый налог. Он в большей мере был «буржуазным», так как теснее связан с доходностью предприятия, хотя и не слишком обременительным.

В 1875 г. был впервые установлен налог и на помещиков — поземельный, в размере 17 коп. с десятины в год, однако большая часть доходов от поземельного налога получалась с крестьян. Так, если крестьяне в среднем платили до 35 % с дохода, то землевладельцы — только 5 %.

В 1885 г. был введен еще один буржуазный налог — с доходов от движимых капиталов, но в таких малых размерах, что давал казне всего 10—11 млн руб. в год.

Таким образом, налоговая политика правительства, повернув на буржуазный путь, пошла по нему так медленно, что имущие классы почти не ощущали ее тягот. Их по-прежнему несла лишь крестьянская масса, которая платила одновременно подушную подать или оброчную подать (для государственных крестьян), пока, наконец, в 1887 г. Бунге не решил-ся отменить для европейской России подушную и оброчную подати как анахронизмы. Вместо них на государственных

крестьян были наложены выкупные платежи, что, по сути, было сущим грабежом. По этому поводу известный славянофил Иван Аксаков метко заметил в газете «День»: «заставить государственных крестьян выкупать те земли, на которых они поселились, это все равно, что заставить дуб выкупать свои собственные корни».

Анализ налоговой политики России того периода свидетельствует, что в системе прямых налогов не было какого-либо единого принципа. На окраинах использовались и такие архаичные формы налогов, как оброк, подымный налог, кибиточная подать. Налоговая система отражала национальную политику царской России, которая сохранялась и при Витте. Между тем дефицитность государственного бюджета и расстройство денежного обращения уже в 80-е годы поставили вопрос о введении подоходного налога. Но против него были господствующие классы. Усиление же существующих прямых налогов на крестьян было далее немыслимо: недоимки по ним и так достигали огромных размеров. Поэтому Витте в первом же своем программном докладе о росписи на 1893 г. объявил себя принципиальным противником прямого обложения и откровенным защитником косвенного. Он находил, что последнее не только представляет большее удобство для правительства — население уплачивает налоги незаметно для себя, — но и наиболее справедливо с точки зрения плательщиков: они ведь могут потреблять облагаемые предметы лишь постольку, поскольку допускает их собственный кошелек. Цинизм этой «теории» Витте был очевиден многим, так как облагались налогами предметы первой необходимости (сахар, спички, керосин и др.). По этому поводу высказал возражения даже государственный контролер П. Х. Шванебах. Тем не менее косвенные налоги росли абсолютно и относительно.

Д. А. Лутохин отмечает, что уже с первых дней пребывания на посту министра финансов Витте начал активно повышать косвенные налоги. Правда, вследствие оппозиции в Государственном совете ему не удалось добиться восстановления соляного налога, но 9 ноября 1892 г. был повышен налог на пиво, 23 ноября — на хлебные вина и фруктовые воды, 14 декабря — на табак и т. д.¹

¹ Лутохин Д. А. Граф С. Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915. С. 25.

Вообще говоря, вопрос о прямых и косвенных налогах не был столь простым, как это нередко представляется. В 1893 г. вышла книга А. Н. Гурьева «Прямые и косвенные налоги: PRO и CONTRA», которая оказалась в библиотеке Витте. Автор подробно анализирует преимущества и недостатки прямых и косвенных налогов в техническом, политическом, экономическом, полицейском и других отношениях. Так, говоря о недостатках косвенных налогов в отношении народной нравственности, он отмечает их крайне растлевающее действие, так как громадная выгода соблазняет народ к утайке акцизов, контрабанде, фальсификации продуктов и др. Появляются целые классы населения, исключительно живущие обманом казны.

В заключение Гурьев говорит, что прямые налоги невольно привлекают к себе симпатию всякого цивилизованного человека и более соответствуют требованиям современной финансовой науки, но, насколько непрактично идеализировать прямые обложения, настолько непростительно идеализировать и косвенное обложение. «При современном положении вещей нельзя ставить дилемму: aut — aut. Нужно придерживаться золотой середины. Великий государственный человек Гладстон в одной из своих парламентских речей сказал: „Спор о прямых и косвенных налогах подобен спору о том, какие женщины лучше: блондинки или брюнетки, не знаю, как прочим, но мне нравятся и те и другие”».¹

Витте, несомненно, знал об этих соображениях (тем более, что привлёк Гурьева к работе в министерстве), однако делал ставку на косвенные налоги в силу относительной простоты их собираемости.

Слабое использование Витте прямых налогов для увеличения доходов казны объяснялось нерасположением его к этой форме обложения. «Платежи этого рода, — говорил он в докладе о росписи 1897 г., — вообще представляются наиболее стеснительными для населения, так как подлежат принудительному изысканию в заранее определенных окладах. Косвенные налоги, при всех их недостатках, представляют плательщикам возможность довольно широкого сообразования не только с общим уровнем своей хозяйственной зажиточности, но и временными колебаниями в прибытках. Этим

¹ Гурьев А. Н. Прямые и косвенные налоги: PRO и CONTRA. СПб., 1893.

весьма драгоценным свойством не обладают прямые налоги и пошлины». Указав далее на непостоянство доходов главной массы населения Витте заключает: «Нельзя не признать, что косвенные обложения должны иметь главенствующее значение в нашей податной системе».¹

Прямые налоги хотя и снижались относительно, но продолжали расти абсолютно. За 1891—1903 гг. они выросли на 65 млн руб., при понижении удельного веса с 17,8 % до 11 %. Абсолютный рост прямых налогов объясняется необычайным промышленным подъемом 90-х годов, в условиях которого Витте несколько усилил налоговый пресс и в отношении имущих слоев общества.

В 1894 г. был введен новый налог — квартирный, который оценивался С. Вознесенским как крайне неудачный суррогат подоходного и по своей уравнительности, и по ничтожности результата. Он взимался в городах в размере от 1,5 до 10 % с квартплаты и был, по сути, налогом на потребление. В 1903 г. он давал казне чуть более 4 млн рублей. Ему не подлежали квартиры помещиков в имениях.

Но главное увеличение дохода от прямых налогов дала реформа промыслового обложения, проведенная Витте в 1898 г., когда уже проявились плоды промышленного подъема. До того преобладали сборы за право торговли и промыслов, уплачиваемых за получение документов определенной стоимости. Новый закон гораздо большее место отводил обложению торговых и промышленных предприятий по их прибыльности, а для акционерных компаний установил прогрессивный налог с прибылей. Введенный в действие в 1900 г., он дал заметный прирост доходов в казну — почти 70 млн руб. против 48 млн руб. прежнего налога в 1898 г. В общем увеличение промыслового обложения для предпринимателей осталось необременительным, так как прибыли исчислялись приблизительно.

Эта сумма в сравнении со всей торговой и промышленной прибылью была незначительной величиной. К тому же шкала ставок обложения по промысловому налогу была составлена с таким расчетом, чтобы главная тяжесть его падала на мелкую промышленность и торговлю.²

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 12 томах. Т. 3. С. 385.

² *Погребинский А. П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 22.

Налог с капитала носил, скорее, номинальный характер: его ставки не зависели от размера капитала и составляли 15 коп. со 100 руб., т. е. 0,15 %. Не очень обременительны были сборы со специальных текущих счетов — 0,21 % годовых. Зато подати и личные налоги легли тяжелым бременем на плечи крестьян. В 1906 г. помещик уплачивал с каждой десятины своей земли поземельного налога и мирского сбора 26 коп., в то время как крестьяне платили 84,3 коп.

Одновременно Витте понизил налоги на помещиков, живших доходами от земли. В 90-х годах сельское хозяйство страны продолжало переживать кризис, начавшийся еще в 80-х годах. При Витте дворяне добились принятия манифеста 14 мая 1896 г., наполовину уменьшившего ставки поземельного налога на 10 лет.

Предоставив дворянству эту льготу, мотивированную наличием кризиса, правительство не могло, конечно, игнорировать и проблемы крестьянства, отягощенного голодом 1891 и 1892 гг. В 1894 г. местной администрации было предписано разобраться в причинах крестьянских недоимок, после чего сроки выплат были продлены, что несколько уменьшило годичные платежи крестьян. Понадобилось крестьянское движение 1905 г., чтобы заставить правительство провести действительное облегчение прямого обложения крестьян, отменив совсем выкупные платежи.

Принципиальная ставка Витте на косвенные обложения привела к значительному росту общих налоговых доходов бюджета.

Рост налогового бремени

В «Конспекте лекций» Витте утверждал, что во всех прогрессирующих в экономическом отношении странах потребление быстро возрастает без всяких изменений в размере самого налога. «Косвенное обложение дает государству все более и более возрастающий доход вследствие увеличения численности населения, роста благосостояния и т. д.».¹

В России огромное увеличение косвенных налогов объясняется, конечно, не столько ростом потребления, сколько прямым усилением налоговых ставок. Первый этап повы-

¹ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 473.

шений относится к периоду, непосредственно следовавшему за неурожаями 1891 и 1892 гг., сильно ослабившими средства казны. Так, в 1892 г. был увеличен акциз с нефтяных масел на 20 коп. с пуда (до 50 коп. против 30), со спичек — вдвое, со спирта — с 9,25 до 10 коп. с градуса, с пива по 10 коп. с ведра, в следующем году с сахара — с 1 руб. до 1 руб. 85 коп. за пуд.¹

Мотивом для нового повышения косвенных налогов послужило участие России в подавлении боксерского восстания в Китае. Так, в 1900 г. питейный акциз был еще раз увеличен — до 11 коп. с градуса, табачный — на 2 руб. с пуда. После введения в 1892 г. усиленного покровительственного тарифа таможенное обложение повышалось еще несколько раз. Первоначально это касалось отдельных предметов ввоза — чая, хлопка, тканей и некоторых других, затем в июне 1900 г. список был расширен более чем на 100 статей, а в январе 1903 г. — введен ряд новых повышений пошлин.

Постоянное повышение прямых и косвенных налогов значительно увеличило общее налоговое бремя населения. Если на одного жителя России в 1895 г. приходилось 5 руб. 40 коп. всех налогов (из них 67 % косвенные), то в 1905 г. — 7 руб. 07 коп. (из них 75 % косвенные).

Современники Витте, представители экономической науки, оценивая финансовую и налоговую политику Витте, неизменно подчеркивали ее фискальный характер. Так, М. И. Боголепов отмечает, что население России отдает правительству в форме всяких налогов около 30 % валового дохода страны (цифры 1901 г.), между тем как в самых богатых странах это отношение колеблется между 5—10 %. Наш бюджет всецело опирается на косвенные налоги, замаскированные различными монополиями, регалиями, пошлинами. Прямые налоги ничтожны в сравнении с косвенным обиранием народа, промысловые обложения, во-первых, низки, во-вторых, с удобством перелгаются на потребителя. Таможенные пошлины носят истинный характер налогов на потребление и в значительной мере существуют только в фискальных целях. Для иллюстрации автор приводит данные 1897 г., характеризующие систему обложения потребления. Таможенный налог (в коп.) на фунт чая: Россия 79, Англия — 17 коп., Голландия —

¹ Вознесенский С. В. Государственное хозяйство России. С. 115.

8 коп. Потребление чая (в фунтах) на жителя России — 0,8; Англия — 6,7; Голландия — 1,5.

В начале XIX в. в Англии было чрезмерно развито косвенное обложение. Характеризуя эту изнурительную систему обложения, консервативный член парламента лорд Брум сказал, что «налоги существуют у нас на всякий предмет, который попадает в рот, покрывает тело или лежит под ногами: налоги на все, что принято видеть, чувствовать, нюхать или осязать».

Подобно Бруму, такую же картину нарисовал в конце XIX в. член русского сельскохозяйственного комитета Зубрилин: «Не хочешь спать по 17 часов — плати акциз на спички и керосин, хочешь покурить — плати акциз на спички и табак, хочешь выпить рюмку водки — плати в 15 раз дороже действительной стоимости, а если водку желаешь заменить чаем, плати за чай, сахар втрое дороже, чем они стоят на самом деле; хочешь пахать плугом — плати таможенную пошлину на железо и т. д. и т. п. Вообще куда ни повернись сельский обыватель, везде он чувствует, что с него берут, берут, берут».¹

По мнению Боголепова, вместо косвенных лучше вводить прямые налоги, в частности подоходный. Идея о его введении возникла еще при Вышнеградском. Законопроект был подготовлен в 1892 г. и разослан на заключение представителям бюрократических ведомств. Но Витте после отзывов вынужден был надолго упрятать его «под сукно».

Оценивая налоговую политику, важно отметить, что наиболее интенсивное увеличение налогового бремени происходило в период социальных сдвигов в деревне, где жила основная часть налогоплательщиков. Наряду с объективным процессом расслоения крестьянства особенно явно проявлялся регрессивный процесс — обнищание, пауперизация огромных масс крестьянства на почве аграрного кризиса. А. А. Радчиц писал в 1903 г.: «По примеру прошлых лет наш бюджет на 1903 г. вновь указывает на значительное возвышение как доходов, так и расходов, так что со стороны можно подумать, что благосостояние населения России продолжает расти. Но это кажущееся финансовое благополучие, при ближайшем рассмотрении экономического положения 30 % сельского населения России — совершенно исчезнет...

¹ Боголепов М. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1908. С. 196.

Надо пожить в деревне, надо видеть ее вопиющую бедность, чтобы понять, что так жить нельзя, — писал Радцих. — Теперешние высокие налоги взимаются не из изобилия, а из имущества, отчуждение же скота влияет на дальнейшее обеднение сельского населения, необходимо понизить налоги».¹

Налоги и доходы населения

Система прямого обложения отличалась огромной пестротой и существенным различием в тяжести обложения для имущих и неимущих классов. При общей сумме доходов бюджета в 1901 г. — 1704 млн — сумма прямых налогов вместе с выкупными платежами составила 276,1 млн руб. Из этой суммы промысловый налог для предпринимателей составил 62,7 млн руб. Точно вычислить сумму платежей помещиков невозможно, но, по данным Б. М. Сабанти, она не превышала 12—15 млн руб. В итоге на долю имущих классов приходилось меньше 1/3 прямых налогов.

Косвенные налоги составляли сумму в 652,3 млн руб., но из них лишь около 10 % падало на долю имущих. Так становится очевидной степень социальной справедливости налоговой политики правительства.

Рост налогообложения значительно опередил рост доходов населения. За 20 лет (1894—1914 гг.) доход на душу населения возрос на 24 %, тогда как налоги на душу за 15 лет (1895—1910 гг.) увеличились с 10,4 до 17 руб., т. е. на 63 %. Подавляющая часть налогов уплачивалась малоимущими.²

Необходимо учитывать, что в России уровень доходов на душу населения был гораздо ниже, чем в европейских странах. Даже в 1914 г., по данным А. Н. Шингарева, он не превышал 9 фунтов стерлингов, тогда как в Англии — 49 фунтов, Франции — 37, Германии — 31.³ Если учесть, что курс рубля в 1914 г. составил за 100 фунтов — 1150 руб., то получается, что доход на душу населения составил около 100 руб. в год в среднем. Однако показатель среднего дохода на душу населения мало отражает уровень доходов мировых народных масс.

¹ Радцих А. А. О государственной росписи на 1903 год. СПб., 1903. С. 3.

² Сабанти С. М. История финансов России. Л., 1985. С. 15.

³ Шингарев А. Н. Война и финансы // Ежегодник газеты «Речь» за 1916 г. С. 324.

К концу XIX в. 82 % населения России жило в деревне, численность рабочих достигла 3 млн человек (а с семьями 12—13 млн) или еще 10 %, что в совокупности превышало 94 %. Реальная зарплата рабочего в месяц в начале века составляла около 20 руб. (при 5 неработающих членах семьи в среднем). Крестьянское хозяйство XIX в. приносило 70 руб. дохода при среднем расходе 102 руб. Подати и сборы с такого хозяйства составляли 10 руб. Для того чтобы прокормить семью, крестьянин вместе с женой должен был зарабатывать еще на стороне. Общий годовой доход крестьянской семьи составил 143 руб., это заметно ниже, чем даже семьи рабочего, хотя крестьянские семьи были многочисленнее.¹

По данным Н. Фридмана, прямых налогов на душу населения приходилось 98 коп., косвенных — 5 руб. 15 коп., в том числе акциза со спирта и вина — 2 руб. 18 коп., с табака — 31 коп., с сахара — 53 коп., с керосина 21 коп., со спичек — 6 коп.²

Эти цифры не учитывали значительной суммы местных налогов (земских и городских сборов). Для полноты картины надо учесть, что средний доход на душу населения у рабочих не превышал 35—40 руб. в год, у крестьян был еще ниже.

Принципиально преобладавшая косвенная система налогов, основанная на обложении предметов первой необходимости, самая выгодная для государства. Она обеспечивает бюджет устойчивыми доходами, поскольку потребление этих предметов практически не зависит от их цены. Прямым следствием этих налогов является дальнейшее обнищание трудовых масс. К тому же в системе Витте упор был сделан на винную монополию. Рост доходов бюджета вел в итоге к спаиванию масс и их еще большей бедности.

Следует отметить, что установленная при Витте система налогов не претерпела существенных изменений при его преемниках на посту министра финансов (Э. С. Плеске, И. П. Шипове, В. И. Коковцове) вплоть до начала первой мировой войны.

Интересна оценка финансовой системы России начала века, данная министром финансов Временного правительства А. И. Шингаревым: «Доходы собирались с населения, полу-

¹ Чаянов А., Студенский Г. История бюджетных исследований. М., 1922. С. 22.

² Фридман Н. Наша финансовая система. Опыт характеристики. СПб., 1905. С. 11.

чали или получались от казенных имуществ, казенных капиталов и предприятий. Налоги были несправедливыми, тяжелыми для малосостоятельных людей и очень льготными для богатых. Прямые налоги, то есть налоги на землю, на дома, на торговые и промышленные предприятия, на капиталы, были очень невелики».¹

Для того чтобы обеспечить быстрый рост государственно-го бюджета, Витте пришлось идти на значительное увеличение налогового бремени для населения, к тому же в распределении этого бремени были явные социальные перекосы, имевшие драматические политические последствия для страны.

В конце XIX в. в России в результате преобразований Витте возникает принципиально новая система формирования доходов бюджета. Заметное снижение доли прямых налогов в пользу косвенных и значительное увеличение неналоговых поступлений (в частности, от винной монополии, государственных имуществ и железных дорог) означали, что большая часть бюджета формируется через каналы, на которые не оказывают влияния условия хозяйствования, иначе говоря, обеспечивается относительная независимость бюджета от экономической конъюнктуры рынка.

Рост государственных потребностей, в частности огромные военные расходы, масштабное железнодорожное строительство, обслуживание большого государственного долга и другое создавали постоянное напряжение бюджета. В результате реформ и активной финансовой политики Витте смог добиться желаемых целей — сбалансировать бюджет и обеспечить приток капиталов для индустриализации страны, однако это удалось слишком высокой ценой — перенапряжением податных сил, обнищанием деревни, что отозвалось громом революционных потрясений России, прервавших нормальное развитие экономики по рыночному пути.

4.3. Расходы бюджета и винополия

Другой не менее интересной стороной финансово-бюджетной политики Витте являются расходы государственного бюджета. Их значительный общий рост говорит о расшире-

¹ Шингарев А. И. Финансы России во время войны. Пг., 1917. С. 4.

нии казенного хозяйства, а изменение отдельных статей — о приоритетах в экономической и социальной политике царского правительства¹ (см. табл. 2).

Чрезвычайные расходы сравнивать трудно, поскольку они значительно колебались по годам: в 1892 г. — 240,3 млн руб., в 1903 г. — 170,6 млн руб. Из них на сооружение железных дорог и выкуп частных дорог в казну 44,3 млн в 1892 г. и 165,6 млн в 1903 г.

В рассмотренный период обыкновенные расходы увеличились на 107,5 % и заметно отставали от роста обыкновенных доходов (+ 128 %), анализ отдельных статей расходной части бюджета говорит, что расширение имело место главным образом по Министерству путей сообщения и Министерству финансов. Затем идут расходы на оборону и обеспечение внутреннего порядка. Что касается расходов социальных и культурных, то заметный рост касался лишь отдельных сторон общественной жизни. Оценивая изменения, надо учитывать, что Витте, вероятно, манипулировал отдельными статьями как доходов, так и расходов, что-то делалось скрытно даже от глаз государственного контроля, поэтому официальный бюджет не дает, очевидно, полной и адекватной картины финансово-бюджетной политики царского правительства.

Как считает Б. М. Сабанти, абсолютизм самодержавия создавал условия для бесконтрольного непроизводительного использования мобилизуемых в государственный бюджет средств. Большая часть из них шла на милитаризацию страны, нужды императорского двора и бюрократического аппарата, репрессивно-полицейские функции.

Представляется, что подобного рода оценки не вполне точны. Часть средств шла на производительные цели, прежде всего на огромное железнодорожное хозяйство. В то же время нельзя отрицать, что огромные расходы были связаны с милитаризацией страны, что в известной мере носило вынужденный характер вследствие международной обстановки. Как отмечает М. М. Арцыбашев, «резкая политика Германии, руководимая железным канцлером Бисмарком, не могла не влиять на общее равновесие политических сил. Было провозглашено новое обоснование государственного права, которое опиралось на силу

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь... С. 838.

Таблица 2

Обыкновенные расходы госбюджета, тыс. руб.

Ведомство	1892 г.	1903 г.	В 1903 г. более, чем в 1892 г. в %
Высшие гос. учреждения	2865	3662	28
Святейший синод	11466	28517	130
Министерство Императорского двора	10525	15941	52
Министерство иностранных дел	4753	6116	29
Министерство военное	236159	352420	49
Министерство морское	48186	113937	136
Министерство финансов	120178	366382	205
Министерство земли и гос. имущества	24154	51843	114
Министерство внутренних дел	67624	100145	48
Министерство народного просвещения	21745	39353	87
Министерство путей сообщения	67407	456427	577
Министерство юстиции	24506	33112	35
Управление тюрьмами	14493	16000	10
Государственный контроль	4277	8383	96
Управление гос. конезаводами	1266	2077	64
Система государственного кредита	251078	288714	15
Итого	910687	1883026	107

штыков. Эта политика получила название „мирной политики вооруженных сил”. На самом же деле, прикрываясь мирной политикой, каждая держава стремилась исключительно к поднятию своего военного могущества».¹

По подсчетам экономиста Тери, военные издержки Европы уже в 1891 г. достигли чудовищной цифры 4 млрд 612 млн франков, в 1896 г. исчислялись в 5 млрд 342 млн, а в 1901 г. составили 6 млрд 275 млн.

Такие непосильные расходы на военные цели в 1896 и 1897 гг. поглотили во Франции 63,1 %, а в Англии — 72,8 % всего бюджета.²

По вычислению же «Revue de lapatx», «военные расходы в настоящее время ложатся на каждую душу населения во

¹ Арцыбашев М. М. Грядущая гибель России. СПб., 1908. С. 5.

² Морской А. Военная мощь России. Пг., 1915. С. 125.

Франции в сумме — 25,5 фр.; в Англии — 24,2; Германии — 16,5 фр.; России — 8 фр.»¹

А. Морской приводит данные сравнительного увеличения расходов страны по военно-морской обороне. За период с 1892 по 1902 г. они возросли: во Франции — на 9,7 %; в Германии — на 35,4 %; в Австро-Венгрии — на 31,6 %; в России — на 43,7 %, т. е. больше, чем во всех указанных странах.²

Витте был противником «военных комплектаций» и роста военных расходов, но в правительстве было немало сторонников поддержания военной мощи России как великой державы, включая царя, и Витте приходилось проводить соответствующую финансовую политику, изыскивая дополнительные ресурсы. Об этом говорят документы:

«Его императорское величество, повелев Высочайшим указом 24 февраля 1898 г. отпустить 80 млрд руб. на потребности военного судостроения, во Всемиловейшем рескрипте на имя министра финансов соизволил указать, что ассигнование столь значительной суммы оказалось возможным, не прибегая к заключению займа, лишь вследствие соблюдения необходимой бережливости в финансовом хозяйстве.

Вместе с тем высочайше повелевалось и впредь преследовать экономию в государственных расходах для всемерного охранения бюджетного равновесия, в коем заключается оплот могущества и благосостояния империи нашей».³

Расширение казенного хозяйства шло в значительной мере по линии железнодорожного строительства и выкупа в казну частных дорог, что особенно интенсивно проводилось в 90-е годы при Витте. Эксплуатация железных дорог казне обходилась очень дорого. Если доходы за 1892—1903 гг. возросли с 120 до 484 млн руб., то расходы с 142 до 566 млн руб. (по обыкновенным и чрезвычайным частям), т. е. с убытком для казны. Таким образом, развитие железнодорожного хозяйства требовало приплат из бюджета. Следует подчеркнуть, что в тот период Витте решил две задачи: во-первых, развития транспортной системы как важного элемента рыночной инфраструктуры страны и, во-вторых, обеспечения государственными заказами отечественных производителей, что служило важным стимулом развития тяжелой промышленности, индуст-

¹ Там же. С. 126.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 103.

стриализации России. Очевидно, что данную функцию необходимо признать производительной, хотя в советский период акцент здесь делался преимущественно на негативе — поддержке частного капитала. Если отвлечься от сугубо классового подхода, то видно, что в этом политика правительства служила целям экономического развития страны.

Интерес представляют расходы Министерства финансов, которые также значительно возросли. Как отмечает Н. Кутлер, у Министерства финансов почти половина расходов в 1903 г. приходилась на казенную продажу питей. К ним, в частности, относились расходы по устройству винных складов и магазинов, надзору за продажей вина, на финансирование мероприятий обществ трезвости и др. Вопрос алкогольной политики представляет особый интерес и будет подробнее рассмотрен ниже.

Если эти издержки исключить, то рост расходов за 12 лет составил всего 60 %, т. е. немного больше, чем у других ведомств. Кутлер указывает причины роста остальных расходов: усиление состава податной инспекции и введение ее на окраинах; усиление акцизного надзора по поводу казенной продажи вина; преобразование таможенной стражи; меры по улучшению торгового мореплавания; меры по распространению коммерческого и морского образования.

Значительных затрат потребовало преобразование таможенной стражи в пограничную. Оно вызывалось недостаточной численностью и плохой организацией прежней стражи и увеличивающейся контрабандой вследствие повышения таможенного тарифа 1891 г. Пограничной страже была придана военная организация, что значительно увеличило расходы. Примечательно, что штатский Витте стал при этой реформе шефом пограничной стражи и получил генеральский мундир.

При Витте получило широкое развитие особое хозяйство, в значительной мере внебюджетное, на счет кредитных операций, касающееся преобразований в области денежного обращения и системе государственного кредита. Денежная реформа Витте рассматривается ниже, однако можно отметить, что расходы на ее подготовку и проведение пришлось покрывать Минфину, в частности, меры по накоплению золотого запаса и укреплению курса рубля, борьбе со спекуляцией и др.

Мероприятия по улучшению торгового мореплавания, выразившиеся в создании особого управления им, сооружений портов и т. п., также потребовали значительных трат Министерства финансов. Сюда можно отнести и расходы по разведке Северного морского пути. Единственный в стране ледокол «Ермак» находился на балансе Министерства финансов. Наконец, нельзя не указать на финансирование мероприятий по развитию коммерческого и профессионального образования в России, активным проводником которых стал С. Ю. Витте. По его инициативе в 1894 г. был принят закон о подчинении коммерческих училищ Министерству финансов. До 1894 г. в стране было всего 8 коммерческих училищ, с 1896 по 1902 г. их открылось 147. Кроме того, были утверждены три политехнических института: в Киеве, Варшаве и Петербурге. Витте заботился также о распространении в рабочей среде технологических сведений, об устройстве сельских ремесленных учреждений, о художественно-промышленном, женском профессиональном образовании.¹

Витте привлек к делу коммерческого образования средства земских, городских сословных учреждений и частных лиц. Из 31 млн руб., израсходованных на сооружение и оборудование учебных заведений финансового ведомства, на казну пошло лишь 11 млн, из 4,3 млн ежегодного расхода на эти заведения казна внесла лишь 1,4 млн руб.; прочие расходы были покрыты из других источников. «Эта широкая деятельность по развитию коммерческого образования находится в резком контрасте с застоём учебного дела по Министерству народного просвещения», — отмечает Кутлер.²

Действительно, анализ бюджета Министерства просвещения говорит о мизерных средствах, ассигнуемых казной на эти цели, хотя темпы роста (за 10 лет — 81 %) выглядят неплохо, однако сама сумма — в 39 млн руб. — в 1903 г. для России никак не соответствовала потребностям страны, где большинство населения оставалось неграмотным. Правда, необходимо отметить, что вопросами начального образования занимались также Священный синод (в ведении которого находились церковно-приходские школы) и органы местного

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь. С. 839.

² Там же.

самоуправления, земские и городские, делавшие немало в этом направлении.

Следует обратить внимание на то, что в государственном бюджете отсутствовала статья расходов, связанная со здравоохранением. Все больницы и другие медицинские учреждения находились в ведении либо муниципальных органов, либо отдельных ведомств, как например Военно-медицинская академия. Отсутствовала также статья государственных расходов на нужды культуры: театры, музеи, библиотеки содержались на частные либо общественные деньги. Министерство двора выделяло средства на содержание нескольких императорских театров.

В стране не было даже зачатков цельной системы социального обеспечения, пенсии по старости и инвалидности выплачивались отдельными ведомствами своим сотрудникам, в частности Министерством финансов, в бюджете которого имела отдельная статья на эти цели.

В целом, оценивая расходы государственного бюджета, С. В. Вознесенский считает, что приоритетами финансовой политики были, во-первых, расходы на поддержание внутреннего порядка и внешней безопасности (в 1891 г. — до 57 %, в 1903 г. — почти 45 %); во-вторых, на свои хозяйственные предприятия (1890 г. — 5 %, в 1903 г. — 31 %), в-третьих, на обслуживание государственного долга (1891 г. — 27 %, 1903 г. — 15 %).¹ Расходы на социальные нужды абсолютно и относительно составляли ничтожную часть бюджета, и в этом плане можно говорить практически об отсутствии социальной политики правительства, что, впрочем, было характерно в тот период и для более развитых стран Запада.

*«Пьяный бюджет»:
доходы и расходы*

Как уже отмечалось, в 1903 г. почти половина расходов Министерства финансов приходилась на казенную продажу питей. Этот вопрос тесно связан с винной монополией казны, которая имела экономические и социальные аспекты.

В энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона по этому поводу сказано следующее: «Изменения косвенного

¹ Вознесенский С. В. Государственное хозяйство России. С. 111.

обложения имели характер заурядных мер, в изобилии применявшихся в России как до Витте, так и после него, и мало характеризуют его финансовое управление. Иное значение имеет осуществленная при Витте замена акцизной системы обложения спирта и вина казенной монополией торговли питьями: здесь Витте является новатором. Питейная реформа имела целью, с одной стороны, увеличивать доходы казны, обратив в ее пользу те прибыли, которые раньше поступали торговцам вином, с другой — дано правительству орудие для борьбы с вредными сторонами питейного дела, в интересах поддержания доброй нравственности, предупреждения экономического упадка населения и охраны народного здоровья». Эта последняя мысль неоднократно повторялась в докладах и записках Витте.

Полные финансовые результаты очевидны, доходы от винополии повысились до 500 млн рублей в год и составляли в 1902 г. $\frac{1}{4}$ бюджета. «Что касается нефинансовых результатов реформы, то теперь никто не говорит о влиянии казенной продажи питей на уменьшение пьянства и на поднятие народной нравственности».¹

История алкогольной политики в России насчитывает несколько веков. Многие государи пытались установить свою монополию на продажу питей как источника доходов. Первым это сделал Иван III, Иван IV (Грозный) учредил «Царский кабак».

В первой половине XIX в. действовала система откупов, когда частные лица, дворяне и купцы откупали право на производство и реализацию вина, платя дань в казну. На откупках сделали огромный капитал многие известные предприниматели, такие как Василий Кокорев, Иван Мамонтов, братья банкиры Поляковы и др.

При М. Х. Рейтерне в 1863 г. была внедрена акцизная система, отменившая откупа, провозглашалась свобода производства всех спиртных напитков и торговля ими. Объектом обложения был объявлен объем выкуриваемого спирта; помимо этого, вводился патентный сбор с торговых заведений. Это сразу прибавило средств казне. Сам размер акциза постоянно повышался: 1863 г. — 5 руб. с ведра; в 1892 г. — 10 руб.,

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 12 т. Т. 3. С. 386.

однако его доля в обыкновенных доходах бюджета снизилась с 32,2 % в 1865 г., до 25,2 % в 1892, что было связано с сокращением реализации и потребления спиртного. Вышнеградский пытался ввести винную монополию казны, но этого удалось добиться лишь Витте.

По возможности ставилась задача повышения культуры потребления спиртного широкими слоями населения. Одновременно с введением монополии были созданы общества и утвержден «Устав попечительства народной трезвости». По этому поводу в печати было немало иронии, но это было серьезное и полезное начинание: Россия в то время была единственной страной, в которой за казенный счет содержались учреждения, отвлекавшие народ от пьянства. Этой цели служило открытие библиотек и читален, поощрение художественной самодеятельности, спортивных кружков и т. п.

Выкурка спирта осуществлялась частными заведениями, но заготовка и реализация находились в руках казны. Заводы получали задание на поставки (госзаказ) по определенной цене, которая уточнялась ежегодно Министерством финансов на основе специальных исследований и с учетом затрат на производство.

Систему разверстки дополнили торги, цены на них были выше, но финансовое ведомство следило, чтобы сохранялась конкуренция. Стремления сбить цену на торгах не было, проявлялось внимание к средним и малым заводам с тем, чтобы они не стали убыточными и давали качественную продукцию.

Существовали многочисленные ограничения на время, количество продукции и само расположение лавок, их запрещали ставить вблизи храмов, школ и публичных мест.

За термином «казенная продажа питей» стояла целая самостоятельная отрасль. В ней работало около 40 тыс. человек, имелись очистные и разливные пункты, склады вина, казенные винные лавки и магазины. Отрасль располагала своим транспортом. Число казенных винных складов по стране превышало 300, а казенных лавок — 30 тысяч. Все это хозяйство требовало немалых расходов казны, но экономически они себя оправдали, казна получила существенную прибавку в бюджете. С. И. Лунин приводит следующие данные:¹

¹ Лунин С. И. Водка и финансы. Немного истории // Вопросы экономики. 1996. № 6.

**Экономические показатели внедрения винной монополии
в России (млн руб.)**

Показатели	1895 г.	1900 г.	1905 г.	1910 г.
Валовой доход от питей	23,2	272,7	611,6	764,4
Прибыль казны от замены акциза на казенную продажу	4,5	34	104,8	176,1
Питейный доход в бюджет	296,0	436,1	641,2	808,4

Столь резкое увеличение доли доходов бюджета от продажи водки позволило одному из современников назвать бюджет «пьяным».

Известный специалист в данном вопросе профессор И. А. Сикорский издал в 1912 г. книгу «Основы алкогольной политики в России», которая оказалась в библиотеке Витте. Там он, в частности, писал: «От налога на спирт не отказывается ни одно государство. Этот косвенный налог повсюду из года в год автоматически повышается. Хотя такое повышение не чувствуется потребителем, но оно является бессознательной уздой, которая в окончательном выводе равномерно сдерживает потребление, замыкая его в некоторые рамки. Благодаря этому налог на спирт явился во всех странах деятельным орудием борьбы с пьянством. В Англии акциз на вино в два раза выше, чем в России, и сама тенденция к дальнейшему повышению прочно поддерживается. А с другой стороны, всякое уменьшение акциза на спирт оказывалось всегда опасным по своим последствиям. Эксперимент с нашей «дешевкой» (дешевая водка 50—80-х годов прошлого столетия — после отмены откупов) привел в свое время к усиленному потреблению напитков, которое вскоре сделалось роковым и гибельным по своему влиянию на народное здоровье и нравственность и показало необходимость правительственной борьбы с пьянством». Автор дает следующую статистику душевого потребления по Европейской России (ведер спирта на душу). В 1866 г. — 0,37; 1876 — 0,34; 1887 — 0,27; 1892 — 0,20; 1904 — 0,22; 1907 — 0,24.¹

Сам Витте пытается объяснить фактический поворот дела началом русско-японской войны и правлением Коковцова, который обратил внимание на монополию, главным обра-

¹ Сикорский И. А. Основы алкогольной политики в России. Киев, 1912.

зом, с точки зрения фиска, «дабы извлечь из этой реформы наибольший доход...» ...«не уменьшение пьянства ставилось и ставится акцизным чиновникам в особую заслугу, а увеличение питейного дохода», — пишет он.¹ В 1912 г. выступая в Госсовете, Витте уже прямо и резко критиковал за это Коковцова.

Видимо, эта критика была вызвана публикациями, в частности в 1911 г. в Самаре вышла книжка «Пощадите Россию», которая также оказалась в библиотеке Витте. Это было издание члена Государственной думы М. Д. Чельшева. Дело в том, что еще в 1908 г. по решению Государственной думы была создана особая комиссия для борьбы с пьянством, подготовившая законопроект. Чельшев как член комиссии получал письма, часть которых решил опубликовать. В книге приведены 150 обращений из разных концов России. Вот, например, письмо из Вологодской губернии: «Имеем честь покорнейше просить господ членов Государственного Совета о прекращении продажи водки ввиду безвыходного положения крестьян, от которых требуется труд для прокормления их семей. При этих же плачевных обстоятельствах крестьяне совсем обнищали, выбились из последних сил — водка слишком много губит русского народа, и темный люд легко поддается этой пагубе, пьянство везде распространилось страшное». Среди подписавших обращение священники, учителя, обыватели, члены обществ трезвости. В письме из Самарской губернии: «Ради бога, ради народа, помните, что среди насущнейших нужд народных борьба с пьянством самая главная, потому что пьянство как тля съело всю страну, так как в пьянстве гибнут все политические, экономические, духовные и физические блага России, и от сего сама Русь теряет с этим свой былой державно-мощный и светлый облик».²

В 3-й Государственной думе вопрос о пьянстве получил особое звучание: «Народ стал хотеть и хочет страстно навсегда заколотить кабацкие двери». В левой прессе Витте, как автора монополии, называли не иначе, как «кабатчиком», а государственный бюджет — «пьяным».

Известный юрист А. Ф. Кони пишет в отрывочных воспоминаниях: «Много речей посвятил Витте страстной защите

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 84.

² Поощадите Россию! Издание М. Д. Чельшева. Самара, 1911. С. 89.

казенной продажи питей, практическое осуществление которой, чрезвычайно увеличив доход казны, однако, не достигло той цели, которую, по его словам, имела эта реформа, принятая исключительно для борьбы с неумеренным потреблением народной водки с вредными примесями».

«Винополия», как называл народ казенную продажу питей, очень увеличила питейный доход, но пьянство развилось чрезвычайно. Со времени введения монополии в 1894 г. в течение 20 лет население России увеличилось на 20 %, а доход этот возрос на 133 %. Если в 1902 г. в вытрезвителях Петербурга побывал один человек на 23 обывателя, то в Берлине — один на 320 обывателей.

«Казенная лавка, с точки зрения вытрезвления населения, — пишет Кони, — не исполнила своей главной обязанности: не упразднила старого питейного дома с его атрибутами — с продажей вина в долг и допущению к распитию малолетних и пьяных, покуда последние могут держаться на ногах. Этот питейный дом из явного стал тайным, т. е. более опасным. Трудно даже сказать, какое впечатление было тяжелее: от старого грязного кабака, давно осужденного нравственным сознанием народа и терпимого как неизбежное зло, или от благообразной и горделивой своей чистотой винной лавки, у дверей которой в начале рабочего дня нетерпеливо толпились изможденные поставщики питейного дохода, выпивая свои «мерзавчики» на пустой желудок. Казенная лавка, понятно, не могла допустить распития водки в своих стенах, но это распитие переносилось на ближайшее укромное место, улицу или семью, захватывая собой даже малолетних...

Отдавая справедливость энергии Витте в узаконении, упрочении и защите им своего замечательно организованного детища, приходится, однако, признать, что детище это совершенно не оправдало возлагаемых на него надежд», — дает свою оценку Кони.¹

Витте в «Воспоминаниях», подчеркивая финансовый успех «винополии», отмечает преимущество самодержавия. Когда обсуждалась возможность использования опыта России во Франции, то он получил «весьма умный» ответ от

¹ Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925. С. 47.

французского чиновника: «...чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие, чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного, но и с большим характером».

«Действительно, — продолжает Витте, — если бы император Александр III не обладал этим свойством, то и реформу я никогда бы не был в состоянии ввести. При парламентском режиме вообще, а при республиканском в особенности введение такой реформы почти немыслимо, так как она затрагивает столько интересов высших лиц и вообще лиц с достатком, что по нынешнему времени никакой парламент такой реформы не пропустит».¹

Последнее положение подтверждается и мировым, и российским опытом, ни в одной стране, кроме царской России, не удалось добиться того, что сделал в свое время Витте. Даже находясь в отставке, Витте упорно продолжал отстаивать свое детище, утверждая, что его политику извратили.

В январе 1914 г. он выступил вновь с резкой критикой В. Н. Коковцова, обвинив его, в частности, «в спаивании народа». Витте утверждал, что питейный доход государства за 10 лет с 1903 по 1913 г. подскочил на 500 млн руб., т. е. на сумму, в три раза превышающую бюджет Министерства народного просвещения. «Русский народ, — заявил Витте на заседании Госсовета, — тратит в год на водку миллиард рублей, а государство тратит на просвещение только 160 млн рублей». Это выступление Витте вызвало настоящую стычку между ними. Коковцов заявил, что не 500 млн, а 320 млн, увязывал увеличение продажи с ростом населения, подчеркивал, что ему пришлось действовать в условиях войны и революции, приспособляться к Думе и считаться с фактом постоянного увеличения расходов на оборону, выросших за последнее десятилетие на 500 млн рублей. При этом он доказывал, что именно Витте в свою бытность министром финансов положил начало резкому повышению цен на вино, которое можно было бы расценивать как «выколачивание» средств из народного кармана. Коковцов даже обратился к царю с жалобой на поведение Витте, которую Николай II встретил сочувственно и просил Коковцова не обращать внимания на дерзость Витте, «так как все оценят его неожиданную склонность к народ-

¹ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 86.

ному отрезвлению после того, что он сам 10 лет только и делал, что поощрял увеличение потребления водки».

«Горделивая уверенность Витте в непоколебимости казенно-питейной монополии через полгода после произнесения им в январе 1914 г. последней речи по этому предмету была неожиданно и решительно опровергнута. Казенная продажа питей была особым указом царя уничтожена ввиду бесплодности ее существования для борьбы с разлившейся по России широкою волною пьянства. Это не могло не отразиться и на душевном настроении Витте. Он замолк, и сколько мне помнится, ни разу более не выступал в Государственном Совете», — пишет А. Ф. Кони.¹

Алкогольная политика, несомненно, была существенной составляющей общей финансово-бюджетной политики Минфина. Сущность реформы и несомненная заслуга Витте заключались в том, что он смог поставить доходы от алкоголя на службу интересам государства, впервые предложил комплексный подход в политике, включавшей культурные аспекты борьбы за трезвый образ жизни народа. Очевидно, на первом этапе (до 1902 г.) ему удавалось достигать поставленных целей: рост доходов в бюджет шел без увеличения потребления алкоголя, однако в дальнейшем произошел поворот в политике. Финансовые трудности, вызванные войной и революцией, заставили правительство, и в частности Коковцова — как министра финансов, основной акцент сделать на фискальной стороне алкогольной политики. Представляется, что винная монополия здесь не причем, рост алкоголизма был спровоцирован общей атмосферой глубокого духовного и политического кризиса, который переживала Россия в начале XX века.

Оценивая в целом финансово-бюджетную политику Витте, следует отметить, что, обеспечив высокие темпы роста государственного бюджета, он добился сосредоточения огромных финансовых средств в руках казны. Винная монополия стала одним из самых эффективных средств мобилизации капиталов. Другой источник — налоговая политика Витте, она основывалась на жесткой, примитивно-фискальной налоговой философии: чем выше налоги, тем больше денег в казне. Правда, эта политика носила селективный характер. Весьма

¹ Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте. С. 51.

падающее налогообложение помещиков и буржуазии сочеталось с налоговым гнетом трудовых слоев, особенно крестьянства.

Получается, что Витте игнорировал наличие верхних границ налоговых изъятий в аграрном обществе. Историки начиная от ханского Китая и Римской империи неоднократно указывали, что при завышении нормы налогообложения начинается бегство от земли, растет бродяжничество, бандитизм, сокращается налоговая база, иногда противоречия обостряются вплоть до крестьянских восстаний. Это было настолько очевидно, что в конце XIX в. не являлось предметом обсуждений и дискуссий, воспринималось как данность. В России конца 90-х годов данная закономерность также проявляла себя в массовом обнищании крестьянства.

Использование бюджетных средств носило во многом нетрадиционный характер. Наряду с обычными расходами на военные цели, обеспечение порядка и другими значительно усилилась хозяйственная функция государства. Огромное железнодорожное строительство носило стратегический для развития страны характер и способствовало индустриализации и промышленному подъему 90-х годов. Абсолютный приоритет задач экономического развития и недооценка социальных факторов, перенапряжение «податных сил» и обнищание крестьянства в последующий период вызвали политические потрясения в России.

Следует отметить, что вопросы финансово-бюджетной политики Витте исследованы явно недостаточно, и в этом плане предстоит еще значительная работа экономистов.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА С. Ю. ВИТТЕ

5.1. Денежная реформа и золотой рубль

Одной «из самых крупнейших реформ, которую мне пришлось сделать во время нахождения моего у власти, была денежная реформа, окончательно упрочившая кредит России и поставившая Россию в финансовом отношении наряду с другими европейскими державами», — пишет в «Воспоминаниях» Витте. Он довольно подробно описывает те мотивы, которыми руководствовался, и те трудности, которые пришлось преодолеть, поскольку «...против этой реформы была почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в-третьих, по личному хотя и мнимому интересу некоторых классов населения».¹

Отсутствие в России «хорошо устроенной денежной системы» было, по мнению Витте, «тормозом, сдерживающим экономическое преуспевание», и осуществление своего экономического курса он увязал с ее радикальным преобразованием. Прежде всего это было необходимо по внешним причинам: приток иностранных капиталов в Россию был невозможен, пока русская денежная единица не была надежно обеспеченной и стабильной. А кредитный рубль, ставший основой денежного обращения после Крымской войны, служил тогда объектом беззастенчивых спекуляций за границей, в Берлине даже существовала специальная «рублевая биржа». Положение бумажного рубля не было стабильным и внутри страны. Курс кредитного рубля, по данным П. П. Мигулина, колебался: 1887 г. — 55,7 коп.; 1890 — 72,6 коп.; 1892 — 63,1 коп. золотом.²

¹ Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 2. С. 92.

² Мигулин П. П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893—1902 гг.). Харьков, 1902. С. 95.

Для стабилизации финансовой системы требовалось изыскать надежный металлический эквивалент. После денежной реформы Е. Ф. Канкрин в 1843 г. в России установился серебряный монометаллизм, который надежно обеспечил денежное обращение в стране вплоть до начала Крымской войны. Однако во II половине XIX в. цена серебра в силу ряда причин неуклонно падала, и вместо возврата к нему правительство использовало эмиссию бумажных денег, которая, однако, не обеспечивала необходимой надежности, несмотря даже на применение административно-экономических мер.

В январе 1893 г. Особенная канцелярия по кредитной части обратилась с циркуляром-предостережением к учреждениям коммерческого кредита, в котором, в частности, говорилось: «Некоторые заграничные биржевые центры в широких размерах производят спекулятивные сделки на курс кредитного рубля с преобладающей тенденцией в сторону понижения, превращая своими операциями кредитный рубль в предмет игры и ажиотажа и поддерживая тем неустойчивость и постоянное колебание нашего курса. В этой спекуляции участвуют, к сожалению, и биржевые сферы в России».¹ В заключение выражалась надежда, что отечественные кредитные учреждения, замешанные в этой антигосударственной деятельности «лишь косвенно», помогут правительству пресечь подобные операции. Кроме увещеваний финансовое ведомство приняло ряд мер: были запрещены сделки, основанные на курсовой разнице рубля, усилен контроль за биржевыми операциями в России, наложен запрет на биржевые сделки маклеров-иностранцев и др. Однако эти меры дали ограниченный результат, требовались радикальные преобразования.

Идея золотого рубля в России не была чем-то новым, по мере развития капиталистических отношений страны Европы постепенно переходили к монометаллизму. В числе первых была Англия, где золотое обращение было введено в 1815 г., к 70-м годам XIX в. к нему перешли основные европейские страны, что не могло не подтолкнуть и русское финансовое ведомство к решительному укреплению национальной валюты.

¹ Вессель Н. Х. Наша государственная финансовая деятельность (1892—1894). СПб., 1894. С. 148.

В «Воспоминаниях» Витте пишет: «К этой реформе готовили наши финансы мои предшественники, как Бунге, так и Вышнеградский, но приготовления, сделанные ими, были сравнительно незначительны: в их время не был еще установлен окончательный план денежной реформы, даже в общих чертах, не говоря уже о всех деталях». ¹ Здесь Витте не вполне корректен, поскольку идеи перехода к золотому рублю вынашивались давно, немало сделал в их обоснование Н. Х. Бунге, он же был наставником Витте в начальный период. Вышнеградский практически во многом подготовил реформу, добился ликвидации дефицита бюджета, накопил значительный золотой запас, начал реструктуризацию государственных долгов.

Более того, Витте в начале своего министерства не только не исповедовал взглядов своих предшественников на реформу, но и выступил сторонником бумажного обращения, он сделал попытку осенью 1892 г. значительно увеличить количество бумажных денег в обращении.

Намерение Витте прибегнуть тогда «к печатному станку» вызвало почти что панику среди сторонников реформы. В воспоминаниях А. Н. Куломзина приводится его диалог с А. Г. Рафаловичем — агентом Министерства финансов в Париже: «Я выразил свое недоумение, скажу более ужас, по поводу сделавшегося мне известным предложения Витте о сибирских бумажках... — Рафалович сказал мне: „Это совершенно верно, что это чудовищно, но Витте человек такого большого ума, что через шесть месяцев он все поймет и делается великолепным министром финансов“. Этим обучением, — продолжал Куломзин, — занялся тогда Н. Х. Бунге». ²

Позднее Витте не отрицал своего увлечения бумажными деньгами в самом начале министерской карьеры и того факта, что именно Бунге отвратил его от попытки резко увеличить количество денег в обращении.

В «Воспоминаниях» он так описывает эту ситуацию: «Когда я сделался управляющим Министерством финансов и

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 93.

² Цит. по: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 12.

приближалось 20-е сентября, то директор казначейства Голиндо доложил мне, что касса находится в таком положении, что не хватит денег, чтобы выплатить содержание служащим, т. е. всем чиновникам и войскам». «Что же делать, — ответил Витте, — если окажется, что денег нет, чтобы платить жалованье, то другого средства нет, как только выпустить из экспедиции заготовления государственных бумаг миллионов на 20—30 кредитных билетов и таким образом покрыть все содержание, которое причитается служащим.

Когда эта мера была опубликована, то ко мне явился Н. Х. Бунге, почтеннейший во всех отношениях старец... Он сказал мне, что вот только что я занял пост министра финансов и уже встал на самый ужасный путь».

В оправдание Витте объяснил ситуацию и заверил Бунге, что к этому средству больше прибегать не будет. В ответ Бунге сделал образное сравнение, запомнившееся молодому министру, что мол он уподобляется «француженке, которая согрешила, а затем, когда к ней приходят и говорят о том, что вот как нехорошо, что она согрешила, она всегда будет уверять, что это только в первый раз в жизни она сделала и больше уже не будет... Как, — говорит, — я такой француженке не поверю, так же и такому министру финансов не поверю».¹

Витте повествует здесь не обо всем, что было. После его кончины В. В. Максимов рассказал «о непродолжительном периоде, когда Витте, будучи министром финансов, вместе со своим товарищем Антоновичем увлекся бумажными деньгами. Витте составил записку о постройке Сибирской железной дороги на „сибирские рубли”».

Витте страшно конфузился, когда кто-нибудь случайно упоминал об этой записке, и принял меры к уничтожению всех ее экземпляров».²

Объяснить ситуацию, возникшую на первом этапе, можно тем, что Витте был назначен управлять Министерством финансов в сентябре 1892 г. довольно поспешно, в связи с резким ухудшением здоровья Вышнеградского и не был посвящен в вопросы подготовки денежной реформы. Вышнеградский, хотя и протезировал карьере Витте, но не готовил его в свои преемники.

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 364.

² См. Комментарий к «Воспоминаниям» С. Ю. Витте. Т. 1. С. 544.

Витте довольно скоро преодолел колебания и уже в 1893 г. активно продолжил подготовку реформы. Еще в 1889 г. Вышнеградский приступил к осуществлению разработанного при Бунге плана конверсии русских 5- и 6 %-ных заграничных займов в займы с более низким процентом и более длительным сроком погашения. Это была попытка упорядочить государственные долги России и тем самым сделать шаг к денежной реформе. В 1891 г. на Парижской бирже был размещен новый заем, который, однако, не был размещен полностью, отчасти в связи с неурожаем и наступившим голодом 1891 и 1892 гг. в России. В 1894 и 1896 гг. Витте заключил с помощью парижского Ротшильда два крупных государственных займа, позволивших ему подвести итог конверсионным операциям Вышнеградского, а также провел ряд мероприятий по стабилизации рубля и накоплению золотого запаса.

Важным шагом на пути денежной реформы стало утверждение нового устава Государственного банка в 1894 г., изменившего ряд его функций. Государственный банк сделался эмиссионным, ему было предоставлено право выпуска банкнот. До того эмиссия осуществлялась специальными указами царя. Существенно то, что по новому уставу Государственный банк оставался в ведении министра финансов, и это позволяло Витте концентрировать всю денежно-кредитную политику в своих руках.

Благоприятная экономическая конъюнктура и жесткая бюджетная политика Витте, в частности ликвидация дефицита бюджета, способствовали обеспечению стабилизации рубля. Но дополнительно были проведены и некоторые искусственные меры. В течение трех лет удалось добиться того, что курс рубля на уровне 66,5 коп. золотом мог, по словам Витте, «считаться обеспеченным от колебаний». Фактическая устойчивость способствовала укреплению доверия к заграничному кредиту России. Но Витте не торопился. Лишь весной 1896 г. министр финансов представил на обсуждение Государственного совета законопроект о введении золотого обращения, увязав его с перспективами торгово-промышленного развития страны. Положение рубля представлялось многим столь прочным, что казалось возможным держать курс на 100%-ное золотое обеспечение, но проектом предлагалась девальвация рубля, что вызывало протесты со стороны многих, в том числе и промышленников. Витте и сторонники реформ считали до-

стигнутую стабильность рубля хотя и прочной, но все же не окончательной, а возвышение курса кредитного рубля до равенства с рублем золотым мерой «неосуществимой и вредной».

Следует отметить, что проект денежной реформы, предложенный Витте, встретил сильное сопротивление не только в Государственном совете, но и в общественном мнении. Страна разделилась на сторонников и противников реформы, причем число вторых явно превышало число первых. Здесь уместно подчеркнуть решающий личный вклад С. Ю. Витте в успех реформы, поскольку некоторые современники склонны были умалять его роль. Так, некто Г. М. Клейнов в книжке, вышедшей в 1906 г., писал: «Действительно новых идей Витте, однако, не внес в финансовую систему; его заслуга заключается в том, что Витте умел пользоваться для своих целей людьми и их идеями... Денежная реформа — дело рук известного директора Петербургского международного банка Адольфа Ротштейна (выписанного из-за границы. — прим. Клейнова), который в значительной степени принимал участие в проведении такой реформы в Австрии.¹

Другой современник, который отнюдь не был ярым сторонником Витте, констатировал: «Как теперь вполне точно известно, вопрос о введении размена на золото был окончательно решен еще И. А. Вышнеградским, который и выполнил самое важное условие для его правильного разрешения — накопил огромный золотой фонд свыше полумиллиарда рублей и вынес нарекания за все те меры, которые пришлось для этого принять. С. Ю. Витте принадлежит важная заслуга проведения проекта через дебри петербургских канцелярий и решимость взять всю реформу на свою личную ответственность после того, как стало очевидным, что Государственный совет высказывается против нее. На этой стадии вопроса С. Ю. Витте выказал себя не только выдающимся дипломатом, но и человеком смелым, решительным и высокоработоспособным».² И далее автор говорит о ряде ошибок Витте и даже упрекает в его дилетантстве.

Несомненно, что министр привлек к подготовке реформы ряд знатоков финансов, в частности И. И. Кауфмана³ и

¹ Клейнов Г. М. Граф С. Ю. Витте. СПб., 1906. С. 14.

² С. Ю. Витте и падение русского кредита. СПб., 1907. С. 20.

³ Дроздов О. А. И. И. Кауфман и совершенствование финансовой системы в России. Автореферат. СПб., 1998.

упомянутого А. Ротштейна, с которыми тесно сотрудничал многие годы. «Ротштейн „второе я“ царского министра финансов графа Витте», — писала американская газета.¹

Тем не менее роль Витте была не только организационной, он определял стратегию и тактику реформ, он решал многие проблемы.

Предметом напряженных раздумий и оживленных дискуссий стали многие вопросы. Прежде всего предстояло окончательно решить для себя и доказать другим, в первую очередь царю, в каком направлении осуществлять реформу: на базе монометаллизма (золото) или биметаллизма (серебро и золото). В пользу второго варианта выступали традиция российского денежного обращения и огромные запасы серебра, накопленного в стране. Но привязка кредитного рубля к биметаллическому эквиваленту таила в себе и большую опасность: при высокой конъюнктуре одного из паритетов неуклонное снижение стоимости другого могло усилить неустойчивость денежной единицы. Введение золотого обращения в этом отношении оказалось предпочтительнее, но и здесь были скрыты финансовые «риффы». Не произойдет ли массовый отток благородного металла из обращения в «кубышки» внутри страны и не уйдет ли оно за границу? Хватит ли накопленного золота для свободного обмена? Не произойдет ли его обесценивание? Не приведет ли удорожание денежной единицы к падению жизненного уровня? Окончательные ответы на эти вопросы могла дать лишь жизнь. Но интуиция и видение исторических перспектив России сделали Витте убежденным сторонником золотого монометаллизма.

Искусство стратега Витте заключалось в правильном определении времени начала и темпов осуществления реформ. Отсрочку в проведении он считал опасной. Нужды развития торговли и промышленности выдвигали альтернативу: либо скорейший переход к металлическому обращению, либо новые выпуски кредитных билетов, вследствие чего, конечно, сложившийся курс рубля будет поколеблен. Опасность заключалась в том, что всякий внешний толчок, а не только крупный выпуск бумажных денег тотчас влияет на курс. А возможное возобновление колебания курса грозило подо-

¹ Адольф Ротштейн // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы / Под ред. В. И. Бовыкина. М., 1996. С. 52.

рвать одно из важных условий промышленного развития страны. Многое зависело от правильно выбранных темпов осуществления реформы. Подъем курса рубля до золотого паритета мог быть осуществлен либо постепенно, либо сразу. Витте считал, что во втором случае это вызвало бы крупные экономические потрясения, еще более значительные, чем прежде (в частности, в 1890 г.), и нанесло бы непоправимый вред развитию промышленности. В первом же случае, если курс будет подниматься медленно и в неопределенные сроки, то крайне долгое время население останется под гнетом понижающихся цен. Медлительность, неясность, неуверенность в конечном исходе запутали бы и предприимчивых, и осторожных. Быть может, целое поколение в борьбе с постоянными убытками потеряло бы охоту к производительному труду. В результате вместо острого кризиса страна пережила бы долгую болезнь с неопределенным исходом. И в том и в другом случае ставилась бы под удар и сама денежная реформа, поскольку ее успех во многом (если не целиком) зависел от успехов торгово-промышленного развития страны.

Витте при обсуждении проекта неоднократно подчеркивал это. Многие опасались возможности утечки золота за границу после введения размена, а это находилось в зависимости от состояния внешнеторгового баланса. Витте объяснял, как избежать этого. Другая опасность — усиление ввоза в страну товаров. Витте считал это явление временным (1892—1895), пока значительная часть заводов еще только устранивается и выписывает себе многое из-за границы. Рост промышленности в России должен был способствовать дальнейшему улучшению международных расчетов, поэтому не было оснований для серьезных опасений относительно возможности ухода значительной части золота за границу. Поскольку сельское хозяйство переживало в это время кризис, надежды связывались главным образом с будущностью промышленности.

В самом общем виде цели денежной реформы были сформулированы Витте следующим образом: закрепить достигнутые успехи в области финансового и народного хозяйства посредством подведения под них прочного фундамента металлического денежного обращения, причем реформа должна быть осуществлена так, чтобы не произвести ни малейших потрясений и каких бы то ни было искусственных изменений существующих условий, ибо на денеж-

ной системе покоятся все оценки, все имущественные и трудовые интересы населения. Витте считал, что достичь этого можно введением золотого размена рубля по утвердившемуся курсу — 66 $\frac{2}{3}$ коп. золотом.

Введению монометаллического паритета рубля, его устойчивости, конвертируемости способствовали и общие политические условия в стране и мире, и относительно благоприятное экономическое положение: международная обстановка оставалась спокойной, а успехи торговой политики были очевидными, и уже целый ряд лет Россия имела положительное торговое сальдо. Формировались и внушительные золотые авуары. За шесть лет с 1887 по 1893 г. они возросли более чем вдвое и оценивались в 581,6 млн руб.¹

Реализация стратегии и маневры

Представляется, что действия Витте можно сравнить с поведением полководца на поле брани, только в качестве противника — бюрократия, с которой можно было успешно сражаться ее же методами. Хронология баталии за осуществление денежной реформы охватывает 1895—1897 гг. Витте разработал принципы реформы и детальный план, подготовка шла в условиях строгой секретности, а так как рассчитывать на благожелательное отношение сколько-нибудь широких кругов не приходилось, то Витте и использовал тайну как бюрократический прием. Однако он понимал, что рано или поздно придется все же публично озвучить содержание проводимой реформы.

Первым решительным шагом стало вынесение законопроекта по утверждению золотого эквивалента в Государственный совет в конце апреля 1895 г. Он пришел без особых затруднений и уже 8 мая был утвержден Николаем II. В нем было два основных положения: 1) всякие дозволенные законом письменные сделки могли заключаться на российскую золотую монету; 2) по таким сделкам уплата могла производиться либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу золота в день платежа.² В последующие месяцы Мини-

¹ Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 26.

² Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902. С. 410.

стерство финансов приняло еще ряд дополнительных мер, направленных на введение золотого эквивалента.

Тем не менее золотая монета очень медленно утверждалась в качестве платежного средства. Это объяснялось и отсутствием привычки к ней у населения, и неудобством использования монеты при крупных платежах и пересылке. Не было соответствия между нарицательной и рыночной ценами. Так, полуимпериалы и империалы с обозначением 5 руб. и 10 руб. циркулировали по 7 руб. 50 коп. и 15 руб., что вызывало недоумение населения и многочисленные злоупотребления при расчетах. Спрос на золотую монету сдерживался и опасениями, что Государственный банк понизит курс административным путем (упорные слухи об этом ходили летом 1895 г.), что может привести к финансовым потерям. После всех разъяснений соотношение между рублем золотым и кредитным установилось к концу 1895 г. в пропорции 1 : 1,5.

Следующий 1896 год стал решающим. Для стабилизации рубля было признано целесообразным девальвировать кредитную денежную единицу на основе монометаллизма в соответствии с реальным курсом обращения. Здесь Витте испытал мощное давление прежде всего со стороны консервативных кругов. В печати началась шумная кампания по дискредитации министра финансов и его начинаний. Русское общество, казалось еще совсем недавно равнодушное к экономическим проблемам, вдруг с невиданным жаром погрузилось в дискуссии о путях и методах финансовых реконструкций. Трудно было найти газету или журнал, на страницах которых не дебатировалась бы эта проблема; лекции по вопросу собирали полные залы; тема проникала в закрытые клубы и аристократические салоны. Конкретных аргументов у противников золотого рубля было мало, их возражения имели в большей степени эмоциональный характер. Звучали утверждения о «разбазаривании национальных богатств», о превращении России в колонию — «вторую Индию» и т. п.

Вот, например, выдержка из брошюры И. Борткевича, изданной в 1896 г. Сторонник биметаллизма и аграрных интересов писал: «Эта реформа невозможна и несправедлива: она колеблет доверие к правительству и не согласна с его достоинством: она подрывает народное благосостояние и государственный кредит; она опасна, так как угрожает нам потерей золотых запасов, чем подкапывается под нашу мощь, в осо-

бенности военную; она без надобности подвергает испытанию нашу выносливость и нашу покорность судьбе; она не имеет подготовленной для себя почвы и не несет в себе залога прочности; в случае же ее неуспеха, допускаемого и ее сторонниками при ненормальных обстоятельствах, она усилит биржевую игру и зловредное спекулятивное увлечение публики; она на руку биржам и нашим недоброжелателям».¹

«Истинные патриоты», славянофилы и народники, пугали себя и других кошмарными видениями скорого нашествия иностранных дельцов, которые «скупают Россию на корню». Это было проявление страха и перед капитализмом вообще, и перед иностранным капиталом в частности, без участия которого невозможно было провести индустриализацию России.

Удивительную тенденциозность взглядов демонстрировали даже специалисты. Вот рассуждения одного из известных экономистов, профессора финансового права Петербургского университета Л. В. Ходского. Выступая на весьма многочленном заседании Вольного экономического общества 16 марта 1896 г., он заявил, что «...едва ли можно сомневаться в том, что как только золото появится у нас в достаточном количестве в обращении при одинаковой номинальной цене с бумажными деньгами, то все сбережения, которые теперь хранятся в кредитных рублях, будут обменены на золото, которое исчезнет из обращения». В заключение Ходский пожелал, чтобы подобные проекты никогда бы «не переходили в действительную жизнь», что вызвало «бурные рукоплескания публики».²

Невежество, отсутствие понимания сути сложных финансовых процессов характерны были для многих оппонентов Витте, поэтому критики вольно или невольно искажали замыслы реформаторов. Так, например, введение золотого паритета вовсе не предполагало тождества бумажных и металлических денежных знаков, в основу реформы, как уже отмечалось, был положен принцип существенной девальвации. Расхожие страхи об утечке золота за границу базировались на плохом знании экономического потенциала и целях реформ. Витте неоднократно подчеркивал, что если часть золота действительно уйдет за границу, то оно уйдет туда «не просто

¹ Борткевич И. О денежной реформе, проектированной Министерством финансов. СПб., 1896. С. 31.

² Мигулин П. П. Реформы денежного обращения в России... С. 127.

так», а как плата за кредит, товары и услуги, способствовавшие промышленному развитию.

Вся реформа денежного обращения была рассчитана на будущее индустриальное развитие России и служила этому. Но неизбежно вставал вопрос о том, как девальвация и свободный размен рубля на золото отразятся на положении основной массы населения в ближайшее время. Витте считал, и это полностью оправдалось, что ни к каким заметным общественным потрясениям это не приведет. Конвертируемость рубля затрагивала главным образом внешнеэкономическую деятельность. Уклад жизни русского крестьянина, его материальное положение фактически не зависели от характера мировых денежных расчетов, а цены внутри страны контролировались со стороны государства.

Витте приходилось многократно выступать перед многочисленными аудиториями, подавать записки и обоснования проектов законов, снова и снова повторять свои аргументы. Главной ареной его борьбы был Государственный совет, где министр регулярно выступал, надеясь просветить сановников, но преодолеть оппозицию не удавалось. Тем не менее реформа продолжалась.

К 1 января 1896 г. в наличии имелось 1123,3 млн кредитных рублей, а золотой запас оценивался в 659,5 млн рублей. К концу года обменный фонд был доведен до 500 млн рублей.¹ Этот рубеж был достаточным для развертывания обмена и введения золотой монеты в широкое обращение. Тогда возникла необходимость чеканить новую монету с номиналом «15 рублей» на империале и «7 рублей 50 коп.» на полуимпериале, что упростило обращение. Закон обязывал при желании владельцев обменивать бумажные деньги на золото без ограничения.

14 марта 1896 г. Витте представил в Государственный совет законопроект «об исправлении денежного обращения», где подробно обосновал цели и порядок осуществления реформы.

В первой половине апреля 1896 г. представление рассматривалось Комитетом финансов, во второй половине апреля к его обсуждению приступили департаменты Государственной экономии, Гражданских и духовных дел. Возникло

¹ Министерство финансов. 1802—1902 гг. СПб., 1902. С. 415.

много вопросов и критических замечаний. 19 октября Витте представил в Госсовет дополнительные материалы по вопросам, подвергшимся критике. Поскольку и после этого сохранились колебания и продолжали поступать все новые замечания от «доброжелателей» и конца им не было видно, то Витте понял, что «старцы» в Государственном совете могут надолго затянуть процесс утверждения закона, а время не ждало. Тогда Витте решил действовать в обход Совета и склонил Николая II к окончательному рассмотрению законопроекта в расширенном составе Комитета финансов, которое состоялось 2 января 1897 г. Утверждение решения царским указом состоялось 27 февраля того же года. Таким образом, процедура рассмотрения заняла почти год, что нельзя назвать поспешным.

В течение 1897 г. вышла еще серия именных высочайших указов, в которых были законодательно закреплены важнейшие элементы новой финансовой системы. Был осуществлен и целый ряд других организационных мер, необходимых для упорядочивания денежного обращения.

В конце 1898 г. Витте констатировал, что «денежное обращение России приведено в порядок и поставлено так же твердо, как в тех государствах, где эта отрасль народного хозяйства издавна находится в образцовом состоянии». По его данным, к началу 1899 г. уже 33 % обращения приходилось на золотую и 10 % на серебряную (вспомогательную, разменную) монету, в то время как к началу 1896 г. в обороте находилось свыше 98 % бумажных денег и менее 2 % металлических.¹

Государственные кредитные билеты теперь выпускались Государственным банком в размере, ограниченном потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом. Металлическое обеспечение устанавливалось в следующем соотношении: до 600 млн руб. билеты обеспечивались золотом наполовину, а сверх этого предела — рубль за рубль. Госбанк разменивал кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы.

Большой золотой запас, накопленный казной, проявлялся в том, что экспансия золота на денежном рынке была весьма ощутимой и к 1904 г. на него приходилось почти две трети

¹ Всеподданейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1899 год. СПб., 1898. С. 6.

денежной массы. Однако последующие потрясения, в частности русско-японская война и революция 1905 г., внесли существенные изменения: эмиссия кредитных рублей резко возросла, и в конце 1905 г., в условиях острейшего кризиса встал вопрос даже об отказе от золотого обеспечения рубля. Однако Витте в должности премьер-министра смог тогда спасти положение, добившись крупного займа за границей. Золотой паритет рубля сохранялся вплоть до 1914 г., начала первой мировой войны, когда он был указом царя отменен, после чего начался развал финансовой системы в целом.

Денежная реформа Витте оказалась удачной. Укрепление денежной единицы имело большое значение для привлечения иностранного капитала, ускорения процессов индустриализации страны. В конце века темпы ежегодного прироста промышленного производства в России находились в пределах 12—15 %.

Правда, затем последовал кризис 1900—1902 гг., который противники Витте использовали для новой волны нападок. Важнейшую причину хозяйственного застоя они увидели в золотой валюте, которая якобы «дала все иностранным миллионерам, а русскому народу ничего». Особенно усердствовал публицист-славянофил С. Ф. Шарапов. Он и его единомышленники объявили настоящую войну и самому министру, и идее золотого рубля еще в тот период, когда реформа только начинала осуществляться. В многочисленных публикациях глава финансового ведомства обвинялся во всех грехах и даже уголовных преступлениях.

В записке Шарапова 1901 г., в частности, говорилось: «Нашей родине приходится переживать поистине критическое положение в экономическом и финансовом отношении вследствие заведомо ошибочной политики министра финансов, которая, приведя нас к самому опасному для всякой страны явлению — «денежному голоду», не только бессильна закончить это бедствие, подрывающее всенародные силы, но и усугубляет его упорством в нежелании изменить принятое направление и явно лживыми успокоениями в своих официальных сообщениях. В действительности мы находимся перед перспективой полного государственного банкротства».¹

¹ Две записки Сергея Шарапова о русских финансах. Берлин, 1906. С. 5.

В обоснование столь категоричного вывода Шарапов ссылаясь, в частности, на сведения о неблагоприятном расчетном балансе. Действительно, в условиях модернизации страны финансовых обязательств и расходов у государства было больше, чем собственных финансовых ресурсов. Для покрытия дефицита приходилось не раз обращаться к иностранным займам (подробнее будет рассмотрено ниже). Залогом кредита была устойчивость русского рубля, ставшего полноценной мировой валютой почти на два десятилетия.

Отличительной чертой характера С. Ю. Витте, позволяющей говорить о нем как исторической личности реформатора, была способность идти против общественного течения и действовать в соответствии со своим представлением о благе государства, которому он служил. История проведения денежной реформы говорит о том, как талант Витте-стратега сочетался с мастерством тактического маневра полководца, знатока общественной психологии с интуицией финансиста. Далеко не все даже крупные политики обладали последним качеством.

Как пример можно привести попытку министра финансов У. Черчилля провести аналогичную денежную реформу в Великобритании в 1925 г., которая с треском провалилась с самыми неблагоприятными последствиями. «Почему, — спрашивал Дж. Кейнс в брошюре «Экономические последствия политики господина Черчилля», — Черчилль сделал такую глупую ошибку?» И ответил: «Частично, вероятно, потому, что у него не было интуиции, которая не допустила бы совершения ошибок, частично потому, что, не имея этого внутреннего чувства, он поддался шумным требованиям со стороны финансовых кругов».¹

В достижении намеченной цели Витте всегда был настойчив и последователен, что проявилось и в ходе денежной реформы. Имея поддержку царя (который, видимо, просто доверял министру финансов будучи неспособным сам разобраться в деталях дела), Витте тем не менее не довольствовался только этим. Обладая умом и чиновничьей интуицией, он прекрасно ориентировался в хитросплетениях сановного мира и вербовал сторонников не только словом, но и делом. Ве-

¹ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1997. С. 220.

ликолепно зная правила бюрократической игры, он умело их использовал.

Информированная хозяйка влиятельного петербургского салона А. В. Богданович записала в 1896 г. в дневнике: «А. Р. Никольский говорил насчет золотой валюты, что Витте подкупает своих противников в этом деле. Так, уже теперь Верховский не против валюты и объясняет, что на нее напал раньше только с целью выяснить всем непонимающим, что это за мера. Маркуса Витте купил, дав ему добавочных 6 тыс. рублей содержания».¹

Таким же образом Витте сумел не только «увлечь идеей» высокопоставленных чиновников, но и завоевать расположение части прессы. Так, «мироволение» его к редактору газеты «Биржевые ведомости» С. М. Пропперу превратило того в число сторонников экономического переустройства финансов на базе монометаллизма. По мнению А. Н. Боханова, подобные методы «вербовки» сторонников, несомненно, имели место.²

Не идеализируя, не впадая в апологетику личности С. Ю. Витте, следует тем не менее воздать должное этому крупному государственному деятелю и финансисту.

5.2 Кредитная политика и банковская система

Экономическое развитие России по капиталистическому пути во многом зависело от состояния банковской системы и кредитной политики Министерства финансов. История формирования банковской системы свидетельствует о ее своеобразии и организационном отличии от западноевропейской и тем более американской систем.

На Западе сначала появлялись менялы и ростовщики, превращавшиеся со временем в частных банкиров; затем на смену им приходили коммерческие банки с эмиссионными функциями; потом государство брало в свои руки один из банков с предоставлением ему монополии на эмиссию, а прочие кредитные учреждения страны в борьбе за клиента стано-

¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 216.

² Боханов А. Н. Золотой рубль // Русский рубль. Два века истории... М., 1994. С. 129.

вились депозитными с операциями краткосрочного и спекулятивного характера.

Особенность России заключалась в том, что в ней уже на начальном этапе развития банковской системы появились казенные банки, ориентирующиеся на государственные и сословные интересы, а не на простого частника. В 1786 г. возникли Государственный ассигнационный банк и Государственный заемный банк. Второй выдавал долгосрочные, до 37 лет, ссуды под залог помещичьих имений, фабричных строений и приписанных к ним крестьян, каменных домов. В 1817 г. создали Государственный коммерческий банк. Тогда же в начале XIX в. по инициативе государства предпринимаются первые попытки организации мелкого кредита для населения: мирские заемные капиталы, коммунальные кассы, запасные фонды и другие.

Что касается частных кредитных учреждений, то они начали играть известную экономическую роль в России лишь в середине XIX в. Не было источника, откуда бы выросли частные банкиры в России. «На западе они органически развивались главным образом из товарной торговли, из экспедиционного и транспортного промыслов... В России эти отрасли были слабо развиты, еще недостаточно окрепли. Лишь в некоторых случаях мы наблюдаем, что и в России рост названных видов промыслов приводит к созданию, в виде редких исключений, отдельных, единичных в России банкирских фирм. Но как явление типичный частный банкир не знаком русской экономической истории вплоть до XIX века».¹

В целом, до либеральной реформы Александра II банковская система России имела государственно-патерналистскую общественную направленность. Казенные кредитные учреждения на всех уровнях своей организации являлись «образцовым продуктом русского финансового гения», ибо они были «идеально приспособлены к условиям русской жизни».²

Волна экономического либерализма, охватившая страну с конца 50-х годов, способствовала изменению системы. На месте старых кредитных учреждений возникли новые частные, земские банки. К 1874 г. в России уже насчитывалось 39 акци-

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Л., 1991. С. 35.

² *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит (1869—1899 гг.): В 2 т. Т. 2. С. 242.

онерных коммерческих банков, основной капитал которых составлял более 100 млн рублей. Однако тяга к спекуляциям и сомнительным операциям вскоре обернулась банкротством ряда банков. Первым потерпел крах в 1875 г. Московский Коммерческий ссудный банк, что негативно сказалось на других, потребовалась срочная государственная поддержка. Правительство через Государственный банк пришло на помощь терпевшим бедствие коммерческим банкам посредством учета векселей и кредитования по онкольным счетам на сумму примерно в 290 млн рублей.¹ Благодаря такой значительной поддержке удалось предотвратить крах ряда столичных и провинциальных банков, тем не менее общее их число сократилось.

Предпринимательский характер деятельности коммерческих банков заразил своей тягой к сомнительным операциям и общественный тип кредитных учреждений, которые нередко переставали служить своему прямому назначению — способствовать развитию местной промышленности, торговли и промыслов. За период с 1879 по 1883 г. прекратили операции 52 городских общественных банка, многие ссудно-сберегательные товарищества.

Ликвидация последствий финансовых потрясений и неурядиц выпала на долю Государственного банка России. Он был создан в мае 1860 г. с целью упрочения денежно-кредитной системы и увеличения торгово-промышленных оборотов, но первоначально активных кредитных операций не осуществлял.

В целом западная модель, которую пропагандировали либералы, не оправдалась в России, и не случайно уже во второй половине 70-х годов XIX в. начался отход к государственному вмешательству в финансовой сфере.

В 1883 г. при Бунге был принят закон «Об изменениях и дополнениях существующих правил относительно открытия новых коммерческих банков», который значительно ужесточил требования. В частности, были внесены существенные изменения в размеры обязательных резервных требований по снижению риска операций. Так, запасный капитал, формируемый за счет прибыли, находился на уровне $\frac{1}{3}$ основного капитала, при этом $\frac{1}{3}$ запасного капитала должна была храниться в Государственных ценных бумагах. К разряду обязательных

¹ Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1862—1892 гг.). М., 1969. С. 366.

резервов коммерческого банка относился и минимальный кассовый резерв — 10 % основного капитала, что в два раза превышало прежний. Практически вся деятельность коммерческих банков была подчинена контролю Министерства финансов, в частности ему было предоставлено право наравне с кредиторами ставить вопрос о признании банка несостоятельным.

При Н. Х. Бунге существенно изменился характер деятельности Государственного банка России. Значительно возросли кассовая наличность и объемы учетных ссудных операций, особенно в промышленности. Правда, при И. А. Вышнеградском эти операции заметно сократились. Высвободившиеся из оборота средства направлялись на увеличение золотого запаса, необходимого для проведения денежной реформы.

К началу деятельности С. Ю. Витте на посту министра финансов экономическая ситуация осложнилась. Неурожай 1891—1892 гг., ухудшение торгового баланса, отказ в кредитах из Европы и прочее потребовали расширения активных операций Государственного банка. Возникла необходимость его реформирования, изменения функций, что было связано и с подготовкой денежной реформы.

Новый Устав Государственного банка

Результатом преобразований стало принятие нового Устава Государственного банка России 6 июля 1894 г. Естественно, что Витте постарался внести такие изменения, которые позволили бы использовать Банк как инструмент его экономической политики.

В «Конспекте лекций...» есть раздел «О государственных банках», в котором Витте излагает свои взгляды и ссылается на мировой опыт. Оценивая достоинства и недостатки разных типов государственных банков, он вынужден признать, что чисто государственные банки, получающие «капиталы» из казны, отличаются чрезмерным подчинением правительству, в руках которого они делаются послушным орудием для различного рода финансовых операций. Кроме того, эти банки «построены на бюрократическом начале, их служебный персонал склонен проявлять формализм и начальственное отно-

шение к клиентам, вследствие чего такие банки мало приспособляются к главному банковскому делу».¹

Ниже Витте пишет, что и акционерные центральные банки тоже не свободны от правительственного вмешательства, и ссылается при этом на примеры Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии. Вывод его для России однозначен: «этот банк должен быть государственным в тесном смысле слова».

Что же вкладывал в понятие в «тесном смысле» Витте, становится ясно при анализе изменений в деятельности банка. Во-первых, Государственный банк стал эмиссионным, получил право на выпуск денег, чем прежде не обладал. Однако при этом оставался в структуре Министерства финансов, что вызвало возражения многих специалистов. По этому поводу П. П. Мигулин позже писал: «Неужели у нас никто не понимал, что центральный эмиссионный банк, раз хотят урегулировать билетное обращение, вводят размен билетов на золото, должен быть преобразован по образцу всех других подобных банков, т. е. быть вполне самостоятельным и независимым от финансового ведомства, заботясь исключительно о поддержании в стране правильного денежного обращения, о снабжении населения, его применительности к торговле деньгами. Конечно, у нас это отлично знали и понимали. Государственный совет (не говоря уже о печати) категорически указывал на необходимость коренной реформы банка. Витте признавал всю справедливость этого требования и обещал, что, однако, исполнено не было. Объяснение понятно: г. Витте не желал упустить из своих рук распоряжения столь могучим средством поддержки разных финансовых экспериментов, как Государственный эмиссионный банк. С его помощью можно было держать в руках частные коммерческие банки, а через них и всю биржу, грозя закрытием им кредита Государственного банка».²

Очевидно, что Витте, стремясь упростить для себя решение проблем, прежде всего связанных с денежной реформой, хотел во что бы то ни стало сохранить частные банки под контролем и добился этого. Стремление все «держать в кулаке» стало характерной особенностью системы Витте. Бюрократическая централизация давала ряд преимуществ, но и вызывала критику.

¹ Витте С. Ю. Конспект лекций. С. 277.

² Мигулин П. П. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков, 1907. С. 114.

И. Х. Озеров утверждал: «Государственным банком единолично управлял министр финансов, государственный контролер при всем желании ничего не мог сделать, так как права его слишком ограничены, и хотя все время он вел борьбу за расширение своих компетенций, но всесильный министр С. Ю. Витте постоянно одерживал победу».¹

П. П. Мигулин, признавая успех денежной реформы, пишет в 1907 г.: «Из этого, однако, не следует, чтобы все в нашем государственном банке обстояло благополучно и ничто не нуждалось в реформах и улучшениях. Напротив, реформа нужна, и коренная. Необходим новый устав банка, который признан был бы ненарушаемым и поставил бы банк самостоятельно от министра финансов и под бдительным фактическим контролем народного представительства».²

Другие изменения в деятельности Госбанка, внесенные при Витте, касались расширения кредитных операций. В соответствии с Уставом 1894 г. были внесены следующие дополнения:

- с целью развития отечественной промышленности в оборот введены ссуды под соло-векселя с обеспечением (до трех лет). Приоритет имели те предприниматели, которые свою производственную деятельность связывали с государственными интересами;

- для оживления торговли стала практиковаться выдача краткосрочных ссуд на 9 месяцев под залог товаров отечественного производства;

- для развития территорий Госбанк в пределах имевшихся у него свободных средств стал предоставлять земствам и городам разнообразные кредиты для обеспечения их оборотными средствами;

- для содействия сельскому хозяйству и мелкой кооперативной промышленности Банк мог опосредованно кредитовать (через ссудосберегательные товарищества) общества взаимного кредита и ипотечные банки.

Анализ деятельности Госбанка в последующие годы говорит, что фактически реализованы были не все направления по намеченным операциям, невелики были ссуды учреждениям мелкого кредита, сельским хозяевам, промышленным

¹ Озеров И. Х. Как расходуются в России народные деньги. М., 1907. С. 9.

² Мигулин П. П. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков, 1907. С. 95.

предприятия. Банк преуспел лишь в учете векселей частных кредитных учреждений. За период с 1895 по 1913 г. объем учетных операций, проведенных Госбанком по отношению к частным учреждениям, возрос с 287 млн руб. до 3533 млн руб., или более чем в 12 раз.¹ В этих условиях кредитование промышленности и земледелия перешло в руки частных банков и иностранного капитала.

Государственный банк России и после реформы 90-х годов, проведенной Витте, так и не стал главным банком страны, с одной стороны, способствующим оживлению и развитию отечественного производства, с другой — контролирующим и регулирующим деятельность разнообразных кредитных учреждений, эти функции остались у Министерства финансов.

Роль Государственного банка как коммерческого учреждения постепенно стала падать. Ему не под силу было развивать операции по непосредственному кредитованию народного хозяйства, они все в большей степени осуществлялись крупнейшими банковскими монополиями.

Однако Госбанк сохранял ведущие позиции в финансировании торговли сельскохозяйственными продуктами, особенно хлебом, стремясь удерживать цены. В общей сложности разного рода кредиты Госбанка в хлебной торговле в 1903 г. достигали 75 млн рублей. В секретных циркулярах Госбанк предлагал своим отделениям не отказывать заемщикам в выдаче ссуд под хлеб и не сокращать затрат по хлебной операции, но при этом призывал к осторожности при определении кредитоспособности клиентов.²

Банковская система и частный капитал

В начале XX в. вследствие кредитной политики правительства и развития общественных и частных кредитных учреждений в России сложилась по существу трехуровневая система.

Верхний уровень представлял собой систему государственных кредитных учреждений, возглавляемую Государст-

¹ Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 39.

² Лаврычев В. Я. Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982. С. 49.

венным банком России. К этому уровню причислялись также государственные — Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Московская и Санкт-Петербургская ссудные кассы и 8853 сберегательные кассы по всей стране.

Второй, средний уровень банковской системы России включал две самостоятельные подсистемы: первая — общественные кредитные учреждения — 367 городских общественных банков, 7 взаимообщественных земельных банков, 6 городских сословных и 6 сельских общественных банков, 33 городских кредитных общества; вторая — частные кредитные учреждения, акционерные коммерческие банки.

Третий, нижний уровень — организации мелкого кредита. С 90-х годов в стране стала остро ощущаться неудовлетворенность состоянием дел в организации учреждений этого типа. Потребовалась значительная поддержка в развитии этой системы государством, а также посредством «взаимопомощи» населения.

Интерес к организации мелкого кредита у Государственного банка отчетливо стал проявляться лишь в середине 90-х годов, позже, в 1904 г., он стимулировался новым законом, возлагавшим на него «попечение о развитии мелкого кредита и руководство деятельностью учреждений мелкого кредита всех типов». С конца 1898 г. Госбанк начинает выдавать ссуды вновь возникающим ссудосберегательным товариществам на основные капиталы. В начале XX в. система мелкого кредита во многом благодаря поддержке Госбанка сильно разрослась, в 1913 г. через ссудно-сберегательные товарищества было выдано ссуд на 235 млн руб., т. е. по 124 руб. на каждого члена в среднем. Это достаточно обеспечивало стабильность цен сельскохозяйственных продуктов.¹

На 1 января 1914 г. третий уровень включал 9952 кредитных и 3528 ссудно-сберегательных товариществ, 203 земские кассы, 11 союзов учреждений мелкого кредита и 2 кооперативных банка.² Развитие данной системы происходило уже при преемнике Витте, министре финансов В. Н. Коковцове.

И все же преобладающее развитие кредитных операций шло на втором уровне банковской системы. По данным С. А. Андрюшина, на учреждения этого уровня приходилось

¹ Лаверичев В. Я. Государство и монополии. С. 50.

² Андрюшин С. А. Банковская система в России. Либеральные реформы и последствия // Деньги и кредит. 1997. № 4.

55,6 % всех балансовых средств, 79 % всех займов, 50,1 % всех вкладов. При этом 45 % всех учетно-ссудных операций было сосредоточено в акционерных коммерческих банках, составлявших менее 0,2 % числа всех кредитных учреждений России.

Роль частных банков и характер их взаимоотношений с Министерством финансов представляют особый интерес, поскольку характеризуют степень либерализма экономических реформ Витте. В количественном отношении коммерческие банки росли незначительно, однако расширение их деятельности шло путем создания новых отделений. В 1895 г. 38 банков имели 99 отделений; в 1905 г. — 39 банков — 280 отделений; в 1915 г. — 53 банка — 635 отделений.¹

В деятельности частных коммерческих банков, возникших в 60—70-х годах XIX в. наблюдались различные периоды. В начальный период преобладали спекулятивные операции с акциями железнодорожных обществ, дававших огромные прибыли. После завершения «железнодорожной лихорадки» и краха ряда банков интересы банкиров расширились, что можно проследить на примерах ведущих петербургских банков — Частного и Международного.

В первой половине 70-х годов около двух третей стоимости портфеля Частного банка составляли акции железнодорожных обществ (главным образом двух — Бресто-Граевской и Рыбинско-Бологовской железных дорог). С конца 70-х годов банк стал покупать акции газовых предприятий, с начала 80-х — некоторых пароходных обществ, и лишь в 90-х годах в его портфеле появились акции коммерческих банков и промышленных предприятий. Переломным моментом стал 1895 год, когда в ведомостях ценных бумаг Частного банка стали фигурировать крупные пакеты акций Русского паровозостроительного общества, Общества Волжского сталеного завода и других.

В отличие от Частного банка Международный банк явно предпочитал операции с гарантированными ценностями. Среди негарантированных ценностей преобладали ипотечные бумаги, однако постепенно стали появляться и акции некоторых промышленных предприятий, в частности Общества за-

¹ *Ананьич Б. В.* Кредитная канцелярия и правительственный контроль над кредитными учреждениями // *Деньги и кредит.* 1995. № 4.

водов «Сормово», Российского золотопромышленного общества и железнодорожных обществ. В 1897 г. ипотечные бумаги совершенно исчезли из портфеля Международного банка и самыми крупными пакетами стали акции Рыбинско-Бологовской железной дороги (1,1 млн руб.) и Русско-Китайского банка (0,9 млн руб.). Однако было значительным и число акций «Никополь-Мариупольского общества», общества Гартмана и других промышленных предприятий. Постепенно их доля возросла таким образом, что при всем различии Частного и Международного банков просматривается общая черта: в середине 90-х годов в их составе появляются промышленные ценности. То же самое можно сказать и о портфелях собственных бумаг двух других крупнейших петербургских банков — Русского внешней торговли и Учетного и Ссудного.

Кредитная политика министра финансов С. Ю. Витте, направленная на индустриализацию страны, всячески стимулировала деятельность коммерческих банков в заданном направлении. При этом использовались различные средства — от строгого контроля и ограничений до установления личных доверительных отношений высших чиновников и банкиров.

«Под колпаком» у министерства

Ведущая роль в реализации кредитной политики принадлежала Кредитной канцелярии Министерства финансов. Это учреждение с момента своего образования в 1824 г. и вплоть до октября 1917 г. было одним из главных рычагов управления финансовой системой империи в руках министров финансов.

При Витте функции кредитной канцелярии расширились, и она превратилась в совершенно своеобразное учреждение, «совмещавшее в себе» наряду с административными задачами государственного управления в области денежного хозяйства и кредита определенную деятельность по выпуску займов, покупке валюты и заграничным расчетам не только правительства, но и многочисленных общественных учреждений. При этом объем операций превышал сотни миллионов рублей, т. е. превосходил объем операций любого банковского учредителя.¹

¹ *Ананьич Б. В.* Кредитная канцелярия.

Через Кредитную канцелярию и Государственный банк акционерные коммерческие банки были тесно связаны с правительством, в трудные дни не раз обращались к нему и получали помощь. С другой стороны, коммерческие банки служили проводниками политики правительства в отдельных регионах. Так, Витте активно использовал Русско-Китайский и Санкт-Петербургский международный банки для осуществления экономической экспансии в Маньчжурии, а Банкирский дом Поляковых — для завоевания позиций в Персии. Правда, последний не оправдал надежд, и дело кончилось крахом, что поставило Витте в затруднительное положение.¹

По мере укрепления позиций частных банков банкиры стали вести себя все более независимо, но чиновники Министерства финансов не намерены были уступать свое влияние на финансовую политику и выдвигали претензии. В частности, в Министерстве подозревали коммерческие банки в спекулятивных операциях с валютой, способствовавших падению курса рубля, считали, что увлечение банков промышленными делами таит в себе опасность подчинения предприятий кредитным учреждениям, которые якобы могут эксплуатировать их в собственных интересах, не заботясь о нуждах народного хозяйства, и т. п. Это давало основания требовать расширения правительственного надзора.

Сравнивая положение кредитных учреждений в России и европейских странах в начале XX в., следует выделить ряд существенных отличий.

Во всех странах Запада кредитные учреждения открывались явочным порядком, в то время как в России сохранялась разрешительная система. В Германии коммерческие банки не подвергались никаким ревизиям или контролю со стороны правительства, зато значительную роль там играл общественный надзор, осуществлявшийся центральным союзом банкиров. Во Франции господствовал принцип полного невмешательства власти в сферу деятельности частных кредитных учреждений, за исключением случаев, когда они пользовались ссудами или пособиями от казны или особыми привилегиями. В Англии правительственный контроль в слабой форме распространялся в основном на ипотечные банки. В России

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Л., 1991. С. 95.

же широкий правительственный надзор сохранялся при Витте и при его преемниках. Объяснялось это экономической отсталостью, несовершенством законов, слабостью общественного контроля.

Другой особенностью российской финансовой системы являлись тесные, личные отношения банкиров и высших чиновников Министерства финансов, не принятые столь явно на Западе. Особенно это было характерно для петербургских банков. Столица была финансовым центром страны, здесь располагались конторы крупнейших акционерных банков и банковских домов и закономерно складывалась олигархия, близкая к властным структурам.

Известно, например, об особых отношениях С. Ю. Витте с главой Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейном, который, по сути, был доверенным лицом министра, выполнял многие его поручения. Можно предположить, что и интересы банка учитывались в Министерстве. Подобные отношения связывали Витте с А. Ф. Рафаловичем — главой банковского дома — и многими другими финансистами. Такого рода отношения трудно было скрыть от общественности, и они, естественно вызывали протесты. Так, П. П. Мигулин, критикуя сохранение Государственного банка в структуре Министерства финансов, отмечал, что «банк мог поддерживать своим вексельным кредитом только тех, кто был угоден Министерству финансов. Но этого мало, с 1899 г. устав Банка стал нарушаться еще и в другую сторону. Банк стал выдавать незаконные противоуставные ссуды разным, большею частью сомнительным, предприятиям, по специально испрашиваемым министром финансов каждый раз Высочайшим разрешениям, притом секретным, неопубликованным... Неудивительно, что такое отношение к банку со стороны министра финансов произвело самое деморализующее действие на все деловые сферы. „Казенный сундук“, казенные достояния оказались открытыми для раздачи разным аферистам — вопреки закону, вопреки всякому порядку».¹

Еще более резко высказался И. Х. Озеров: «У нас Государственный банк чуть ли не превратился в игорный дом, все желающие могли попробовать свое счастье, просить — авось

¹ Мигулин П. П. Настоящее и будущее русских финансов. С. 114.

повезет, и получить ссуду, т. е. выиграть. И было из-за чего играть: выигрыши достигали десятков миллионов рублей!». ¹

Но ссуды получали лишь избранные. Когда в 1901 г. председатель правления Харьковского земельного банка А. К. Алчевский обратился к Витте за помощью в спасении от краха, то получил отказ. После этого банкир покончил счеты с жизнью, бросившись под поезд.

Очевидно, что такого рода личные отношения в принципе создавали благоприятные возможности для коррупции и злоупотребления со стороны чиновников. Хотя сам Витте не был замешан в подобных историях, но такое случалось в период его руководства Министерством.

Представляется содержательной характеристика, данная И. Ф. Гиндиным кредитной политике Министерства финансов: «Как известно, ни в одной стране этот орган так близко и так активно не вмешивался в дела кредитных учреждений, как в России... С одной стороны, по-видимому, Министерство в своих взглядах на кредит держалось «классической» точки зрения, и отсюда разные связывающие постановления, строгие банковские законы и т. п., на которые жалуются банки... С другой стороны, по ряду действий видно, что Министерство весьма терпимо относилось к смешанной банковской системе, ибо в хорошее время банки беспрепятственно работали, не считаясь ни с какими уставами... В плохие времена Министерство само шло банкам навстречу, ставя в их распоряжение необходимые резервы». «Словом, мы имеем перед собой, пишет Гиндин, всю совокупность отношений финансово-капиталистических верхушек с официальными представителями власти — отношений, в которых тесно переплетается то, что делается в „интересах народного хозяйства“, с действиями, продиктованными исключительно персональными интересами действующих лиц». ²

Интересные аналогии возникают сегодня при анализе финансовой ситуации в России во второй половине XIX в. В конце XX в. банковская система страны также испытала давление либеральных экономических реформ на структуру и характер своей деятельности. Происходит ликвидация «старых»

¹ Озеров И. Х. Как расходуются в России народные деньги. М., 1907. С. 9.

² Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика России (XIX—нач. XX в.). М., 1997. С. 214.

казенных банков, стремительно зарождается рынок частного кредита в форме акционерных коммерческих банков, в деятельности которых преобладают спекулятивные операции и невысок интерес к реальному сектору экономики. Наступает спад производства, увеличивается безденежье, и дорожает кредит. В стране складывается финансовая олигархия, тесно связанная с властными структурами, процветают коррупция и казнокрадство. В современной России закономерно происходит обвал спекулятивной банковской системы в 1998 г., что еще более углубляет общий экономический кризис. Либеральные подходы дискредитированы, и, как следствие, возникают идеи даже о национализации банковской сферы, что означало бы конец рыночных реформ. Возможно, выход связан с использованием отечественного опыта эпохи Витте.

В капиталистической России после провала политики М. Х. Рейтерна происходит отход от западного либерализма и складывается национальная банковская система с активным государственным контролем в финансовой сфере. В эпоху Витте частные и общественные кредитные учреждения работают «под колпаком» у министра финансов, который контролирует и Государственный банк. Такого рода централизация кредитно-денежной политики позволяла направить финансовые ресурсы страны на индустриализацию. Существенным дополнением к внутренним ресурсам стали иностранные капиталы, привлеченные политикой Витте. Следствием такой политики стали промышленный бум 90-х годов и модернизация страны.

Необходимо отметить, что либерализм сохранялся, государственный контроль в кредитной сфере не носил тотального характера, частные интересы учитывались и охранялись. Витте активно привлекал коммерческие банки к осуществлению крупных проектов в стране, они играли важнейшую роль в экономической экспансии на Восток. Существенным элементом новой банковской системы стал «третий уровень» — мелкая кредитная кооперация, которая играла важную роль в развитии традиционных форм русского предпринимательства.

Исторический опыт говорит о слабой совместимости позитивного экономического развития страны с практикой внедрения в России методов хозяйствования западного либерализма. Изучение отечественной практики может стать важным элементом в построении национальной рыночной модели финансовой системы.

5.3. Иностранный капитал и государственный долг

Одна из основ финансовой политики царского правительства конца XIX в. состояла в привлечении иностранных капиталов, особенно в ссудной форме. Расцвет этой политики, начатой в 60-х годах, приходится на конец 90-х годов и связан как с денежной реформой, так и в целом с политикой индустриализации страны.

О роли иностранных инвестиций и кредитов шла речь выше, при рассмотрении программы 1899 г. В этом разделе речь идет об осуществлении такой политики, которая требовала от Витте не только чутья финансиста, но и талантов дипломата, а также о последствиях этой политики, конкретно о росте государственного долга России.

Иностранные займы осуществлялись и ранее, еще со времен Екатерины II, но они носили эпизодический характер, были связаны с войнами и другими отдельными событиями. На капиталистической стадии развития заимствование приняло иной характер.

В 60-х годах М. Х. Рейтерн во всеподданнейших докладах царю ставит вопрос о необходимости создания железнодорожной сети и «механической промышленности» для укрепления экономики и государственных финансов и, вследствие недостатка собственных капиталов в стране, выступает за привлечение иностранных капиталов. В связи с этим возникла необходимость стабилизации рубля. Пытаясь обуздать инфляцию — наследие Крымской войны, — Рейтерн в апреле 1862 г. сделал у лондонского и парижского Ротшильдов 5 %-ный заем на крупную для того времени сумму в 15 млн фунтов, а в мае того же года попытался ввести в России свободный размен кредитных билетов на золотую и серебряную монеты. Однако попытки окончились неудачей, и ни Рейтерн, ни другие министры финансов (до Витте) не делали подобных попыток, но уже при Бунге был взят курс на подготовку денежной реформы.

В этом ключе Вышнеградский приступил к конверсии русских займов. После первого конверсионного займа в 1889 г. последовала целая серия других займов во Франции, и финансы России оказались тесно связаны с Парижской биржей.

Как отмечает Б. В. Ананьич, основным результатом стал переход значительной части русских ценных бумаг с немецкого на французский денежный рынок при самом активном участии французских банков, встреченный с энтузиазмом французскими держателями. Так возник фундамент, на котором вскоре было построено и само здание франко-русского союза.¹

Заступив на пост министра финансов в сентябре 1892 г., Витте застал только что оформленный франко-русский союз, обеспечивший готовность Парижской биржи закрепить этот политический акт широкими финансовыми услугами русскому правительству. Перед Витте раскрывался мир парижских банкиров, суливший ему мощную финансовую опору, и он ее использовал.

Вышнеградский не успел довести до конца план конверсии русских займов, помешали болезнь и последовавшая за ней отставка. В наследство Витте он оставил сделанный в 1891 г. на Парижской бирже, но так и не размещенный полностью 3 %-ный золотой заем в 125 млн руб. Отчасти в связи с неурожаем и голодом в России цена займа упала так низко, что министру финансов пришлось выкупить облигаций на сумму около 50 млн руб.

Только в 1893 г. Витте с большим трудом удалось окончательно разместить заем 1891 г. После этого в условиях улучшения общей конъюнктуры денежных рынков и «дешевизны» денег в Европе Витте смог беспрепятственно продолжить займы, разместив их в 1894 и 1896 гг. опять преимущественно на парижской бирже. Особенно успешным оказался российский 3,5 %-ный золотой заем 1894 г. на 100 млн руб. Комитет финансов признал его наиболее выгодным из всех займов, когда-либо заключенных русским правительством. Этот заем фактически завершил собой серию конверсионных операций, начатую Вышнеградским, причем цена на русские ценные бумаги росла, отражая экономическую ситуацию и заключение франко-русского союза. Да и в самой России, переживавшей бурный промышленный рост, биржи характеризовались «повышательной кампанией», прерванной лишь ненадолго биржевым кризисом 1895 г. Заем 1896 г. позволил завершить подготовку денежной реформы и способствовал ее успеху. После

¹ Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1837—1914. Л., 1970. С. 12.

этого в стратегии Витте наметились новые приоритеты, которые прозвучали явственно в экономической программе 1899 г., сделавшей ставку на использование иностранного капитала для индустриализации России.

В это время ситуация изменилась, французское правительство стало относиться довольно сдержанно к размещению на Парижской бирже новых русских займов и усложнять процедуру их допущения к котировке, ссылаясь на то, что рынок и так переполнен русскими ценными бумагами. Французская пресса стала предостерегать публику от «увлечения русскими фондами». Кампания эта усилилась после столкновения в 1895 г. русского Минфина с заправилами французской биржи. Дело было в том, что в 1895 г. синдикат из крупнейших французских банков занялся спекуляциями на турецких фондах, которые провалились с большим убытком. Для спасения ситуации банкиры решили было пристегнуть российский Минфин к операции по ликвидации турецких фондов. Министру иностранных дел Франции Ганото удалось уговорить Николая II, воспользовавшись его пребыванием в 1896 г. в Париже, участвовать в операции. Однако вмешался Витте, и затея, ущербная для России, провалилась. Это вызвало бурную реакцию французской прессы. Началась кампания против русского Министерства финансов и самого министра с целью вообще закрыть России дверь на французский рынок кредитов. С трудом удалось провести во Франции заем 1896 г., и Витте понял, что надо искать другие рынки.

Как отмечалось выше, период 1897—1899 гг. характеризовался острой полемикой в самой России по вопросу об отношении к иностранным капиталам. Витте встретился с серьезной оппозицией этой политике во главе с зятем царя, великим князем Александром Михайловичем, выступившим против допущения английских предпринимателей к эксплуатации бакинских месторождений нефти. Экономическая политика, как пишет Витте, натолкнулась на узконациональную точку зрения «гостиного ряда», встретившую сочувственное отношение со стороны самого Николая II.

В результате напряженной борьбы Витте удалось тогда взять верх в вопросе о привлечении иностранных капиталов. Поскольку противники Витте никакой альтернативной политики сформулировать не смогли, то царь вынужден был принять систему Витте. Однако победа не была полной, в приня-

том решении по докладу были сохранены упоминания о нежелательности в политическом отношении сосредоточения в руках иностранных компаний обширных поземельных владений и о правах местной администрации давать им разрешение на приобретение недвижимой собственности.

Противники привлечения иностранных капиталов не сложили оружия, острая полемика продолжалась, и Витте в феврале 1900 г. вновь пришлось поставить вопрос о необходимости покончить с ограничительными мерами на пути капиталов. В докладе царю Витте подчеркивал, что бедность капиталами задерживает развитие промышленности и Россия «очень отстала». По его сведениям, в России «общий итог капиталов, привлеченных в частный и общественный сектор» составлял 11 млрд рублей, «из коих около половины притекли из-за границы», в то время как в Германии и Франции «итог движимых ценностей» превышал 30 млрд руб., а в Англии 60 млрд руб.¹

Для убеждения царя Витте ссылаясь на пример Англии и США, добившихся создания промышленности с помощью иностранных капиталов, говорил, что прилив «чужих сбережений» не отразится на национальном характере русской промышленности, ибо Россия как страна, обладающая «громоздкой политической силой и могуществом, способна будет их ассимилировать».

Несмотря на сильную оппозицию, Витте настойчиво проводил в жизнь намеченную программу. При этом он фактически вышел далеко за обычные рамки деятельности Министерства финансов, от него во многом зависело определение не только внутренней, но и внешней политики. К тому времени Витте располагал уже разветвленной сетью своих постоянных представителей в столицах ведущих стран.

Проводники кредитной политики

Институт коммерческих агентов Министерства финансов был реорганизован. Витте добился права определять необходимое число агентов и устанавливать их место пребывания и район деятельности. В дополнение к агентствам в Париже,

¹ Всеподданейший доклад С. Ю. Витте Николаю II «О положении нашей промышленности», 1902 // Судьбы России. СПб., 1999. С. 354.

Лондоне и Берлине было открыто агентство в Вашингтоне, затем в Константинополе, Брюсселе, Иокагаме, Рио де Жанейро и ряде других городов мира. На должности агентов Витте назначал лиц, пользовавшихся его полным доверием и имевших связи в промышленных и финансовых кругах тех стран, где им предстояло работать. Так, в Париже этот пост занимал А. Г. Рафалович, получивший официальное назначение в 1894 г., хотя еще с 1889 г. он выполнял эту роль «безвозмездно, по собственному желанию». В Лондон был направлен известный русский дипломат С. С. Татищев, в Берлин — В. И. Тимирязев, занявший затем в 1902 г. пост товарища министра финансов, а в 1905 г. — пост министра торговли и промышленности. В Вашингтоне с момента открытия агентства на протяжении 10 лет его возглавлял инженер М. В. Рутковский.

В 1898 г. в Министерство финансов начала поступать регулярная информация не только о настроениях всех крупнейших бирж, но и об основных событиях экономической и политической жизни ведущих стран мира. Но главная задача агентов Министерства финансов состояла в подготовке новых русских финансовых операций за границей, необходимых для реализации программ Витте. Речь прежде всего шла о привлечении иностранных займов для промышленности. Необходимы были крупные суммы, занимать предстояло много, и Витте был заинтересован в том, чтобы привлекать не только французский капитал. После осложнений с Францией Витте устремил взор на США и Англию.

В 1898 г. он через английского Ротшильда зондирует почву насчет возможности разместить в Англии крупный заем. Такие попытки предпринимались и ранее, в 1894 и 1897 гг., но успеха не имели. Эта неудача не смутила Витте, и он с прежним упорством начал атаку, используя назначенного на пост агента министра финансов С. С. Татищева. По прибытии в Лондон тот почти сразу был представлен во все крупнейшие банкирские дома, и прежде всего, разумеется, Ротшильду. Во время первой же встречи Татищев льстиво заявил, что «он просит считать его также аккредитованным при Ротшильде, как стал русский посол аккредитован при королеве Виктории».¹

Лесть попала в цель, ибо, как выяснилось позднее, Ротшильд тоже был заинтересован в том, чтобы наладить отно-

¹ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 29.

шения с русским Министерством финансов, и он имел с Татищевым разговор «с глазу на глаз». Ротшильд обратил внимание Татищева на то, что пути России и Великобритании одинаково расходятся и в политике, и в торговле. Заподозрив Ротшильда в желании под предлогом политических осложнений побольше выторговать для себя, Татищев стал говорить о предприятиях в России, приносящих вкладчикам «огромные, неведомые во всей Западной Европе барыши... в 40, 50 и до 75 процентов». Однако банкир стоял на своем: пусть Татищев и не надеется, что экономические интересы возьмут когда-нибудь верх над политическими. Выходило, что только политическое согласие с Англией могло открыть английский рынок для русских займов.

Незадолго до приезда Татищева в Лондон английское правительство обращалось уже через своего посла в Петербурге О. Конора к русскому правительству с проектом соглашения, предусматривающего в первую очередь раздел Китая и Турции на сферы влияния. Однако этот проект был отвергнут как неприемлемый, и Ротшильд, используя заинтересованность России в займах, вновь попытался навязать отвергнутое соглашение. Он заверил, что соглашения с Россией желают и королева, и премьер-министр, и вообще большинство англичан. При этом он просил передать «дословно» Витте, и «только ему одному», содержание состоявшейся беседы и сказал, что в случае политического примирения русский государственный кредит прочно водворится и пустит «глубокие корни» в Англии. «Тогда, — заявил Ротшильд, — вся Лондонская биржа к вашим услугам. Практически же это означало, что в данный момент рассчитывать на получение займов не было никаких надежд.¹ Примечательна, однако, сама попытка, то, что крупнейший английский банкир пытался делать большую политику и обращался к министру финансов России, очевидно, как к самому авторитетному лицу в правительстве. Витте и позже много раз приходилось ради экономических интересов России влезать во внешнеполитические дела, но с разным успехом. Не все было в его власти.

Неудача Татищева в Лондоне сопрягалась с общим неблагоприятным положением на европейском денежном рынке в 1898 г., где стали обнаруживаться признаки наступающе-

¹ Там же. С. 32.

го экономического кризиса, выразившегося в повсеместном подорожании денег.

Симптомы кризиса давали себя знать на всех крупнейших биржах мира — в Лондоне, Париже, Берлине, Петербурге, исключение составлял только Нью-Йорк. 1897 год в Европе был отмечен повсеместными неурожаями, и поэтому в 1898 г. европейцам пришлось закупать зерно в Америке по повышенным ценам, что вызвало и заметный отлив золота в США. В результате там в 1898 г. биржевая жизнь «била ключом». Страна переживала промышленный бум, что и побудило Витте предпринять попытку выйти на американский денежный рынок. Эта попытка тоже не дала нужных результатов. Хотя американская сторона в виде синдиката, созданного банкирским домом «Беринг, Магон и К» и проявила интерес, но договориться о приемлемых условиях займа в тот год не удалось.

В последующие годы настойчивые попытки Витте открыть для русских займов английский и американский денежные рынки дали некоторые результаты, но они оказались очень скромны. А он так надеялся получить возможность пользоваться кредитом в международном масштабе и лавировать между биржами Парижа, Берлина, Лондона и Нью-Йорка, занимая в зависимости от обстоятельств то там, то здесь, не связывая свою судьбу только с Парижской биржей. В конце 1900 г. стало ясно, что надеяться на Лондон и Нью-Йорк нельзя, Берлин время от времени давал кредиты, но в ограниченном масштабе из-за большого внутреннего спроса на капиталы. Следовательно, оставался опять-таки Париж. Поскольку успех экономической программы Витте зависел от постоянного притока иностранных капиталов, то приостановка их могла иметь драматические последствия.

Ситуация стала особенно чувствительной для российского правительства из-за напряжения, вызванного углубляющимся экономическим кризисом и расходами, связанными с участием в подавлении боксерского восстания в Китае. В результате кризиса под угрозой краха оказались многочисленные предприятия, в том числе связанные с иностранным капиталом.

Однако Витте не собирался отказываться от намеченной программы, хотя положение усугублялось падением на европейских биржах курса русских ценных бумаг. К концу 1900 г.,

по данным Министерства финансов, в страну вернулось ценных бумаг более чем на 100 млн рублей, что повлекло за собой вывоз из страны золота на соответствующую сумму. Золотой запас оставался еще весьма значительным (около 800 млн руб.), тем не менее Витте, трезво оценивая ситуацию, занялся активными поисками рынков для русских займов.

В Берлине ему сравнительно легко удалось к середине 1901 г. договориться о размещении облигаций железной дороги на сумму в 24 млн рублей. Что касается Парижа, то здесь сразу же встретились серьезные трудности. Французское правительство поставило условием размещения 4 %-ного русского займа проведение в России ряда мер, в которых были заинтересованы французские промышленники. Министр финансов Франции Кайо не считал даже нужным маскировать свое намерение использовать займы как средство давления на Россию для выколачивания экономических преимуществ из страны-союзника.

Отражением ситуации был даже тот тон, в котором обратился французский посол в Петербурге к Витте в сентябре 1901 г.: «Я настаиваю...». Витте, конечно, не сдержался и ответил в резкой форме, что, понятно, не укрепляло франко-русского союза. В конце концов, Витте все же пошел навстречу требованиям, что было оценено в Париже. России удалось получить разрешение на размещение во Франции займа на 200 млн рублей в 1902—1904 гг., но это потребовало большого напряжения от Министерства финансов и благоприятного стечения обстоятельств, связанных с визитом во Францию Николая II осенью 1901 г. и демонстрацией прочности франко-русского союза.

Очевидно, что результаты финансовой политики Витте в большой мере зависели от приливов и отливов в отношениях отдельных стран, что политические соображения, а не экономические интересы доминировали в этих отношениях и Витте постоянно приходилось подстраиваться под них.

Приходилось и оказывать постоянное «влияние» на французскую печать, формирующую общественное мнение страны-кредитора. Так, в октябре 1901 г. агенту Министерства финансов Рафаловичу был открыт кредит в 60 тыс. франков, который к апрелю 1902 г. почти целиком перекочевал в карманы торговцев французской прессой. Особых моральных проблем по этому поводу у Витте, видимо, не возникало, с

продажностью прессы и необходимостью ее подкупа сталкивался не только он, и ситуация повторялась не раз позже. Так, в августе 1904 г., уже после заключения договора с французским правительством на 800 млн франков, Рафалович вновь поставил перед министром финансов Коковцовым вопрос о необходимости продолжать «субсидировать прессу», и ему немедленно был открыт кредит в 325 тыс. франков на срок до середины 1905 г. «С печальным фактом продажности печати, — писал по этому поводу Коковцов, — а также с восприимчивостью французской публики, среди которой имеется столько держателей наших бумаг, к отзывам газет — приходится считаться, хотя результаты, достигаемые путем субсидирования прессы, и не поддаются сколько-нибудь точному учету».¹ Действительно, не было твердых гарантий того, что газеты, которые получали скрытую помощь от русской казны, будут выполнять взятые обязательства.

Газета «Temps» в апреле 1902 г. опубликовала целую серию редакционных статей под названием «Русская индустрия и французские капиталы». В них подчеркивалось, что приток французских капиталов в течение последнего десятилетия не только способствовал быстрому росту русской промышленности, но и привел к тому, что Россия обогнала Францию и Бельгию по некоторым важным показателям развития тяжелой промышленности.

В то же время, по мнению «Temps», сами французы не извлекли большой выгоды от вывоза капиталов в Россию, если не считать полученных процентов, и политический союз с Россией не дал им серьезных экономических выгод. Поэтому газета как бы настаивала на справедливой компенсации со стороны России. Это не соответствовало истине, полученные доходы французов были высоки, но появление подобных статей в ведущих французских газетах было опасно для русского кредита, тем более что это совпадало с претензиями правительства, в частности министра финансов Кайо.

Угрозы русскому кредиту во Франции исходили со многих сторон, в том числе и от соотечественников. Так, генерал Е. В. Богданович, появившийся в Париже накануне визита царя, «образовал настоящий кружок военных и журналистов

¹ Цит. по: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. С. 109—110.

из оппозиции», члены которого распространяли слухи, публиковали резкие статьи против Витте и русских финансистов. Витте по этому поводу направил даже записку царю, указав на недостойную роль генерала. Богданович принадлежал к партии столичной бюрократии, которая находилась в резкой оппозиции к Витте, и он готов был пакостить противнику даже в ущерб интересам отечества. А новые кредиты требовались России для продолжения железнодорожного строительства, в частности на завершение строительства Китайской восточной железной дороги, на сооружение прибрежной Черноморской линии и других.

Поскольку французский кредитный рынок стал труднодоступен и не в полной мере удовлетворял потребности России, то Витте одновременно действовал и в Германии. В результате секретных переговоров он смог добиться в марте 1902 г. нового государственного займа на 200 млн рублей на Берлинской бирже. Это было большой неожиданностью для многих, и он тем самым задел французских буржуа, которые считали, что Россия не сможет обойтись без их капиталов. А Витте использовал заинтересованность германских политических кругов в налаживании отношений с Россией для получения кредитов, при этом избежав значительных уступок.

Ситуация значительно изменилась с началом русско-японской войны и поражениями. Хотя Витте был принципиальным противником военной авантюры на Дальнем Востоке, тем не менее ему пришлось, находясь уже в отставке, ликвидировать финансовый ущерб от огромных военных расходов путем добывания новых займов.

В русско-японскую войну Россия вступила неподготовленной в финансовом отношении, что стало ясно уже на исходе первого месяца военных действий. Берлинский заем 1902 г. не обеспечил финансовой устойчивости правительства, на что указывала иностранная, в частности английская, пресса. Это имело существенное значение для общественного мнения Франции и США, где Россия надеялась брать кредиты. Когда В. Н. Коковцов попытался прозондировать почву, то получил ответ от посла во Франции Нелидова: «Объявление о займе до какого-нибудь военного успеха заставит считать, что мы в отчаянном положении, и принесет неисчислимые бедствия нашему делу в целом. Для японцев это будет

равносильно победе».¹ Тем не менее выхода не было, и пришлось начать переговоры с французскими банкирами Цетлиным и Готтингером.

Прибыв в Петербург, банкиры с удовлетворением констатировали, что в переговорах помимо министра финансов Коковцова в порядке содействия новому министру участвует и Витте. Но банкиров смутила огромная сумма займа, которую они признали невозможным разместить в Париже. Пришлось начать серьезную политическую подготовку займа, в которой Витте играл значительную роль.

До последнего момента напряженных переговоров, продолжавшихся около месяца, Витте стремился привлечь к участию в займе в той или иной форме немецкие банки, однако по рекомендации своего правительства французские банкиры отказались от этой уступки. Французская дипломатия не хотела давать повод Германии оказать услугу царскому правительству в тот момент, когда союзник Франции — Англия разместила в Лондоне японский заем. В конце концов, соглашение в мае 1904 г. было подписано, и Россия получила заем, который дал необходимые средства для ведения войны.

Однако денег катастрофически не хватало, и уже вскоре встал вопрос о новом кредитном займе за границей. В Министерстве финансов на этот счет не было особых иллюзий. «Для России, — писал в декабре 1904 г. Коковцов во всеподданнейшем докладе, — заграничный денежный рынок в полном объеме в настоящий момент даже и недоступен. Рынок американский и английский для нас закрыты по политическому положению... Из денежных рынков Старого и Нового Света остаются для нас поэтому доступными только рынки Франции, Германии и отчасти Голландии, так как за малыми исключениями прочие страны, как и мы, не располагают свободными капиталами и сами нуждаются во внешнем кредите».² России пришлось выбирать между Берлином и Парижем.

Хотя французские банкиры в силу явной выгоды проявили готовность оказать новую услугу русскому правительству, но предпочтение на этот раз было отдано германскому капиталу, который предложил более выгодные условия. Офици-

¹ *Ананьич Б. В.* Россия и иностранный капитал. С. 101.

² Там же. С. 112.

альным переговорам предшествовали секретные контакты банкира Мендельсона и Витте, после чего германская сторона намекнула о своем желании, «чтобы не кто иной, как Витте, возглавил делегацию на будущих переговорах». Это было связано с тем, что в 1904 г. предстояло заключить новый торговый договор России с Германией, в котором немецкая сторона надеялась компенсировать уступки, сделанные в 1894 г..

На начавшихся переговорах велась сложная игра. По версии Витте, германский канцлер Бюлов пытался уклониться от каких-либо обязательств допустить русские займы в Германии, ссылаясь при этом на императора Вильгельма II, провозгласившего лозунг «немецкие деньги для немцев». Тогда Витте обусловил подписание торгового договора предоставлением германским правительством письменных гарантий размещения русского займа на германском рынке, «и только после этого Бюлов уступил».¹

Витте при самых неблагоприятных условиях выиграл этот дипломатический поединок. По замечанию академика Е. В. Тарле, «в умственном отношении граф Бюлов был, крупным человеком... но он был конечно, очень мал, если его сравнивать с Витте».²

Русско-японская война и революция 1905 г. имели катастрофические финансовые последствия для страны, в конце 1905 г. на Совете министров, который возглавлял Витте, обсуждался вопрос об отказе от золотого обеспечения рубля, что означало по сути крушение системы Витте. Спасти ситуацию мог только новый крупный заем за границей. Царскому правительству опять пришлось обратиться к Франции, но там этот вопрос был увязан с содействием России в решении франко-германского конфликта из-за Марокко. И вновь Витте пришлось проявить дипломатические таланты, и только после напряженной борьбы и успеха Алжезирасской мирной конференции в апреле 1906 г. страна получила, наконец, спасительный заем на крайне невыгодных условиях. 5 %-ный российский государственный заем 1906 г. был выпущен на нарицательный капитал 2,25 млрд франков (843,7 млн руб). Очевидно, что полученные средства пошли на поддержание денежного обращения.

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 318.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Сочинения, Т. 5. С. 541.

Анализируя кредитно-финансовую политику Витте и его ведомства, нельзя не сказать о том, что Россия на мировом кредитном рынке выступала, как это ни парадоксально, в роли не только заемщика, но и кредитора. Вывоз капитала осуществлялся, в рамках восточной политики Витте, частными банками под негласным руководством Министерства финансов. Б. В. Ананьич в специальной работе показал этот процесс на материалах Учетно-ссудного банка Персии.¹ Важную роль, по сути, как агент Минфина, играл Русско-Китайский банк в Маньчжурии и Монголии, что будет также рассмотрено подробнее ниже.

Результаты кредитной политики

Преемником политики Витте стал, по сути, Коковцов, который, по собственному признанию, «не выступил новатором в деле управления русскими финансами и не предложил новых путей для экономического развития страны».² Свою деятельность он разделил на два периода: до и после 1907 г. Если в первый период он даже не помышлял о развитии производительных сил, то во второй период, в условиях политической стабилизации, способствовал экономическому подъему. И тогда правительство не обходилось без зарубежных кредитов. Правда, отказавшись от государственных займов, Коковцов стал прибегать к гарантированным правительством железнодорожным займам как наиболее удобной форме кредита, не требующей специального одобрения Думы и в меньшей степени зависимой от внешнеполитической конъюнктуры. Эти займы можно было делать не только в Париже, но и в Лондоне, и даже в Берлине, несмотря на ухудшение отношений между странами. Французские держатели обладали самым большим количеством размещенных за границей не только разного рода русских займов, но и других ценных бумаг. На Парижской бирже котиновалась 71 разновидность русских промышленных ценностей на сумму 642 млн руб., в том числе акции 14 крупнейших русских металлургических

¹ Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капитала. 1895—1914 гг. Л., 1975.

² Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919. Кн. 2. М., 1992. С. 363.

заводов, 12 нефтяных и 15 каменноугольных предприятий, 5 банков и др.¹

Как можно оценивать результаты кредитной политики Витте и его преемника? На этот счет известны разные мнения. Так, П. П. Мигулин считал, что от иностранных займов для развития русской промышленности поступали крохи. «Мы уподобляемся тому хозяину, — писал он в декабре 1913 г., — который, получая ежегодные убытки, покрывает их займами, не имея никакой надежды сделать свое хозяйство прибыльным. Для такого хозяйства банкротство рано или поздно неизбежно».²

Другой современник был не менее категоричен: «Русский кредит плох по следующим причинам: 1) потому что в течение многих лет русское Министерство финансов беспрерывно, не останавливаясь ни перед какими унижениями, искало денег по всему свету, и это в то время, когда страна в этих деньгах не нуждалась; 2) потому что вследствие неумелости финансовой администрации наша валютная система так построена и проведена, что не может не внушать самых серьезных опасений за прочность размена; 3) потому что наш Государственный банк не способствовал развитию отечественной торговли, а являлся одним из самых серьезных тормозов к нему, и в то же время без всякой пользы для страны, безвозвратно поглотил огромные казенные суммы; 4) потому что наше железнодорожное дело поставлено так, что на много лет обеспечена его громадная убыточность» и т. д.³

Автор приводит в подтверждение конкретные примеры и задает вопрос, а приемлемы ли были эти займы? Так, в 1899 г. в Англии был получен заем на 4,6 млн рублей. А расходная часть бюджета в этот год была 1200 млн рублей в год, т. е. около 3,3 млн в день. Следовательно, «после крупного унижения мы в конце концов получили сумму, равную приблизительно расходам в течение 35 часов! Иными словами, сводя дело к обыкновенному человеческому обиходу купца, мы прежде брали крупные суммы на дело, а теперь так низко поклонились и «перехватили» деньжонок на обед

¹ *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие.

² *Мигулин П. П.* Биржевая игра или промышленный подъем? // *Новый экономист*. 21 декабря 1913 г., № 51—52.

³ *С. Ю. Витте и падение русского кредита.* СПб., 1907. С. 3.

и на прачку. Министерство финансов не понимало, по-видимому, как роняют наш кредит такие операции на новом рынке и притом на рынке, привыкшем оперировать особенно крупными суммами; наоборот, оно гордилось своей победой».¹

Другой пример — стремление получить кредит в США в 1899 г. Условия займа ухудшались, в основу переговоров американцы положили требование: денег по займу не давать, а оставить их у себя в уплату за русские заказы. В то же время министр финансов представил на высочайшее благоусмотрение доклад, в котором находил возможным предоставить 90 млн рублей на усиление русского флота, и заказы были отданы Америке! (В том числе знаменитый крейсер «Варяг» был построен в Филадельфии). Это одна из наименее славных страниц в истории русских финансов!²

Автор утверждает, что все дело русского кредита за границей отдано было в руки кучке дельцов, в расчет которых входит держать русский кредит в черном теле, так как «только при таких условиях они могут собирать с России постоянную и богатую жатву». Такого рода категоричные утверждения вряд ли оправданны, для Витте было важно как-то закрепиться на английском и американском денежных рынках, и приходилось идти даже на незначительные и маловыгодные займы. Это, однако, не отрицает и вероятность просчетов.

Сам Витте в «Воспоминаниях» утверждает: «Благодаря установленному мною доверию заграничных сфер к русскому кредиту Россия получила несколько миллиардов (думаю, не менее трех) рублей иностранных капиталов».³ Действительно, политика Витте привела к огромному притоку иностранных капиталов в экономику России. Если в 1890 г. иностранцами было вложено 214,7 млн руб., то в 1900 г. — 911 млн руб., но это было меньше, чем рассчитывал Витте. «Конечно если бы не делалось массы затруднений иностранным капиталистам, то иностранные капиталы пришли бы в гораздо большем количестве», — пишет он.

Далее Витте пытается доказать, что занятые деньги пошли исключительно на цели производственные, они находят-

¹ Там же.

² Там же, С. 15.

³ *Vitte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 501.

ся в капиталах страны, хотя, противореча себе, говорит об ужасающих потерях русско-японской войны, которая совершенно очевидно поглотила значительную часть кредитов.

При оценке необходимо разделять средства, которые использовались на производительные и непроизводительные расходы. Первые шли на развитие народного хозяйства. Это прежде всего огромное транспортное строительство. Только на «Великий путь» — Транссибирскую магистраль — затрачено более 1 млрд руб. казенных средств, а кроме нее при Витте построены Северная дорога (до Архангельска), Донецкая, Северо-Кавказская, Закаспийская и другие. Протяженность железных дорог России за 90-е годы удвоилась. Правда, часть дорог строилась на акционерный капитал. Однако в те же годы продолжался активный процесс выкупа в казну частных дорог, что, естественно, тоже требовало денег. Кроме того, за казенный счет сооружались крупные порты на Балтике (Любава), Дальнем Востоке (Находка) и другие важные объекты. В то же время Витте отмечает, что вопреки его мнению, по настоянию военного ведомства строились и многие стратегические дороги, которые экономически себя не оправдывали. Кроме транспорта в эти годы развивался и ряд других отраслей, где казна имела свои интересы и вкладывала значительные средства, о чем речь еще впереди. Вместе с тем к непроизводительным расходам относятся прежде всего затраты, связанные с «военными комплектациями». Так, общая сумма расходов во время русско-японской войны определяется от минимум 2,3 млрд рублей.¹ Потери от беспорядков и забастовок в 1905 г. точно не оценены, но они также были велики и покрывались иностранными кредитами. Росли и затраты на их обслуживание, на что шла все большая часть бюджета страны.

К 1906 г. государственный долг возрос до 7 млрд 842 млн рублей. «Кроме внешнего долга в 7 1/2 млрд, мы получаем угрожающую цифру внутреннего долга, исчисляемую приблизительно в 9 млрд рублей. К этому надо добавить земельный долг более 2 млрд, долги городов, акционерных компаний, наконец, частные капиталы, отливающие за границу», — пишет М. М. Арцыбашев.² К этому времени страна уже прочно «села

¹ *Сабанти Б. М.* История финансов России. Л., 1985. С. 12.

² *Арцыбашев М. М.* Грядущая гибель России. СПб., 1908. С. 29.

на кредитную иглу», Министерство финансов стало постоянно прибегать к такому традиционному способу погашения займов, как заключение новых.

Драма русских займов

Как утверждает Б. В. Ананьич, прямым результатом финансовой политики Витте и Коковцова явилось то, что к началу первой мировой войны Россия пришла с огромным государственным долгом — свыше 9 млрд руб., из которых примерно половину составлял долг внешний. С учетом же гарантированных правительством железнодорожных займов общая сумма долга превышала 12 млрд руб.¹ В. Гривенко уточняет, что на 1 января 1914 г. общий объем государственных обязательств России превышал 12,75 млрд руб.²

В годы первой мировой войны Россия получила межгосударственных кредитов еще более чем на 7 млрд рублей. Кроме того, и часть облигационных внутренних займов принадлежала иностранцам. С учетом стоимости конфискованных иностранных предприятий Октябрьская революция обошлась «мировому капиталу» примерно в 20 млрд рублей, или 15,5 тыс. тонн золота.

Эксперты большевиков перед Генуэзской конференцией в 1922 г. определяли сумму возможных претензий в 6,8 млрд. рублей — без учета просроченных процентных платежей. Признание этих долгов означало бы полное государственное банкротство России, поэтому большевики отказались признавать их, к тому же они всерьез надеялись на «мировую революцию».

В 20-е годы советское правительство согласилось за несколько десятилетий погасить часть долгов при условии получения новых крупных займов, но это не устроило кредиторов.

Наличие неурегулированных вопросов с царскими долгами все годы советской власти отравляло отношения, было главным препятствием для финансового взаимодействия с Западом. После распада СССР правительство Российской

¹ Ананьич Б. В. Россия и международный капитал... С. 297.

² Гривенко В. Царского золота у России никто не крал // Общая газета, апрель, 1998, № 14.

Федерации, став правопреемником, взяло обязательство решить этот вопрос. Как уже отмечалось, самое большое количество русских ценных бумаг оказалось во Франции, многие из них за 70 лет пропали, но и в 90-х годах число их владельцев оценивалось в 400 тысяч. После долгих и сложных переговоров в ноябре 1996 г. в Париже В. С. Черномырдин подписал меморандум, по которому Россия обязалась выплатить Франции 400 млн долларов в течение четырех лет. Эта цифра намного меньше тех сумм, на которые предъявлялись претензии (до 20 млрд долл.). Ранее вопросы задолженности были урегулированы с другими странами. Примечательно название статьи в газете «Известия» за 28 ноября 1996 г.: «Честь России спасена. Царских долгов больше нет».

Оценивая в целом денежно-кредитную политику С. Ю. Витте, нужно подчеркнуть, что она носила стратегический характер, связанный с программой индустриального развития России.

Быстро переболев «детской болезнью» финансиста, он стал безоговорочным сторонником золотого денежного обращения. Почва была подготовлена, и ему оставалось завершить начатое предшественниками дело. Проведенная в 1895—1897 гг. денежная реформа и введение золотого рубля не только укрепили внутреннее денежное обращение, которое не смогли нарушить даже потрясения начала XX в., но и способствовали большому притоку иностранного капитала, что было одной из приоритетных целей финансовой политики Витте.

Однако ссудный капитал пришел с Запада не в тех объемах, на которые Витте рассчитывал. Не удалось открыть для России денежный рынок США и Англии и получить займы, обусловленные политическими мотивами. Капиталы шли в основном из Франции и отчасти Германии. Активная политика внешнего и внутреннего заимствования привела к быстрому росту государственного долга. В конце концов первая мировая война привела страну к финансовому банкротству, и огромные царские долги повисли до конца XX в., пока не были урегулированы постсоветской Россией. Именно «военные комплектации», ярким противником которых выступал Витте, стали главной причиной краха финансов и всей его системы.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВО В ЭПОХУ ВИТТЕ

6.1. Правительство и частное предпринимательство

Государство в рыночном хозяйстве может играть две роли. Первая и главная с точки зрения классической теории А. Смита заключается в создании необходимых условий для активной деятельности частных предпринимателей. Вторая состоит в том, что государство само становится предпринимателем и наряду с частным и акционерным капиталом участвует в хозяйственной деятельности путем создания казенных предприятий и использования государственной собственности.

Государство при этом определяет и реализует общественные цели: развитие, структурную перестройку производства, смягчение отраслевых и территориальных диспропорций, стимулирование научно-технического процесса. Это обоснованно особенно в низкорентабельных отраслях, которые обычно не представляют интереса для частного капитала. Такая позиция государства в той или иной степени характерна для всех стран.

В России в конце XIX в. сложилась специфическая ситуация, которая для преодоления отставания потребовала активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь. В «Конспекте лекций» Витте подробно останавливается на раскрытии особенностей развития России. Сравнивая ее с западной Европой, страны которой достигли промышленно-торговой ступени развития народного хозяйства, он отмечает: «Наше отечество вступило на эту ступень хозяйственного развития лишь со времени уничтожения крепостного права. До отмены крепостного строя хозяйство нашей страны близко походило на хозяйство средневековой Европы, мы, минуя средние ступени хозяйственного развития, минуя мануфактурный период, прямо переходим к машинному произ-

водству, пользуясь знаниями и опытом западной Европы. Несмотря на поразительно быстрый рост за последнее время нашей обрабатывающей, горнозаводской, перевозочной и торговой промышленности, мы, вчера только вышедшие из примитивного экономического строя, находимся еще на начале развития промышленно-торговой ступени народного хозяйства».¹ Приметой начальной стадии Витте считает слабость русской буржуазии: «Наше купечество далеко не отличается той предприимчивостью, которая необходима современной торговле. Ему мешает в этом недостаток знаний и привычка ждать от правительства указаний и поддержки».²

Сложившуюся тогда ситуацию историки объясняют «раздаточной экономикой», а термин «государство» раскрывается как «служебно-раздаточное хозяйство».³ В России роль государства в экономической жизни была значительно больше, чем в любой европейской стране, а частного предпринимательства меньше. Не сложился и развитый институт частной собственности.

Как уже отмечалось, в Программе 1893 г. Витте определяет правительственную политику как содействие «прочному и широкому развитию всех отраслей перерабатывающей промышленности», и в этом он продолжает то, что было начато предшественниками. Покровительственный таможенный тариф 1891 г., выгодные для государства торговые трактаты, надлежащий строй железнодорожных тарифов — эти общие меры составляют основание продуманной и строго проводимой национальной торгово-промышленной политики. Однако они создают лишь внешние благоприятные условия.

Оградив отечественное производство от иностранного соперничества на отечественных рынках, «правительство не может остаться чуждым по отношению к вопросу о том, насколько успешно справляется наша промышленность с поставленной задачей самостоятельного удовлетворения спроса русских потребителей». С учетом отсталости национальной

¹ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 41.

² Там же. С. 183.

³ *Бессонова О.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3.

промышленности делался вывод о том, что «успешное завершение великой задачи может произойти лишь при широком и разностороннем положительном руководстве со стороны правительства».

В то время как на западе мануфактуры и заводы вырастали на цеховых традициях, эволюционным путем, Витте предлагал такого рода «патронаж» для всех форм предпринимательства, но при этом старался завуалировать роль правительства. «За время управления моего финансами я твердо устроил нашу промышленность. Это тоже мне постоянно ставили и ныне ставят в вину. Глупцы!

Говорят, что для развития промышленности я принимал искусственные меры. Что значит эта глупая фраза? Все, что делают люди, это с известной точки зрения искусственно. Одни дикари живут и управляются безыскусственно. Везде и всюду промышленность развита искусственными мерами. Я же принимал меры искусственные, гораздо более слабые сравнительно с теми, которые для этой цели принимают многие иностранные государства. Этого, конечно, не знают наши салонные невежды».¹

Насколько слабыми были эти меры, можно понять, рассмотрев основные шаги по реализации промышленной политики.

Промышленное законодательство

В Программе 1893 г. говорилось о необходимости модернизации всей системы торгово-промышленного законодательства страны, и в первую очередь законов, определяющих устройство функционирования предприятий. Намечалось изменить условия для устройства фабрик и заводов, что уже одно должно было, как считало Министерство финансов, «облегчить и оживить предприимчивость среди нашего купечества».

Главное препятствие в открытии новых и расширении действующих предприятий состояло в том, что это допускалось не иначе как по испрошению на то предварительного разрешения местных администраций, а нередко и центральных учреждений, причем все было сопряжено с большими

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 504.

проволочками и расходами (включая взятки). Ситуация усугублялась тем, что вопросы эти находились в ведении малокомпетентных в экономике чиновников Министерства внутренних дел, а законодательство очень различалось по губерниям.

Еще в конце 1892 г. при Департаменте торговли и мануфактур была учреждена комиссия для рассмотрения вопроса «об устранении стеснений в учреждении промышленных предприятий». Подготовленный ею проект правил в 1894 г. был передан в заинтересованные ведомства. Из-за обилия критических замечаний, в особенности со стороны Министерства внутренних дел, доработка проекта очень затянулась. Лишь в октябре 1901 г. Витте смог подписать представление в Государственный совет «Об особых постановлениях, касающихся устройства и содержания промышленных заведений».

Основная идея заключалась в том, что руководство всеми делами этого рода передавалось созданному в 1899 г. Главному по фабричным и горнозаводским делам присутствию, одноименным губернским присутствиям, а в некоторых случаях — чинам фабричной инспекции, находившимся под влиянием Министерства финансов. Представление это Госсовет рассматривал более трех лет, было опять много возражений; поскольку интересы промышленности настоятельно требовали этого, то было решено ввести предлагаемый Минфином порядок во временном варианте, на 5 лет, с 1 января 1905 г. Так медленно крутилась бюрократическая машина.

В качестве одной из приоритетных задач Министерство финансов считало обновление законов, определяющих порядок акционерного учредительства и деятельности бирж. В конце 1894 г. для этих целей тоже была создана особая комиссия под председательством видного специалиста в области финансового права П. П. Цитовича. Сложившуюся тогда практику рассмотрения и предварительного утверждения уставов акционерных обществ в Комитете министров Витте характеризовал как произвол. Имелись в виду прежде всего отсутствие четкой правовой основы и мелочная регламентация. Витте неоднократно в разных формах поднимал вопрос о введении явочной системы при образовании акционерных обществ, но, как он пишет в «Воспоминаниях», «всегда встре-

чал затруднение в Министерстве внутренних дел вообще, и Плеве в частности и особенности».¹

Предварительный вариант нового закона комиссия Цитовича подготовила к началу 1896 г. В марте того же года Витте, выступая при обсуждении проекта, отметил, что в России акционерного законодательства, «можно сказать, совсем не существует», и рекомендовал «избегать крайностей в будущих рекомендациях комиссии», подчеркнув, что «излишние строгости принесли бы скорее вред, нежели пользу». Лишь в июле 1898 г. Цитович представил, наконец, Витте проект нового Положения об акционерных предприятиях, однако дальнейшее продвижение проекта было задержано. Витте счел проведение его нежелательным вследствие отсутствия каких-либо надежд на отмену ограничений для акционерных компаний. Было решено добиваться этой цели другим путем.²

К апрелю 1901 г. Минфин разработал новый законопроект — Временные правила «Об изменении и дополнении действующих постановлений об акционерных компаниях», по которым, в частности, уставы компаний могли утверждаться министром финансов (а не царем). Но и этот проект вызвал возражение ведомств, надежда преодолеть противодействие которых была ничтожна, и Витте вынужден был отказаться от проекта вообще.

В этот период в практике акционерного учредительства было много злоупотреблений со стороны учредителей, крупных акционеров и директоров компаний. В связи с этим в начале 1902 г. в Государственном совете при обсуждении проекта закона «Об упрочении деятельности частных банков» выдвигалось требование «решительных ограничений в деле учредительства акционерных компаний». Однако Витте решительно отверг эти поползновения. Такая же картина складывалась в отношении многочисленных торговых домов, деятельность которых регулировалась не какими-либо законоположениями, а лишь практикой коммерческих судов и решениями Сената. Министерство финансов отмечало, что возникающие на практике вследствие недостатка закона недоразумения отражаются тяжело на материальных

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 504.

² Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия. С. 234.

интересах не только самих участников предприятий, но и третьих лиц, входящих с товарищами в различные сделки. Программой 1893 г. предполагался тщательный пересмотр положений о торговых домах, еще ранее считалось необходимым вести в России регистрацию торгово-промышленных предприятий и фирм. Однако ни то, ни другое сделано не было.

Что касается биржевого законодательства, то Министерством финансов признавалась его полная неудовлетворительность. Законоположение о биржах было принято еще в начале XIX в. и с тех пор практически не менялось, отличалось чрезвычайной неясностью и неполнотой, что давало возможности для злоупотреблений и махинаций. Биржа в этих условиях не могла реализовать в полной мере такую важнейшую функцию, как правильное ценообразование. Было решено подготовить Биржевой устав, и была создана комиссия под началом того же Цитовича. Открывая первое заседание комиссии в октябре 1895 г., Витте объяснил, что он смотрит на будущий Биржевой устав с точки зрения фондовой биржи, и указал на наличие на фондовом рынке «явлений, опасных для общества».

Комиссия работала над общим биржевым Уставом, предназначенным для всех бирж России (в конце века их было 21) и регламентировавшим операции как с фондами, так и с товарами. В 1896 г. был подготовлен окончательный вариант проекта, в соответствии с которым биржам, как предпринимательским организациям, предоставлялась значительная самостоятельность (что было характерно для большинства бирж Запада).

Однако середина 90-х годов в России была периодом разгара биржевого ажиотажа и многих махинаций. В этих условиях Министерство финансов посчитало неуместным даровать биржам большую свободу и вслед за Германией сочло необходимым подчинить биржу своему влиянию. Поскольку стало ясно, что быстро переделать и согласовать с многочисленными ведомствами Устав не удастся, то было решено переклестить внимание на подготовку правил, специально регламентировавших лишь фондовые операции, причем только на главной столичной бирже. Эти «Правила для Фондового отдела Петербургской биржи» удалось подготовить и утвердить только к лету 1900 г.

Фондовые операции были подчинены жесткому контролю Минфина, товарные же операции так и не получили современной правовой нормировки, не были приведены в систему «с целью придать коммерческим сделкам возможную ясность и определенность», как это признавалось необходимым изначально.

В целом в вопросах торгово-промышленного законодательства Россия значительно отставала от Западной Европы, что показывает опыт сравнения, содержащийся в работе Ю. Ю. Звягина.¹

Стремление Витте цивилизованно облегчить и упорядочить деятельность предпринимательских структур наталкивалось на бюрократические препоны, преодолеть которые удавалось далеко не всегда, несмотря на энергию и авторитет министра финансов. Единственное, что удавалось, это с помощью тех же правил бюрократии блокировать усиление прессы на предпринимателей. В целом, однако, картина оставалась печальной, правовые нормы крайне медленно входили в практику, оставляя простор для бюрократического произвола и бесконтрольности.

Совещательные учреждения

Успех деятельности в реализации Программы Витте в немалой степени зависел от тесноты связей с представителями торгово-промышленного мира. Поэтому большое внимание он уделял созданию в центре и на местах системы совещательных организаций. В самой программе 1893 г. по этому поводу сказано следующее: «...ради достижения более полного согласования мероприятий правительства с потребностями практики необходимо... создать на местах соответственные учреждения, в которых находили бы достаточное ограждение интересы промышленности не только в общегосударственном их значении, но и в частнопредпринимательском». Там же отмечалось, что «подобные учреждения в виде Совета торговли и мануфактур и его местных органов уже существуют, но при оценке их деятельности нельзя

¹ Звягин Ю. Ю. Фабричное законодательство в конце XIX—начале XX века в России и Западной Европе // Россия и Запад. СПб., 1996.

умолчать о том, что громадное большинство... лишь фиктивно».¹

По мнению министра, намечаемым целям «ближе всего удовлетворяли бы коллегиальные учреждения в составе как из членов от подлежащих административных ведомств, так и из представителей фабрично-заводского интереса». Устройство таких учреждений облегчило бы непосильную работу центрального управления, устранило бы излишнюю регламентацию, ускорило бы решение многих вопросов, упростило подготовку законов. Таким учреждениям придавалась не только совещательная функция, но и право самостоятельного возбуждения новых инициатив.

Итак, как можно понять Витте, идея состояла в том, чтобы привлечь промышленников к систематическому участию в решении общих и частных вопросов, касающихся нужд промышленности и торговли. Обращает на себя внимание тот факт, что в Программе ничего не говорилось о роли предпринимательских организаций представительного типа, в частности биржевых комитетов, съездов промышленников и других. Между тем в годы министерского правления Витте эти организации получили заметное развитие; так, в 1895—1904 гг. по стране образовалось 39 новых биржевых комитетов, а число отраслевых съездов удвоилось. Кроме того, стали возникать и организации нового регионального типа — по-районные общества заводчиков и фабрикантов. Первым из них стало в 1897 г. Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, в 1906 г. переименованное в Петербургское общество заводчиков и фабрикантов. Сложилось окончательно известное размежевание их роли и функций.

Биржевые общества и их комитеты наряду с выполнением их прямых задач — регулирование работы бирж — обычно защищали экономические интересы предпринимателей их районов, съезды промышленников выражали интересы отдельных отраслей промышленности как в местном, так и все-российском масштабе. Общества фабрикантов и заводчиков главное внимание уделяли рабочему вопросу, являясь органами работодателей данного района (своеобразный профсоюз).

¹ Шепелев Л. Е. Совещательные учреждения по делам промышленности и торговли в России XIX—начала XX века // Ежегодник. Английская набережная, 4. СПб., 1997.

В период деятельности Витте их работа всячески не только поощрялась, но даже стимулировалась, и не случайно их быстрый рост и усиление влияния пришлись именно на этот период. Любопытная деталь: очередной съезд промышленников 1896 г., проходивший в дни работы выставки в Нижнем Новгороде, проводился впервые по инициативе самого министра финансов. Более того, известны попытки Министерства «сверху» ускорить консолидацию предпринимателей. Так, в 1903 г. Департамент торговли и мануфактур пытался создать всероссийскую представительскую организацию на базе биржевых обществ, которая выступала бы от лица всей отечественной буржуазии.¹ Эта попытка была безрезультатна. Однако привлекает внимание сам факт, его можно оценивать как своеобразный патернализм со стороны правительства над «неразумными» подданными, вроде как бы неспособными самостоятельно решать свои вопросы.

Процессы консолидации предпринимателей для выражения и отстаивания своих интересов действительно оказались сложны и затянулись вплоть до 1917 г., однако буржуазия отвергла бюрократические методы решений.

Тем не менее вошло в практику постоянное участие предпринимателей в работе особых совещаний в правительстве, проводимых по инициативе Министерства финансов и других. В представлении 6 сентября 1899 г. с учетом опыта деятельности Департамента торговли и мануфактур констатировалось, что «успешное подготовление почти всех преобразований по части торговли и промышленности совершенно немыслимо без постоянного обращения к различным специалистам, сведущим лицам, а также к заинтересованным в этих мероприятиях промышленникам и торговцам. Без созыва особых совещаний, на которых подробно обсуждаются и проверяются упомянутыми компетентными лицами предложения Департамента, последний рисковал бы впасть в постоянные ошибки и во всяком случае разойтись с практическими потребностями торговли и промышленности».

Тем не менее со стороны предпринимателей все настойчивее раздавалась критика по поводу отсутствия в России системы повсеместного и обязательного представительства

¹ *Барышников М. Н.* Формирование политической организации Российского предпринимательства в начале XX века. Автореферат докторской диссертации. СПб., 1996.

предпринимательских интересов, аналогично той, какая существовала на Западе в виде торгово-промышленных палат. Для обсуждения проблемы Министерство финансов созвало специальное совещание представителей биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур и купеческих управ. Однако никаких практических результатов это совещание не имело. Торгово-промышленные палаты так и не появились в дореволюционной России, хотя закон об их образовании и был принят осенью 1917 г. Интенсивное развитие сети предпринимательских организаций относится к периоду после 1905 г. Тогда же появились и их всероссийские объединения в виде ежегодных съездов.

Следует сказать, что, поощряя и направляя деятельность предпринимательских организаций, Министерство финансов и его глава ограничивали круг проблем только вопросами организационно-технического характера, никаких обсуждений социально-политических тем не допускалось, формирование политических организаций буржуазии пресекалось, исходя из позиции полной лояльности министра самодержавию.

Одной из актуальных тем взаимодействий правительства и предпринимателей в конце XIX—начале XX в. был вопрос регулирования отношений труда и капитала. Витте здесь проявил себя скорее либералом, сторонником правового регулирования этих отношений. Он, например, пытался провести в 1894 г. через Государственный совет законопроект «Об ответственности хозяев фабрик и промышленных заведений перед рабочими за смерть, увечье и пр.», но потерпел поражение, столкнувшись с сопротивлением консерваторов, в частности К. П. Победоносцева, который увидел в проекте закона «симпатию к различным социалистическим идеям».¹ Позже ему удалось добиться принятия ряда законодательных актов, которые вошли в Устав о промышленном труде. Этот Устав позволял при соблюдении взаимных прав, обязанностей и интересов сторон не допускать конфликтных ситуаций или разрешать их. На протяжении многих лет Витте вел борьбу с Министерством внутренних дел за либерализацию и использование более цивилизованных методов воздействия на рабочее движение. Тем не менее в 1905 г., будучи уже премьером, решительно расправлялся с забастовщиками.

¹ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 367.

Поддержка правительством отечественных предпринимателей при Витте носила многообразный характер. Сосредоточив за счет быстрого роста бюджета в своих руках огромные финансовые ресурсы, Министерство финансов вело огромное железнодорожное и военное строительство, выдавая государственные заказы предприятиям различных отраслей. Причем казна оплачивала свои заказы гораздо щедрее, чем вольный рынок. Так, при строительстве Транссибирского пути при Министерстве финансов возник специальный комитет для распределения заказов на рельсы и подвижной состав дорог. Для 1897 г. он установил цену за пуд рельсов в 1 руб. 18 коп., в 1903 г. — 1 руб. 23 коп., тогда как некоторые частные заводы изготавливали их за 89 и даже 77 коп. за пуд, а в Англии они стоили 50 коп. Притом отечественные рельсы не выдерживали более 10 лет, а английские рельсы требовали замены лишь через 30 лет. Такая же картина наблюдалась при заказах военного и морского ведомств.¹

Несомненно, одной из самых эффективных форм поддержки предпринимателей была система налогообложения, которая носила щадящий для русского бизнеса характер. Основное промысловое налогообложение существовало в России с 70-х годов XVIII в., к концу XIX в., хотя и претерпело изменение, но оставалось весьма несовершенным. В 1892 г. под руководством С. Ю. Витте была создана комиссия, которая готовила проект «Положения о государственном промысловом налоге». Оно было утверждено в июне 1898 г. и введено в действие с 1899 г. Промысловому налогу подлежали торговые заведения, включая кредитные и страховые, посредничество, подряды и поставки, промышленные предприятия: фабрично-заводские, горные, горнозаводские, перевозочные и ремесленные, а также личные промысловые занятия.

Промысловый налог состоял из основного и дополнительного. Основной — уплачивался посредством «выборки», оплаты промысловых свидетельств (патентов) на каждое торговое или промышленное заведение в начале или середине года. Цена патента зависела от класса местности и разряда за-

¹ *Озеров И. Х.* Как расходуются в России народные деньги. М., 1907. С. 34.

ведения. Территория России по степени торгово-промышленного развития была разделена на 4 класса. К первому кроме столиц относились еще 9 крупных городов, ко второму — губернские города, к третьему — города и уезды с развитыми промыслами и торговлей, к четвертому — отдельные местности.

Дополнительный промысловый налог взимался с акционерных и других предприятий с публичной отчетностью в виде налога с капитала и процентного сбора с прибыли. Торговые и промышленные предприятия, не связанные с публичной отчетностью, дополнительный налог выплачивали в виде раскладного и процентного сборов.

Как уже отмечалось выше, новый закон дал заметный прирост средств в казну, однако в общем увеличение обложения для предпринимателей осталось необременительным, причем шкала ставок налогообложения была составлена так, что основная тяжесть приходилась на мелкую промышленность и торговлю. Интересы крупных предприятий, на которые в большей степени ориентировались чиновники, и учитывались всегда в большей степени. К тому же в трудные времена Министерство финансов спешило им на выручку. Иллюстрацией может служить записка Особенной канцелярии по кредитной части Минфина 1901 г. «По вопросу об оказании поддержки Обществу Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода». В ней, в частности, говорится: «Во время острого периода промышленного кризиса с Высочайшего соизволения, последовавшего по всеподданнейшему докладу моему, 12 ноября 1899 г., Государственному банку представлено, в отступление от его устава, принимать в залог, а равно и приобретать в собственность на условиях, утверждаемых в каждом отдельном случае Министром финансов, персонализированные облигационные выпуски таких акционерных предприятий, жизнеспособность которых не подлежит сомнению.

...Применительно к сему Высочайшему повелению, в ноябре 1899 г. Обществу Брянского завода выдана была из Государственного Банка ссуда под залог 21 333 нереализованных 4,5 % облигаций Общества на нарицательный капитал в 7 999 875 руб. в размере 5 млн руб., сроком на 9 месяцев из 6,5 % годовых, каковая сумма в марте 1900 г. была увеличена до 6 млн. руб. Ко времени истечения 9 месяцев срока положе-

ние денежного рынка не улучшилось, потому в августе 1900 г. означенная сумма была продлена до 1 февраля 1901 г.».

Правительство, используя ресурсы казны и рычаги государственной власти, оказывает помощь крупнейшим коммерческим банкам и отдельным промышленным предприятиям. Правда, делалось это избирательно, очевидно в зависимости от тесноты личных связей банкиров и промышленников с высшими чиновниками. О том, что не всякий, даже крупный, предприниматель получал поддержку, говорит и история краха С. И. Мамонтова.

Савва Иванович Мамонтов — крупный делец, промышленник и строитель железных дорог, известный меценат, в сентябре 1899 г. был неожиданно для многих арестован и препровожден в тюрьму. Возник большой скандал, а судебное дело получило название «мамонтовской панамы». Основанием для ареста стали непогашенные долги перед Петербургским Международным банком. Тогда Министерство финансов назначило ревизию, вскрывшую нарушения в учете и расходе средств Московско-Ярославской железной дороги.

Витте лично хорошо знал Мамонтова и активно привлекал его к осуществлению крупных проектов. В частности, именно по рекомендации Витте Общество Московско-Ярославской железной дороги, которое возглавлял С. А. Мамонтов, строило в 90-х годах Северную дорогу до Архангельска.

Почти одновременно, опять же по рекомендации министра, Мамонтов взялся за реконструкцию убыточного Невского машиностроительного завода в Петербурге, где предполагалось наладить производство паровозов и подвижного состава для дороги. Дела шли туго. «Мне навязали Невский механический завод, а заказы дают торгуясь, так что нельзя исполнить», — жаловался С. Мамонтов художнику К. Коровину. Финансовые трудности усугубили провал с приобретением и реконструкцией Николаевского металлургического завода в Восточной Сибири, который должен был поставлять металл для Транссибирской дороги. Запутавшись в делах, Мамонтов пошел на использование средств Общества Московско-Ярославской железной дороги и ряд других нарушений. Общая сумма предъявленных претензий не была очень велика, и министр финансов имел возможность помочь предпринимателю, не допуская дело до суда, однако не сделал

этого. Хотя суд и оправдал Мамонтова, но он потерпел банкротство и прекратил деятельность.

Дискуссии о мотивах такого поведения С. Ю. Витте продолжаются до сих пор. Существуют разные версии. По одной из них сказались дворцовые интриги: якобы министр юстиции Муравьев, узнав о злоупотреблениях Мамонтова, решил уничтожить его, подкосив этим и Витте, и тот предпочел отойти в сторону. По другой версии Витте мог быть в курсе ряда неблагоприятных дел Мамонтова, нанесших ущерб казне, и, потеряв доверие к нему, отказался от поддержки.

Свою версию изложил и современник Витте прокурор А. А. Лопухин. В мемуарах он пишет, что, оказавшись в трудном положении, Мамонтов и компаньоны прибегли к способам, законом запрещенным. Путем различных комбинаций, в которых главную роль играли фиктивные сделки, счета и записи в книгах, они умудрялись перебрасывать деньги из кассы дороги в кассу заводов и обратно и создавать на бумаге декорум их кредитоспособности.

Эти приемы запутали дело еще больше, крах казался неминуемым, когда для спасения от него средство было найдено. Мамонтову удалось добиться для общества Московско-Ярославской дороги концессии на сооружение Северной железнодорожной линии Петербург—Вологда—Вятка, высокая доходность, которой представлялась вне сомнений и должна была компенсировать недоборы Общества от Архангельской ветки до времени более интенсивной работы последней. Эта концессия была дана в законодательном порядке и утверждена Государственным советом. Акт состоялся при полной осведомленности министров финансов и путей сообщения о переживаемых Обществом финансовых затруднениях и тех способах, которыми правление пыталось выйти из положения.

С получением концессии все устраивалось, как вдруг над предприятием разразилась гроза, разметавшая в прах все надежды. То самое Министерство финансов, которое в лице его главы С. Ю. Витте только что выступало в качестве инициатора в вопросе о передаче Обществу выгодной концессии, выступило в лице того же Витте с требованием об отобрании ее и о принятии мер, которые были сознательно направлены к финансовой гибели железнодорожного общества. По инициативе Витте ветвь Петербург—Вятка предлагалось строить на

средства казны. «Никаких новых данных, которые были бы в состоянии обусловить такой неожиданный поворот дела, в распоряжении министерств не было», — утверждает Лопухин. Он увидел в действиях Витте стремление покрыть неблагоприятные дела подчиненного чиновника и расчет, поскольку акции разорившегося Общества «в явное нарушение принципа неприкосновенности частной собственности» были принудительно отчуждены в казну «по убыточной для акционеров цене».¹

Нет возможности подтвердить или опровергнуть версию А. А. Лопухина, однако сам ее автор как источник имеет у историков сомнительную репутацию.

Существуют косвенные подтверждения того, что Витте чувствовал свою вину в этом деле, но предпочел сделать вид о своей непричастности и даже слабом знакомстве с делом Мамонтова. В «Воспоминаниях» Витте пишет о громком деле вскользь, в связи с именем своего подчиненного: «Максимов — человек способный, знающий..., но любил различные аферы и запутался в деле постройки дороги, которое вел Мамонтов».²

Так или иначе, но история краха С. И. Мамонтова — пример того, что даже крупные, известные предприниматели, тесно сотрудничавшие с министром финансов, могли не получить необходимой поддержки. Непрочным, нестабильным было их положение и в силу отсутствия правовых гарантий и зависимости от отношений с властными бюрократическими структурами.

Положение русской буржуазии

Частный предприниматель — главное действующее лицо рыночной, капиталистической экономики, его интересы в странах Запада охраняются и выражаются в политике правящих кругов. Иная ситуация складывалась в капиталистической России в эпоху Витте: положение буржуазии продолжало оставаться неустойчивым, сложным и противоречивым.

Быстрое развитие рыночного хозяйства в конце XIX в. закономерно сопровождалось ростом числа предпринимателей,

¹ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг, 1923. С. 65.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 357.

усилением роли крупной буржуазии, коммерческих банков, монопольных объединений и предпринимательских организаций в жизни российского общества. Ф. Энгельс еще в 1894 г. писал о той решающей роли, которая принадлежала русской буржуазии в экономике страны. Он утверждал, что Российское государство «во всех важных экономических вопросах вынуждено подчиняться ее желаниям». Ленин в 1917 г. отмечал, что буржуазия «давно правит своей страной экономически». Не было ли здесь преувеличения? Как в этом плане можно оценивать экономическую политику царского правительства, которая протекционистскими мерами защищала, госзаказами стимулировала, покровительствовала отдельным предпринимателям и группам буржуазии.

Особенности развития отдельных районов и отраслей накладывали свой отпечаток на пути складывания русской буржуазии как класса капиталистического общества. С одной стороны, развитие внешней торговли обеспечивало процветание экспортных фирм в важнейших портовых городах (Петербург, Одесса, Рига, Архангельск и др.) и способствовало развитию торговой буржуазии внутренних районов, специализировавшихся на заготовке льна, хлеба, кожи и прочих предметов экспорта. С другой стороны, рост внутреннего рынка увеличивал размах операций торговцев-оптовиков Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Самары, Иркутска и других городов.

Традиционные отрасли промышленности, такие как например горная промышленность Урала, соседствовали с новыми интенсивно расширяющимися производствами, связанными с нефтью Баку. Бурное развитие крупной капиталистической фабрики в первые пореформенные десятилетия по преимуществу в центре России, основанное на «доморощенных» капиталах, в конце XIX в. дополняется предпринимательской горячкой на юге России, где при активном участии иностранного капитала невиданными темпами создается горнодобывающая и металлургическая промышленность.

Бурное развитие промышленности в последнем десятилетии XIX в. сопровождается активными процессами в финансовой сфере, происходит сращивание банковского капитала с промышленным, зарождается финансовая олигархия. Существенное значение имела также монополизация производства в ряде ведущих отраслей.

Первые монополии возникли в металлопромышленности. В 1882 г. был организован союз рельсовых фабрикантов, объединивший сопредельные металлургические заводы. В те же годы происходит монополизация в нефтяной отрасли. Фирма «Бранобель» сумела утвердиться на российском керосиновом рынке сначала совместно с Каспийско-Черноморским нефтяным обществом, а в 90-е годы и с группой «Бакинский стандарт» во главе с А. И. Манташевым; они прочно контролировали внутренний рынок, вытеснив из страны «Стандарт ойл» и др. Позже «Бранобель» становится безусловным монополистом.

В то время как в США в 1890 г. был принят первый анти-монопольный закон Шермана, российское правительство не препятствовало монополизации, в том числе добычи и переработки нефти, так как это имело важное значение для страны. В 90-х годах монополистические союзы разной степени устойчивости складываются в цветной металлургии, угольной, химической, пищевой промышленности и в машиностроении. В. И. Бовыкин насчитывает в эти годы 34 монополистических объединения.¹

В начале XX в. процесс монополизации усилился. Овладев внутрироссийским рынком, монополии прибегли к самому легкому и быстрому способу получения прибылей — ограничению производства и взвинчиванию цен. В 1911 г. заводы юга России сократили производство рельсов на 20 %, повысив цены на 40 %. Начиная с 1904 г. после образования синдиката «Продамет» в России не было построено ни одного крупного металлургического предприятия, напротив, закрывались действующие. С предприятий синдиката взимались штрафы за превышения квоты производимой продукции, а цены росли. Аналогичное происходило с нефтью, цена пуда нефти с 1902 по 1912 г. возросла в 6 раз, а добыча значительно уменьшилась, результатом стал топливный и металлургический голод перед первой мировой войной.

Укрепление позиций крупного капитала в начале XX в. начинает изменять отношение промышленников к традиционным принципам вмешательства государства в экономическую жизнь: их все более тяготили сложившиеся в XIX в.

¹ Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 187.

формы государственной опеки и бюрократических регламентаций. Вмешательство, участие государства магнаты стремились направить в соответствии со своими интересами, однако их стремления сталкивались с собственными представлениями госчиновников, которые прочно усвоили мысль о решающей роли административных решений в хозяйственной жизни страны.

Несмотря на активность и созидательную деятельность, русская буржуазия в эпоху Витте не играла роли, которая была характерна для буржуазии на Западе. Она не правила полностью страной экономически, поскольку в России было значительное казенное хозяйство и велась энергичная экономическая политика правительства. В политическом плане русская буржуазия практически не имела власти, не была консолидирована и, по сути, как класс стала формироваться лишь после первой русской революции.

Неустойчивость положения русской буржуазии была связана прежде всего с тем, что в социальной структуре общества она имела крайне незначительный удельный вес. По мнению В. Я. Лаверычева, «в конце XIX века к крупной буржуазии относились около 1,5 млн человек, т. е. половина численности привилегированных классов».¹ На самом деле численность буржуазии (торгово-промышленного сословия) была намного ниже. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты статистического исследования, проведенного по заданию Министерства финансов в 1906 г., когда намеревалось ввести подоходный налог. Взяв за основу доход в 5 тысяч рублей в год, авторы исследования выявили, что его имеют в России 60 228 человек. Из них: получавшие доход от земли (помещики) — 15 297 чел., от торгово-промышленных предприятий — 15 318 чел., остальное — чиновники, рантье, представители свободных профессий.²

Население тогда насчитывало 157 млн человек, следовательно, торгово-промышленное сословие составляло всего 0,01 процента! Даже если эту цифру увеличить в несколько раз (с учетом семей), то все равно она остается крайне низкой. По сути буржуазия в начале XX в. оставалась очень тон-

¹ Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900 гг.). М., 1974. С. 71.

² Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906.

кой социальной прослойкой, абсолютно малой величиной на фоне основной крестьянской массы населения, но даже и среди обеспеченных слоев, формировавших правившую элиту, предприниматели составляли лишь четвертую часть, столько же, сколько и помещики-земледельцы.

Как уже отмечалось, Витте в экономической политике покровительствовал и предпринимателям-промышленникам, и помещикам-земледельцам, государственный аппарат учитывал интересы и тех и других. Примечательно, что во время Октябрьской революции звучали лозунги типа: «Долой помещиков и капиталистов», которых в равной степени называли врагами народа. К сожалению, русская буржуазия не смогла утвердить в общественном сознании своей роли как прогрессивной силы, вплоть до февраля 1917 г. сохраняла лояльность отжившей системе самодержавия и была уничтожена как класс в ходе большевистской революции.

Оценивая в целом экономическую политику Витте и характер взаимоотношений с предпринимателями, можно отметить тесное переплетение интересов и меры Министерства финансов, которые трудно назвать «слабыми». Однако отсутствие твердой законодательной базы придавало отношениям бюрократии и промышленников весьма своеобразный, избирательный характер, имевший нередко личную подоплеку.

Промышленники все более негативно оценивали правительственный фаворитизм по отношению к избранным, привилегированным предприятиям. В 1902 г. на съезде железнодорожников было высказано пожелание «не поддерживать искусственно нежизненные предприятия, чтобы не ставить их под стеклянный колпак казенных субсидий и заказов». Известный деятель А. А. Вольский утверждал тогда: «...к сожалению, рост нашей обрабатывающей промышленности совершался безусловно уродливо. Западноевропейское промышленное покровительство на русской почве было превращено в промышленный nepотизм. На первый план, по заведенному веками обычаю, выдвинулись лица — близкие или нужные люди, — а не дело».¹

Весьма резкие по форме заявления общероссийских организаций и их лидеров об экономической политике прави-

¹ Цит. по: *Лаверычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982. С. 91.

тельства свидетельствовали об усилении трений между государственными органами и бизнесом, однако они не носили антагонистического характера. Об этом говорят и верноподданнические чувства лидеров промышленного мира, которые стремились сохранить и расширить более приемлемые для них формы государственного вмешательства. Такого рода «своеобразие» отношений на русской почве пустило очень глубокие корни и дало всходы в постсоветской экономике. Об этом пишет, в частности, Е. Гайдар, говоря о современной линии на формирование в России номенклатурного капитализма: «Еще раз подчеркиваю, эта линия имела очень глубокие корни в нашей традиции, и отнюдь не только в последние 80 лет. Она всегда была теснейшим образом связана с интересами хозяйственной элиты».¹

6.2. Государственное предпринимательство и казенное хозяйство

Казенное хозяйство в конце XIX и начале XX в. играло чрезвычайно большую роль в экономической жизни России. Значение русской казны как хозяйственного организма особенно резко бросалось в глаза иностранцам. Американский экономист Джеконсон, издавший в Вашингтоне статистический обзор «Commercial Russian in 1904», так характеризовал экономическую роль российского правительства: «Никогда, может быть, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны: оно владеет и управляет $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети и $\frac{7}{8}$ всех телеграфов. Почти $\frac{1}{3}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов еще в его непосредственном заведовании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки, потребляемые свыше чем 120-миллионным населением, и скупает весь спирт, необходимый для народного потреб-

¹ Гайдар Е. Т. Стратегия XXI века: европейский выбор России // Русская мысль, 18—24 февраля 1999.

ления. Словом, русское правительство — самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире».¹

Эти масштабы, так поразившие американского экономиста, не были на самом деле чем-то исключительным в русской истории и напоминали XVII в., когда казна московского царя была самой крупной торговой фирмой, монополизировавшей в своих руках внутри страны винную, хлебную и соляную торговлю, а в области внешней торговли — целый ряд особо ценных товаров. Эта эпоха, казалось, отошла в область преданий, однако ее воскрешение произошло в конце XIX в. в эпоху Витте.

В этом он наследовал идеи своих предшественников на посту министра финансов, но если Н. Х. Бунге считал, что государство должно помогать частной инициативе и браться за предприятия, которые имеют общепользовательный характер, то И. А. Вышнеградский однозначно выразил суть позиции фразой, что лишь государственной власти надлежит распоряжаться экономической судьбой России. Витте же практически реализовал эти идеи, создав за годы своего министерства многоотраслевое казенное хозяйство. Основой такого хозяйства служила государственная собственность, традиционно сохранявшая в России значительный удельный вес. Существовало специальное Министерство земледелия и государственных имуществ, призванное управлять огромной собственностью, но не оно, а Министерство финансов при Витте стало инициатором расширения этого хозяйства и повышения его роли в экономической жизни общества, развив государственное предпринимательство.

Установить в полной степени масштабы государственного предпринимательства при Витте не просто, так как нет сведений о важных отраслях казенного хозяйства, в частности военной промышленности. Но можно говорить об изменении доли госсектора (неналоговых статей) в доходах бюджета. Если в 1885 г. эта доля составляла около 10 %, то в 1905 г. — более 50 %.²

¹ Цит. по: *Фридман М. Н.* Наша финансовая система. СПб., 1905. С. 9.

² *Лапина С., Лелюхина Н.* Государственное предпринимательство в России (начало XX в.) // Вопросы экономики. 1994. № 8.

Из предприятий, находившихся в руках казны, до Витте приносили более или менее существенный доход чеканка монеты, почта и телеграф, оброчные статьи и казенные леса. За годы его министерства все они усилили поступления в бюджет вследствие общего оживления промышленности, но все равно эти поступления оставались невелики. Витте поставил целью сконцентрировать в руках государства такие отрасли народного хозяйства, которые бы существенно увеличили доходы.

В начале XX в. государственный сектор был представлен в отраслях следующим образом:

- в промышленности — горными, военными, спиртоводочными и лесопильными заводами (всего около 700 предприятий обрабатывающей промышленности);
- в отраслях инфраструктуры — железными дорогами, речными судами, почтой, телеграфной и телефонной связью;
- в лесном хозяйстве — лесничествами, производившими заготовку и продажу леса;
- в сельском хозяйстве — конезаводами и элеваторами;
- в кредите — Госбанком и его отделениями.

В числе прочих казенных предприятий значились шесть курортов на Минеральных водах Кавказа и др.

Рост доходов казны

Как уже отмечалось, период министерства Витте характеризовался небывалым ростом государственного бюджета. Этот рост был связан не только с увеличением налогового бремени на население, но и ростом доходов казенного хозяйства.

В 1903 г. государство собрало 2210 млн руб. обыкновенных и чрезвычайных доходов, причем неналоговых, т. е. в качестве предпринимателя, — 1 млрд руб., что около половины всех поступлений. Статистический ежегодник за 1904 г. раскрывает источники поступления: от винной монополии — 542 млн руб., от казенных дорог — 453 млн, лесного дохода — 62 млн, от почты и телеграфа — 58 млн, от оброчных статей и промыслов — 24 млн, от казенных заводов — 11 млн и др.¹

¹ Статистический ежегодник России. 1904 г. СПб., 1905. С. 368.

Ведущим направлением государственного предпринимательства в России было железнодорожное хозяйство. Порядок был такой. Управления железных дорог из казны выделялись средства на эксплуатационные расходы, которые покрывались поступлениями от оплаты грузо- и пассажироперевозок. Оплата определялась тарифами Министерства финансов, устанавливавшимися с участием представителей железных дорог и потребителей.

Расширение железнодорожного хозяйства, принадлежавшего казне, путем как строительства новых дорог, так и выкупа в казну частных, обеспечило увеличение доходов почти в 4 раза, со 120 млн руб. в 1893 г. до 453 млн в 1904 г. Однако и расходы бюджета на железнодорожное хозяйство были тоже велики. Если учесть платежи по займам, эксплуатационные издержки казенных дорог, приплаты по гарантии доходности частных дорог, расходы по улучшению казенных дорог и приобретению подвижного состава, содержание контроля, то общая сумма расходов со 142 млн в 1893 г. возросла к 1903 г. до 565 млн руб., т. е. тоже почти вчетверо. Поэтому можно признать, что за время министерства Витте железнодорожное хозяйство, значительно увеличив бюджет государства, не дало крупного результата в смысле прибыли или убытка казне.

Не вполне успешный финансовый результат был связан отчасти с недостатками управления, низким качеством строительства дороги, когда многое приходилось укреплять и перестраивать. Были и переплаты казны при приобретении частных дорог. Однако главными Витте считал не эти причины. На собрании Государственного совета в январе 1903 г. Витте, говоря о трудном финансовом положении, в качестве одной из обременительных статей государственных расходов назвал стратегическое железнодорожное строительство. Витте разделил историю железнодорожного строительства в России с точки зрения его влияния на бюджет страны на три периода.

С 1883 по 1894 г., по представленным им сведениям, эксплуатация казенных железных дорог и участие в доходах и издержках линий, состоявших в частном владении, требовали ежегодных значительных государственных дотаций. Максимальный расход казны в этот период составил 63,2 млн руб. в 1886 г. Затем в результате выкупа частных железных дорог и мероприятий по упорядочиванию железнодорожного хозяйства на протяжении пяти лет (с 1895 по 1899 г.) казна получа-

ла прибыль от железных дорог. Максимальный годовой доход составил 11 млн руб. в 1896 г. Наконец, с 1900 г. железнодорожное хозяйство снова потребовало приплат казны в быстро нараставшем размере. В 1900 г. они составили 2 млн руб., в 1901 г. — 32 млн с лишним, в 1902 г. около 45 млн руб. По прогнозам Витте, в 1903 г. дефицит должен был достигнуть 60 млн руб., в 1905 — 84 млн руб.

Основной причиной этого возмставшего дефицита железнодорожного хозяйства Витте считал то, что Россия строила много дорог, не вызванных экономическими нуждами. К их числу Витте относил стратегические ветви в Царстве Польском и Западном крае, Уссурийскую, Среднеазиатские ветви, южную ветвь КВЖД, Оренбургско-Ташкентскую линию и другие. Эти линии строились по требованию военного министерства.¹ Однако нельзя не учитывать, что и эти линии впоследствии сыграли значительную роль в социально-экономическом развитии окраин России.

Другим важным источником доходов казны была реализация винной монополии. Государство скупало у частных винокурных заводов спирт. Его очисткой и изготовлением водки занимались как казенные, так и частные заводы, но под контролем Минфина. Продажа водки и вина осуществлялась казенными предприятиями — складами и винными лавками. Доходы бюджета от монополии при Витте также заметно выросли, но породили и социальные проблемы, связанные с ростом потребления крепких напитков.

На третьем месте в формировании доходов казны находились предприятия связи: почта, телеграф и телефон. Здесь преобладала фискальная политика. Качество услуг было низкое, а цены росли. Получая возрастающую прибыль, государство вкладывало мало средств в развитие отрасли. По сравнению с другими странами уровень расходов в госбюджете на почту и телеграф был самым низким: во Франции — 7 %; в Германии — 12 %; в России — 2 %.

Существенный вклад в казну вносило лесное хозяйство. Государственное предприятие занималось заготовкой, распиловкой и сбытом лесоматериалов казенным и частным потребителям. Лесной департамент входил в состав Министерства земледелия и давал до 80 % его доходов, которые затем час-

¹ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 96.

тично шли в сельское хозяйство. Казна считала необходимым содержать конезаводы, что объяснялось нуждами армии, хотя заметных доходов в бюджет они не приносили.

Казенная промышленность

Доходы в бюджет от казенной промышленности были невелики — около 2 %, но тем не менее она играла существенную роль и была связана в основном с военным производством. Ряд крупных казенных заводов, такие как Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский и Обуховский в Петербурге, относились к Морскому министерству. Другие — Тульский, Сестрорецкий, Ижевский — оружейные, Пермский оружейный завод, а также пороховые, патронные и прочие — к Военному министерству. Данные о деятельности военных заводов не публиковались в силу секретности производств, поэтому установить точное их число и объемы производства оказалось сложно.

Существенное значение для казны имели также горные заводы, которые давали больше прибыли, чем военные. Государство стремилось перевести казенные заводы на «коммерческие основания», им предлагалось определить себестоимость выполнения заказа, а к ней добавлять 15 % на прибыль. Из прибыли осуществлялась модернизация производства, 10 % прибыли предназначалось на премии администрации. Это была попытка приспособления к рынку, но не рыночный режим хозяйствования.

Горным предприятиям под объемы производства из казны давалась ссуда в виде «операционного кредита», которую те должны были возвращать после реализации продукции. Целевым назначением выделялись средства на реконструкцию заводов, капитальный ремонт, приобретение оборудования. Эти капитальные вложения шли сверх прибыли предприятий. Горный департамент ставил в заслугу им особое качество изделий и низкие цены (сравнительно с частными). Однако это вызывало сомнения из-за худшей организации и управления производством, устаревших технологий. В документах ревизий указывалось на неполный учет расходов и плохую его организацию, огромные производственные запасы, хищения и др.

На военно-морских заводах учет был поставлен еще хуже, что было связано с длительным циклом строительства судов (до 7 лет). При выполнении заказов денег, по сути, не считали, а стоимость заказов определялась по фактическим затратам, которые обычно завышались администрацией заводов, поскольку от этого зависел и размер получаемых ею премий. Этот принцип «затратной экономики» был воспроизведен позже и в советской оборонной промышленности.

Бесхозяйственность на казенных заводах проявлялась многообразно, в частности в делопроизводстве. Вот как описывал порядки на заводах морского ведомства в начале века один из офицеров в журнале «Морской сборник». «О том, как ведется отчетность в казенных адмиралтействах, едва ли нужно говорить! Скорее можно удивляться, для чего она ведется? Всякий знает положенный в основу принцип: отчетность сама по себе, а постройка сама по себе. «И вот казенная бухгалтерия выводит себе из всех этих бумаг, что ей хочется, а судно строится, можно сказать, как будто этой отчетности не существует, ибо никто из наших инженеров до сего времени ни одного отчета о постройке нашего военного судна никогда не видел». А между тем в европейских странах такие расчеты велись скрупулезно; так, по сведениям комиссии Государственного совета, которая изучала вопрос, сравнительная стоимость одной тонны водоизмещения бронированного крейсера в Англии в 1900 г. составляла 674 рубля, в Германии 761 рубль, а в России эта стоимость фактически была неизвестна до тех пор, пока корабль не вступал в строй. «По приблизительной исчисляемой Морским министерством стоимости линейные корабли и крейсера обойдутся от 1000 до 1300 рублей за тонну водоизмещения», — гласит бумага, обнаруженная в Центральном архиве ВМФ.

Причины сохранения такого рода порядков в казенной промышленности были связаны и с интересами крупных чиновников в министерствах, также регулярно получавших премии от дутых прибылей. После Октябрьской революции положение по сути не изменилось. Казенные предприятия не было необходимости национализировать. На место прежних пришли красные директора, которые с помощью той же технической интеллигенции осуществляли производство, используя старые методы.

Сопоставление государственного и частного предпринимательства в разных отраслях народного хозяйства дает неоднозначные результаты. В отдельных случаях казенные предприятия работали не хуже, а то и лучше частных. Например, Балтийский завод в Петербурге славился сильными инженерными кадрами, именно здесь впервые в России были построены паровоз, самолет, автомобиль.

Однако, как правило, на казенных предприятиях было больше бесхозяйственности, потерь. Управляющие-чиновники, назначаемые «сверху», не идентифицировали себя, как это было у частных предпринимателей, с делом. Казенные предприятия, имея привилегии, не испытывали конкуренции и никогда «не прогорали». Как позже заявил в Думе министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, «казенные заводы имеют одно преимущество перед частными — они не могут обанкротиться».

Это важное «преимущество» на деле стало одним из главных тормозов в росте эффективности казенного хозяйства, предприятия не имели сильных стимулов для совершенствования организации производства, снижения себестоимости продукции. В ряде случаев казенные заводы продавались частным предпринимателям и из убыточных превращались в доходные. Так было, например, при возникновении Путиловского завода в Петербурге.

На сохранение и расширение казенной промышленности чиновников толкали разные причины, в том числе и чисто политические, антибуржуазные по духу соображения. Один из правых депутатов на заседании Думы отмечал, что невозможно надеяться на господ капиталистов, которые во всякую минуту могут «поставить точки над *i* и совершенно могут разбить нашу промышленность». Раздавались призывы к национализации заводов и рудников.

Железнодорожное хозяйство и Великий путь

Значение строительства железных дорог в России выходило за рамки технических и экономических новаций, это был и определенный прорыв в цивилизованный мир, от которого долгое время Россия была отдалена бездорожьем. Первый рывок был осуществлен в период Великих реформ. Же-

железнодорожный бум 70-х годов позволил создать сеть железных дорог в европейской части России. В 80-х годах предпринимательская горячка в железнодорожном строительстве заметно спала.

Новый импульс в развитии железнодорожного хозяйства страны придала экономическая политика Витте, который в силу профессиональной подготовки лучше других понимал значение транспорта для создания рыночной экономики в огромной стране. С другой стороны, масштабное железнодорожное строительство с большими заказами для промышленности стало базисом для индустриализации России в 90-х годах.

Важнейшими задачами политики Витте в области железнодорожного хозяйства являлись расширение сети железных дорог, сосредоточение важнейшей ее части в руках казны и подчинение частного железнодорожного хозяйства руководству государства. Железнодорожное строительство велось как за счет казны — из бюджета и путем займов, так и за счет частных железнодорожных обществ. Длина железнодорожной сети за период министерства Витте почти удвоилась — с 29,1 до 54,2 тыс. верст. Из 25 тыс. верст вновь построенных дорог 10,9 тыс. построено за счет казны, остальные — за счет частных средств.

Казна строила дороги преимущественно в Азиатской России — прежде всего это Великий Сибирский путь, а также стратегические дороги, вообще не обещавшие дохода в ближайшем будущем.

При Вышнеградском приступили к выкупу частных железных дорог в казну, при этом 10 железнодорожных обществ из 41 прекратили свое существование. Витте продолжил выкуп, но делал исключение для тех обществ, деятельность которых отличалась предприимчивостью. Он входил с ними в соглашение и отказывался от выкупа их в казну при условии постройки ими новых линий, причем заметно превышающих первоначальные. Так, общество Рыбинско-Бологовской дороги, владевшее лишь 275 верстами рельсового пути, превратилось в общество Московско-Виндавской дороги, линии которой к 1903 г. составляли уже 2446 верст, малая Рязанско-Козловская дорога (199 верст) выросла в Рязанско-Уральскую — 1600 верст и т. п. В результате число частных железных дорог при Витте сократилось более чем втрое (до 9), но каждое из обществ оказалось обладателем сложной сети.

При этом выкуп в казну продолжался. Если при Бунге было выкуплено 1344 версты, при Вышнеградском — 5858 верст, то при Витте — 14 116 верст, т. е. почти столько, сколько было построено за 10 лет всеми частными дорогами. Таким образом, Витте руками частных предпринимателей решал важнейшую стратегическую задачу.

По мнению Н. Кутлера, мотивом выкупа частных дорог являлось стремление руководить экономическим развитием страны. Сохранение некоторых дорог в руках частных обществ было лишь уступкой необходимости, поскольку у казны не хватало средств, хотя расходы бюджета на эти цели и возросли за 10 лет в 4 раза.¹ Всего при Витте на железнодорожное строительство была затрачена астрономическая сумма — 2400 млн руб., из них 55 % путем займов внутри страны и за границей.

Надо отметить, что Витте, скорее, использовал организаторский потенциал частных лиц, так как капиталы на строительство они получали в той или иной форме от правительства. Средства давались путем займов, помещавшихся в фонд государственных сберегательных касс или заключавшихся за границей через посредство Минфина. Несомненно, однако, что получение заграничных капиталов на имя частных обществ под гарантии правительства было выгоднее; поэтому позже, в 1910-х годах, преемник Витте В. Н. Коковцов в основном и использовал эту форму для финансирования железнодорожного строительства.

Что касается подчинения частных дорог правительственному руководству, то прочное основание этому было положено еще при Вышнеградском, когда Министерство финансов при активном участии Витте (и по его идее) взяло на себя выработку железнодорожных тарифов, лишив этим, по сути, частные общества права автономного управления. Это было важно и с позиций внешней торговли, усиления вывоза и ввоза товаров за границу, особенно хлеба — основного экспортного продукта. Решить эту задачу невозможно было также без развития сети дорог, введения в оборот новых территорий и строительства портов.

Не ограничиваясь товарными тарифами, Витте подверг переработке и пассажирский тариф, который им был в 1894 г.

¹ Кутлер Н. Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 10. С. 835.

сильно понижен, в особенности на дальних расстояниях. Достигнуто это было путем замены равномерного поперстного тарифа поясным. Реформа пассажирского тарифа привела к быстрому развитию пассажирского движения и к уменьшению убытков для железных дорог. С 1894 по 1900 г. эти убытки сократились с 0,40 коп. до 0,18 коп. на пассажиро-версту. При этом по комфорту и дешевизне железные дороги России имели лучшие показатели в Европе.¹ Указанные меры по совершенствованию железнодорожного хозяйства осуществлялись Витте одновременно с крупномасштабным железнодорожным строительством, в котором Министерство финансов играло «первую скрипку».

Прежде всего правительство прилагало усилия для привлечения к строительству представителей частного капитала. Выдавая концессии, государство гарантировало не только размещение под свои гарантии займов, но и ряд льгот, что создавало заинтересованность и «железнодорожных королей», как Витте называл крупных предпринимателей в этой сфере (Блиох, Губонин, Поляковы, Дервиз, Мамонтов и др.). Известно, что Витте и лично агитировал некоторых из них, как например, С. И. Мамонтова, принять участие в деле строительства Северной дороги. С этой целью он пригласил летом 1894 г. Савву Ивановича в экспедицию на Мурманск и, плывя пароходом по Северной Двине, уговорил его, как руководителя общества Московско-Ярославской железной дороги, взяться за строительство железной дороги от Вологды до Архангельска. Правда, описывая ту поездку на север, Витте в «Воспоминаниях» даже не упоминает имени Мамонтова (видимо, из чувства вины за последующий крах). Северная дорога была построена в 1894—1898 гг. и сыграла затем важную роль в освоении Европейского севера России.

Хотя частные предприниматели в 90-е годы построили бо́льшую часть дорог, тем не менее главную стройку века — Великий Сибирский путь — строила сама казна. Проект строительства возник еще в 60-х годах и носил стратегический характер, связанный с обеспечением безопасности дальневосточных окраин России. Практически к строительству магистрали приступили лишь в 1891 г. Однако конкретного плана и сроков окончания работ не было.

¹ Кутлер Н. И. С. Ю. Витте. С. 836.

Хотя подготовительные работы проходили без его участия, Витте имел самое прямое отношение к сооружению магистрали на протяжении почти всего строительства. Уже 25 сентября 1892 г., т. е. меньше чем через месяц после назначения, новый министр финансов получил повеление государя изыскать источники для покрытия расходов. Дело в том, что его предшественники Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградский останавливали энтузиастов проекта простым указанием на нехватку средств в казне. Александр III даже жаловался, что он, самодержавный государь, не мог заставить своих министров приступить к реализации проекта. Вышнеградский постоянно подчеркивал, что строительство дороги в несколько тысяч верст будет разорительным для казны.

Назначение Витте министром финансов в корне изменило ситуацию, и надо думать, Александр III как раз и рассчитывал на это. Витте подошел к делу иначе. В ноябре того же года он представил в Комитет по строительству записку. В ней Витте признавал, что Сибирская железная дорога не скоро еще сможет стать источником доходов казны, и прежде всего остановился на выяснении экономического значения дороги. Он считал, что, пронизывая страну и будучи связан с обширными районами Сибири, «рельсовый путь даст могущественный толчок экономическому развитию наших богатых, но запущенных азиатских владений, оживит и возбудит различные отрасли производства, откроются новые рынки сбыта продукции... Засим железная дорога, несомненно, должна способствовать процветанию как Сибирской, так и Уральской промышленности, являясь сама крупным потребителем и открывая новые рынки в соседних азиатских странах. Особенно важен рельсовый путь для золотого промысла».¹

Как крупный стратег, Витте отмечал, что ввиду отсутствия удобных средств сообщения проектируемый Транссибирский путь окажет огромные услуги как русской, так и всемирной торговле, благодаря этому сооружению усилится роль России на мировом рынке. Он провозглашал: Транссибирская магистраль откроет Европе ворота на азиатский Восток и Россия, стоя на страже у этих ворот, воспользуется всеми преимуществами посредника. Именно по этой причине Витте называл строительство дороги событием, «каким начинаются

¹ Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С. 8.

новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений между государствами».¹

Одновременно с укладкой рельсов Витте проектировал заложить десятки промышленных предприятий и рудников вблизи узловых станций. По сути, за короткий срок под руководством Витте была разработана целая комплексная программа освоения Сибири.

Не случайно в поисках элементов планирования в системе Витте Т. Лауэ обращается к строительству Транссибирской магистрали. «Она задумана была, — разъясняет он, — не только из политических и стратегических соображений, но представляет собой план экономического развития целой области».²

Витте немало сделал для идейного обоснования проекта, но настоящая заслуга состояла в том, что он сумел воплотить этот проект в жизнь. Со свойственным ему прагматизмом он умело реализовал и собственные, и чужие идеи. Так, бывший министр путей сообщения Гюббенет предложил образовать межведомственный орган по примеру комитета, созданного в свое время для руководства строительством Николаевской железной дороги. Витте развил идею и придал ей размах, соответствующий масштабам задачи. В реорганизованный при его непосредственном участии Комитет Сибирской железной дороги вошли руководители всех влиятельных ведомств. По существу, можно говорить об использовании современного механизма целевых комплексных программ более чем за полвека до их появления.

Одной из самых сложных задач, которая сразу возникла перед Витте, было обеспечение финансирования работ. Казна в конце 1892 г. была почти пуста, бюджет на 1893 г. формировался с дефицитом, вызванным засухой, поразившей страну два предыдущих года подряд. Именно тогда появилась идея выпуска сибирских бумажных денег на необходимую для строительства сумму. Это был ложный ход, Витте с помощью Бунге вскоре понял это и отказался от него. Решение сложной задачи обеспечения устойчивого финансирования строи-

¹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 103.

² Laye T. von / Sergei Witte and industrialisation in Russia. 1963. N. J. P. 87.

тельства было решено постепенно, путем быстрого роста бюджета за счет увеличения сбора налогов, введения винной монополии, привлечения иностранных займов и др. Не пришлось прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам, что удивительно, поскольку казна в начале работ располагала всего-навсего одним миллионом рублей, тогда как по предварительной смете требовалось 350 миллионов. Фактически же дорога обошлась казне в сумму больше одного миллиарда рублей.

Министерство финансов резко критиковали за такое чудовищное превышение сметы. Причин было несколько: и нереальность предварительных расчетов, и изменения в ходе строительства, вызывавшие удорожание работ, и, конечно, злоупотребления и казнокрадство, без которых не обходилось ни одно крупное дело в России. Противники Витте особенно упирали на последнее, хотя в сравнении с другими крупными стройками века, например строительством Панамского канала, ущерб был явно меньше.

Первую очередь строительства планировалось завершить к 1900 г., однако Витте стремился максимально ускорить темп, расширяя фронт работ. К выполнению их привлекались переселенцы из центра России, более 15 тысяч иностранных рабочих, в основном китайцев и корейцев, и даже сибирские каторжники, которым было обещано сокращение срока.

В 1894 г. железная дорога была уже доведена до Омска, а в 1898 г. — до Иркутска. Здесь возникла проблема обхода Байкала. Сложные горно-геологические условия могли задержать прохождение этого участка и общее строительство на несколько лет. Принимается решение: организовать временно пересечение Байкала на пароме летом и по льду — зимой. Подобные нестандартные решения возникали неоднократно, что позволяло сохранять высокие темпы строительства Великого пути. Витте внимательно следил за ходом строительства, фактически руководя работой Комитета Сибирской железной дороги. Именно ему принадлежала идея строительства Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) по территории Китайской Маньчжурии. Этот вариант значительно — на 1400 верст — сокращал путь до Владивостока, а следовательно, затраты и сроки строительства. Прохождение пути по территории чужого государства потребовало сложных дипломатических маневров, которые Витте обеспечивал, являясь инициа-

тором Восточной политики России на рубеже веков. Вопрос о том, как осуществлялась эта политика и экономическая экспансия в зоне строительства КВЖД, подробнее рассмотрен ниже.

Следует отметить, что строительство Сибирской дороги велось и с отступлением от обычных норм и правил. Дорога строилась однопутной, встречные поезда пропускали друг друга на разъездах. Земляная насыпь была уже, а толщина балластного слоя меньше, чем в Европейской России. Допускались более крутые подъемы и спуски, использовались облегченные 18-фунтовые рельсы вместо обычных 24-фунтовых. Специалисты понимали, что это вынужденные отступления, которые вскоре предстоит устранять, но все делалось ради решения главной задачи — как можно скорее соединить стальной нитью Петербург с Владивостоком.

И задача была решена. Через десять лет после начала строительства весь Великий Сибирский путь, за исключением кругобайкальского участка, был сдан в эксплуатацию. По своей протяженности — 9112 верст — дорога не знала равных в мире. Следует учесть, что строительство велось в сложнейших геологических и климатических условиях, по почти безлюдной местности. В экстремальных условиях строители добились рекордной скорости укладки рельсов — 642 версты в год, что было в полтора раза быстрее, чем на Канадско-Тихоокеанской железной дороге, соорудившейся в сходных обстоятельствах.

Достижение было оценено на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., Комитету Сибирской железной дороги и Министерству путей сообщения был присужден «Гран-при». Обычно сдержанная английская пресса признавала: «...несмотря на все нападки на Сибирскую железную дорогу, несмотря на множество ее недостатков, все эти недочеты представляются ничтожными. Сравнительно с гениальной предусмотрительностью, продемонстрированной в деле составления плана сооружения Сибирской железной дороги, сравнительно с поразительной энергией, настойчивостью и ловкостью, с которыми этот план был выполнен, и неисчислимыми последствиями, которые неминуемо повлечет за собой постройка этой линии».¹

¹ Правительственный вестник. 1901. № 115.

Следует сказать, что сооружение Транссибирской магистрали было продолжено и современный вариант дороги с амурским участком появился лишь полтора десятилетия спустя. Тем не менее это строительство осталось непревзойденным рекордом и в истории России. В советский период, уже при другом, несравненно более высоком уровне техники строительство Байкало-Амурской магистрали протяженностью в три раза меньше продолжалось более 25 лет и осталось незавершенным.

Попытки расширения казенного хозяйства

Как показало строительство Сибирского пути, государство располагало весьма развитым аппаратом для хозяйственного управления и решения различных экономических вопросов. Однако он не мог успешно функционировать без тесного взаимодействия с частным сектором, удельный вес которого постоянно возрастал. Казенное хозяйство имело определенные исторические перспективы лишь как составная часть общерыночного хозяйства, регулируемого банками и монополиями. Взаимодействуя с ними, госкапитализм мог развиваться, однако старые побудительные мотивы, антибуржуазные по сути, периодически проявлялись в противодействии монополиям, которые претендовали на привилегии казенных предприятий и помещичьих хозяйств. Упрочение позиций крупнейших монополий вызывало встречную реакцию у чиновников, стремившихся расширить традиционную сферу казенного хозяйства (железные дороги, военные заводы, кредит, акцизное хозяйство и др.), что нашло выражение в проектах создания казенных нефтепромыслов, угольных шахт и др.

Активная роль казны в развитии народного хозяйства объяснялась нехваткой предприимчивости, недостаточными масштабами накопления капитала и незрелостью частнокапиталистической промышленности, необходимостью для государства брать на себя те функции, которые на Западе брал на себя частный капитал. С другой стороны, расширение казенного хозяйства правительство рассматривало в качестве основного противовеса возрастающему всемогуществу монополий в экономической жизни страны. Интересы промышленников расходились с интересами казны, немало терявшей на пере-

платах монополистам за уголь, металл, нефть, поставлявших-ся казенным железным дорогам, флоту, предприятиям. Известное «сдерживание» монополистического капитала правительство проводило опираясь в первую очередь на мощную финансовую систему, возглавлявшуюся Государственным банком.

Оценивая попытки расширения государственного вмешательства в экономическую жизнь России, нельзя не обратить внимания на то, что они, как и в других европейских странах, имели не наступательный, а скорее оборонительный характер и были нацелены преимущественно на пресечение последствий нежелательных для казны действий монополий. Правительство разными путями пыталось сдерживать укрепление позиций монополистических объединений и в этом не было оригинально. Оно, в частности, повторяло опыт Германии, которая на определенном этапе также насаждала казенные предприятия в промышленности, противопоставляя их картелям.

Антикартельные тенденции правящих кругов объективно способствовали сплочению руководителей различных монополистических объединений. Но процесс этот был очень противоречивый, сопровождавшийся обострением внутренних трений. Конкуренция и разногласия ослабляли воздействие крупного капитала на правительство, и оно иногда удачно лавировало, используя узкокорыстные интересы отдельных групп.

Расширение казенного хозяйства в новых отраслях, несомненно, тревожило промышленников. В 1906 г. представители Московского биржевого комитета заявили: «Московское биржевое общество всегда отрицательно относилось ко всем промышленным предприятиям, которые ведет казна. Все казенные железные дороги, железоделательные заводы, судостроительные заводы, очистительные, ректификационные заводы работают хуже, чем другие, частные заводы. Поэтому Московский биржевой комитет не может не высказаться против того, чтобы казна пускалась в спекуляции по нефтяному делу, пускалась на новые коммерческие дела: мы полагаем, что самое лучшее, если дело останется как было, чтобы казна не бралась за новое дело, так как в противном случае она может оказать вам, покупателям нефти, медвежью услугу».¹

¹ Цит. по: *Лаверычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982. С. 87.

Решительно против казенного хозяйства были настроены многие крупные предприниматели. Так, Ю. П. Гужон предлагал распродать или закрыть казенные горные и механические заводы, ничего не приносящие, кроме убытков для казны, вследствие их бесхозяйственности, передать в арендное содержание казенные дороги, дающие убыль, с тем «чтобы они были в кратчайший срок развиты и оборудованы до требуемого размера». Другие предлагали поставить казенное предприятие в условия нормальной конкуренции с частным, но и эти компромиссные предложения не были приняты во внимание правительством. И казенные железные дороги, и горные заводы продолжали действовать на прежних основаниях.

Торгово-промышленные круги упорно доказывали правительству, что развитие экономической жизни связано прежде всего с расцветом частного предпринимательства. Признавая за государством в определенных пределах роль регулирующего механизма народного хозяйства, они стремились направить активность правительства в сферы, важные для развития и процветания крупного капитала, но требующие больших капитальных вложений и не сулящие достаточно быстрой прибыли (строительство портов, шоссе, неодоходимых железных дорог и прочее).

Недовольство вызывали те стороны активности государства, которые угрожали ограничить всецелое монополий и сократить их прибыли. Те же стороны «государственного капитализма», которые прямо или косвенно укрепляли их позиции, всячески поощряли. Так, в 1901 г. XVI съезд бакинских нефтепромышленников признал, что только правительственное содействие в виде различных льгот может обеспечить решение их задач. Поэтому нефтепромышленники в течение многих лет вели переговоры в Министерстве финансов.

Таким образом, в развитии капиталистического хозяйства России сказывался определенный баланс интересов частного капитала и казны. Попытки правительства расширить казенное хозяйство, организовать добычу угля, нефти и другое вызвали решительное противодействие в монополистических кругах. Они еще не успели подчинить своим интересам казенное хозяйство в такой степени, как это удалось сделать финансовому капиталу в Германии.

В России в ряде важнейших отраслей (железные дороги, военная промышленность, кредит и пр.) наряду с частным

значительное распространение получило государственное предпринимательство. Природа государственной власти здесь не была еще буржуазной. Ее полуфеодальный характер ограничивал в известной мере притязания монополий, стремившихся подчинить своему влиянию звенья государственного аппарата. В то же время давление финансовых и промышленных монополий росло и входило в противоречие с традиционными для российской монархии стремлениями «опекать» финансы, промышленность, торговлю испытанными средствами административного надзора и мелочных регламентаций. Некоторые из этих мер стали отпадать, но в целом, те препятствия, которые власти объективно нагромождали, сохранялись и в XX веке.

Оценивая роль государственного предпринимательства в России, надо признать, при всей противоречивости, большое его значение в модернизации страны, где частный капитал не был достаточно развит, а эгоцентризм монополистов нередко входил в противоречие с интересами социально-экономического развития страны, которые стремилась выражать политика Витте.

6.3. Аграрная политика: Витте и Столыпин

В экономической политике Витте аграрный вопрос кажется наименее разработанным, наиболее слабым звеном его системы. Хотя Россия на рубеже веков продолжала оставаться аграрной страной с абсолютным преобладанием сельского населения, модернизация хозяйства почти не затронула эту сферу, все основные преобразования касались промышленности, транспорта, финансов и других отраслей. Значит ли это, что Витте не понимал или недооценивал значение аграрного сектора?

Знакомство с личной библиотекой и печатными трудами самого Витте говорит, что автор достаточно много внимания и времени уделял аграрной тематике. В 1904 г. была издана его «Записка по крестьянскому делу», отдельная глава «Воспоминаний» Витте посвящена крестьянскому вопросу до 17 октября 1905 г.. Изучение этих работ, а также «Курса лекций о народном хозяйстве», всеподданнейших докладов и

других материалов говорит о наличии у Витте системы взглядов на решение вечного крестьянского вопроса в России.

Многовековая крепостническая система России формально закончила существование 19 февраля 1861 г. с подписанием известного акта Александром II, что прибавило к его имени приставку «освободитель». Рассматривая историю крестьянского вопроса, Витте пишет, что этот акт с точки зрения гражданских норм и самосознания не возбуждает никаких принципиальных и политических отрицаний, но «при освобождении крестьян весьма бесцеремонно обошлись с принципом собственности и нисколько в дальнейшем не старались ввести в самосознание масс этот принцип, составляющий цемент гражданского и государственного устройства всех современных государств».¹

«На крестьянское население, которое, однако, составляет громаднейшую часть населения, установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать, но только в смысле их поведения и развития, но не желудка... их дело — питать, кормить страну. Значительная часть земли находилась в общинном коллективном владении, исключающем возможность сколько бы то ни было интенсивной культуры, подворное владение находилось в неопределенном положении вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности. Крестьянство находилось вне сферы гражданских и других законов.

Для крестьянина была создана особая юрисдикция, перемешанная с административными и попечительскими функциями, все в виде земского начальника, крепостного помещика своего рода. На крестьянина установился взгляд, что это с юридической точки зрения не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но сделался крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительством ока земского начальника. Вообще его экономическое положение было плохо, сбережения ничтожны», — пишет Витте.²

Наделение земель крестьян по Положению в ходе реформы было осуществлено спешно, наскоро. При таких условиях сам вопрос об общинном и индивидуальном наделении не был

¹ *Vumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 495.

² Там же. С. 497.

ясно и определенно проработан, оставалась масса недомолвок и вопросов.

С точки зрения технического осуществления реформы община была более удобна, нежели отдельный домохозяин. С административно-полицейской точки зрения она также представляла больше удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности. Такое удобство, пишет Витте, «получило довольно мощную поддержку в весьма почтенных любителях старины, славянофилах и иных старьевщиках исторического бытия русского народа. Было провозглашено, что „община” — это особенность русского народа».¹

Из предшественников Витте на посту министра финансов лишь Н. Х. Бунге занимался крестьянским вопросом. Бунге стоял за превращение крестьян в собственников-землевладельцев, ему удалось в 1881 г. снизить выкупные платежи, а позже отменить соляной налог и подушную подать с крестьян, что заметно снизило налоговое бремя. В 1882 г. по его инициативе был образован государственный Крестьянский банк, с тем чтобы с помощью кредитов облегчить крестьянам приобретение земли в собственность. В 1885 г. пришлось создать и Дворянский банк для льготного кредитования «оскудевшего» дворянства за счет казны. Для преодоления земельного голода Бунге предлагал переселение крестьянских семей из центра на окраины России. А. И. Вышнеградский, сделав ставку на развитие промышленности, мало занимался аграрным вопросом. Для пополнения золотого запаса он даже в трудные неурожайные годы проводил жесткую политику в отношении обеспечения экспорта хлеба, усилил фискальный характер налоговой политики, касавшейся в первую очередь крестьянства.

Линия Витте

Когда Витте назначили министром финансов, он был знаком с крестьянским вопросом крайне поверхностно, как обыкновенный русский, так называемый «образованный человек»: «В первые годы я блуждал и имел некоторое влечение к общине по чувству, сродному с чувством славянофилов ... К тому же я мало знал коренную Русь, особенно крестьянскую... Но, сделавшись механиком сложной машины, имену-

¹ Там же. С. 491.

емой финансами Российской империи, понял, что топливо — это экономическое состояние России, а так как главная часть населения — это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область».¹

Понадобилось время, чтобы осознать необходимость коренных преобразований в деревне. Первые мероприятия министра финансов Витте в этой области носили достаточно случайный характер. Приняты были меры по облегчению кредитования мелких производителей путем предоставления ссуд из Государственного банка. Начиная с 1894 г. правительство стремилось ввести усовершенствования в процессе переселения крестьян. Витте выступал инициатором законопроекта об отмене круговой поруки в деревне и др.

Витте под влиянием Бунге довольно быстро понял, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это община, и из сторонника стал ее беспощадным критиком. Он понял, что тяжелое экономическое положение крестьянства подрывает его платежеспособность и соответственно государственный бюджет. Главное, он осознал, что отдельными мерами для решения крестьянского вопроса не обойтись, необходимо в корне менять положение крестьянства. И Витте предлагает царю созвать специальное совещание для обсуждения крестьянского вопроса.

Вопреки ожиданиям Витте, в 1897 г. открылось совещание не по крестьянскому, а по дворянскому вопросу, так называемая «дворянская комиссия». Состав комиссии был таков, что, вероятно, имелось в виду не поднять благосостояние народных масс, а искусственно поддержать задолжавшее дворянство. Витте как член комиссии высказал мнение на первом же заседании, что с улучшением положения крестьян и большинству дворян будет лучше, но министр внутренних дел И. Н. Дурново отверг такого рода увязку и заявил, что комиссия не должна заниматься крестьянскими вопросами. «Такое решение, — пишет Витте, — само по себе было смертным приговором „дворянской комиссии“, потому что комиссия эта встретила во мне отпор во всех поползновениях обогащать дворянские карманы из государственной казны, т. е. за счет народных денег».²

¹ Там же. С. 498.

² Там же. С. 515.

Ниже Витте пишет, что совещание все же сделало несколько подачек для дворян, «но известная часть дворян никогда не могла забыть мою оппозицию ко всем дворянским затеям, требующим казенных денег».

Витте не совсем искренен, когда пытается в «Воспоминаниях» представить себя последовательным борцом против дворянских привилегий. Сам выходец из дворян, конечно, делал, и не раз, как министр финансов послабления дворянству, интересы которого оберегались правительством в первую очередь. Это связано, в частности, с деятельностью Дворянского банка, который, будучи государственным, давал льготные кредиты для падающих дворянских хозяйств. Так, в марте 1897 г. царю были представлены его предложения о снижении процента за кредит с 4 до 3,5, что было ниже рыночного уровня. Ранее, весной 1896 г., Витте в ответ на обвинения противников представил царю, по его требованию, записку, в которой с цифрами и фактами показал несостоятельность доводов о якобы антипомещичьем курсе правительства, ставшем единственной причиной оскудения дворянства. Признав факт сокращения дворянского землевладения, он в то же время показал, что было сделано все, чтобы дворянство оставалось «экономически сильным сословием». Путем залога имений помещики получили огромную сумму, которую следовало бы лишь более умело использовать.

В то же время в выступлениях Витте дворянство было объявлено продуктом феодализма, у которого нет будущего. «В настоящее время богатство дается не землею, а банковским делом, промышленностью, обрабатывающим производством и т. п. Народились новые богачи, и дворянство оскудело не потому, что оно утратило привилегии, а оттого, что по сравнению с классом промышленным значение его утратилось, что оно не выдержало конкуренции».¹

Его оппонент В. К. Плеве дал резкую отповедь, заявив: что есть полное основание надеяться, что Россия «будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий». Таким образом, четко обозначились позиции сторонников капиталистической модернизации и помещиков-аграрников, имевших значительное влияние в верхах.

¹ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 292.

Отсутствие перспектив у помещиков-феодалов отмечали многие современники. Автор нашедшей в начале XX в. книги «Грядущая гибель России» М. М. Арцыбашев, подчеркивая паразитический характер помещичьего землевладения, отмечает: «Никто копейки не вложил в землю на ее улучшение, наоборот, каждый норовит заложить саму землю. Земельный долг, разросшийся до колоссальной суммы (более 2 млрд руб.), опутал сельскохозяйственную инициативу и лишил наши беспредельно огромные нивы того труда и капитала, с помощью которых они могли бы обогатить полуторастиллионное население. Помещики уклонились от завидной миссии лучших людей, предпочитают проматывать достояние предков, несут позорную дань Западной Европе, проводят время в легких удовольствиях, оказывают дурное влияние на крестьян... Крестьянские массы, коснеющие в невежестве, лишены опоры, руководства, часто не имеющие даже примера образцового хозяйства, отучаются от инициативы и отвыкают от труда. Крестьянские хозяйства запущены, разорены, повсюду лень, та бесконечная русская лень».¹

Говоря о крестьянском вопросе, Витте обращает внимание на труд как фактор производства. «Чтобы оплодотворить народный труд, необходимо поставить народ так, чтобы он мог и хотел не только производительно трудиться, но всячески увеличивать эту производительность...

У нас же народ трудится как пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы, напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой. Для того, чтобы народ не голодал, чтобы его труд сделался производительным, нужно его освободить от попечительских пут, нужно ему дать гражданские права, сделать... персоною. Вот в чем суть крестьянского вопроса, а не в налогах, не покровительственной таможенной системе и в недостатке земли, по крайней мере не в принудительном отчуждении земли для передачи ее во владение крестьян».²

Отвергая обвинения в том, что главная беда — это налоги, которыми он задавил крестьянство, Витте утверждает в «Воспоминаниях»: «В сущности наши налоги в мое время сравнительно с налогами других стран были не только не велики, но малы. Но раз ты меня держишь в уздечке, не даешь

¹ Арцыбашев М. М. Грядущая гибель России. СПб., 1908. С. 31.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 507.

свободы труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшая налоги, так как нечем платить. Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай земли по мере увеличения населения... Вот те рассуждения, которых держится крестьянство. Эти рассуждения есть результат самим правительством устроенного их быта, и затем, конечно, они раскалены бессовестным огнем революции».¹

В 1898 г. на отчете государственного контролера прозвучало мнение, что «платежные силы сельского населения находятся в чрезмерном напряжении», Николай II заметил: «Мне тоже кажется». Это дало повод Витте вновь возбудить в Комитете министров вопрос о необходимости заняться крестьянским делом и довершить то, «что было совершено в 60-е годы, но не было dokonчено». И поэтому он предлагал назначить для этого особую комиссию с исключительными полномочиями. Хотя Комитет министров и принял такое решение, но царь его не поддержал, как полагает Витте, под влиянием дворян-аграрников.

Тогда в октябре 1898 г. Витте направляет государю-императору в Крым письмо, в котором пишет: «...крестьянский вопрос, по моему убеждению, является ныне первостепенным вопросом жизни России. Его необходимо упорядочить». Царь отмолчался, «Все дело осталось лежащим под спудом».²

Не имея возможности при всем старании преодолеть глухую стену сопротивления, Витте тем не менее продолжает отдельные практические шаги по разрешению крестьянских проблем, в частности по активизации деятельности Крестьянского банка. Как отмечает Витте, «Банк этот шел вяло в особенности потому, что он ограничивался только ссудой под земли, покупаемые крестьянами, но не мог покупать земли за свой счет для продажи ее крестьянам».³ По инициативе Витте в 1895 г. был выработан новый устав Крестьянского банка, предоставляющий ему такое право. Вступление на сцену такого мощного покупателя, как Крестьянский банк, значительно повысило земельные цены: если к середине 90-х годов они упали до 50 рублей за десятину, то с 1897 г. стали расти, дойдя до 71 рубля, а к 1902 г. — до 108 рублей. Проблема кре-

¹ Там же. С. 507.

² Там же. С. 527.

³ Там же.

стьянского малоземелья в тот период обострилась, и, несмотря на значительный рост земельных цен и трудности получения ссуд из банка, крестьяне все же жадно тянулись к приобретению земли. Если в 1883—1895 гг. они приобрели через Крестьянский банк 2400 тыс. десятин, получив ссуду в 82 млн руб., то за 1896—1903 гг. — уже 4300 тыс. десятин, получив ссуду до 350 млн рублей.

В 1898 г. решение крестьянского вопроса получило увязку со строительством Транссибирской магистрали, когда Витте поднял вопрос о переселении, т. е. «о том, чтобы дать возможность безземельному крестьянству двинуться по направлению к Дальнему Востоку и заселять сибирские пустыни по мере сооружения Великого пути. Эта мысль тогда казалась крайне либеральной, и самые влиятельные круги в Петербурге полагали, что идея давать возможность крестьянину искать себе лучшей жизни в Сибири представляет громадную ересь». Их доводы были просты: эта мера невыгодна помещикам, которые лишатся дешевых работников, а с другой стороны, крестьянство получает вредные стремления к вольностям. «Благодаря тому, что Николай II под влиянием Н. Х. Бунге решительно встал на сторону интересов крестьян, и был решен вопрос о разрешении и даже некотором поощрении переселения крестьян, которым трудно жить в Европейской России, в Сибирские края».¹

Однако успехи в отдельных вопросах не меняли общей картины. По мнению Б. А. Романова, «...робкая попытка Витте проникнуть в феодальную цитадель самодержавия и извлечь на обсуждение, пока только в недрах бюрократических канцелярий, крестьянский вопрос, в связи с необходимостью расширения внутреннего рынка, посредством устранения одних только формально-юридических пережитков феодализма закончилась полной неудачей».²

Судя по записи в дневнике А. А. Половцова, Витте на время успокоился на мысли, что картина бедственного состояния крестьянства очень преувеличена, что крестьянское благосостояние со времени освобождения крестьян не понизилось.

Когда Половцов в апреле 1900 г. напомнил Витте его же собственное письмо о необходимости заняться крестьянским

¹ Там же. С. 512.

² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л, 1955. С. 107.

делом, тот ответил: «Я не могу во все вмешиваться, меня уже и так слишком в том обвиняют», и добавил, что и вообще сомневается, «чтобы нашелся человек, который бы решился произвести необходимый для экономического подъема переход от общинного владения к подворному».¹ Протаскивать и такие робкие покушения на феодальные устои было не так-то просто, и Витте здесь явно отступил, правда на время, до образования в 1902 г. Особого совещания.

*Особое совещание о нуждах
сельскохозяйственной промышленности*

Финансовый и промышленный кризис, неурожаи 1899 и 1901 гг., крупные крестьянские выступления заставили, наконец, Николая II всерьез подойти к крестьянскому вопросу и образовать ряд комиссий и совещаний для выработки мер по подъему сельского хозяйства. Витте было поручено возглавить один из таких межведомственных органов — Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое существовало с 22 января 1902 по 30 марта 1905 г. Задачей совещания было прежде всего собрать все необходимые сведения о положении деревни, выявить и обобщить мнения сельских хозяев о мерах по преодолению кризисной ситуации в деревне. С этой целью в 49 губерниях были созданы уездные и губернские комитеты, в их состав вошли 11 тысяч представителей земств, крупнейших и средних землевладельцев, арендаторов и даже крестьян. В состав центральной комиссии вошли крупные землевладельцы — граф Воронцов-Дашков, граф Шереметев, князь Долгорукий и другие весьма консервативно настроенные деятели, и Витте пришлось вновь в ожесточенной борьбе отстаивать свои взгляды.

Одновременно с комиссией Витте работала Редакционная комиссия по пересмотру крестьянского законодательства, которую возглавил министр внутренних дел В. К. Плеве — принципиальный противник Витте. Между ними развернулось острое соперничество за лидерство в разработке новой аграрной программы. И Плеве при поддержке царя удалось взять верх.

¹ Красный архив. Т. 46. С. 128.

Следует отметить, что в этой борьбе Плеве использовал любые, даже грязные методы, в частности репрессии против некоторых деятелей местных совещаний, высказавшихся откровенно. Известна история с крестьянином М. Н. Новиковым, который, будучи членом Тульского уездного комитета Особого совещания, написал очень откровенную записку о положении и нуждах крестьян. Новиков был арестован, отвезен в Петербург и посажен в тюрьму. Опасаясь за его судьбу, Л. Н. Толстой, хорошо знавший крестьянина, пишет ряд писем с просьбами о его освобождении, в том числе дважды С. Ю. Витте. На второе письмо Витте сообщил Толстому, что комитеты действуют под наблюдением властей, ему не подчиненных, и поэтому он передал просьбу министру внутренних дел. Отказ Витте заступиться за члена совещания, которым он руководил, вызвал справедливое возмущение ряда современников. Сам Витте в «Воспоминаниях» пишет: «Граф Лев Толстой, ходатайствуя об одном крестьянине, не без основания упрекал меня в провокации».¹

Как отмечает Б. А. Романов, затея Витте лопнула, его комиссия была вытеснена комиссией Плеве, «которая стала рабочим органом для разработки нового положения о крестьянах. Этот проект вышел таким, что даже министр юстиции Н. В. Муравьев, реакционная звезда не последней величины царской бюрократии, с ужасом говорил Куропаткину: „Новый закон имеет в виду окончательно закрепостить крестьян, окончательно отделить их и уединить от всех прочих сословий, их хотят низвергнуть в бездну, у них будут свои власти, свой суд, свои законы... при отдаче проекта на суд общества поднялся бы крик негодования”».²

Основные положения проекта Редакционной комиссии были утверждены указом царя 8 января 1904 г. Руководящими принципами аграрной политики империи были объявлены неприкосновенность общинного строя, правда при условии облегчения отдельным крестьянам выхода из общины; сохранение сословной обособленности крестьян; неотчуждаемость крестьянских наделных земель. Единственным элементом новизны было признание, что «зажиточные крестьяне, будучи непосредственно заинтересованы в охране принципа соб-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 353.

² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории. С. 108.

ственности, являются везде надежнейшим оплотом существующего порядка, стоять на страже которого побуждают их собственные интересы».¹ Это был первый шаг к признанию принципов, взятых в основу аграрной политики П. А. Столыпина. Единственное, чего практически добился Витте в этот период, — это отмена именным указом царя 12 марта 1903 г. круговой поруки в общине. Это была частная уступка, мало что менявшая в правовом положении крестьян, и далась она Витте нелегко, после того как он пригрозил уйти в отставку в случае, если проект будет отвергнут.

Особое совещание продолжало работу и после отставки Витте с поста министра финансов, были собраны обширные ценные материалы, которые Витте обобщил в известной «Записке по крестьянскому делу», опубликованной в 1904 г. Автор, ссылаясь на мнение местных комитетов совещания, сформулировал свое понимание необходимости перемен в аграрной политике. Он, в частности, пишет, что «причина, задерживающая упрочение хозяйства наших крестьян, кроется в правовых условиях их быта». Ее следует искать «в неопределенности имущественных и общественных отношений крестьян, порождающей многообразные затруднения в самом распорядке ведения хозяйства». Эти недостатки не могут быть устранены частичными изменениями, а требуют разрешения общих принципиальных вопросов сельского устройства.

В основе реформы, по мнению всех членов Губернских комитетов, поставлены гласность, учреждение самостоятельного независимого, общего для всех сословий суда, ответственность должностных лиц перед судом, строгое разграничение властей судебной, административной и полицейской и самоуправление общества в хозяйственном отношении. «На главных началах должно быть немедленно организовано новое управление, иначе Россию ожидает полный произвол чиновников, ведущий к волнениям и беспорядкам».²

Витте, зная характер Николая II, использует прием, который, видимо, ему кажется безотказным, — ссылку на положение Манифеста 19 февраля 1861 г., подчеркнув, что Александр III высказался за проведение преобразований именно на их основе.

¹ Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 128.

² Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 17.

В «Записке» Витте доказывает несостоятельность основных догм, на которых базировалась традиционная аграрная политика, и, следуя определенным положениям Манифеста, говорит о конкретных проблемах крестьянства.

За общими вопросами публичного и гражданского права идут частные, но приобретающие принципиальное значение ввиду особого к ним внимания. Вопросы эти касаются общины, семейного владения и права передвижения. Первый из них разрешается большинством местных комитетов в том смысле, что переход от общинного владения к личному желателен, но без каких-либо принудительных мер; равным образом недопустимо и принудительное удержание отдельных крестьян в общине, и поэтому каждый из ее членов должен иметь право выделить свою часть в личное владение независимо от согласия остальных. «Положение это в точности согласуется с положением 19 февраля 1861 г. — каждый член общества имеет право на определенную часть общей собственности».¹

В трудах Главного Комитета, пишет Витте, неуклонно проводится мысль, что уравнительное землепользование есть порядок временный, обусловленный отсутствием привычки или нужды в тщательной обработке земли и естественным плодородием почвы, — с постепенным развитием хозяйственных условий он окажется тягостным для самих крестьян. «Постепенный переход общинного крестьянского пользования в участковое, по всей вероятности, неизбежен. Эта же мысль содержится в акте 19 февраля 1861 г.: термин „общинное землепользование“ употребляется в той части закона, которая содержит временные правила, определяющие порядок поземельного устройства освобождаемых крестьян».²

Другой принципиальный вопрос касался семейного владения. Толкование Сената сводилось к признанию подворного участка и усадебной оседлости общинников коллективной собственностью семьи, притом не родственной, а рабочей в составе крестьянского двора, исходя из этого признавалось, что такое имущество не может быть завещано домохозяином, смерть его не открывала наследства, пока жив кто-либо из членов двора, происходит только смена домохозяина, но по-

¹ Там же. С. 42.

² Там же.

следнему предоставлялось право распоряжения имуществом независимо от согласия прочих членов двора. Такой порядок вызывал многочисленные нарекания местных комитетов, которые предложили, чтобы семейные разделы были предоставлены свободной воле крестьян, а возникающие при этом имущественные споры разрешались в судебном порядке. Положение 19 февраля 1861 г. в этом вопросе ставило препятствие распадению крестьянских дворов на отдельные хозяйства, но это тоже признавалось мерой временной, необходимость которой вызывалась существованием круговой поруки. Поскольку по инициативе Витте круговая порука была в 1903 г. отменена царем, то было убрано и препятствие для свободных разделов.

«Положения 1861 года, совершенно ясные, не получили практического применения; путем толкований надельная земля изъята от действия общегражданского закона, введен вместо этого обычай, дополненный позже сенатскими определениями. Подобное положение вещей настолько не отвечает требованиям гражданского порядка и препятствует успехам сельского хозяйства, что оно именно и вызывает настойчивые пожелания Комитетов о даровании крестьянам общегражданских прав».¹

Таким образом, сама аграрная реформа Витте выступала в качестве одного из звеньев правовой реформы деревни, в качестве лишь ее составляющей части. Это была умеренная программа «мирного развития», рассчитанная на значительный исторический период. Крестьяне при этом сохраняли свою сословную обособленность, надельные земли по-прежнему изымались из рыночного оборота.

И тем не менее идеи, предложенные Витте, не были приняты Николаем II и его окружением. Витте пишет в «Воспоминаниях» об оппозиции, называя графа Шереметева — «столпа дворянской камарилы», князя Щербатова — «явного главы черносотенцев», сенатора Хвостова, графа Толстого и других. В результатах работы совещания некоторые усмотрели нарушение «устоев».²

В письме С. Д. Шереметева Витте от 8 января 1905 г., в частности, говорится: «Я вынес убеждение в том, что сужде-

¹ Там же. С. 56.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 536.

ния и заключения большинства членов совещания отходят от тех начал и взглядов, которыми руководствовался в этом деле священной памяти император Александр III, и что они клонятся к последовательному разрушению всего того, что было сделано по крестьянскому делу в мудрое его царствование».

В результате происков недоброжелателей Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было закрыто 30 марта 1905 г., причем неожиданно для Витте, поскольку Николай II не посчитал даже нужным уведомить его накануне. Разработанные Витте проекты так и не были востребованы. И тем не менее его идеи и материалы, собранные совещанием, не остались без последствий, оказав заметное влияние на умонастроение правящих сфер. Позднее, уже после мощного взрыва крестьянского движения осенью 1905 г., они нашли отражение в программе, подготовленной в недрах Министерства внутренних дел, и составили основу аграрной политики, получившей название столыпинской.

Аграрная реформа Столыпина

После окончательной отставки Витте в апреле 1906 г. на политической сцене появился государственный деятель, которого как реформатора нередко ставят в один ряд с Витте, а то и выше. Правда, некоторые историки склонны считать, что П. А. Столыпин по сравнению с Витте «на порядок менее яркий, но все же несомненно выделявшийся на общем фоне, волевой, смелый и по своему талантливый деятель».¹ По мнению академика Б. А. Ананьича, «сопоставление Витте и Столыпина, как двух крупных государственных деятелей начала XX века, позволяет видеть в Витте человека с более широким кругозором и критическим отношением к существовавшей в стране системе государственного управления. Витте несомненно оставил более значимый след в государственных преобразованиях в России XX века, нежели Столыпин. Однако современная публицистика из государственных деятелей про-

¹ Корелин А. П., Шацко К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 6.

шлого выделяет именно Столыпина».¹ Почему? Отчасти это можно объяснить исключительным значением в истории России аграрного вопроса, за решение которого энергично взялся П. А. Столыпин.

Следует отметить, что царь, закрыв Особое совещание, возглавляемое Витте, всю инициативу в решении крестьянского вопроса передал Министерству внутренних дел, которое и возглавлял Столыпин. Ранее, являясь Гродненским, а затем Саратовским губернатором, Столыпин проявил себя сторонником модернизации аграрных отношений. Более того, он считал, что укрепить экономику страны можно только через подъем сельского хозяйства, и эта мысль стала потом одной из центральных в его экономической программе: «аграрная реформа должна быть архимедовым рычагом для подъема экономики империи».²

Несмотря на ведомственную принадлежность Столыпина к Министерству внутренних дел, где традиционно Витте находил противников, его точка зрения на решение крестьянского вопроса оказалась близкой к позиции Витте. Важнейшими в ряду мер он считал крестьянское землеустройство, переселение крестьян на хутора и отруба, организацию для них мелиорации земель и доступного кредита и др. При этом Столыпин ссылаясь на опыт Восточной Пруссии, Дании, Бельгии, демонстрируя обширную эрудицию в данном вопросе.

Инициатором в этом деле, по его мнению, обязана выступать власть, и весь процесс должен проходить под ее контролем. «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, — говорил он, — рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы решатся сами собой, — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».³

В этом было кардинальное расхождение его позиции с предложениями Витте, который полагал, что главное сделать

¹ *Ананьич Б. В.* Витте и Столыпин — российские реформаторы XX столетия. Опыт сравнительной характеристики // Звезда. 1995. № 6.

² *Столыпин П. А.* Думские речи. М., 1990. С. 40.

³ *Право.* 1906. № 1.

крестьянина «персоной», предоставив гражданские права и создав возможность для проявления инициативы, а дальше стихийный процесс сделает свое дело.

Но как и Витте, Столыпин был принципиальным противником общины, в которой он видел главную причину неустроенности деревни. Из общинного землевладения проистекали, по его мнению, господство среди крестьян уравнительных настроений, трудности с внедрением в сельское хозяйство каких-либо агрокультурных и технических усовершенствований, сложности с получением кредита. Единоличная собственность, по мысли Столыпина, не только приведет к подъему сельского хозяйства, она станет «залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве», что было важно с полицейской точки зрения.

Как и Витте, он не считал нужным разрушать общину искусственно, переход от общинного к личному владению землей осуществлялся в ходе аграрной реформы Столыпина постепенно, без принуждения и стеснения. Логика для крестьян была такой: хочешь — живи в общине, не хочешь — уходи, и никто не вправе тебя удерживать. При этом единоличнику можно было остаться жить на старом месте, но его земля навсегда, без всяких переделов сводилась в цельный участок — отруб. Или же он мог выехать на новое место жительства — хутор.

Для выкупа земли у государства и помещика, а также для обзаведения скотом и инвентарем активно использовались кредиты Крестьянского банка под низкий процент с рассрочкой до 50 лет, что также было заложено Витте.

Стремясь решить проблему в центральных районах, Столыпин, как и Витте, инициировал переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. За 5 лет туда перебралось свыше трех миллионов хозяев, а если считать с семьями, то в 4—5 раз больше. При этом казна выдавала подъемные ссуды, снижала тарифы на проезд по железной дороге. На местах строили дороги, школы, фельдшерские пункты и другие социальные объекты.

Закономерно возникает вопрос, почему Николай II весной 1906 г., закрыв особое совещание, уже осенью 1906 г. не препятствовал проведению столыпинской аграрной реформы, близкой по содержанию? Следует ли искать причину в

личном отношении царя к Витте и Столыпину или в эволюции взглядов самого царя под влиянием революционных событий в деревне в 1905—1906 гг.? Видимо, все же стало ясно, что сохранять аграрные отношения в прежнем виде уже невозможно.

Аграрная реформа Столыпина была, по сути, последней попыткой модернизации системы самодержавия в самом отсталом секторе экономики. Реформа осталась незавершенной, и это связано не только с убийством реформатора. Против реформы выступали совершенно разные слои общества. В крестьянской среде реформа столкнулась с враждебной ей коллективистской психологией. Царь и бюрократия не желали разрушения общины, поскольку ее сохранение упрощало управление огромной крестьянской массой. Система самодержавия не смогла преодолеть инерции прежнего существования.

Слабость аграрной политики — это «ахиллесова пята» системы Витте. При очевидных успехах в индустриализации страны, развитии железнодорожного транспорта, финансовой сферы провал в попытках модернизации сельского хозяйства был невосполним. Аграрный кризис, который оказывал воздействие на огромную массу населения, жившего от земли, блокировал развитие внутреннего рынка, вызвал экономический кризис, а обнищание крестьянских масс привело к революционным потрясениям.

Трудно предположить, что Витте недооценивал важности крестьянского вопроса для развития промышленности, скорее всего ему просто не хватило сил преодолеть сопротивление консерваторов. Но он не без гордости выделял другое — то, что развитием промышленности и строительством железных дорог он «отвлёк от земли 4—5 млн людей, а значит с семьями 20—25 млн», и этим самым он как бы увеличил земельный фонд на 20—25 млн десятин. Строительство железных дорог, в частности Транссибирского пути, способствовало переселению крестьян из центральных губерний на новые земли. Однако можно ли оценить такой вклад в решение крестьянской проблемы как значительный на фоне сохранения отжившей хозяйственной системы?

Изменения, которые произошли в аграрном секторе в конце XIX — начале XX в. отчасти показывает карта земле-

владения в 50 губерниях Европейской России по видам собственников (в %).¹

	Вид собственности	1877 г.	1905 г.
1.	Частная собственность, в том числе физических лиц юридических лиц	24,9 97,4 2,6	25,8 84,5 15,5
2.	Крестьянская наделная собственность	31,0	35,1
3.	Собственность государства, церкви и учреждений (городских, казачьих и др.)	44,1	39,1

Как видно, картина существенно не изменилась, крестьяне, составляющие абсолютное большинство населения России, так и остались почти при тех же наделах, несколько снизился удельный вес помещичьих (физических лиц) и государственных земель, но в сумме они оставались преобладающими.

Взгляды Витте на решение аграрной проблемы были весьма умеренными, он не проявил себя здесь последовательным рыночником, не ставил вопроса о формировании рынка земли и ипотеки. Даже в случае осуществления своих планов он не добился бы кардинальных сдвигов в деревне, хотя это, вероятно, открыло бы путь к дальнейшим преобразованиям.

Однако вправе ли мы упрекать Витте в таком вопросе, который не смогли решить даже последующие поколения? Разрешение вечного для России земельного вопроса перешло на XXI век.

¹ Сост. Н. П. Дроздовой по Юбилейному сб. ЦСК МВД. СПб., 1913. С. 88—90.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИИ

7.1. Геополитические интересы и внешняя политика России

Исследование системы Витте и его государственной деятельности не может быть полным без рассмотрения внешней политики России в конце XIX—начале XX в. В силу своей активности Витте вторгся в деятельность внешнеполитического ведомства; брал на себя осуществление трудных внешнеполитических акций, выполнение сложных дипломатических поручений и достигал результатов, которые создали ему авторитет на международной арене. Портсмутский мир вошел в историю мировой дипломатии как личный успех Витте.

Такой крупный государственный деятель, каковым несомненно был Витте, не мог не учитывать местоположение и роль России в мире, не разделять национальных идей и не стремиться реализовать стратегические интересы страны. Для раскрытия характера и направления деятельности Витте, особенно его восточной политики, необходимо прежде всего рассмотреть геополитические идеи, которые определяли имперскую политику России в предшествующий период, идейное формирование самого Витте, его понимание природно-географических особенностей страны как фактора, определявшего развитие российской империи.

Географический фактор и геополитика

Уникальность геополитического положения России отмечается всеми исследователями. На географическом пространстве Земли страна занимает центральную позицию, или, по терминологии геополитиков, — Хартленд (сердцевинную Землю). Огромное пространство, ограниченное с севера арк-

тическими морями и труднодоступными территориями на юге и востоке, всегда приковывало внимание политиков. Ходом истории России отведена роль держателя равновесия между великими цивилизациями Запада и Востока, обеспечения мирового баланса сил.

Зарождение геополитики как науки относится к началу XX в. А до того, еще со времен Платона и Аристотеля, известны были идеи географического детерминизма. Русская школа детерминизма складывалась в XIX в., анализом природных и географических факторов в связи с социальным бытием занимались Б. Н. Чичерин, А. И. Герцен, В. О. Ключевский, И. А. Солоневич и другие мыслители. Например, Солоневич, сопоставляя личные свободы в России, в США и Англии, прямо относит их на счет географического фактора. «Американская свобода, как и американское богатство, — пишет он, — определяются американской географией — наша свобода и наше богатство ограничены русской географией. Русский народ никогда не будет иметь такие свободы, какие имеют Англия и США, потому что безопасность последних гарантирована океанами и проливами, а наша может быть гарантирована только воинской повинностью. Из всех же „несвобод“ воинская повинность является первой».¹ Говоря же о бедности России, Солоневич считает, что она не имеет никакого отношения к политическому строю. Она обусловлена тем фактором, для которого евразийцы нашли очень яркое определение: «географическая обездоленность России».

Витте в «Конспекте лекций...» также значительное внимание уделяет географическому фактору. «По условиям своей исторической жизни Россия долгое время была исключительно континентальным государством. Исконное Белое море не могло служить путем единения русского народа с Западной Европой... Петр I открыл своему народу „Окно в Европу“, основав Петербург. С каждой новой волною Россия приближалась к морям и в настоящее время владеет берегами на двух океанах и шести морях. Однако наше положение относительно морей не вполне благоприятно, так как они находятся в разных климатических, географических, политических и торговых условиях». В другом месте он отмечает, что «значение морей как удобных путей сообщения уменьшилось с развити-

¹ Солоневич И. А. Народная империя. М., 1991. С. 48.

ем железных дорог, в силу этого при огромных и малонаселенных пространствах они имели особо важное значение для экономического развития страны».¹

Уникальность территориально-географического положения каждой страны определяет и уникальность ее исторического фона, самобытность народа, государства, делает их историческими индивидуальностями. Из всего множества факторов, влияющих на деятельность людей, в том числе и политическую, географический фактор наиболее стабилен. Он служит основой преемственности политики государств, пока их пространственно-географическое положение неизменно. Витте придает важное значение рельефу: «Распределение гор и низменностей имеет огромное влияние на хозяйственное развитие. В странах, пользовавшихся естественной защитой гор, развилась самобытная умственная и хозяйственные культуры. Альпы долго защищали Рим от диких северных орд; наоборот, отсутствие горной преграды на юго-востоке России открывало дорогу целому ряду монгольских нашествий, задерживавших экономическое и политическое развитие России. Но горы могут оказывать и отрицательное влияние, быть непреодолимым препятствием для отношений. Азиатский материк рядом неприступных горных систем разделен на несколько совершенно обособленных областей, между которыми не могло сложиться почти никакого экономического взаимодействия. В Европе все ниже и доступнее, и племена, населявшие европейский материк, издавна пользовались всеми выгодами».²

Размеры национальных территорий оказывают влияние на относительную силу государства в борьбе за свои интересы, климат и природные ресурсы, обуславливают плотность населения и структуру народного хозяйства. Топография страны оказывает воздействие на силу и слабость внутренних связей.

На рубеже XX в., вследствие происшедших изменений в мировом сообществе, завершения, в основном, колонизации слаборазвитых стран, «уплотнения» мирового пространства происходит формирование геополитики как науки.

¹ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 69.

² Там же. С. 73.

«Отцом» ее считается Ф. Ратцель, который сформировал концепцию, утверждавшую, что пространство страны не просто территория, занимаемая государством. Пространство само есть политическая сила, т. е. это нечто большее, чем физико-географическое понятие. Оно представляет собой те природные рамки, в которых происходит экспансия народов.

Представляет интерес позиция английского геополитика Х. Маккиндера. Впервые он изложил свои взгляды в 1904 г. на лекции в Британском королевском географическом обществе под названием «Географическая ось истории». Суть его идеи в том, что роль осевого региона мировой политики и истории играет огромное внутреннее пространство Евразии и что господство над этим пространством может явиться основой для мирового господства. «Окидывая беглым взглядом широкие потоки истории, — писал он, — нельзя избавиться от мысли об определенном давлении на нее географических реальностей. Обширные пространства Евро-Азии, недоступные морским судам, но в древности открытые для полчищ кочевников, покрываемые сегодня сетью железных дорог, — не являются ли именно они осевым регионом мировой политики? Здесь существовали и продолжают существовать условия для создания мобильной военной и экономической мощи. Россия заменила монгольскую империю. Место былых центробежных рейдов степных народов заняло ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию и Китай. В мире, в целом, она занимает центральную стратегическую позицию, сравнимую с позицией, занимаемой Германией в Европе. Она может наносить удары по всем направлениям, но и сама получать удары со всех направлений.

Маловероятно, чтобы какая-нибудь из мыслимых социальных революций могла бы изменить ее фундаментальное отношение к бескрайним географическим пределам ее существования».¹

Маккиндер считает, что любая континентальная держава, будь то Россия, Германия или даже Китай, захватившая господствующее положение в осевом регионе, может

¹ *Mackinder H. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol 23. N 4. April, P. 421.*

обойти с флангов морской мир, к которому принадлежала в первую очередь Великобритания. В связи с этим он предостерегал против опасности русско-германского сближения.

Свои сложные геополитические построения Маккиндер воплотил в ставших знаменитыми максимах: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над Миром».¹

В. П. Семенов-Тянь-Шанский чуть позже предлагает иную формулу мировой геостратегии: «господином мира» все-таки будет тот, кто сможет овладеть одновременно всеми тремя морями (океанами), или тремя «господами мира» будут «те три нации, из которых каждая в отдельности завладеет одним из этих морей».² Российский тип развития территориального могущества, по нему, укладывается в формулировку от «моря до моря», что подчеркивает трансконтинентальные очертания ее границ. Он находит ряд недостатков этой системы развития, среди которых главные — большая протяженность территории и неравномерность социально-экономического и политического освоения. «Колонизация имеет вид постоянно сужающегося меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы. При всяком столкновении с внешними врагами очень легко обрубить конец такого меча».³

Следует отметить, что вопрос об уникальности и особенностях государства Российского — Срединной Земли — осмысливался гораздо ранее «евразийцев», проблема отношения России к Западу и Востоку, к Европе и Азии имманентна русской философской мысли, она же питала и питает и русскую идею. Идея эта, впервые сформулированная в XVI в. псковским иноком Филофеем, была подхвачена в середине XIX в. славянофилами и предстала не в религиозно-догматическом, а в философско-публицистическом облики. В спорах с за-

¹ Mackinder H. Democratic ideals and Reality. L. 1919. P. 186.

² Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. С. 10.

³ Там же.

падниками славянофилы утверждали особый путь страны и высокое предназначение России, которая должна стать не только оплотом правой веры, но и средоточием для славянских народов, мало того, и способной примирить Восток и Запад. Вопрос об Азиатском Востоке казался им решенным. Примечательно следующее высказывание А. С. Хомякова: «Россия приняла в свое великое лоно много разных племен: финно-прибалтийских, приволжских татар, сибирских тунгусов, бурят и др.; но имя, бытие и значение получила она от русского народа (т. е. человека Великой, Белой Руси). Остальные должны с ним слиться вполне: разумные, если поймут эту необходимость; великие, если соединятся с этой великой личностью, ничтожные, если вздумают и удерживать свою мелкую самобытность».¹

Русская философская мысль, увлеченная выяснением отношений православного Востока и латинского Запада, как бы оставила на периферии внимания Азиатский Восток. Об этом напомнил Ф. М. Достоевский, заметив, что русское общественное сознание мало обеспокоено ясным пониманием миссии России в Азии. «Да и вообще вся наша русская Азия, включая Сибирь, — писал он, — для России все еще существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Такое пренебрежение недопустимо, заявляет писатель, потому что «Россия не только в одной Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход».²

Эта тема была подхвачена и развита русской литературой конца XIX—начала XX в., а в философской мысли ее отразил Н. А. Бердяев. Он видит ограниченность славянофильства Хомякова в примеси «языческого национализма», который, замыкая Россию в самодовольстве на самое себя, лишает ее универсального значения. «Россия представляет собой Востоко-Запад. Это данность, из которой должна исходить ее внешняя политика».³

¹ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 102.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 33.

³ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 111.

Значительное внимание геополитики уделяли анализу истории внешней политики России, формированию Российской империи. В частности, Г. В. Вернадский подробно рассматривает процесс территориального расширения империи в XVIII—XIX вв.¹

При Петре I Российская империя вошла в более тесные соприкосновения с европейскими государствами, чем это было раньше. Сам Петр умел разбираться в новых взаимоотношениях и направлять их в своих целях. Но после Петра русская политика запуталась во взаимоотношениях с различными европейскими державами. Россия была постепенно втянута в дипломатическую игру этих держав, причем из игрока часто делалась игрушкой. Почти два столетия после Петра русская дипломатия обращала внимание преимущественно на политику европейских держав. Этому способствовал и личный состав русского дипломатического корпуса, в котором чувствовалось преобладание иностранцев. «Русская дипломатия искусно разбиралась в тонкостях дипломатических отношений между европейскими державами, но часто бывала совершенно не осведомлена в отношении Востока». При этом Вернадский ссылается на «Воспоминания» Витте, где тот дает такую характеристику министру иностранных дел князю Лобанову-Ростовскому: «Он знал все, что касается Запада... Дальний же Восток его не интересовал, и он ничего о нем не знал».²

Внешняя политика России со времен Петра I была империалистической и не могла быть иной. Экспансия на юг и восток путем освоения «ничьих» территорий стала основой создания Российской империи, достигшей к концу XIX в. максимальной территории.

Историк М. Н. Яковлев утверждает, что Россия представляет собой типичную колониальную державу, внешне она отличалась от Англии и Франции лишь тем, что колонии России располагались на периферии метрополии.³ На самом де-

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага, 1927.

² Там же.

³ Яковлев М. Н. Русская колониальная политика в XIX—начале XX вв. // Россия и Запад. СПб., 1998.

ле, по нашему мнению, различия были глубже и лежали в практике «русской колонизации», в ее предпосылках.

Как на практике осуществлялась политика колонизации России? Обычно правительство не прибегало к дискриминации инородцев, которые были для него своими гражданами. Но администрацию менее всего интересовали этнографические особенности этого «вверенного ей населения». Туземцы просто делились на «мирных», не противящихся русской власти, осваивающих русский язык и т. п., и «буйных», оказывающих сопротивление. Так, во времена Кавказской войны все племена Кавказа «назывались одним именем — черкесов.¹ Туземцы активно участвовали в местной администрации, становились высшими государственными чиновниками и генералами, вписывались в единую государственную иерархию и сами являлись «русской властью». «Лорис-Меликов не армянский генерал, — восклицал публицист, — а русский генерал из армян».²

Многие историки также отмечают отличие российской экспансии на окраины от процессов колонизации, осуществляемых европейскими странами на других континентах. Отличие, в частности, в том, что коренное население присоединяемых Россией территорий не подвергалось порабощению и истреблению, а проходило процессы культурной ассимиляции. Как отмечает Г. В. Вернадский, «новая Российская империя произвела огромную работу культурного слияния и перемешивания всех частей русского народа...», и далее: «Русское государство, созданное народами, не есть только политический механизм: это государство есть громадный историко-культурный организм. Это особый мир, особая часть света. Стихийный процесс сплотил все племена и народности».³

Однако, по мнению Е. Гайдара, в основе послепетровской «евразийской» России лежало глобальное противоречие, которое прошло сквозь всю русскую историю XVII—XX вв. и с балластом которого мы входим в XXI век. «Выдавая нужду за добродетель, это противоречие гордо называли „особым“, „мессианским“ путем, в то время как в действительности здесь была

¹ Аракский И. Ф. Закавказье. СПб., 1910. С. 43.

² Там же.

³ Вернадский Г. В. Начертание русской истории... С. 231.

(и осталась) то явная, то скрытая борьба между двумя путями развития (Запада и Востока) при невозможности выбрать один из них. В трещину этого противоречия свалилась царская, затем коммунистическая империя.

Расширение государства, территориальная экспансия лишь загоняли Россию в имперскую ловушку: с каждым новым расширением территории увеличивалось то, что надо охранять, удерживать, осваивать. Это высасывало все соки метрополии. Россия попала в плен, в заложники к военно-имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань, не принимал слишком острых форм, постоянно культивировалось „оборонное сознание” — ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным».¹

Как пишет далее Е. Гайдар: «Мощное государство, осуществляя территориальную, социальную и психологическую экспансию, тяжело груженной подводой проехалось по структурам общества, остановило их развитие, нередко просто уничтожило».² Такова была, по его мнению, плата за имперскую политику государства, которую заплатило и продолжает платить русское общество.

Имперская политика в конце XIX века

Период царствования императора Александра III считается сравнительно стабильным во внешнеполитическом плане, отчего к его имени добавилась приставка «миротворец». Победа в русско-турецкой войне способствовала укреплению военного авторитета России на международной арене, патристическому подъему и утверждению идеологии панславизма. Славянофилы усилили свое влияние, партия Каткова—Победоносцева стала при Александре III «вторым правительством», во внешнеполитической доктрине ими ставилась задача укрепления русского влияния в Азии и экспансии на окраи-

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. СПб., 1997. С. 60.

² Там же. С. 54.

ны России, но царь не склонен был поддерживать авантюры. Словом, к началу 90-х годов империя находилась в состоянии могущества и относительного спокойствия. Предшественники Витте в Министерстве финансов Н. Х. Бунге и А. И. Вышнеградский занимались своим непосредственным делом, мало касались внешнеполитических вопросов. Ситуация изменилась с приходом во власть С. Ю. Витте.

Существенно, что формирование молодого Витте проходило в славянофильской среде, значительное влияние на его взгляды оказывал дядя Р. А. Фадеев, довольно известный в то время писатель-славянофил. Отсюда монархо-патриотические взгляды Витте, его участие в «Святой дружине», публицистические выступления. Во время русско-турецкой войны он увлекся славянофильской идеей присоединить Константинополь к России, в 80-х годах был близок к партии Каткова.

Начав государственную карьеру, Витте довольно быстро освободился от многих славянофильских взглядов на внутреннюю экономическую политику, но, очевидно, эти взгляды сохранились во многом в международных делах. Заняв ключевой пост министра финансов, Витте стал активно вмешиваться в дела других ведомств, особенно Министерства иностранных дел. Об этом, в частности, свидетельствуют записи в дневнике дипломата В. Н. Ламсдорфа: «Четверг, 11 мая 1895 г. Цитирует письмо министра французскому коллеге: „В ответ на ваше последнее послание, я направил Вам письмо, согласованное с господином Витте...” Суббота. 27 мая 1895 г.: „Посланник Китая и наш министр финансов долго совещаются с князем Лобановым ...”».¹ Б. А. Лобанов-Ростовский был в 1895—1896 гг. министром иностранных дел России, очень тесно сотрудничал с Витте, о чем свидетельствуют и «Воспоминания» последнего. Имперская внешняя политика, по мнению Витте, должна быть более тесно связана с экономической. Во всеподданнейшем докладе 1900 г. Витте предсказывал потерю Россией самостоятельности и положения великой державы в том случае, если в течение «ближайших десятилетий русская промышленность окажется не в состоянии своими продуктами покрыть не только внутренние потребности, но и потребности азиатских стран, которые находятся

¹ Ламсдорф В. Н. Дневник 1894—1896 гг. М., 1994. С. 176.

или должны находиться» под влиянием России. «Ведь владычество метрополий над колониями, — писал Витте, — укрепляется ныне всего более силою не оружия, а торговли, и слуге Вашего величества неотрадно думать, что, может быть, медленный рост нашей промышленности затруднит выполнение великих политических задач монарха, что неполнота экономического развития может повлечь за собой политическую и культурную отсталость страны».¹

Таким образом, Витте увязал экономическое развитие России при помощи иностранного капитала с активной борьбой за рынки сбыта на восточных окраинах, с тем, чтобы за несколько лет занять там прочные позиции. А это дало бы возможность, как отмечалось в Программе 1899 года, «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию».²

Хотя в своей деятельности Витте уделял особое внимание внешней политике в Азии, первые шаги на международной арене были связаны с Европой. Как пишет академик Е. В. Тарле: «Дипломатическая его деятельность началась блистательным успехом в Берлине в 1894 году при подписании торгового договора и закончилась блистательным успехом в Париже — 1906 года, в год миллиардного займа».³ Иначе говоря, и Европа была объектом пристального внимания Витте, поскольку в тот период здесь находился центр мировой политики, располагались страны, с которыми Россия стремилась тесно сотрудничать, прежде всего Германия и Франция, где черпались иностранные капиталы.

Международный дебют Витте состоялся в форме открытого конфликта с Германией, который даже имел название «таможенной войны». Молодой министр финансов получил в наследство таможенный тариф 1891 г., значительно затруднявший распространение немецких товаров на русском рынке. Собственно говоря, тариф был естественной реакцией на торговую политику Германии. Протекционизм торжествовал тогда в Европе, а Германия в зените влияния после Бисмарка провозгласила «новый курс», означавший «свободу рук» в от-

¹ Цит. по: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 25.

² Там же.

³ *Тарле Е. В.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Соч.: В 5 т. М., 1958. Т. V. С. 517.

ношениях с Россией. Односторонне подняв тарифы, немцы потеснили ввоз сельскохозяйственных продуктов с Востока.

Витте посчитал такую ситуацию несправедливой и, потребовав у царя право на повышение тарифов в отношении отдельных стран, решил применить его к Германии. Эти меры нужно было утвердить в Государственном совете, и, когда шло их обсуждение, «старцы» стали говорить, что молодой Витте авантюрист, что дело прямо идет к вооруженному конфликту. Но Витте упорно настаивал на своем предложении. Германии немедленно начать переговоры о снижении ставок. Там отказались, угрожали, но в конце концов согласились, и был заключен торговый договор на 10 лет на более справедливых условиях.

Успех Витте был связан с тем, что он хорошо просчитал ситуацию, поняв, что большие убытки в конфликте несет Германия. Прагматичные немцы это тоже поняли и отступили. Проявив твердость и настойчивость, Витте сразу обратил на себя внимание в Европе и заслужил похвалу старого Бисмарка, который будто бы заявил: «...в последние десятилетия в первый раз встретил человека, который имеет силу характера, и волю, и знание, чего он хочет».¹

В последующем наряду с азиатской Витте вырабатывает и свою европейскую программу. Он так ее сформулировал в беседе с германским императором Вильгельмом II во время визита того в Петербург в 1897 г.: «Вообразите себе, Ваше величество, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собой, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собой и что Европа не представляет собой того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа; конечно, тогда Европа была бы и гораздо сильнее, и гораздо культурнее; она действительно являлась бы хозяином всего мира, а не дряхла под тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться, чтобы установить прочные союзы между Россией, Германией и Францией».²

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 380.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... Т. V. С. 524.

Возможно, по сути, Витте первым поставил вопрос об интеграции Европы, хотя первоначально и не в полном составе, т. е. то, что стало возможным столетие спустя после двух войн. Но милитариста Вильгельма эта идея никак не увлекла.

Однако Витте считал, что великий континентальный союз трех военных держав гарантирует от войны в Европе, а поскольку в Азии к тому времени уже был союз с Китаем, то Россия может не бояться никаких внешних опасностей.

Академик Тарле утверждает: «Основой всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать. Замечательно, что эта мысль является у него скорее интуицией, чем логической выкладкой. Политик-реалист до мозга костей, Витте вообще полагал главную задачу государственной деятельности в удовлетворении назревающих нужд и непосредственных запросов и с этой точки зрения — правильно или неправильно — ставил на очередь и разрешал колоссальные проблемы».¹

С точки зрения Витте России требовалось только одно: не ввязываться ни в какую войну. Нет ни единой потребности русского государства, которую бы нельзя было вполне удовлетворить, не прибегая к войне. Причем России не только незачем, но и невозможно воевать, в чем он расходился с большинством сановников монархии. И в этом Витте был антиподом Бисмарку, который превратил войну в инструмент политики.

Под определенным влиянием Витте Россия стала инициатором Гаагской мирной конференции 1899 г. В «Воспоминаниях» Витте пишет: «В беседе с графом Муравьевым (министром иностранных дел) я ему высказал и объяснил, какой вред принесет всему свету и специально Европе все увеличивающееся перевооружение, что такого рода затраты совершенно обессиливают население и лишают возможности безбедно жить, что от такого положения вещей рождаются социалистические учения, поэтому я со своей стороны считаю величайшим счастьем для Европы, в частности и для всего мира вообще, если будет положен предел вооружению, если наконец люди и государства поймут, что от вооруженного мира народы страдают не менее, нежели от войны».²

¹ Там же. С. 515.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 161.

После согласования с царем последовало обращение России 12 августа 1898 г. к представителям держав с предложениями о созыве международной конференции для обсуждения вопроса о разоружении в Гааге.

После конференции, пишет далее Витте: «Я имел случай говорить по этому предмету с государем и выразил мнение, что не может быть никакого сомнения в том, что практических результатов от этой конференции ожидать нельзя, так как восстановить всеобщий мир и прекратить тот, можно сказать, разврат, внедрившийся в народах, который приводит их к разрешению всех недоразумений посредством пролития крови, так же трудно, как трудно проводить священные истины Сына Божия, потребуются столетия, для того чтобы идея о мировом разрешении вошла в практический обиход».¹

Политический реализм Витте проявлялся не раз: в частности, в конце 1896 г. он отказался поддержать авантюру графа Нелидова по захвату Босфора, возникшую в связи с тем, что Османская империя находилась в состоянии разложения. Оппозицию «партии войны» он занял и в вопросе о русско-японской войне.

Оценивая внешнеполитические взгляды Витте, можно, видимо, отметить, что по многим вопросам он проявлял мудрость и дальновидность, опережая подчас свое время. Что касается понимания им геополитических интересов России, то в этом плане Витте был первым, кто начал поворот к реальному освоению роли России как Азиатской державы. Петр I, «прорубив окно в Европу», сделал крен в сторону утверждения России европейской. Витте своей восточной политикой, строительством Транссибирской магистрали и другим во многом уравнивал положение страны как Евразии.

Витте предугадал, что Евразия и в будущем останется главным объектом внимания политиков. Известный современный американский геополитик З. Бжезинский пишет: «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Евразия тем не менее сохраняет свое геополитическое значение. Не только ее западная часть — Европа — по-прежнему место сосредоточения значительной части мировой политической и экономической мо-

¹ Там же.

щи, но и ее восточная часть — Азия — в последнее время стала жизненно важным центром экономического развития и растущего политического влияния».¹

Витте не был милитаристом, однако, действуя в русле имперской политики царской России, делая ставку на мирную экономическую экспансию на Востоке, он, по-видимому, не думал, что это может усилить агрессивность русской внешней политики и привести к войне.

7.2. Восточная политика Витте и КВЖД

Витте — один из немногих русских государственных деятелей — явился активным проводником имперской политики России на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии, которая с 90-х годов стала ареной борьбы крупнейших государств мира. Естественно, что на этом пути он встретил многочисленные препятствия и ловушки, усердно расставлявшиеся его противниками как вне, так и внутри страны. Борьба шла вокруг программы, которую выдвинул и настойчиво проводил Витте. Проводил же он ее тем настойчивее, чем больше вкладывал в осуществление ее, по собственному выражению, «труда и сердечных забот», чем больше входил в роль руководителя своего «треста», слагавшегося из целого ряда предприятий с Русско-Китайским банком во главе.

Это дальневосточное, по злобному выражению Плеве, «государство Витте», костяком которого являлась Китайская Восточная железная дорога протяжением около 2400 верст, год от года все повелительнее ставило себе на службу внешнюю политику Российской империи в 1895—1904 гг. и неудержимо втягивало самого Витте в работу дипломатической кухни, где он временами играл решающую роль.² «В то время вопросами Дальнего Востока занимался исключительно я, — пишет Витте, — а Государь император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей».³

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 1.

² Романов Б. А. С. Ю. Витте как дипломат // Вестник Ленинградского университета. 1946, № 4—5.

³ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 45.

Для руководства этим «государством» Витте пользовался собственным центральным аппаратом (III отделением канцелярии министерства) и послушной, свободно им подбираемой агентурой служащих общества КВЖД и Русско-Китайского банка на местах. Эта агентура обеспечивала Витте всесторонней информацией, и недаром первым, кто в Петербурге узнал о нападении японских миноносцев 26 января 1904 г. на русскую эскадру в Порт-Артуре, был Витте. Он и передал известие о нападении, «полученное от коммерческого агента», военному министру Куропаткину.

Как ни любил Витте подчеркивать, что он «не дипломат» в профессиональном смысле, на деле в течение 8 лет (1895—1903 гг.) ему пришлось не раз выступать на дипломатической сцене, не говоря уже о ее кулисах, он не допускал, чтобы без него сделали хотя бы шаг. С лета же 1900 г., после назначения министром иностранных дел В. Н. Ламсдорфа, он пользовался в Министерстве иностранных дел непререкаемым авторитетом по дальневосточным делам.¹ Его властное и ревнивое отношение как к решению основных вопросов, так и к мелким, на первый взгляд, делам находит объяснение не только в личных чертах характера Витте. Главным было то, что основы восточной политики империи закладывались им и связаны были с общим планом экономического развития страны, сложившимся у него в начале 90-х годов. Любой дипломатический ход, не им задуманный и с ним не согласованный, воспринимался им как опасное вмешательство и покушение на дело, ответственность за которое он взял на себя.

Представляется, что можно условно выделить три этапа в восточной политике Витте. Первый — 1892—1894 гг., по существу ознакомительный; второй 1895—1897 гг. — этап дипломатических маневров; третий — 1898—1903 гг. — этап практических свершений.

Первый этап восточной политики

Внимание к Китаю Витте стал проявлять ранее 1895 г., с которого он начинает описывать в «Воспоминаниях» события на Дальнем Востоке. Им опускается ряд существенных моментов, в частности авантюра Бадмаева, к которой Витте

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 гг. М.; Л., 1955. С. 152.

имел непосредственное отношение. Уже в докладе, посвященном строительству Великого сибирского пути, в ноябре 1892 г. Витте высказал мысль, что предпринимаемый «переворот в направлении сообщений между Европой и Азиатским Востоком последует в пользу России „не только как посредника в торговом обмене”, но и как крупного производителя и потребителя, ближе всего стоящего к народам азиатского Востока». В один Китай ввозилось тогда хлопчатобумажных и шерстяных изделий и металлов на 80—90 млн руб., между тем как весь ввоз из России туда не превышал 3 млн руб. Если же взять не один Китай, а и Японию, и Корею, то будет видно, что располагая 460-миллионным населением и делая оборот в международной торговле в 500 млн руб., эти страны «далеко еще не развили своих торговых сношений с Европой до предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис». ¹ И в Петербурге учитывали, что Россия с проведением Сибирской магистрали получит в этом отношении важные преимущества перед всеми другими государствами Европы. Такими событиями начинаются «новые эпохи в истории народов, коренной переворот установившихся экономических соотношений между государствами», — пишет Витте в докладе.

«Коренной переворот» должен был коснуться интересов прежде всего Англии, которая владела вывозом $\frac{2}{3}$ товаров, отправляемых из китайских портов. Сибирская магистраль «посредством ветви в Китайские пределы передаст России роль Англии в чайной торговле и откроет русскому капиталу непосредственный обмен с внутренними провинциями Китая». В докладе учитывался и военный аспект, то, что железная дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст точку опоры в наших восточных портах». С открытием дороги этот флот может быть значительно усилен и «в случае политических осложнений, как в Европе, так и на Азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в Тихоокеанских водах». ²

Как видно, уже в 1892 г. строились стратегические планы, выражавшие геополитические интересы царского прави-

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории... С. 23.

² Там же. С. 24.

тельства на Дальнем Востоке. К этому периоду относится появление плана Бадмаева, который в феврале 1893 г. подготовил записку царю, переданную через Витте. Врач тибетской медицины Бадмаев тогда уже был известен в высших кругах Петербурга. Его лаборатория, изготавливавшая различные чудодейственные лечебные средства, пользовалась успехом у аристократии. Но Бадмаев был еще и крупным дельцом, интересы которого вторгались в область внутренней и даже внешней политики. Он был образованным человеком, закончил восточный факультет Петербургского университета. В 1871 г. Бадмаев принял православие, и его крестным был не кто иной, как будущий император Александр III, тогда еще наследник. Одно время Бадмаев служил в Министерстве иностранных дел. На политическую арену он вступил еще при Александре III, но его звезда засияла в конце правления Николая II, при Распутине.

Близко знавший Бадмаева Витте считал его «типичнейшим азиатом», но человеком «весьма умным». И хотя «весь ум Бадмаева, вся его энергия направлены были в сторону различных афер, нельзя не признать, что в самом размахе этих афер видна птица большого полета».

В записке царю Бадмаев изложил феерический план присоединения территорий Китая к России. При этом в сопровождающей записке, адресованной Витте 13 февраля 1893 г., он пишет: «Святость и нерушимость царского слова о постройке великого Сибирского железнодорожного пути обязывают меня осмелиться предложить меру, которая, по моему мнению, чрезвычайно важна для предупреждения опасности, угрожающей не только этой линии, но и той окраине, для процветания которой она проводится. Мера, предлагаемая мною в записке, ясно обнаруживает возможность присоединения к России монголо-тибето-китайского Востока без кровопролития, при некоторой материальной поддержке. Почтеннейше прошу доложить Государю императору обо всем этом».¹

В докладе Александру III относительно послания Бадмаева Витте, в свою очередь, пишет, что Бадмаев обратился к нему с просьбой донести до царя записку, составленную им, «О положении и задачах России на азиатском Востоке» в свя-

¹ За кулисами царизма (Архив тибетского врача Бадмаева) / Под ред. В. П. Семенкова. Л., 1925. С. 77.

зи с постройкой Сибирской железной дороги. Ознакомившись с содержанием этой записки, Витте убедился, что Бадмаев высказывает весьма серьезные взгляды по упомянутому предмету, во многом совершенно оригинальные, «устанавливающие новую точку» зрения в практических вопросах политики, что особенно имеет значение в настоящее время.

«Вкратце руководящие мысли автора могут быть сведены к следующим положениям:

1. Для обеспечения Сибирской дороге финансового процветания весьма важно соединить ее ветвью с г. Лан-Чжоу-Фу (в Китайской провинции Гань-Су), стоящим около 1800 верст от русской границы. Эта ветвь ввела бы в сферу тяготения к Сибирской дороге западные провинции Китая. Но проведение ветви к Лан-Чжоу-Фу, по мнению г. Бадмаева, не может быть подготовлено дипломатическим путем.

2. Маньчжурская династия в Китае, по мнению г. Бадмаева, в скором будущем неминуемо должна пасть, так что на монголо-тибето-китайском Востоке назрели в настоящее время важные перемены, которые могут обратиться во вред России в случае, если ходом событий на Востоке овладеет европейская политика, но могут, напротив, дать России неисчислимые выгоды, если мы предупредим Западную Европу в делах азиатского Востока. К этой последней цели и направлен предлагаемый г. Бадмаевым план подготовительных мероприятий.

3. Все предприятия должны иметь совершенно частный характер и вестись вне всякой официальности, с некоторой лишь материальной поддержкой. „Если бы Вашему величеству угодно было, — пишет Витте, — всемилостивейше соизволить, чтобы изысканы были соответственные способы материальной поддержки для осуществления означенных мероприятий, то я буду иметь счастье представить о том особо”». ¹

В самой записке Бадмаева содержался и план военных действий: «Идти на Лань-Чжоу-Фу и взять этот стратегический пункт без кровопролития. Из этого пункта весьма удобно распространить влияние на весь Китай, Тибет и Монголию. В период взятия Лань-Чжоу-Фу следует располагать военной силой не более как 20—30 тысяч конницы, вооруженной огнестрельным оружием». ²

¹ За кулисами царизма... С. 80.

² Там же. С. 71.

Почему без кровопролития? А потому, что народы Азии, оказывается, по Бадмаеву, тогда «искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. Они относились и ныне относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы Белому царю».¹

На этом докладе министра финансов Александр III наложил следующую резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха. 27 февраля 1893 г.».²

Витте считал, что, если бы бадмаевский проект оказался успешным, геополитическое положение России стало бы неуязвимым». Овладев территориями между побережьями Тихого океана и высотами Гималаев, Россия заняла бы господствующее положение не только в Азии, но и в Европе». Здравый взгляд царя на явную авантюру остудил пыл министра финансов.

Следует отметить, что Витте вынес для себя урок из этой истории и пересмотрел свое отношение к военным акциям во внешней политике. Если он сначала как бы одобрял этот и другие проекты Бадмаева, то после резолюции царя заупрямился относительно выдачи ему денег. Наоборот, Александр III пошел навстречу и приказал выдать по частям деньги своему крестнику.

На эти деньги Бадмаев основал торговый дом и открыл контору в Чите, пытался создавать различные предприятия, потом прогорел, и все выданные деньги пропали безвозвратно. Он вернулся в феврале 1895 г. в Петербург и возобновил отношения с Витте и двором. В последующие годы Бадмаев еще не раз обращался с «восточными проектами», иногда получал средства. Его ценили и использовали как специалиста по Востоку.

Бадмаев, предлагая свои проекты, был прав в одном — в том, что позиции маньчжурской династии в Китае действительно были очень слабы (и в итоге она оказалась свергнутой в 1911 г.). А из этой ситуации можно было многое получать, что и стремились делать великие державы, включая Россию.

Строя планы на Востоке, царское правительство явно не учитывало, какой огромный резервуар политических и на-

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 81.

циональных сил, враждебных имперской России, скрывается за этим предприятием.

Постройка Транссибирской магистрали шла быстрыми темпами, однако «гроза» разразилась на Дальнем Востоке раньше, нежели царское правительство успело закончить сибирскую дорогу и явиться во всеоружии к своим дальневосточным рубежам.

В августе 1894 г. на юге Корейского полуострова поднялось восстание под лозунгом «долой иностранцев», давшее повод ввести в Корею сначала китайские, затем японские войска. Япония использовала возможность для начала войны против Китая якобы в защиту независимости Кореи. В результате непродолжительной войны Япония одержала победу и оккупировала южную Маньчжурию.

Подписание японо-китайского мирного договора было назначено на 8 апреля 1895 г. В Петербурге об этом узнали в марте, и срочно пришлось принимать решения о будущей политике. Министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский так поставил вопрос перед Николаем II: надо выбирать между Китаем и Японией как возможными союзниками России в будущем. По сути, Лобанов предложил отступить перед агрессором и приступить к дележу Китая совместно с Японией на основе полюбовного соглашения. И царь согласился.

Но вскоре ситуация круто изменилась. Германия, заинтересованная закрепиться в Китае, заявила о своей готовности присоединиться к любому шагу России, чтобы заставить Японию уйти из Маньчжурии. Франция тоже, по словам Витте, вызвалась «собразовать свои действия» с российскими. При этих новых данных вопрос о дальнейших действиях России перешел 30 марта на обсуждение особого совещания правительства. Решительным противником соглашения с Японией и уступки ей южной Маньчжурии выступил Витте. Он заявил, что настоящая война направлена «прямо против России и что если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской железной дороги потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами», — и потребовал предъявления Японии ультиматума об очище-

нии южной Маньчжурии, так как «нам выгоднее решиться на войну теперь».¹

В ходе обсуждения Великий князь Алексей Александрович заявил, что на этом пути Россия наживает себе «вечного врага» и заставляет японцев «силою обстоятельств быть заодно с англичанами». Для Витте вечного врага из японцев делал сам факт постройки Великого пути к Владивостоку. И в совещании министров Витте настоял на своем, пригрозив, что в случае неудачного решения этого вопроса, — «мы рискуем потерять все, что с таким трудом сделано для упорядочивания наших финансов». Витте занял столь решительную позицию по совету Бадмаева, который незадолго перед этим побывал в Пекине и хорошо знал ситуацию. Витте понял, что Япония отступит, если сильно надавить. Как отмечает Е. В. Тарле, «в тех случаях, когда он был уверен, что дело до войны не дойдет, что всегда можно будет вовремя дать задний ход, Витте обнаруживал умение развить максимум энергии и провести вовремя нужное впечатление на противника».²

Б. А. Романов утверждает: «Можно считать документально и исчерпывающим образом установленным, что Витте сыграл решающую роль в определении позиции России к Симоносекскому мирному договору, навязанному Японией разгромленному Китаю». Не вмешайся он тогда в дело, русская дипломатия вступила бы на путь переговоров с Японией для соглашения о разделе Китая. «Это повернуло бы всю торговлю Маньчжурии в сторону Японии, создало бы ей полное политическое преобладание в Пекине и предрешило бы последующее присоединение Кореи, обеспечив великолепный плацдарм для дальнейшей японской агрессии на Азиатском материке».³

В «крайности» Витте готов был уступить Японии, «как победительнице», Порт-Артур и даже южную часть Кореи, «но только не Маньчжурию». Он предложил, отказавшись пока от захватов (дабы не иметь против себя одновременно Китай и Японию), заявить решительно, что «мы не можем допустить занятия Японией южной Маньчжурии», выступая как бы гарантом целостности Китая.

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории... С. 29.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 512.

³ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории... С. 153.

Министр финансов не случайно так отчаянно боролся за Маньчжурию, у него явно были свои цели в этом районе, связанные с прокладкой Великого пути. «Явился вопрос, как направить дальше железную дорогу — по нашими владениям, делая большой круг по Амуру, или в том или другом направлении воспользоваться китайской территорией, т. е. северной частью Маньчжурии. Но вопрос этот не был решен, и никогда даже не было предположения, что мы могли бы достигнуть согласия Китая на проведение дороги».¹ Но у Витте уже созрел план.

Второй этап восточной политики

Второй этап восточной политики Витте связан с активными дипломатическими усилиями по созданию политической платформы для строительства КВЖД. Тем более, что приамурский генерал-губернатор Духовской и директор Азиатского департамента МИДа граф Капнист предупреждали Витте, «что он предпринимает неслыханный и связанный с громадным политическим риском опыт военно-этапной дороги по чужой территории, что дело никак не обойдется без военного занятия Маньчжурии и что, мол, русскому капиталу там делать нечего».² Витте парировал эти соображения тем, что между главными европейскими державами и Японией идет напряженное соперничество и что Россия по необходимости должна следовать образу действий своих экономических соперников. И он начал основательную подготовку.

Прежде всего Россия заявила себя другом Китая и стала как бы гарантом сохранения независимости страны, добившись от Японии отказа от оккупации территории Китая при заключении Симоносекского мирного договора и подписав с Китаем оборонительный договор против Японии.

Японские публицисты и дипломаты, писавшие впоследствии о причинах русско-японской войны, прямо связывали это именно с вмешательством России в Симоносекский договор. Тогда Россия грубо, ультимативно отняла у Японии плоды ее победы, что настроило Японию против соседа.

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 44.

² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории... С. 104.

Министерство финансов оказало китайскому правительству значительную услугу, договорившись с французскими банкирами о предоставлении кредита Китаю для уплаты контрибуции Японии.

Представляет интерес письмо той поры министра иностранных дел России Лобанова-Ростовского своему французскому коллеге от 11 (23) мая 1895 г. «В ответ на Ваше послание я направил Вам письмо, согласованное с господином Витте... Совершенно очевидно, что после всего сделанного нами для Китая мы желаем предоставить ему возможность скорее освободить свою территорию от японцев, а для этого облегчить ему получение займа. Это соображение, хотя и вполне реальное, не единственное мотивирующее наши действия.

Для наших будущих планов не менее важно поставить Китай в какую-либо зависимость от нас и не дать Англии распространять на эту страну свое влияние. Англия господствует на юге Азии, мы не собираемся ее там беспокоить; однако центральная Азия должна быть нашей не в смысле материального завоевания, а для того, чтобы заставить ее служить нашим целям и нашим интересам. Только что высказанные соображения, конечно, предназначены только для Вас лично, чтобы Вы имели ключ к той политике, которую мы проводим».¹

Осенью 1895 г. было принято решение о начале изыскательских работ по строительству железной дороги в Северной Маньчжурии. Но Пекин, несмотря ни на что, не желал давать России железнодорожных концессий. Переговоры посла в Пекине А. П. Кассини об этом в декабре 1895 г. закончились безрезультатно.

Тогда весной 1896 г. Витте организовал приезд в Петербург главного сановника Китая Ли Хун-Чжана, о чем он подробно, но не все, пишет в «Воспоминаниях». Для встречи важного гостя был выслан специальный пароход в Суэцкий канал, на котором председатель правления Русско-Китайского банка князь Ухтомский доставил его в Россию. В Петербурге высокий китайский гость был окружен особым вниманием и заботой. Все было продумано до мелочей: почетный военный караул, экстренный поезд, роскошные апартамен-

¹ Ламсдорф В. Н. Дневник. 1894—1896 гг. С. 170.

ты, многочисленные подарки. Витте присутствовал при туалете Ли Хун-Чжана и в почтительном молчании наблюдал, как слуги натирали его тело благовониями.

Формально высший китайский чиновник был приглашен на коронацию Николая II, но главная цель была скрыта. В результате переговоров в мае 1896 г. было подписано секретное соглашение о строительстве по территории Маньчжурии железной дороги на Владивосток. Витте назвал договор «актом чрезвычайной важности». Как ему удалось этого добиться, можно только гадать. По мнению В. Г. Дацышена, «наверное, это событие никогда не может быть до конца объяснено» по крайней мере его нельзя объяснить ни «традиционной русско-китайской дружбой, ни взяткой Ли Хун-Чжану».¹

Как известно, Витте не был особенно щепетилен в выборе средств достижения своих целей, взятка в его арсенале стала обычным инструментом политики, им был даже создан специальный лихунчжанский фонд в несколько миллионов рублей. Е. В. Тарле называет и конкретную сумму: «в марте 1897 г. Ли Хун-Чжану через посредство князя Ухтомского была передана взятка в 1 миллион рублей за получение концессии на Восточно-Китайскую железную дорогу».² «Старик очень истомился в ожидании», — писал Ухтомский Витте. Министр финансов по-купечески надул сановника, заплатив вместо обещанных трех миллионов всего один.³

Для России подписание договора с Китаем стало началом ее активной дальневосточной политики. По условиям договора китайское правительство доверяло постройку и эксплуатацию дороги Русско-Китайскому банку, который учредил «Общество Китайской восточной железной дороги», его председатель назначался Пекином, однако правление контролировалось Петербургом. Через 80 лет после окончания строительства дорога должна была перейти китайскому правительству, но еще раньше, через 36 лет, Китай формально мог выкупить ее, хотя условия выкупа вряд ли позволяли это сделать.

¹ Дацышен В. Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 37.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. С. 528.

³ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 126.

Торжественная церемония начала строительства КВЖД состоялась в августе 1897 г. на пограничной реке Уше. Однако до фактического строительства произошли важные события, последствия которых никак не вписывались в планы Витте. Осенью 1897 г. Германия в качестве компенсации за убийство немцев-миссионеров потребовала у Китая сдать ей в аренду бухту на побережье Восточно-Китайского моря для устройства базы. Китайское правительство в соответствии с договором обратилось за помощью к северному союзнику. Однако министр иностранных дел М. Н. Муравьев предложил воспользоваться удобным моментом, чтобы получить удобную бухту Порт-Артур на Ляодунском полуострове. Витте был против этого решения: «Прежде чем затевать новое дело, надлежало бы окончить то, за которое взялись, а именно сооружение дороги к Владивостоку через Маньчжурию».¹ Однако граф Муравьев сумел убедить Николая II, и в начале декабря 1897 г. русская эскадра вошла в Порт-Артур. Китайцы радостно приветствовали союзников и только через несколько дней поняли, что стали жертвами вероломного вторжения.

Витте был настолько возмущен поступком Муравьева, что прервал с ним все личные отношения, но сделать что-либо против военной авантюры был бессилён. А здесь еще Куропаткин, став военным министром, заявил о необходимости провести южную ветвь КВЖД, без этого он не считал возможным защищать захваченные пункты.

Китайское правительство под влиянием Англии и Японии не соглашалось на «мирную передачу» России всех этих чисто китайских земель.

Тогда поневоле пришлось вмешаться Витте — «во избежание кровопролития». Он телеграфировал своему агенту в Пекине Покотилову, прося его повидаться и «посоветовать Ли Хун-Чжану и другому влиятельному сановнику Чжан Инь-Хуаню оказать воздействие, чтобы соглашение было достигнуто». «Причем я пообещал как первому, так и второму сановнику значительные подарки, а именно первому 500 тыс. рублей, второму 250 тыс. рублей. Это был единственный раз, когда в моих переговорах с китайцами я прибег к заинтересо-

¹ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа Витте. Пг., 1916. С. 46.

ванию их посредством взяток». ¹ Здесь Витте явно лицемерил. Судя по «Воспоминаниям», Витте так и не понял, что он развращал не только старого сребролюбца Ли Хун-Чжана и других сановников Поднебесной империи, но прежде всего Николая II, Муравьева, Куропаткина и всех тех, с кем ему пришлось бороться. В самом деле, почему не попытаться захватить чужую территорию, коль риска-то нет. В случае чего выручит министр финансов и умаслит кого нужно посредством взятки. Что будет потом, это волнует мало царя и его двор.

Ли Хун-Чжан принял взятку и сейчас же уладил дело: Квантунский полуостров был отдан России в аренду. Николай II, которому Витте «объяснил причину внезапной уступчивости Китая, ответил, что это так хорошо, что даже не верится». Витте гордился данной похвалой, хотя понимал, что обладание Квантунским полуостровом повлечет гибельные для России последствия.

Как отмечает Е. Тарле, в этом человеке удивительным образом сочетались проницательный политик, видевший будущее и со скорбью поэтому смотревший на захват чужих земель, и одновременно ловкий политический делец, техник, царедворец, который полагал своей честью исполнить задание своего повелителя, обнаружив при этом умение и находчивость, независимо от внутреннего смысла поручения. ²

Вдохновленные легкими успехами царь и его окружение продолжали авантюрную политику. Однако Витте, по возможности противодействуя этому, прилагал все усилия к реализации плана строительства КВЖД и экономического освоения Маньчжурии.

Третий этап восточной политики

В 1898 г. в Северо-Восточном Китае развернулась «великая стройка». Одновременно по нескольким направлениям началось строительство железнодорожной линии, основная длина которой составляла 2500 км, а вместе с боковыми ветками — более 3000 км. Одновременно сооружалось 107 железнодорожных станций, поселки, города, в том числе Харбин и

¹ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994. С. 17.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 528.

Дальний, начатые почти на пустом месте. Строилось четыре тоннеля, один из которых длиной более 3 км, железнодорожные мосты, некоторым строительным объектам не было равных в России того времени. Активно развивается судоходство по реке Сунгари, строится международный коммерческий порт Дальний, самая современная военно-морская база Порт-Артур и др.

«Создается впечатление, — пишет В. Г. Дацышен, — что С. Ю. Витте, а вместе с ним и Петербург руководствовались лозунгом: „Могущество России будет прирастать богатствами Китая“. И это в то время, когда рядом находились не менее богатые земли востока России, нуждавшиеся в значительном вложении капитала».¹

Возникла внешне парадоксальная ситуация: Россия, которая сама остро испытывала недостаток капиталов, в то же время вывозила его в соседнюю страну, развивая ее экономически и технически. Назвать политику России в отношении Китая ни империалистической, ни даже капиталистической нельзя, — считает Дацышен. Перед Россией не стояла проблема вывоза капитала, она нуждалась в его ввозе. С. Ю. Витте под гарантии русских штыков обеспечивал выгодное вложение в Китае французских капиталов. Не было в России и особого избытка товаров, по крайней мере для дальневосточного рынка.

Б. А. Романов считает, что Витте отстаивал здесь превентивную политику, учитывавшую и предвосхищавшую будущие возможности и потребности русского капитала, тем более что у него уже был пример, внушавший надежду. Крупнейшие банки России показали способность мобилизовать капитал вслед строящемуся Сибирскому пути. Так, в мае 1895 г. образовалось золотопромышленное общество с капиталом в 5 млн рублей, 60 % акций — русских (во главе С.-Петербургский учетный и С.-Петербургский Международный банк) и 40 % из французских банковских домов — для работы по всему протяжению Сибири. «Почему не пойдет русский капитал на дешевый желтый труд по пятам и Маньчжурской дороги?» — задавал вопрос Витте.

Русский капитал был в силу особых отношений двух стран тесно связан с французским, французские банки еще в

¹ Дацышен В. Г. Русско-китайская война... С. 39.

1894 г. были вовлечены в создание Русско-Китайского банка, который должен был развернуть работу на всем пространстве к востоку от Урала и особенно в Китае. Именно через этот банк и оказалось возможным провести расчеты по сооружению КВЖД. Русско-Китайский банк и образованное им общество КВЖД, работая параллельно, должны были осуществить «экономическую аннексию». Причем царское правительство выкупило у банка все акции общества (на 5 млн рублей) и в дальнейшем брало на себя все облигационные займы, выпускавшиеся Обществом для ведения строительства и эксплуатации дороги. До 1904 г. казна выложила, таким образом, 400 млн рублей. В правлении Русско-Китайского банка (который формально оставался инвестором) сидели люди, назначенные министром финансов. Так «мирными методами банковской деятельности» Россия осваивала Китай.

Кроме Русско-Китайского банка в финансовые комбинации в Маньчжурии был вовлечен и Санкт-Петербургский Международный банк с участием германского капитала во главе с Адольфом Ротштейном. Именно Ротштейн был доверенным лицом Витте, которому тот поручал многие важные дела, например устройство займа Китаю в Париже в 1895 г., он же участвовал и в делах Русско-Китайского банка как крупный акционер. Когда в 1897 г. был создан синдикат для исследования рудных богатств Китая, в него, конечно, вошли указанные банки, а в правление — Ротштейн.

В этот период в царском правительстве намечалось расхождение двух политических линий — «капиталистов» и «феодалов». Вторые устами военного министра А. Н. Куропаткина и министра иностранных дел М. Н. Муравьева никак не разделяли симпатий Витте к интересам банков.

Во всеподданнейшем докладе 1900 г. Куропаткин строил предположение, что в недалеком будущем русской армии придется сражаться не за веру, царя и отечество, а в значительной степени за интересы «крупных промышленных королей: ситцевых, сахарных, железнодорожных, мануфактурных и прочих». Муравьев язвительно называл Русско-Китайский банк «Французко-Китайским».

В итоге борьбы двух мнений «капиталистическая» линия взяла верх, поскольку действовала в Маньчжурии в благоприятных условиях. Деньги на строительство и освоение территории, щедрой рукой министра финансов, выделялись огром-

ные, «здесь на зависть всем „путейским” в России, наживаясь и хватая взятки, составляли огромные состояния. Имея в виду этот русский Клондайк, поговаривали уже и о „Желтороссии”. Там не спрашивали ни о национальности, ни о происхождении, ни даже о политическом прошлом, а говорили — „маньчжурец”».¹

В Харбине и других городах возникли большие русские колонии, оказавшие заметное воздействие на последующую историю Маньчжурии и Китая.

К этому периоду относится и появление «безобразовской шайки», с которой постоянно конфликтовал Витте. Эта группа придворных, имевших сильное влияние на царя, составила в начале 1898 г. из самых ура-патриотических, феодальных элементов на предмет устройства акционерной компании для эксплуатации богатств Кореи, для получения концессии на реке Ялу. В состав группы вошли великий князь Александр Михайлович, предприимчивый зять царя, граф И. И. Воронцов, князья Юсупов, Щербатов, Козловский, бывший полковник, помещик Вонлярлярский, адмирал А. А. Абаза и, наконец, сам А. М. Безобразов — душа всей «шайки», ее идеолог и говорун, часами способный услаждать ура-патриотическим, безудержным, разухабистым красноречием своего «хозяина», как запросто между собой называли они царя. По характеристике Б. А. Романова, Безобразов — это прототип черносотенца, слыл даже у своих за «полупомешанного», но себя оценивал высоко, считая специалистом в любой сфере, в том числе и в международной политике.

Неспособный как предприниматель создать крупное дело, Безобразов искал в условиях разнузданной капиталистической стихии в Маньчжурии свои интересы, но, не удовлетворив их, обратил гнев на конкурентов. Он грозил им ответственностью в административном порядке, прикрываясь именем царя. Лютой была ненависть Безобразова к Витте, как инородцу и представителю враждебной системы. Правда, после аренды Порт-Артура и формального отказа по договору (15 апреля 1898 г.) от каких бы то ни было политических преимуществ в Корее проект безобразовцев потерял основу, и Витте с помощью «служебной эквилибристики» смог отбить их претензии. Но Витте выиграл только отсрочку. Главари

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории... С. 110.

штаба «безобразовской шайки» открыли после этого бешеную травлю «господина Витте и его системы» во дворце на политической почве.

А Витте упорно продолжал гнуть свою линию. Быстрыми темпами строилась железная дорога, росли поселки, города, как грибы после дождя возникали новые предприятия, рудники, торговые заведения. К 1900 г. русский капитал составлял в Китае 144 млн рублей, правда занимая лишь третье место по объему вложений после Англии (380 млн руб.), и 226 млн французских вложений в китайские займы. Деньги российских предприятий Общества КВЖД составляли не более половины указанной суммы. Возмещение их, не говоря уже о чистом доходе, было еще очень далеко и всецело зависело от условий эксплуатации при сложной международной обстановке в этом районе.

Никогда прежде международный империализм не вторгался на китайскую территорию с такой настойчивостью и пренебрежением к национальным интересам страны. Сотни тысяч квадратных километров отхватывались и попадали в кабалу к иностранцам под предлогами «дружбы» и «компенсаций», на началах «аренды». Немудрено, что этот натиск «иностранных чертей» порождал панику и озлобление в феодальной верхушке Маньчжурской династии, формировал национально-либеральное движение и поднимал грозное брожение в народных массах. К 1900 г. это брожение от спорадических вспышек перешло в подлинно народное восстание. Свой вклад сюда внесла и японская сторона, пропагандировавшая идею о соединенной самозащите «желтой расы» от европейской опасности и предлагавшая помощь в организации столь необходимых Китаю военной и финансовой реформ.

Наряду с японским в эти годы росло и английское влияние в Пекине в результате прежде всего ослабления позиций русской дипломатии.

Бесцеремонности с арендой Порт-Артура, требования концессий на железную дорогу к Пекину и другие подобные «достижения», возмущившие китайцев, встали «гирями на английскую чашу весов». С уходом из состава центрального правительства 1898 г. Ли-Хун-Чжана, поплатившегося за взятки, для России исчезли единственная точка опоры в Пекине и связь с покоями самой императрицы Цы-Си, ко-

торая поддавалась теперь все большему японскому влиянию.

Наконец, в Китае активизировалась политика США. Американская доктрина «открытой двери» имела целью в первую очередь изгнание России из северного Китая с помощью японской военной машины.

Таковы были неблагоприятные симптомы для российской политики на Дальнем Востоке. Витте в частном разговоре с Половцовым 6 апреля 1900 г. ясно видел, что «силы японцев сегодня таковы, что в случае объявления нам войны мы не могли бы удержать Порт-Артур».

В этот период восточная политика Витте подверглась тяжелейшим испытаниям, которые усугублялись экономическим кризисом в России. Ведь все расчеты делались на вывоз в Маньчжурию капиталов, и требовалось бесперебойное финансирование для завершения строительства КВЖД в срок. А здесь еще народное восстание «Ихэ-туань», охватившее провинции Северного Китая и непосредственно зону строительства КВЖД. Из-за первоначального значения слова «цюань» — кулак — европейцы называли повстанцев «боксерами», откуда и пошло неправильное название «боксерское восстание», которое использовал и Витте в «Воспоминаниях». В них он трактует причину восстания в захвате Квантунского полуострова и других агрессивных действиях России в Китае — в чем обвинял Муравьева и Куропаткина. На самом деле причина была не только в этом.

Для китайского населения русские в Маньчжурии оказались незваными гостями, которые к тому же вели себя довольно бесцеремонно. «Огромная стройка разрушала привычный уклад жизни китайцев, большие деньги притягивали в этот край жуликов, авантюристов, хунхузов. Русские не знали страны и, похоже, не желали узнать ее», — пишет В. Г. Дацышен. Не пытались они и как-то воздействовать на общественное мнение китайского населения. Не издавалось ни одной газеты для китайцев, не строили школ, больниц, не проводили миссионерской работы. Впереди западноевропейских завоевателей, как правило, шел священник, за ним купец, русский же инженер шел не со священником, а с казаком и китайцем-переводчиком, от которого многое зависело в установлении контактов с населением.

А. И. Деникин, служивший в охране КВЖД, характеризовал строителей как авантюристов. «В их руках находилась фактически полная власть в отношении туземного населения».¹ Особую неприязнь у местного населения вызывали казаки и солдаты охранной стражи КВЖД. Они видели себя здесь в роли победителей-завоевателей и вели себя подобным образом.

По договору 1896 г. о строительстве КВЖД запрещался ввод русских войск в пределы Китая, но пункт 5 разрешал Обществу КВЖД нанимать иностранцев для целей охраны. Охранная стража была сформирована в основном из казаков Европейской России. В 1898—1899 гг. вдоль строящейся дороги было размещено 8 рот охранной стражи численностью 2000 человек, затем их число заметно выросло. Казак-охранник стал важнейшим действующим лицом на КВЖД. Казаки охраняли важные объекты, несли почтовую службу, выполняли мелкие вспомогательные работы. Примечательно, что Витте, сугубо штатский человек, стал шефом Охранной стражи и даже получил генеральский мундир.

Уже в 1898 г. Россия стала реальной силой в Маньчжурии, «русский чувствовал себя „цивилизатором-благодетелем“, однако в глазах китайцев пришельцы из России оставались „варварами“, опиравшимися на силу».²

Выступления против русских начались почти сразу после начала строительства КВЖД. С 1898 г., по словам Витте, «недоразумения между русскими и китайцами постепенно стали учащаться». Активная, но слабо подготовленная дальневосточная политика Российской империи, особенно в отношении Маньчжурии, привела к ухудшению русско-китайских отношений, — считает Дацышен. Вызревание конфликта и привело к восстанию «Ихэ-туань», которое, он полагает, правильнее называть русско-китайской войной 1900 г.³

Драматические события восстания «Ихэ-туань» и связанное с этим небывалое жестокое подавление его европейскими державами с участием России, которая ввела войска на территорию Маньчжурии, нанесли не только огромный политический ущерб, но и огромные потери в ходе строительства

¹ Деникин А. И. Русско-китайский вопрос. Варшава. 1908. С. 14.

² Там же. С. 44.

³ Дацышен В. Г. Русско-китайская война... С. 11.

КВЖД. Восставшие разрушили построенные пути на протяжении 900 км, уничтожили многие важные объекты.

После поражения восстания в Пекине 7 сентября 1901 г. с правительством Китая был подписан договор, по которому китайская сторона обязалась заплатить «странам-победителям» 500 млн руб. в возмещение «убытков». На долю России пришлось 184 млн руб. (тут были убытки КВЖД — 70 млн руб., прямые военные расходы — 100 млн руб. и проценты на эту сумму). Министр иностранных дел Ламсдорф тогда хвастал, что «это был редкий пример вполне оплаченной войны». На деле сумма была рассредоточена на длительный срок, а уплаты поступали неаккуратно. И Витте пришлось искать займы, чтобы немедленно покрывать суммы издержек.

В конце концов КВЖД вопреки всем препятствиям была достроена. Значительно — на 1300 верст — сократился Великий путь до Владивостока, что давало выигрыш в средствах и во времени строительства. В районе строительства возникла зона деловой активности, где рыночная стихия обрела свою полную силу.

Ответ о смысле восточной политики Витте может, видимо, содержаться в том, что Россия боролась за плацдарм и за мировые транзитные пути, обладание которыми само по себе дает большие доходы и политическую силу. «КВЖД — это своеобразный „Великий шелковый путь“ нового времени, за который боролись не для того, чтобы продавать свои товары, а чтобы покупать без посредников и получать торговую ренту».¹ Это понимал даже военный министр А. Н. Куропаткин, который во всеподданнейшем докладе царю в марте 1900 г., объясняя причины русской экспансии на востоке, писал, что в отличие от Англии и Германии, которые «не могут существовать без захватов новых рынков для настоящих поколений», Россия «втягивается» в борьбу за рынки лишь для будущих поколений, расходуя силы и средства поколения живущего.

Витте явно выражал геополитические интересы правящих кругов России, КВЖД в будущем обещала развитие востока России и усиление позиций империи на Тихом океане. Но этот путь был очень сложным и опасным, он требовал огромных затрат страны, и экономических, и интеллектуальных, и очевидно, платы кровью. Но в конце XIX в. и эконо-

¹ Дацышен В. Г. Русско-японская война... С. 40.

мическая ситуация в России, и политическая — на Дальнем Востоке благоприятствовали этой восточной политике. Петербург бросил все свои силы на колонизацию Маньчжурии, огромного куска своего хоть слабого, но союзника. Путем мирной экономической экспансии Витте надеялся достичь целей, однако дело обернулось русско-японской войной и позорным поражением России.

7.3. Русско-японская война и Портсмутский мир: роль Витте

Русско-японская война стала началом больших потрясений России в XX в. Поражение в войне вызвало чувство национального позора и унижения, стало детонатором первой русской революции. Огромные военные затраты подорвали финансы страны, разрушили планы экономического развития Витте. Анализу причин русско-японской войны посвящено немало исследований, среди которых можно выделить фундаментальный труд Б. А. Романова.¹

Витте в «Воспоминаниях» довольно подробно описывает события, предшествовавшие началу войны, и ее ход, при этом, естественно, излагает свою версию, которая оказалась очень живучей. Вопрос о причинах и ответственности за японскую войну отразился в многолетней полемике, которую вел Витте со своими противниками. Ожесточенность взаимных обвинений его с членами «безобразовской шайки» связана, помимо всего прочего, с тем, что в представлении общественных кругов виновники войны оказались заодно и виновниками революции 1905 г. Как убедительно показывает Б. А. Романов, версия событий, изложенная Витте в мемуарах и усиленно распространявшаяся им, является в ряде случаев искаженной и требует разъяснений. Установить истинную роль Витте в войне с Японией и в заключении мирного договора в Портсмуте оказалось непросто. Для этого необходимо прежде рассмотреть события, предшествовавшие началу войны в 1904 г.

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.: Л., 1955.

Положение Витте в царском правительстве до конца 90-х годов было довольно устойчивым. Активность и успехи его экономической политики, особенно укрепление финансовой системы, завоевание им международного авторитета рядом внешнеполитических акций обеспечили ему особое, ведущее положение среди министров. Видимо, это послужило позднее основанием для немецкого историка Г. Хальгартена сказать, что Витте был «почти вице-царем». Особое значение имел тот факт, что царь долгое время почти безоговорочно поддерживал его программу. Николай II, как и Александр III, видел в системе Витте единственное средство поддержания стареющего организма самодержавия.

Однако, как отмечают многие исследователи, отношения между Николаем II и Витте были очень непростыми. Академик Тарле так определяет их взаимоотношения: «Со стороны Витте по отношению к Николаю — недоверие и презрение; со стороны Николая к Витте — недоверие и ненависть».¹ Ненависть накопилась за те унижения, которые претерпел тщеславный, но слабый монарх, которым Витте, используя интеллектуальное превосходство, манипулировал многие годы. Однако нельзя забывать (что нередко делает Витте), что только благодаря поддержке царя стали возможны осуществление денежной реформы и другие крупные преобразования.

Как бы то ни было, но и царю приходилось дорожить услугами Витте — другого такого не было. И хотя у министра финансов всегда хватало недоброжелателей, которые пытались настроить против него монарха, долгое время им это не удавалось. Ситуация стала меняться, когда разразился экономический кризис, вину за который многие возлагали на Витте. Видимо, и Николай II понял, что он не так всемогущ, как ему казалось.

В 1900 г. произошли выгодные для Витте изменения в составе правительства: место скончавшегося министра иностранных дел М. Н. Муравьева занял В. Н. Ламсдорф, а пост министра внутренних дел вместо И. Л. Горемыкина получил Д. С. Сипягин. Таким образом, Витте удалось создать нечто вроде «объединенного кабинета», к чему он давно стремился

¹ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 514.

и что на время поддержало его позиции. Упорная борьба Витте с Безобразовым и компанией длилась, не прекращаясь, с 1898 г.; у Николая II и Безобразова в сущности не было поддержки в Комитете министров, тем не менее министры хотя и проявляли беспокойство, но боялись резко встать на сторону Витте в силу большого влияния «шайки» при дворе. Когда Безобразов попробовал в начале 1902 г. в очередной раз найти соглашение с Витте, то вполне убедился в совершенной невозможности какого-либо компромисса. «Хотя я глубоко ненавижу и презираю г. Витте и его систему, но никакая борьба с Витте стала невозможна с назначением его председателем совещания по сельскому хозяйству», — писал он Николаю II 18 января 1902 г.

Это была важная победа Витте, достигнутая посредством «служебной эквилибристики» с помощью крепостника Сипягина. Прodelано все было так, что инициатива исходила от министра внутренних дел, а Витте только согласился на «неожиданное» предложение царя, хотя сам он был истинным инициатором совещания.

Убийство 2 апреля 1902 г. Сипягина разрушило эту коалицию. Важный пост министра внутренних дел занял В. К. Плеве, с которым у Витте всегда были натянутые отношения. Хотя Витте изначально и попытался привлечь его на свою сторону, но тот предпочел присоединиться к «безобразовской шайке», что более соответствовало его жандармскому мышлению. И тогда всевластию Витте наступил конец. У него появился в лице Плеве сильный соперник, которому симпатизировал и Николай II, искавший точку опоры своему «обольстительному самовластью» в восточной политике. Так в правительстве открылся «внутренний фронт». В условиях экономической депрессии и сомнительного положения на Дальнем Востоке продолжать наводнять и далее Маньчжурию капиталами было нереально, и процесс застопорился.

Что касается политики на Дальнем Востоке, то «безобразовская шайка» с Плеве берет в свои руки дипломатическое руководство не раньше как после отставки Витте. До того они много шумят за кулисами и обрабатывают Николая, который информирует их о действиях Витте, в руках которого по-прежнему продолжала оставаться вся дипломатическая кухня. В отношении Японии Витте твердо стоял на мысли, что Маньчжурию, она, Япония должна считать для себя «бе-

зусловно и навсегда потеряной»,¹ но зато можно было бы (временно или даже совсем) поступиться Кореею, если только Япония, представит за это соответствующие компенсации. В отношении англо-американского блока Витте столь же твердо стоял на мысли, что эвакуация русских войск из Маньчжурии может быть проведена не иначе как при гарантии, что интересы русского капитала здесь будут «ограждены», т. е. иностранный капитал, никак не связанный организационно с русским, в Маньчжурию допущен не будет.

Побывав осенью 1902 г. в Маньчжурии, Витте поднял вопрос о необходимости новой концессии на железнодорожную линию до Гирина, с тем чтобы до отвода российских полевых войск «занять» войсками Охранной стражи все главные города Маньчжурии. Одновременно он выступил с проектом заселения полосы отчуждения по КВЖД русскими и даже образования целых солдатских поселков из нижних чинов, увольняемых в запас. Во Французском посольстве в Петербурге после поездки Витте заговорили о «резкой перемене взглядов», дальневосточная политика явно приобретала новые черты, имперские аппетиты России росли.

Однако они плохо увязывались с событиями на местах. В августе 1902 г. Англия заключила соглашение с Китаем, по которому в ближайшем будущем на Маньчжурию должна была распространиться компетенция ведомства китайских морских таможен, находившихся в руках англичан. Япония предложила признать за Россией только «железнодорожные интересы» в Маньчжурии. Наконец, шли тревожные вести с мест, что шанхайские иностранцы имеют маньчжурские концессии, купленные ими у китайцев, и готовы броситься туда. Витте пришлось маневрировать и юлить, и мирная дипломатия Витте вступила на путь промедления. А Плеве откровенно поощрял экспансию на Дальнем Востоке. Он поддерживал безобразовцев, действовавших в обход правительства. Линия Витте подверглась резкой критике. Его оппоненты поставили вопрос, на каком основании вообще финансовое ведомство вмешивается во внешнеполитические дела?

Стало ясно, что для Японии наступил благоприятный момент для вытеснения из Маньчжурии России, против кото-

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 гг. М.; Л., 1955. С. 111.

рой обернулись и интересы Англии и США. Война «стала стучаться в окно», Япония вела интенсивные военные приготовления, в то время как русская дипломатия терпела поражение за поражением в борьбе за укрепление своего влияния в Маньчжурии.

В конце концов, это вызвало появление «нового курса» в политике царя. Первым выражением этого курса стало назначение внештатного советника царя Безобразова статс-секретарем. 17 мая 1903 г. Николай II собрал совещание министров, где представил нового статс-секретаря (такое звание имел и Витте) и огласил содержание «нового курса», означавшего ужесточение позиции России в отстаивании исключительного права на Маньчжурию: «Необходимо в минимальный срок, и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами».¹

Витте и Ламсдорф на том совещании практически не признали «нового курса», Витте утверждал, что новые ассигнования казны на военную подготовку «нанесут тяжелые удары по экономическому положению русского народа».

Чувствуя сопротивление, «безобразовская шайка» придумала «гениальный» ход, на Дальний Восток наместником был назначен адмирал Е. И. Алексеев — ставленник этой группы. В руки наместника перешла вся внешняя и внутренняя политика России на Дальнем Востоке, а Витте оказался не у дел. Причем сделано это было так, что Витте, Ламсдорф и другие министры узнали об этом «из газет». С этого момента бороться стало невозможно. Проигрыш был налицо.

Измотанный в непосильной борьбе Витте тяжело переживал ситуацию. Именно в эти дни его увидел А. Ф. Кони: «Я встретил Витте в июне 1903 г., проживая в Сестрорецком курорте. Он приехал верхом и ходил, то ускоряя, то замедляя шаг, по крытой длинной галерее близ морского берега, досадливо и с явным невниманием слушая какие-то объяснения старшего врача курорта. Я едва узнал в этом согнувшемся, мешковатом с потухшим взором и тревожным лицом человеке самоуверенную и энергичную фигуру министра финансов. Он заговорил, но я видел, что это лишь минимальные

¹ Там же.

фразы, что он даже не слушает моих ответов и что он оглушен шумом внутренней тревоги, среди злобного торжества многочисленных врагов радуется встрече с человеком, который не учинил ему никакой неприятности. Я понял, что над ним нависла грозная туча».¹

Шли дни, Витте, будучи лишен всяких средств борьбы, умом понимая полную невозможность своего пребывания у власти, мог еще мотивированно подать в отставку, придав ей характер яркого протеста против «черного дела», творящегося во дворце. Несомненно, что это имело бы большой резонанс в стране и за рубежом, стало бы историческим фактом. «Но где там, — пишет Е. Тарле, — властолюбец не в силах был добровольно уйти и просто ждал, непонятно чего, в состоянии анемии».² И дождался — 16 августа 1903 г., Николай II попросил, чтобы Витте привез к нему в Петергоф управляющего Государственным банком Плеске. Государь спросил мнения Витте о нем. Мнение оказалось хорошим. Тогда царь сказал: «Сергей Юльевич, я вас прошу принять пост председателя кабинета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске».³ Вот так, без особых эмоций, повествует Витте в «Воспоминаниях» о своей первой отставке, зафиксировав только удивление по поводу неожиданного решения. На самом деле, конечно, эмоции были, их ярко описывает И. И. Колышко, как бы обращаясь к бывшему шефу Витте: «Помните хмурый день, когда из Петергофа телефонировали мне в Царское — немедленно прибыть в Петроград и встретить вас на Балтийском вокзале? Помните ваш жест и ваше первое слово? Ваш жест был — удар ногой под известную часть тела. А ваше слово „выгнали“. На вас лица не было. И вы безнадежно шептали: „Председатель комитета министров... смотритель цейхгауза... Витте променять на Плеске“. Мелькнула мысль — почему же вы не отказались? Не лучше ли было бы, чтобы Витте ушел, как Бисмарк?... Однако довольно! Председатель комитета министров — особа первого класса, значит меня спланировали с повышением». Лукавая усмешка, мрачный блеск глаз, и все вошло в норму.»⁴

¹ Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925. С. 28.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 538.

³ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 244.

⁴ Баян. Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин. Б. г. С. 26.

Получив отставку с поста министра финансов, Витте с семьей уехал в Париж, тем более что новая должность была второстепенной по значению и не требовала постоянного присутствия в Петербурге. В Париже не понимали причин неожиданной отставки Витте, так же как не понимали там и назревающей дальневосточной драмы. «Гулливер переехал с берегов Невы на берега Сены, но все-таки чувствовал себя среди лилипутов», — образно замечает Е. Тарле. «Министр иностранных дел Франции Делькассе (а он считался выдающимся министром в третьей республике) всюду авторитетно говорил, что по имеющимся у него достоверным сведениям войны быть не может. Другие ему вторили».¹

Оптимизм царил и в Петербурге, «Государь в отличном настроении духа», — передавал министр двора барон Фредерикс. Наместник Алексеев вел провокационную политику, возмущаясь «нахальством Японии» и постоянно советуя начать военные действия. Николай II заявлял, что «войны не желает, но если Япония и Китай не подчинятся, то это потому, что мы с ними церемонились, с ними можно действовать, только внушая страх и не делая уступок, если же и сделать какую-либо уступку, то как милость белого царя». Витте так сформулировал строй царских мыслей: «Одним словом, я войны ни за что не начну, а они не посмеют, — значит, войны не будет». Когда Вильгельм II предупредил Николая о грандиозных военных приготовлениях, идущих в Японии, тот ответил: «Войны не будет, так как я ее не хочу».²

Когда осенью 1903 г. Витте вернулся в Петербург, его посетил японский посол Курино, не желавший войны. Он жаловался, что на японские ноты ответы даются спустя месяцы, что Алексеев ведет дело к войне, что Япония раздражена. Курино уже в январе 1904 г., за несколько дней до нападения японцев на русские броненосцы, предупреждал Витте, что война вспыхнет через несколько дней, если Россия не даст ответа. Но что мог сделать бессильный Витте, лишь передать об этом столь же бессильному министру иностранных дел Ламсдорфу. И война началась.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 539.

³ Там же. С. 540.

Японская война и ее исход

Несмотря на все заявления царя, «маленькая победоносная война» ему была необходима для укрепления падающего авторитета самодержавной власти. В России назревала революция, участились выступления крестьян, нарастало забастовочное движение. Царь и его окружение искали выход и сделали ставку на «партию войны», приблизив к трону Безобразова и компанию. К тому же существовали иллюзии, порожденные легкими победами русской армии во время русско-китайской войны в Маньчжурии в 1900—1901 гг. Явно недооценен был военный потенциал Японии.

В российском обществе отношение к начавшейся войне было далеко не однозначным: ультра-патриоты всячески подогревали шовинистические настроения, но не всех они захватили. Вот как описывает обстановку тех дней непосредственный участник событий В. В. Вересаев: «Патриотический подъем, манифестации с царскими портретами, пением „Боже царя храни!“ Но кругом, в интеллигенции, было враждебное раздражение отнюдь не против японцев..., что теперь с особой яркостью бросилось в глаза — та невиданно-глубокая, всеобщая вражда, которая была к начавшим войну правителям страны: они вели борьбу с врагом, а сами были для всех чужаками, самыми ненавистными врагами».¹

Судя по воспоминаниям Витте, он с первого дня не питал ни малейших иллюзий относительно ее исхода. Но его переписка с главнокомандующим Куропаткиным дает несколько иную картину. Интересно, что в самом начале войны, видимо, под воздействием патриотического психоза вокруг Витте отдал дань надеждам на победу русского оружия. Более того, он даже высказал опасение, как бы эта победа не оказалась слишком быстрой и решительной. «Покуда мы будем бить японцев на суше, — писал Витте, — никто в Европе в дело не вмешается. Но если мы пожелаем иметь преобладающее влияние в Тихом океане, т. е. уничтожить Японию у себя — ее флот, — то мне чужется, что без вмешательства не обойдется».²

¹ Вересаев В. В. На японской войне // Соч.: В 5 томах. М., 1961. Т. 3. С. 4.

² Письмо С. Ю. Витте А. Н. Куропаткину. 19 апреля 1904 г. // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 70.

Впрочем, он быстро вернулся к прежнему скепсису, изменился тон его посланий, они запестрели эпитетами «бесцельная», «ненужная война», «теперь дай бог уйти без срама», что было контрастно с официальным, казенным оптимизмом. «А успехи японцев шли за успехами, но Куропаткин спокойно и грозно заявил, что мир будет заключен только в Токио», — пишет Вересаев. И ниже: «О Куропаткине отзывались хорошо. Говорили только, что он связан по рукам и ногам, что у него нет свободы действий. Было непонятно, как сколько-нибудь самостоятельный и сильный человек может позволить связать себя и продолжать руководить делом».¹

Пессимизм Витте объяснялся не только известиями о сплошных неудачах на театре военных действий. Еще большее беспокойство вызывало развитие событий в самой России. Весной 1904 г. революционное движение внешне несколько затихло, но Витте интуицией политика чувствует неладное: «Кажется, происходит скрытый психологический процесс в населении, который может дать много огорчений».²

В июле 1904 г. министр внутренних дел Плеве пал жертвой террористического акта. По свидетельству русского посла в Берлине Н. Д. Остен-Сакена, Витте, узнав от него об этом, буквально просиял. Он откровенно сказал удрученному послу, что воспринимает убийство Плеве как сигнал к действию: «Вы думаете, граф, что нет людей, которые бы не знали, что нужно делать, да вот я, у меня готов весь план действий для успокоения умов».³ Вернувшись в Петербург, Витте развернул активную закулисную деятельность, чтобы занять важный пост министра внутренних дел, о чем он умалчивает в «Воспоминаниях», но что было известно окружающим. Его усилия в тот период не дали результатов. Тут сказалось, очевидно, и отторжение Витте в тех придворных кругах, которые тогда верховодили, и, безусловно, личное неприязненное отношение к нему царя.

Как уже отмечалось, в отношениях царя к Витте преобладала ненависть, ненавидел он его прежде всего за то, что вследствие нетерпеливой манеры Витте не умел скрыть пол-

¹ Вересаев В. В. На японской войне. С. 46.

² Цит. по: Корелин А. П., Степанов С. А. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 143.

³ Там же.

нейшее свое неуважение к Николаю. «Ум, любя простор, теснит», и конечно, огромный Витте теснил собой маленького, внешне корректного государя, постоянно оскорблял его, сам того не замечая, — пишет Е. Тарле. — Но была причина, по которой царь вынужден долго терпеть все это: без Витте нельзя было обойтись. Всегда, когда требовался большой ум, изворотливость, приходилось, хоть со скрежетом зубным, обращаться к нему».¹ Перед войной и в ходе ее Витте не требовался, ибо Безобразов и Алексеев рвались в бой, гарантируя победу. Но когда поражение стало очевидно, Витте вдруг опять становится нужным и даже неизбежным.

Прежде всего нужно было поправить финансовые дела. И царь обращается к Витте с просьбой взять на себя переговоры с Германией о новом торговом договоре, поскольку 10-летний срок истекал. Опять ему предстояла схватка с немцами, но условия были уже совсем иные, чем в 1894 г. Не осталось и следа от былой мощи и авторитета России того времени. Германия готовилась пожать обильные плоды провалов дальневосточной политики России и взять реванш. А министр финансов Плеске говорил, что Россия должна будет прибегнуть к займам на дальнейшее ведение войны и что нужно уступить по вопросу о торговом договоре, лишь бы обеспечить за собой германский денежный рынок.

Витте, будучи реалистом, понимал, что при данных обстоятельствах предлагать борьбу бессмысленно. Тем не менее, «отстояв все, что можно», он вопреки сопротивлению канцлера Каприви смог добиться разрешения германского правительства на получение крупного займа, предприняв при этом нестандартные шаги, которые интересно описывает Е. В. Тарле.

Когда Витте находился еще в Германии, блеснул луч надежды на близкий конец «позорной и бессмысленной» войны, затеянной на Дальнем Востоке. Пришло известие, что Япония не прочь заключить мир и что японский посол в Лондоне, барон Хаяси, хочет встретиться с Витте. Но все это провалилось, поскольку Николай II и слышать не желал о мире. Он даже перед Цусимой не хотел говорить о мире. Как отмечает Витте, «государь по свойственному ему оптимизму полагался на лучшее. Ведь Серафим Саровский предсказал, что

¹ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 541.

мир будет заключен в Токио, значит, только одни жида и интеллигенты могут думать противное».¹ А война с Японией продолжалась не полгода, а полтора и заключилась позорным поражением России.

После войны долго шли дискуссии о ее причинах и виновниках, Витте обвинял своих противников в авантюризме, агрессивности, безответственности, а безобразовские предприятия на р. Ялу в Корее представлял не только как главную, но и единственную причину войны. Версия Витте о происхождении русско-японской войны умело им была распространена и поддерживалась многие годы.

Трудами Б. А. Романова позже доказано в отношении вины за развязывание войны, что разница между Витте и Безобразовым была на самом деле не так уже и велика, экономическая экспансия России на Восток обернулась войной.

Переговоры в Портсмуте

После гибели русского флота в Цусимском проливе в мае 1905 г. Николай II вынужден был думать о мирных переговорах. Ему опять пришлось идти на унижение и просить Витте возглавить делегацию. Произошло это по все той же причине: не было налицо другого человека, который рискнул бы взять на себя подобную задачу. Один из кандидатов, А. П. Извольский, так и заявил, что единственно кому можно было дать такое трудное поручение, — это Витте ввиду его авторитетности как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

Царю очень трудно далось такое решение, пишет Е. В. Тарле. Восемь лет подряд отвергать все требования, советы, предостережения, увещевания Витте и до войны, и во время, совершить одно за другим все безумства, гибельные последствия которых Витте наперед указывал, и просить после этого того же Витте, чтобы он ликвидировал эти последствия, потому что никто другой сделать это не в состоянии. Понятно, почему на первом докладе Ламсдорфа по поводу выбора главы делегации царь написал: «Только не Витте» и лишь после окончательного отказа всех, к кому обращались, «нехотя изъясил согласие». При этом Николай, зная Витте, боялся, что

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 384.

натолкнется на отказ. Но чувство ответственности Витте оказалось выше амбиций. Правда, он отверг по существу инструкции царя на переговоры.

В конце июня 1905 г. президент США Теодор Рузвельт предложил свои услуги «для того, чтобы привести Россию и Японию к примирению», и пригласил делегации обеих стран в Портсмут. Витте во главе представительной русской делегации отправился за океан, взяв на себя труднейшую миссию. Он тщательно продумал линию поведения на переговорах, тем более что времени, пока пересекали Атлантику, было достаточно. Витте пишет, что в уединении во время переезда через океан он, много передумав, остановился на следующем поведении: «1) ни в чем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т. е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке и в американской прессе вообще, не относиться к ним враждебно, что, впрочем, соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще».¹

В таком духе он и действовал в течение всего пребывания в США. «Я был ежеминутно на виду, как актер на большой сцене», — вспоминает он. Его свита впоследствии не скрывала своего восторга перед ловкостью и обдуманностью всех шагов Витте. Дебютом в этом направлении было знаменитое «предложение» Витте, чтобы на всех заседаниях конференции присутствовали все корреспонденты газет, какие пожелают. Е. В. Тарле, который находился во время портсмутских переговоров в Париже и внимательно следил как за французской, так и за английской и американской печатью, описывает то колоссальное впечатление, которое произвело на весь мир это изумительное по своему широчайшему, неслыханному

¹ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 415.

либерализму заявление главы русской делегации. То был хитрый, тщательно обдуманный ход, так сказать, «домашняя заготовка» Витте-актера, причем он играл в данном случае без всякого риска, так как твердо знал, что японцы все равно ни за что не согласятся на ведение переговоров в присутствии прессы. Так ведь Витте и сам ни за что не стал бы вести переговоры при подобных условиях. Но почему бы ему с самого начала не обнаружить перед прессой своего расположения и теплого к ней отношения, если он наперед знает, что за отказ бранить в прессе будут не его, а японцев. Таким образом, он создавал вокруг переговоров ту благоприятную атмосферу, которая стала его союзником в труднейшей партии.

Витте был игроком в очень трудной пьесе, но разыграл он ее так блистательно, что президент Т. Рузвельт признал к концу переговоров, что симпатии американского общественного мнения заметно передвинулись на сторону России. Конечно, дело было не только в том, что Витте залиберальничал с прессой, тогда как глава японской делегации Комура никогда не пускал к себе на порог. Русский дипломат вообще вел себя неслыханно для европейского политика эпохи закрытой дипломатии. Он ездил по бедным кварталам Нью-Йорка и целовал детишек, всегда жал руку машинистам возивших его поездов. Беседуя с делегацией еврейских банкиров, чуть ли не превзошел их всех в юдофильстве, газеты ежедневно разносили известия о том, как Витте запросто разговаривает с прислугой, что он обращается со всеми вообще как равный с равными, беспрепятственно позволял себя фотографировать, побывал в англиканской церкви и т. п.

Любопытно, что японские делегаты к концу переговоров начали с беспокойством отмечать результаты продуманной комедии, которую так мастерски на глазах всего света демонстрирует их противник. Они перестали гнать от себя корреспондентов, появились в воскресенье в церкви, пустились искать популярности. Но то были жалкие попытки копирования, у них, замкнутых, сдержанных, ничего подобного не получилось.

При начале переговоров глава японской делегации Комура вручил Витте список из 12 требований. Японцы заявили претензии на весь Сахалин с прилегающими островами. Они потребовали от России уступить права на аренду Ляодунского полуострова, смириться с безраздельной гегемонией Японии

в Корею, эвакуировать русские войска из Маньчжурии и передать Японии южную ветку КВЖД. В качестве победительницы Япония требовала заплатить ей контрибуцию и передать ей корабли, интернированные в нейтральных портах, и другое.

Завоевав на сторону русской делегации симпатии американцев, Витте заставил и политиков изменить ориентировки. Сторонникам Японии — США и Англии — стала уже не нужна дальнейшая русско-японская война, и Комуре приходилось это учитывать.

Как пишет Тарле, Витте вел переговоры с таким искусством, что профессиональные дипломаты высказывали восхищение и много позже переговоров. Он уступил сразу по вопросам, по которым он не мог не уступить, отдал Японии Квантунский полуостров и Корею, и без того уже ею занятые, но вел упорную борьбу по вопросу о Сахалине и о контрибуции. Ему удалось отстоять северную половину Сахалина, удалось заставить японцев отказаться от контрибуции, которую даже Рузвельт считал совершенно неизбежной и даже справедливой. Для этого опять был сделан ловкий ход: в разгар прений Витте спросил у Комуры, отказалась ли бы Япония от контрибуции, если бы Россия согласилась на прочие их требования? Комура ответил отрицательно (очевидно, не желая «продешевить»), и Витте создал из этого аргумент: японцы, мол, намерены продолжать кровопролитие из-за денег, что крайне ослабило их позиции морально, после того как Витте «случайно» проговорился на одной из бесчисленных пресс-конференций.

Переговоры протекали драматично, превратились в тяжелейшую работу, требовавшую огромного нервного напряжения. Большие уступки японцев нелегко дались, не раз переговоры были на грани срыва. Витте прекрасно понимал, что при продолжении войны Россию ждет военная катастрофа и свержение монархии. Но он еще тверже знал, скорее интуитивно, что разрыва не будет, что японская сторона уступит. И когда 16 августа 1905 г. Комура окончательно уступил, то в американской прессе Витте был назван «королем дипломатов».¹

Это был один из моментов его высшего торжества. Витте переиграл противную сторону по многим статьям. Имея из-

¹ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 548.

начально объективно крайне слабые позиции, Витте использовал личное превосходство в воле и интеллекте, при этом он подчас занимался демагогией, откровенно манипулировал соперником, что с этической точки зрения, вообще говоря, может быть осуждено. Но Сергей Юльевич, как обычно, действовал по принципу «цель оправдывает средства», ему нужен был результат: уберечь Россию от тяжелых последствий бездарно проигранной войны, и он сделал все, что мог, не очень выходя за рамки тогдашних политических нравов.

Итоги переговоров и соглашение были весьма благоприятны для России, хотя не все так их оценивали. Россия уступила южную половину Сахалина, которую тогда оккупировали японцы, в вопросе о морских промыслах у своих берегов и в некоторых других менее значительных вопросах. Николай II был вначале недоволен уступкой части Сахалина, но потом, когда многие, в том числе иностранные главы, стали поздравлять его с большим успехом России, изменил оценки и милостиво встретил Витте, присвоив ему звание графа, чем Витте необычайно гордился. Враги же поспешили присвоить ему кличку «граф полусахалинский».

Следует отметить, что переговоры в Портсмуте также стали предметом дискуссии в печати, и опять Витте активно предлагал свою версию событий, действовал вновь через нанятых журналистов. В 1911 г. появилась книжка А. Морского (В. И. Штейна) «Разочарования в честном маклерстве: Т. Рузвельт и Портсмутские совещания», где утверждалось, что американский президент был не с Витте, а скорее против. Автор уличал Рузвельта в японофильстве, но, мол, Витте не оплошал, никаким увещаниям «честного маклера» не поддавался и сумел отстоять русские кровные интересы. Рузвельт заявил протест против такой трактовки его роли, и Витте отрекся от этой публикации. Позже инспирированность этой брошюры была признана в печати самим автором.¹

В начале 1913 г. одна из американских газет напечатала сенсационное сообщение о том, что Рузвельт собирается выпускать в свет свои мемуары и что в них он предполагал включить письмо, якобы полученное им от японского императора во время русско-японской войны, с просьбой о посредничестве ввиду истощенности боевых средств Японии и

¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте-мемуарист... С. 43.*

в Корею, эвакуировать русские войска из Маньчжурии и передать Японии южную ветку КВЖД. В качестве победительницы Япония требовала заплатить ей контрибуцию и передать ей корабли, интернированные в нейтральных портах, и другое.

Завоевав на сторону русской делегации симпатии американцев, Витте заставил и политиков изменить ориентировки. Сторонникам Японии — США и Англии — стала уже не нужна дальнейшая русско-японская война, и Комуре приходилось это учитывать.

Как пишет Тарле, Витте вел переговоры с таким искусством, что профессиональные дипломаты высказывали восхищение и много позже переговоров. Он уступил сразу по вопросам, по которым он не мог не уступить, отдал Японии Квантунский полуостров и Корею, и без того уже ею занятые, но вел упорную борьбу по вопросу о Сахалине и о контрибуции. Ему удалось отстоять северную половину Сахалина, удалось заставить японцев отказаться от контрибуции, которую даже Рузвельт считал совершенно неизбежной и даже справедливой. Для этого опять был сделан ловкий ход: в разгар прений Витте спросил у Комуры, отказалась ли бы Япония от контрибуции, если бы Россия согласилась на прочие их требования? Комура ответил отрицательно (очевидно, не желая «продешевить»), и Витте создал из этого аргумент: японцы, мол, намерены продолжать кровопролитие из-за денег, что крайне ослабило их позиции морально, после того как Витте «случайно» проговорился на одной из бесчисленных пресс-конференций.

Переговоры протекали драматично, превратились в тяжелейшую работу, требовавшую огромного нервного напряжения. Большие уступки японцев нелегко дались, не раз переговоры были на грани срыва. Витте прекрасно понимал, что при продолжении войны Россию ждет военная катастрофа и свержение монархии. Но он еще тверже знал, скорее интуитивно, что разрыва не будет, что японская сторона уступит. И когда 16 августа 1905 г. Комура окончательно уступил, то в американской прессе Витте был назван «королем дипломатов».¹

Это был один из моментов его высшего торжества. Витте переиграл противную сторону по многим статьям. Имея из-

¹ Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 548.

начально объективно крайне слабые позиции, Витте использовал личное превосходство в воле и интеллекте, при этом он подчас занимался демагогией, откровенно манипулировал соперником, что с этической точки зрения, вообще говоря, может быть осуждено. Но Сергей Юльевич, как обычно, действовал по принципу «цель оправдывает средства», ему нужен был результат: уберечь Россию от тяжелых последствий бездарно проигранной войны, и он сделал все, что мог, не очень выходя за рамки тогдашних политических нравов.

Итоги переговоров и соглашение были весьма благоприятны для России, хотя не все так их оценивали. Россия уступила южную половину Сахалина, которую тогда оккупировали японцы, в вопросе о морских промыслах у своих берегов и в некоторых других менее значительных вопросах. Николай II был вначале недоволен уступкой части Сахалина, но потом, когда многие, в том числе иностранные главы, стали поздравлять его с большим успехом России, изменил оценки и милостиво встретил Витте, присвоив ему звание графа, чем Витте необычайно гордился. Враги же поспешили присвоить ему кличку «граф полусахалинский».

Следует отметить, что переговоры в Портсмуте также стали предметом дискуссии в печати, и опять Витте активно предлагал свою версию событий, действовал вновь через нанятых журналистов. В 1911 г. появилась книжка А. Морского (В. И. Штейна) «Разочарования в честном маклерстве: Т. Рузвельт и Портсмутские совещания», где утверждалось, что американский президент был не с Витте, а скорее против. Автор уличал Рузвельта в японофильстве, но, мол, Витте не оплошал, никаким увещаниям «честного маклера» не поддавался и сумел отстоять русские кровные интересы. Рузвельт заявил протест против такой трактовки его роли, и Витте отрекся от этой публикации. Позже инспирированность этой брошюры была признана в печати самим автором.¹

В начале 1913 г. одна из американских газет напечатала сенсационное сообщение о том, что Рузвельт собирается выпускать в свет свои мемуары и что в них он предполагал включить письмо, якобы полученное им от японского императора во время русско-японской войны, с просьбой о посредничестве ввиду истощенности боевых средств Японии и

¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте-мемуарист... С. 43.*

отсутствия у нее шансов на победу. Вслед за европейскими газетами это сообщение подхватили и русские. Противники Витте справа сейчас же стали повторять старые свои утверждения о том, что мира можно было и не заключать, что японцы Витте в Портсмуте провели, что русская армия была в состоянии нанести Японии поражение и т. п. Сам Рузвельт в «Таймс» 19 февраля 1913 г. опроверг слухи о письме, заявив, что он его не получал, а если бы и получал, то не стал бы публиковать.

Витте еще перед отъездом в Портсмут получил заключение высших военных чинов о перспективах войны на Дальнем Востоке, поскольку как штатский человек боялся допустить ошибку в оценке ситуации. Председатель Комитета обороны Великий князь Николай Николаевич на запрос Витте ответил, что продолжение военных действий обойдется в 200—250 тысяч жизней и более 1 млрд рублей, а результат будет при самом благоприятном случае половинчатым: русская армия может оттеснить японцев до Квантунского полуострова, но японцы за это время могут занять значительную часть Приморья. Ответ морского министра адмирала А. А. Бирилева был кратким: «С флотом покончено».¹ Таким образом, очевидно, что умалять значение успеха, достигнутого Витте, не было оснований.

Как пишет академик Тарле, «способности больших дипломатов развертываются в полном блеске, конечно, в ликвидации несчастных войн, а не в использовании результатов войн счастливых, хотя, конечно, и для такого использования часто требуются большие интеллектуальные усилия».² Истинный патриотизм Витте-дипломата, проявленный в Портсмуте, можно сравнить с патриотизмом французского дипломата князя Талейрана в Вене в 1814 г., когда разгромленная Франция предстала перед странами-победителями и дипломат в труднейшей ситуации смог с достоинством отстоять лицо страны. Подобных примеров немного в истории мировой дипломатии.

Портсмутский мир — один из самых ярких эпизодов жизни Витте-дипломата, но и других, менее известных, но не менее трудных, было немало. В истории русской дипломатии

¹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте... С. 151.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 545.

он занимает несомненно особое место, хотя среди историков дипломатии отношение к Витте до сих пор остается неоднозначным. Он был противником грубых методов в политике, противником военных авантур, считал, что имперских целей можно достигать иными путями. В «Воспоминаниях» он пишет: «Российская империя в сущности была военная империя; ничем иным она особенно не выдавалась в глазах иностранцев. Ей отвели большое место и почет не за что иное, как за силу. Вот именно поэтому, когда безумно затеянная и мальчишески веденная Японская война показала, что, однако же, сила-то совсем не велика, Россия неизбежно должна была скатиться (даст бог, временно), русское население должно было испытать чувство отчаянного, граничащего с помешательством разочарования, а все наши враги должны были возликовать». И далее, явно предвидя надвигающуюся угрозу войны с Германией, Витте интуитивно выходит на прогноз, полностью оправдавшийся в отношении царской династии: «Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай бог, чтобы оно не было так и во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов».¹

Последнее Бог дал, Витте, скончавшийся в феврале 1915 г. не стал свидетелем конца самодержавия, которому верно служил.

¹ *Vitte С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 498.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

8.1. Самодержавие и местное самоуправление

Государственное творчество Витте в силу его широкого системного мышления не могло обойти вопросы государственного устройства и управления страной. Б. Б. Глинский писал: «Его необыкновенная энергия, работоспособность и смелая инициатива ставили его на целую голову выше прочих современных ему министров и создали из него тот центр, к которому стягивались нити управления большинством отраслей отечественной жизни. Отсюда неудивительно, что его личность находила себе отражение во всех тех или по крайней мере в большинстве тех явлений государственной жизни, какими наполнена была Россия в конце прошлого и в начале нынешнего века. Отсюда является необходимость в постановке вопроса: каково же было государственное *credo* всевластного министра?»¹

В отношении «системы» Витте в литературе нередко можно встретить определение «бюрократическая». Витте действительно идеализирует бюрократию, вкладывая в нее смысл «идеальная организация», что позже нашло выражение в трудах Макса Вебера с его концепцией «рациональной бюрократии», представляющей высшее воплощение капиталистической рациональности.

Как идеи Вебера, так и взгляды Витте с его ориентацией на капиталистическую модернизацию России входят в противоречие с принципами рыночного хозяйства, основанного на индивидуальной свободе, предприимчивости и самоуправлении. Витте не замечает этого противоречия, отстаивая стремление бюрократии сверху регулировать экономические и со-

¹ Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте (Материалы к биографии) // Исторический вестник. 1915. Т. 141. С. 253.

циальные процессы в обществе. Закономерно возникает ряд вопросов: как соотнести реформаторство Витте с доминированием бюрократических начал в управлении государством, каковы взгляды Витте на представителей бюрократии — класс чиновников и требования к ним; как могут строиться взаимоотношения административных и представительных общественных органов и другое.

Для понимания взглядов Витте необходимо рассмотреть взаимодействие двух феноменов — власти и идеологии — в их сложном и меняющемся переплетении.

В конце XIX в. можно было говорить о наличии в России трех утопий: консервативной, либеральной и социалистической.¹ Применительно к властным структурам основное положение занимает консервативная утопия. Поскольку она в силу своего внутреннего смысла должна стремиться к сохранению существующей системы, все социальное проектирование направляется на ее преобразование, которое по своему характеру не может быть никаким иным, как только внутренним.

Утопия есть политизированное мифотворчество. Оно стремится представить различные социальные и политические явления и объекты как вполне естественные по природе. Отсюда и стремление к «естественному праву» как неизменной нравственной основе любых социальных структур. Настоячиво желание выработать такие символы и политические стереотипы, которые представляются власти вечными, всеобщими и неизменными. Главное — сохранение существующего порядка вещей, правда путем их внутреннего преобразования. «Перемены нужны для того, чтобы все оставалось как прежде» — вот логика консервативной утопии. Витте считает самодержавие «природной формой» власти для России и стремится лишь к внутренним изменениям системы.

На внешнем фоне политических контрреформ в русском обществе 80—90-х годов XIX в. протекал более глубинный процесс формирования консервативного и утопического сознания. Консервативная политическая традиция питалась одновременно из нескольких источников, важнейшим из которых были славянофильство и романтизм.²

¹ Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX—начало XX в. М., 1991. С. 4.

² Там же. С. 6.

Консервативный романтизм стремится создать целостный культурно-социальный идеал, консервативная же политика вся направлена на сохранение грубо и реально существующего порядка вещей.

Особенностью консервативного романтизма стало компромиссное принятие существующей системы, социального и политического бытия, совершаемое, однако, после придания им некой идеальной окраски — идеального православия, самодержавия, народности.

Другая особенность консервативной утопии в России конца XIX в. заключалась в том, что она формировалась в борьбе с другими утопиями — прежде всего либеральной и социалистической. Консервативная утопия стремилась наделить идеальными чертами именно существующий порядок вещей, и если она оказывалась устремленной во времени, то скорее по направлению к прошлому, чем к будущему.

В политической практике консервативная утопия если и позволяла себе подвергать критике существующий порядок вещей, то делала она это только справа, чем, по сути, и занимается Витте в работе «Самодержавие и земство»

Пытаясь понять логику мышления и поведения Витте, необходимо учесть его происхождение и среду формирования. Б. А. Романов не случайно ставит вопрос: чего было в Витте больше — буржуа или дворянина?

Противоречивость личности Витте как государственного деятеля заключалось в сочетании в нем буржуазного деятеля-прагматика, воспринимавшего дворянина-помещика как анахронизм в экономическом плане, и дворянина-монархиста, с позиций консервативной утопии отстаивавшего одряхлевшую политическую систему самодержавия.

Самодержавие и земство

Ответ на вопрос, каково же было государственное сredo всевластного министра, по мнению Б. Б. Глинского, может быть усмотрен в отношениях Витте к делам внутренней политики. Особенно наглядно это отношение проявилось по вопросам крестьянскому и о земстве, по коим он определенно высказался, в частности, в брошюре «Самодержавие и земство».

История появления этой работы такова. Началось все с доклада Витте в 1899 г. по вопросу о расходах на народные училища. Этот доклад получил широкое распространение в публике и дал повод отнести Витте к разряду противников земских школ и сторонников бюрократического режима. Такая репутация еще более утвердилась, когда Министерство внутренних дел поставило вопрос о введении земства на западных окраинах, где его до того не было. Дело в том, что в 1864 г. земства были введены лишь в 34 губерниях из 100 административных единиц, в основном в центре европейской части империи.

По этому вопросу между двумя министрами, Витте и Горемыкиным, возник обмен мнениями, и Витте в конфиденциальной записке высказался вполне определенно. Эта записка и была опубликована П. Б. Струве в Штутгарте под названием «Самодержавие и земство» в 1901 и 1903 гг. с его предисловием. В 1914 г. Витте сам опубликовал записку в книге «По поводу непреложности законов государственной жизни» с дополнениями и исправлениями. Витте, пытаясь развеять возможное мнение о его ретроградстве, заявляет себя прогрессивным цивилизованным государственным деятелем: «Я искренне и глубоко верю, что основой действительной силы всякого государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность. И для меня бесспорной представляется та истина, что степень развития личной самостоятельности народа определяет степень могущества государства и его положение среди соседей.

Чем более развита личность, чем прочнее укоренились в ней привычки самостоятельно, без чужой помощи устраивать свое благосостояние, тем более устойчивости имеет весь общественный, а за ним и государственный строй».¹

Формы правления не заказываются и не сочиняются. Как республиканский, так и монархический режим, как правительственная администрация, так и органы самоуправления могут быть и хорошим, и плохим средством управления, — утверждает Витте. «Каждый из них может обеспечить личную свободу, общественную самостоятельность, способ-

¹ *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. С комментариями П. Б. Струве. Штутгарт, 1903. С. 195.

ствовать экономическому и культурному преуспеванию народа, может и обратно — давить как отдельную личность, так и целый народ, держать его в нищете, полной экономической зависимости и умственном невежестве. Существенны не форма, а ее внутреннее содержание, как она осуществляется, насколько соответствует духу и характеру народа, его политическому развитию, географическим и этнографическим условиям страны».¹ Для убедительности Витте ссылается на исторический материал.

В земских выборных, губных учреждениях Ивана IV, в которых так широко развились присущие народу русскому начала самоуправления, личность человека не ставилась ни во что, широко процветали групповая ответственность, личные и имущественные взыскания за вину другого. Последующая же наша история знает даже примеры, когда само население просило освободить его от предоставленного ему права самоуправления, чтобы «от такого великого разорения не стоять на правее с голоду и стужи и остальным не погибнуть и розно не разбрестися».

Господство закона и права, свобода и самодеятельность личности и вытекающая из этого источника самодеятельность общества в ее разнообразных применениях и направлениях — все это может быть задачей государства при всякой форме правления, будет ли то самодержавная империя, конституционная монархия или любой вид республики, может и обязано установить государственный быт, обеспечивающий личную безопасность и развитие общественной самодеятельности, — считает Витте.

Каковы же общие условия, необходимые для достижения такой задачи?

Первое условие: без серьезных к тому поводов государство не должно вооружить себя ни правом, ни учреждениями для стеснения свободы передвижения, труда, совести и мысли.

Второе: для выполнения этого государству надо иметь твердую опору и вполне надежное орудие в своей администрации. А такая администрация возможна при условии однородности устройства во всех частях государственного и административного строя.

¹ Там же.

«Этим-то требованиям единства в управлении и не могут удовлетворять земские учреждения в самодержавном строе государства».¹

Каждое учреждение хорошо в строе, ему соответствующем, и не пригодно в строе, ему не отвечающем. В конституционном государстве земства могут быть прекрасным средством управления: там они составляют одно звено в цепи, скованной из одного металла; там их положение вполне определено, они будут делать свое дело, не забегая вперед и не опасаясь ежеминутно за прочность своего существования. Там впереди них, в центральных органах, есть их же представители, и поэтому к предначертаниям этих органов они всегда будут относиться с полным доверием.

Витте описывает борьбу земства с бюрократией, которая продолжалась на протяжении последних десятилетий XIX в. Он говорит о стремлении земств после реформы 60-х годов пустить корни в стране, войти в более тесную связь с крестьянским самоуправлением, объединить свою деятельность и принять участие в деятельности законодательной; поставлен был даже вопрос о центральном общеземском органе — о Земском соборе.²

«Но как только появилась такая тенденция земств, как только первый шаг не оказался последним, а вполне естественно потребовал второго, так немедленно правительство приняло ограничительные меры, имевшие целью стеснить земства, не допустить дальнейшего их развития. Результатом этих мер явились недоразумения, пререкания, внушения, упадок земской деятельности, и параллельно с тем — оппозиция земства правительству и настойчивые требования конституции... в серьезные для правительства минуты».³

Всю эту длинную летопись пререканий стеснений противодействия и упадка нельзя в сущности ставить в вину ни земским деятелям, ни местным органам администрации, как делают другие. Эта летопись составляет прямой результат неправильной постановки дела, неправильного совмещения в государственном строе двух противоположных начал. «В самодержавном строе государство, с неизбежным при нем бю-

¹ Там же. С. 197.

² Там же. С. 199.

³ Там же.

рократическим центром, земство — непригодное средство управления». Вот основная мысль Витте.¹

Против такого положения обыкновенно возражают, что бюрократия — слишком несовершенная форма управления, что она препятствует развитию общественной самостоятельности, угнетает народ, что практика не выработала еще сколько-нибудь удовлетворительных способов ведения хозяйства посредством чиновников, констатирует Витте.

Тайные и явные конституционалисты утверждают, что злоупотребление властью неустранимо, пока последняя сосредотачивается исключительно в руках правительства. Приобщение общественных классов к властному участию в управлении рекомендуется ими как единственное средство, чтобы законодательные акты и акты управления соответствовали по своему содержанию интересам народа. Вместе с конституционалистами обрушиваются на бюрократию и славянофилы.

Несовершенство бюрократии как средства управления стало ходячим афоризмом даже относительно такого исключительного по своему образцовому составу и своей строгой дисциплине, как прусское чиновничество, признает Витте. О русских чиновниках и говорить не приходится, поскольку все они, от высших до низших, — часть русского общества и зависят от разума и «зрелости общества». Всякое прогрессивное движение в обществе, по мнению Витте, отражается прогрессом в бюрократии: застой в нем — реакцией в ней. Не следует забывать, пишет он, что и крестьянская, и судебная реформы проведены бюрократией. Нельзя же серьезно думать, что администрация представляет в народе какую-то чужую и враждебную силу, которая обрушивается на него бедами. «Общество наше, включая сюда и часть чиновничества, действительно смотрит на администрацию, как на своего прирожденного врага, от которого нельзя ожидать ничего лучшего, кроме посягательств на права и законную свободу. Но в какой мере правилен этот взгляд, нет ли в нем коренной ошибки?» — ставит вопрос Витте.

«Произвол, медлительность, формализм, горы ненужной переписки, замеченное еще великой императрицей „умножение правителей и канцелярий“, которое не только служит к

¹ Там же. С. 203.

великому отягощению штата, но и к великой тягости народной, — все это составляет бесспорный и очевидный пассив бюрократии. Но прежде чем произносить окончательный приговор над этим неоплатным, по мнению большинства, должником народным, необходимо взглянуть и на его актив, ибо только при перевесе пассива над активом можно объявлять учреждение несостоятельным».

И далее он пишет о бюрократии: «Можно смело утверждать, что без строго централистического управления Россия никогда не могла бы сделаться великою европейскою державою. Только самодержавная власть и центральная система управления создала Россию, спасла ее от раздробления и политического падения и обеспечила ей, наконец, место между европейскими народами введением западной цивилизации».¹

Витте признает, что многие русские писатели — Герцен, славянофилы Аксаковы, историк Костомаров — утверждали, что централизация противна славянскому духу, который, по их мнению, склонен к самоуправлению. «Быть может, такое мнение и верно по отношению к восточным или южным славянам, — пишет он, но оно неправильно по отношению к русским, к великороссам. Природа и история в одинаковой степени подготовили их в течение многих веков к централизации, если, с одной стороны, они обязаны ей потерей всякой политической свободы, то, с другой стороны, благодаря лишь ей они одни из всех славянских народов остались обладателями национальной независимости.

Когда говорят, что бюрократическая централизация находится не в соответствии с русским духом, с русской природой, с традиционным характером содержания и с идеалом славянского государства, то необходимо провести некоторые различия: не бюрократическая централизация сама по себе, а, скорее, формы ее противны русскому народу».²

Опираясь на эти доводы, Витте, как апологет, утверждает, что самодержавие и тесно связанная с ним административная централизация составляют основу государственного строя и залог единства России и что поэтому отказаться от этого созданного историей административного строя и реши-

¹ Там же. С. 206.

² *Bumte C. Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914. С. 53.

тельно вступить на путь начал самоуправления нельзя, не испытав по крайней мере всех средств к исправлению недостатков существующей административной системы. «Со своей стороны, я считаю устранение этих недостатков делом совершенно выполнимым», — заявляет Витте.¹

Правильно организованная, с участием местных людей, правительственная администрация будет вполне удовлетворять своему назначению и ни в какой мере не будет стеснять развитие самостоятельности общества.

Гонитель земств?

Витте так говорил о необходимости коренной реформы местного самоуправления по одному общему плану: «Вся политика Министерства внутренних дел клонится не к развитию, а к дальнейшему стеснению земских учреждений. По моему крайнему разумению, коренное преобразование правительственной местной администрации представляется для всей России мерой, не терпящей отлагательств, и делом первостепенной важности. Наше местное управление находится в самом ненормальном, в самом печальном состоянии. У нас имеются или предполагаются ко введению земские учреждения, но деятельность этих учреждений все более и более стесняется и ставится в такие условия, при которых они не могут удовлетворять своему назначению... Таким образом, в конце концов, нет хорошей администрации, которая держала бы в своих руках все хозяйство и все управление губернии, ибо есть земство; нет и сколько-нибудь удовлетворяющего своему назначению самоуправления, так как оно все более и более подавляется в пользу начала правительственной администрации, которая в ее настоящем состоянии к ведению живого дела не способна». И далее Витте делает вывод: «Из этого заколдованного круга надо выйти, так как существующее полное неустройство нашего местного управления является одной из главных и основных причин печального состояния и вообще всего неустройства деревни, уезда и губернии, на которые так много слышится со всех сторон указаний и жалоб.

Параллельная деятельность земства и разных правительственных органов в губерниях земских является мерой, кото-

¹ *Bumme C. Ю.* Самолержавие и земство. С. 207.

рая ничем не может быть оправдана с финансовой точки зрения. Так, например, хотя бы дело народного образования: им ведает и земство, и ведомство Православного исповедания, и Министерство народного просвещения, а содержание двойных и тройных инспекций ложится совершенно напрасным бременем на население.

Для реформы местного управления потребуется много сил и много работы, выработка общего плана, но трудность не может считаться препятствием непреодоления.¹ В заключение записки Витте не предлагает своего проекта реформы, но излагает некоторые принципы и подходы, изложенные выше.

Анализируя взгляды Витте по вопросам организации местного управления как элемента общегосударственного устройства, нельзя отказать ему в логичности и последовательности, но с позиции апологета самодержавной, бюрократической системы, что было выражением консервативной утопии, которую поддерживали не только властные структуры.

Консервативной утопии в России конца XIX—начала XX в. противостояли и либеральная, и социалистическая утопии. В комментарии к записке Витте, П. Б. Струве с либеральных позиций решительно критикует последнего. Он отмечает, что полемика Витте и Горемыкина по поводу введения земских учреждений в Западном крае по характеру и содержанию значительно поднимается над обычным уровнем пререканий между ведомствами, «упорядочивающими» жизнь русского государства. «Витте, — пишет Струве, — считает нужным прислушаться к скрытой работе стихийных сил, вырабатывающих в исторической лаборатории новые общественно-государственные формации. Талантливый парвеню русской бюрократии делает смотр прошлому и допрашивает будущее. Записка является самым сильным и умным выражением этой зловещей дальновидности государственных деятелей, призванных охранять обреченный государственный строй».²

«Современное земство — не есть политическая величина, чтобы кого-либо устранять, лишенное самостоятельности, ограниченное в компетентности, контролируемое правитель-

¹ Там же. С. 184.

² *Bumme C. Ю.* Самодержавие и земство. Предисловие П. В. Струве. 1910. С. VIII.

ством, оно еле-еле отстаивает свою позицию. И тем не менее это умаленное, съжившееся перед всемогущей бюрократией русское земство опасно самодержавию.

Земство опасно не сегодня, а только в силу исторической тенденции своего развития, как зародыш Конституции. За это оно должно быть обречено на гибель, — продолжает Струве. — Мы думаем, что никогда ни один, ни либеральный, ни революционный писатель не произносил такого уничтожающего вердикта над русским самодержавием, как статс-секретарь Витте, ради сохранения самодержавия требующий упразднения земства. Всякий искренний идеалистический поклонник самодержавия не иначе, как с чувством глубокой скорби и даже омерзения, будет читать ту убийственную критику, которой г. Витте подвергает поэтическую мечту славянофилов об единении царя с землей, о совместимости с самодержавием широкого самоуправления.

Откинув самоуправление как несовместимое с самодержавным началом, г. Витте вынужден выступить с самой откровенной апологией бюрократии. И он конечно совершенно прав. Но эта правда, которая „хуже всякой лжи“. Этой правдой с самодержавия срывается его самое нарядное идеальное облачение, которым до сих пор обряжали его как искренние почитатели, так и купленные слуги... А Витте в своем трезвом реализме безжалостно упраздняет всю „поэзию самодержавия“, от него остается одна голая бюрократия».¹

К моменту первой публикации записки «Самодержавие и земство» с комментариями Струве в социал-демократическом журнале «Заря»,² была опубликована статья Ленина (правда, без указания авторства) под названием «Гонители земства и Аннибалы либерализма», в которой тот обрушивается с критикой на взгляды Витте, но с других позиций и заодно нападает на либералов. Ленин называет записку Витте «обвинительным документом, составленным на основании очень обширного и недурно обработанного материала». Он подчеркивает, что земская реформа 1864 г. была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства «волна общественного возбуждения и революционного натиска», о чем Витте умалчивает; далее Ленин утверждает, что местное само-

¹ Там же. С. X.

² Заря. 1901. № 2—3.

управление и свобода, за которые борются либералы, принесут пользу прежде всего буржуазии. «Буржуазия воспользуется свободой, чтобы почить на лаврах, пролетариату нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм,... но в интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнета самодержавия».¹

В заключение статьи Ленин пишет: «...пора бы положить конец несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентарство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага».²

П. Б. Струве в предисловии ко второму изданию так реагирует на публикацию в «Заре»: «Революционная фраза — о значении земства как орудия укрепления самодержавия разбивается Витте полностью. Деловые пристрастия г. Витте к „низким истинам“ и его презрительное отношение к „возвышающему обману“ неприятно для г. Министра внутренних дел Горемыкина». По сути, и само русское правительство прямо попадает под убийственные удары иронии и обличений Витте, который дает убийственную характеристику попыткам правительства по отношению к земству, как попыткам непоследовательности, двуязычия и трусости. Эта характеристика должна стать классической, «на челе русской самодержавной бюрократии выжжено неизгладимое клеймо»

«Мысль Витте, что истинное самоуправление несовместимо по исторической тенденции своего развития с самодержавно-бюрократическим строем, цинична в устах защитника самодержавия. Такой цинизм сам позорит защищаемые им начала государственной жизни. Витте это понимает, поэтому в помощь цинизму он призывает лицемерие», — ставит точку П. Б. Струве.³

Возникает вопрос, а был ли «певец бюрократии» Витте настоящим «гонителем земств», как его окрестил Ленин? В

¹ Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 71.

² Там же. С. 72.

³ Витте С. Ю. Самодержавие и земство. 2-е изд. 1903. Предисловие Струве. С. III.

предисловии ко второму изданию книги «Самодержавие и земство» 1903 г. Струве пишет, что «с поразительной быстротой, в какие-нибудь полтора года, протекшие со времени первого издания записки Витте, кризис самодержавия из скрытого стал совершенно явным и при этой исторической перемене декораций политический трактат Министра финансов тоже испытал странные и неожиданные превращения... Когда мы издавали записку г. Витте, мы не знали, что он, исповедуя перед г. Горемыкиным веру в самодержавие, на самом деле не верил в исповедуемое им.

Теперь благодаря исторической беседе г. Витте с г. Шиповым, мы знаем, что г. Витте открыто высказал свое убеждение в том, что Россия придет к конституционному строю. В этой беседе г. Витте так истолковал свою записку: мол ею он хотел предупредить Государя, что раз существует земство, то рано или поздно государство и на высших ступенях должно будет допустить начало представительства».¹

Далее Струве пишет, что то толкование, которое дает Витте своей записке, есть уловка, прикрывающая заглавременно отступление перед исторически необходимой ликвидацией самодержавного режима и желающая набросить покров на лицемерное исповедание веры в самодержавную власть.

По сути, Струве упрекает Витте в циничном прагматизме: «Нам совершенно достоверно известно, — пишет он, — что в беседах с князем А. А. Ливеном, управляющим дворянским банком, г. Витте высказался следующим образом: „Поверьте, если бы наш государь был другого образа мыслей, то я бы первый стал говорить как Чичерин и Градовский, но я понимаю себя, как приказчика моего Государя, а его взгляды безусловно абсолютно монархические. Подумайте, сколько можно сделать полезного. Надо уметь служить своему Государю”». По этому поводу Струве замечает: «Мы упустили из виду, что соблюдение максим, сформулированных Макиавелли на потребу самодержавных государей, еще более необходимо для самодержавных министров. Макиавелли указал, что в барышах остаются те государи (министры), которые умеют подражать своими действиями лисице, и что поэтому они должны обладать искусством притворства и одурачивания, так

¹ Там же. С. IV.

как хорошо умеющий лгать, всегда найдет достаточно легковерных людей, охотно поддающихся обману».¹

Есть основание предполагать, что записка Витте преследовала какие-то особые цели. Струве ссылается на то, что Плеве с полной недвусмысленностью назвал записку Витте средством устранить Горемыкина. Эту же мысль развивает Б. А. Романов: «Когда он заказывал кому-то свою знаменитую записку „О самодержавии и земстве“, где, собрав все аргументы в пользу конституции, высказался за самодержавие, — это была эквилибристика, чтобы свалить министра Внутренних дел Горемыкина, вылезшего с ублюдочным проектом фальсифицированного земства для западных губерний, и посадить на его место своего — Сипягина».²

Трудно сказать, какую роль сыграла записка Витте, но Горемыкин, не добившись реализации своего проекта, в 1900 г. ушел в отставку, и на его месте появился более удобный Д. С. Сипягин. Однако нет никаких подтверждений того, что Витте что-то практически предпринимал против земств, как прагматик, он, очевидно, понимал, что органы местного самоуправления стали уже незаменимы.

Примечательно, что в этот период возник вопрос о необходимости реформы городского самоуправления в Петербурге, и он был поставлен в докладе Сипягина царю в октябре 1901 г. Первоначально, как отмечалось в докладе, Министерство склонялось к мысли о полном упразднении в столице выборных учреждений и замене их правительственными. Однако министр все же пришел к убеждению, что это не соответствовало бы интересам правительства «ни по экономическим, ни по политическим мотивам». В докладе, в частности, отмечалось, что органы общественного управления настолько вошли в городские дела, что заменить их просто нереально. В результате появилось на свет «Положение об общественном управлении города Санкт-Петербурга», высочайше утвержденное 8 июня 1903 г.³ Можно предположить, что Сипягин, который находился под влиянием Витте, наверняка с ним советовался и по этому вопросу.

¹ Там же. С. XIII.

² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории. С. 126.

³ Нардова В. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX—начале XX в. СПб., 1997.

Следует отметить, что в 1911 г. Думой был принят закон о введении земства в шести западных губерниях (Витебская, Минская, Могилевская, Киевская, Волынская, Подольская). Государственный совет отказался его утвердить, но Николай II по настоянию Столыпина все же провел его своим указом.

Драматична судьба органов самоуправления в России. При самодержавии они хотя и играли заметную роль, но остались подчиненными административным органам. Государственная дума затянула решение вопроса о земской и городской реформе в стране, Временное правительство 3 марта 1917 г. приняло декларацию о намерениях, было создано Особое совещание, которое за несколько месяцев подготовило проект документов, весьма прогрессивных по своему характеру. В сентябре 1917 г. они были приняты правительством, однако последовавшие события не позволили реализовать их в жизнь. Большевики, придя к власти, первое время сохраняли органы местного самоуправления, но затем они были преданы забвению. «Живые всходы самоуправления российского земства были безжалостно вытоптаны сапогом пролетарского государства, в котором утвердилось всевластие партийно-административного аппарата».¹

Что касается отношения Витте, то следует отметить, что записка о земстве, составленная в 1899 г., была издана им самим с уточнениями и добавлениями в 1914 г. Примечательно, что прошедший период с грозвыми событиями для самодержавия не заставил автора Манифеста 17 августа 1905 г. как-то изменить свою позицию; видимо, консервативная утопия все же владела его сознанием до конца жизни. Витте оставил след в истории России как апологет бюрократии, но это была бюрократия нового типа.

8.2. Старая и новая бюрократии России

Ориентация Витте в его системе на централизованное бюрократическое управление фокусирует внимание на русской бюрократии как явлении и на чиновничестве как социальной группе российского общества той эпохи.

¹ *Барабашев Т.* Местное самоуправление — трудное дитя России // Сегодня. Российский журнал самоуправления. М., 1992. № 1. С. 43.

Следует заметить, что взгляды Витте во многом предвосхитили некоторые теории бюрократии, которые появились в западной социологии XX в. В современных концепциях научного управления обществом основное внимание уделяется анализу функций и структуры бюрократической организации, просматривается стремление представить процесс бюрократизации как рациональное явление. М. Вебер считал бюрократическую рациональность воплощением рациональности капитализма вообще, и с этим он связывал решающую роль, которую должны играть в бюрократической системе технические специалисты, пользующиеся научными методами работы. Согласно Веберу, бюрократическая организация характеризуется эффективностью, строгой иерархизацией власти, формализованными процедурами, безличностью административной деятельности. В последующих концепциях бюрократия представляется как «естественная система», включающая наряду с рациональными моментами — иррациональные, с формальными — неформальные, с эмоционально нейтральными — личностные и т. д. Все эти моменты просматриваются и в системе Витте, но не были до сих пор предметом исследования.

Изучая деятельность Витте как яркого представителя русской бюрократии эпохи заката самодержавия, следует, видимо, более широко посмотреть на чиновничество как носителя бюрократической традиции российского общества.

Чиновничество: Восток или Запад?

Императорская Россия представляла собой централизованное бюрократическое государство, которым, несмотря на всевластие самодержца, фактически управляло чиновничество. Основателем императорской бюрократии считается Петр I, который в январе 1722 г. ввел знаменитую табель о рангах. В разработке этой «лестницы чинов» принимали участие ряд крупных государственных деятелей России — Г. И. Головкин, Д. М. Голицын, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин и др. При этом учитывался и опыт законодательства европейских государств; наибольшее влияние оказали нормы Датского и Прусского королевств. Однако не следует забывать и незримого воздействия византийских и татарских тра-

дий деятельности чиновников. Указанные нормы и традиции функционировали в разных социокультурных средах и типах систем управления. Понятно, что их взаимопереплетение породило своеобразные черты чиновничества России, сохраняющиеся до сих пор.

Византия являла пример стационарной системы управления обществом с доминированием правовых мотиваций, чьи традиции во многих областях вошли в ткань российской цивилизации. Она во многом наследовала систему общественной организации Древнего Рима, но с ослаблением этики, поэтому система приобрела правовой характер, особенно в связи с разработкой Кодекса Юстиниана. Бюрократия при этом выполняла функцию организатора Византийского государства.

Византийская администрация была мудро организована, позволяя государству пережить довольно частую смену императоров без анархии. Существовало тесное сотрудничество чиновников с императором, который лично контролировал назначение, продвижение и увольнение высших чинов. Перспективы награждений, повышение ранга и статуса — вот главные стимулы для амбициозных чиновников. Для византийской системы характерны строгое ранжирование и правила продвижения по «лестнице чинов».

Достоинством византийской бюрократии являлась великолепная выучка ее чиновников и демократичность: теоретически каждый житель имел доступ к престижным должностям, однако фактически постепенно к концу сформировалась чиновничья аристократия, которая эффективно блокировала попытки новых членов корпорации делать карьеру.

С течением времени в среде начались процессы разложения нравов, ширились коррупция и nepотизм. Современники выделяли в среде чиновников прежде всего мздоимство, наушничество и клеветничество. Душной была атмосфера чиновничьего аппарата: выжидание санов, должностей и подачек (премий), стремление выдвинуться, быть замеченным. Эти нравственные нормы получили название «византинизма».¹

Татарские традиции пришли на Русь из империи Чингисхана, которая являла пример динамичной энергетической системы с преобладанием витальных мотиваций. О динамиз-

¹ *Поликарпов В. С. История нравов России. Восток или Запад. Ростов-на-Дону. 1995. С. 442.*

ме этой системы управления свидетельствовало стремительное расширение территории монгольской империи, которая увеличивалась за счет населения завоеванных народов. Чингисхан сумел покорить ряд стран с высокоразвитыми цивилизациями — Китай, Персию, Индию, наконец Восточную Европу. «Великий хан» был верховным владыкой и властителем своего государства, а его близкие родственники, сыновья, братья и потомки получили во владение отдельные части империи (улусы), в которых обладали широкой автономией, однако починялись великому хану.

Внутренняя организация монгольского государства была полностью подчинена потребностям войска. Административные единицы совпадали с высшими подразделениями. Линейная десятичная структура формировала иерархию общества, в которой ключевые посты занимали военачальники, выполнявшие и функции гражданских администраторов на подвластной территории.

Основными методами управления обществом у монголов были сильные репрессии витального характера (вплоть до уничтожения непокорных) и разного рода вознаграждения, которые могли иметь личностный или групповой характер, поощрялись воинское умение и послушание власти. Чингисхан ценил светлые умы при дворе и государственном аппарате, охотно окружал себя талантливыми людьми из разных территорий, поддерживал, ценил и выделял их при назначении на руководящие должности, не обращая внимания на происхождение.

Прусская система управления, оказавшая заметное воздействие на формирование российской бюрократии, отличалась динамичностью и доминированием правовых мотиваций. Для Пруссии характерен культ государства и империализма, официальная государственная доктрина ставила право над этикой и общественными нормами, юридическая ответственность оказывалась важнее морали.

Именно в Пруссии возникли культ и целая сложная философия государства, которую, в частности, разрабатывал Гегель. Этот философ видел в государстве наивысшую форму общественного устройства, оно являлось для него земным воплощением абсолютного мирового духа, из чего следовало и признание за государством высочайшего авторитета и необходимости служения ему.

Наиболее нравственным является то, что служит на пользу государству. Этот тезис прекрасно укладывался в рамки прусской авторитарной системы и глубоко укоренился в сознании его сторонников. Правители Пруссии, а затем и всей Германии государственные дела регулировали четко сформированными нормами административного права, стремясь как можно больше сфер общественной жизни поставить под контроль государства, а чиновники и военные занимали в социальной иерархии ведущие позиции.

Хорошо известно, какая роль в истории государственного управления России принадлежит немцам, особенно в XVIII в. Период царствования Екатерины II отличался многими важными правовыми усовершенствованиями, и на протяжении XIX столетия немцы нередко занимали ключевые посты в правительстве. Так, среди министров финансов России можно выделить имена Е. Канкрин, М. Рейтерна, Н. Бунге, которые оставили заметный след в развитии экономики страны. Их отличали глубокий профессионализм, честность, добросовестная служба государству.

По этому поводу американский историк Ричард Пайнс пишет: «Честные управители встречались почти всегда только в центре, в министерствах или соответствующих им учреждениях. Идея государственной службы как служения обществу была совершенно чужда русскому чиновничеству; она была завезена с Запада, в основном из Германии. Именно прибалтийские немцы впервые показали русским, что чиновник может использовать свою власть для служения обществу. Правительство империи высоко ценило этих людей, и они удостоились непропорционально большой доли высших чинов; среди административной элиты империи было немалое количество иностранцев, в особенности лютеран».¹

Для русской бюрократии следствием длительного процесса формирования под влиянием различных культур и обстоятельств к середине XIX в. стали низкая эффективность государственного управления, неправовой характер, произвол чиновников, карьеризм, коррупция и другие нелучшие черты, ярко описанные русскими классиками и иностранцами. Ставшее притчей во языцех взяточничество русских чиновников не было следствием каких-то особых черт русского

¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 374.

национального характера или ничтожности людей, избравших административное поприще, пишет Р. Пайнс. Оно порождалось правительством, которое, не имея средств на управление, не только веками не платило жалованья своим чиновникам, но и прямо советовало им «кормиться от дел».¹

Коррупция в бюрократическом аппарате дореволюционной России не была aberrацией, отклонением от общепринятой нормы, как бывает в большинстве других стран, она являлась неотъемлемой частью установившейся системы управления. В Московской Руси и во времена империи повальное лихоимство чиновников было симптомом более глубокого недуга — беззакония, верным спутником которого оно является.

До судебной реформы 1864 г., а отчасти и после нее Россия не знала независимого судопроизводства, юстиция была ответвлением административной системы, основной ее работой было проведение воли государства и охрана ее интересов. Не проводилось различия между законами, указами и административными распоряжениями. Более того, законы не нуждались в обнародовании, часто они вводились в секретных документах и были известны лишь чиновникам. Неразвитость юридической традиции и судебной системы давала большие преимущества бюрократическому аппарату. Самодурство и произвол чиновников были распространенным явлением.

Большинство чиновников не были образованны, не существовало системы их специальной подготовки. Хотя со времен М. М. Сперанского появилось требование наличия университетского образования для желающих занять государственную должность, но оно распространялось в основном на высшие ступени. Чиновничество было узкокорпоративной системой, напоминало тайный орден. Они предпочитали водиться только с себе подобными, пресмыкались перед начальством и попирали нижестоящих. Они инстинктивно изгоняли из своей среды чересчур усердных и шепетильных.²

Трудно, видимо, однозначно ответить на вопрос, каким был типичный русский чиновник в конце XIX в., восточный или западный тип управленческой культуры преобладал, но

¹ Там же. С. 369.

² Там же. С. 373.

очевидно, что то был продукт сложного синтеза, формировавшийся веками под воздействием византийских, татарских и немецких традиций и русской действительности.

Витте, на наш взгляд, принадлежал к числу представителей немецкой европейской школы, был ярким поклонником Бисмарка, исповедовал теорию протекционизма Листа, идея служения России была доминирующей в его государственной деятельности. Что же касается этики, нравственных поступков, нередко вызывавших нарекания, то здесь, пожалуй, наиболее проявлялась прусская философия, ставившая на первый план не этические, а юридические нормы. Кстати говоря, неразборчивостью в средствах с моральной точки зрения отличался и его кумир — канцлер Бисмарк, который был способен на все ходы ради достижения государственных целей, будь то война, обман, провокация. Однако в Витте сочетались и византийская хитрость и лицемерие, он был мастером дворцовой интриги, в совершенстве владел инструментами «служебной эквилибристики».

Он принимал окружающую действительность как она есть, знал чиновничий мир и видел не только его недостатки. Не ломая административной системы, он стремился ее совершенствовать изнутри, постепенно реформируя отдельные звенья, исходя из того, что в России нет другой силы в государственном управлении.

О положении бюрократии

По вопросу о положении бюрократии, ее роли в России известны разные точки зрения. Р. Пайнс, например, считает что «из отсутствия в России крепкой традиции самоуправления отнюдь не следует, что в ней существовала традиция бюрократического централизма. До прихода к власти коммунистического правительства российский бюрократический аппарат был сравнительно невелик и неэффективен».¹ Он отмечает, что российские правительства были вечно стеснены в деньгах и предпочитали тратить все наличные средства на армию, что бюрократия представляла незначительной не только в бюджете страны; она также была невелика в процентном отношении к населению государства — в 3—4 раза меньше, чем

¹ Там же. С. 367.

в странах Западной Европы того же периода. «В Московской Руси и в период империи в бюрократической машине, пользовавшейся широкими полномочиями и известной своим крайним своеволием, ощущался явный недостаток чиновников. Препятствия, преграждавшие путь широкой бюрократизации, были сняты только в октябре 1917 г. с захватом власти большевиками».¹

Иная оценка у противников царского режима. Ленин в 1894 г. отмечал, что бюрократия *de facto* и правит государством Российским. В 1903 г. он же говорит о бесправии народа и господстве над ним «замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно замкнутой бюрократии».²

Закономерен вопрос о численности класса чиновников в России эпохи Витте. Об этом дают лучшее представление не только данные переписи 1897 г., а также материалы к проекту Положения о государственном подоходном налоге, подготовленные Министерством финансов в 1906 г. Там указано, что на государственной службе числится 91 тыс. чиновников, к этой цифре следует добавить еще чиновников органов местного самоуправления: земских — 7,8 тыс., городских — 4,5 тыс. человек.³ Таким образом, общая численность составит немногим более 103 тыс. человек, что менее 0,1% численности населения страны.

Очевидно, что преобладающая часть чиновничества находилась в столице и губернских городах. Вследствие централизации управления империей в губерниях в основном действовали фискальные налоговые, таможенные и органы Министерства внутренних дел. Основной управленческий аппарат находился в Петербурге, где располагались министерства и ведомства. Самым большим по численности было Военное министерство — 30 587 чел., а вторым — Министерство финансов — 12 951 чел., которое заметно превышало по численности даже Министерство внутренних дел — 8838 чел. Другие ведомства заметно отставали по численности: Министерство императорского двора и уделов — 1726 чел., иностранных дел — 452 чел., Священный синод — 532 чел. В целом можно отметить, что государственный и местный аппарат управле-

¹ Там же. С. 368.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 343.

³ Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. 129.

ния России был довольно невелик, если сравнить его с аппаратом советской эпохи, когда всеобщая бюрократизация породила командно-административную систему.

Витте, стремясь к повышению эффективности государственного управления страной, заботился о количественном и качественном росте аппарата. Министерство финансов значительно увеличилось по численности именно в период правления Витте, по масштабам и влиянию его нередко называли «империей Витте». До 1905 г. Министерство было главным экономическим ведомством империи, совмещая в себе также функции Министерства торговли и промышленности. Еще в начале 90-х годов при реорганизациях и расширении подразделений Министерства в Государственном совете возникали предложения о разделении функций, но Витте путем «служебной эквилибристики» сумел не допустить этого, предпочитая все держать «в одном кулаке».

Интересен вопрос о материальных условиях работы чиновников Министерства финансов. Преобладающая часть — 8908 человек — имела оклады от 1 до 2 тыс. рублей в год, что по тем временам было довольно скромно (состоятельными в России тогда считались граждане, имевшие доход более 5 тыс. рублей в год). Высокие оклады — от 10 до 20 тыс. в год — имели лишь высшие чиновники Министерства — товарищи министра; оклад министра финансов составлял — 23 тыс. 500 рублей в год и не был самым высоким. Для сравнения: военный министр имел оклад — 50 тыс. рублей, в Министерстве иностранных дел 8 чиновников имели оклад свыше 50 тыс. рублей в год. Для полноты картины следует учесть, что чиновники периодически также получали премии, а в отдельных случаях и пособия. Чиновник, отработавший установленный стаж, получал право на пенсионное обеспечение. В 1905 г. от Министерства финансов получали пенсию 11 482 человека, на что было выделено 19,2 млн рублей. Средняя пенсия составляла, таким образом, свыше 1700 рублей в год, что было довольно значительной суммой. Для сравнения можно сказать, что средняя зарплата рабочих в России в начале века составляла порядка 200 рублей в год.

В то же время доходы предпринимателей были значительно выше. Даже владельцы небольших предприятий IV разряда (свыше 50 работников) имели годовой доход более

5 тыс. рублей в год. Кроме того, многие из них получали доходы от капиталов и недвижимости, что, впрочем, относилось к части чиновников.

В целом, оценивая материальные условия и стимулы чиновников в России, можно, видимо, отметить сравнительно скромное вознаграждение за труд, что, правда, отчасти компенсировалось наличием льгот и пенсионным обеспечением.

Отдельный вопрос о доходах самого министра финансов Витте. По данному вопросу нет достоверных данных, и оценку можно попытаться сделать лишь по косвенным источникам. Этот вопрос представляется важным для уточнения, поскольку в публикациях встречаются самые противоположные оценки. Некто И. И. Колышко (Баян), чиновник на поручениях, хорошо знавший Витте много лет, говорит о широкой жизни семьи Витте в Петербурге, «лукулловских обедах с великими князьями», о страсти мадам Витте к казино и ювелирам Парижа и т. п. Он пишет: «...никто, понятно, не знает цифр этих „сбережений“, но в Петрограде их оценивали десятками миллионов».¹ Колышко можно считать информированным источником, однако весь тон публикации говорит об обиде и предвзятости автора к Витте, что резко снижает доверие к нему.

Другой источник — воспоминания соратника Витте В. И. Ковалевского: «Бескорыстие С. Ю. Витте не возбуждало никаких сомнений. Вопросы личного материального благополучия его мало интересовали, и только за несколько лет до смерти он задумался об источниках существования в будущем, когда иссякнут его небольшие резервы. В бытность С. Ю. министром финансов государь Николай II раза два-три приказывал ему „помочь“ выдачей значительных — по казенной мерке — сумм. Не знаю, сделал ли это Государь по собственной инициативе или по просьбе кого-либо из близких к Витте лиц, во всяком случае сам Витте непосредственно не просил о том государя».²

Несомненно, что сама должность министра финансов, от которого зависело очень многое, представляла большие скрытые возможности для пополнения личного состояния, что при нравах чиновничества той эпохи и не было чем-то

¹ Баян. Ложь Витте. «Ящик Пандоры». Берлин, б. г. С. 59.

² Ковалевский В. И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 83.

исключительным. Однако в отношении Витте неизвестно никаких конкретных фактов. Если бы таковые имели место, они несомненно были бы использованы кем-то из его многочисленных противников.

Историки А. П. Корелин и С. А. Степанов пишут, что источниками доходов Витте на посту министра были жалование и «аренда» — форма денежного вознаграждения, которая назначалась по высочайшему распоряжению. Когда Витте весной 1906 г. оставил пост премьера, то аренда была отнята и перед ним встал вопрос, как заработать средства на жизнь, поскольку «ежегодный доход сократился до 19 тысяч — вдвое меньше того, чем он привык пользоваться».¹

Финансовые проблемы возникли потому, что Витте продолжал жить на широкую ногу. Он содержал виллу на французском курорте Биарриц, где проводил с семьей несколько месяцев в году. Больших расходов требовала светская жизнь в Петербурге. Разумеется, Витте мог бы легко избавиться от денежных затруднений. Иностранные и российские банки наперебой предлагали ему место консультанта со сказочной оплатой. Но он предпочел власть богатству. До конца своих дней оставался Витте членом Государственного совета и рассчитывал вернуться в правительство.

Истинную величину накопленного состояния С. Ю. Витте в какой-то мере позволяет представить обнаруженное нами в архиве Витте нотариальное духовное завещание, составленное вдовой М. И. Витте в мае 1915 г., вскоре после кончины мужа. В этом завещании в пользу внуков перечислены следующие средства: 5% китайский заем на 593 тыс. имперских марок; 45% облигаций Владикавказкой железной дороги на 633 тыс. имперских марок; 5% — закладные листы Дворянского земельного банка на 175 тыс. рублей номинальных. Кроме того, указано недвижимое имущество в Петрограде на Каменноостровском пр., д. 5 (особняк с постройками).

Очевидно, что состояние Витте к концу жизни вовсе не составляло «десятки миллионов», о которых пишет И. И. Колышко, т. е. Сергей Юльевич не использовал высокие должности как кормушку. Известно, что, эмигрировав в Европу после революции, семья Витте испытывала материальные

¹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 270.

трудности, поскольку ценные бумаги обесценились, а недвижимость была экспроприирована новыми властями.

Исследование материальной стороны жизнедеятельности С. Ю. Витте позволяет найти ответ на главный вопрос о смысле жизни и направленности личности реформатора. Для понимания феномена Витте уместно снова обратиться к М. Веберу, который рассматривал политику как призвание и профессию. «Есть два способа сделать из политики профессию: либо жить для политики, либо жить за счет политики и политикой... Тот, кто живет для политики, в каком-то внутреннем смысле творит свою жизнь из этого, либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо несет свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит делу, и тем самым придает смысл своей жизни.

Различие „для” и за „счет” политики касается гораздо более глубокой стороны — экономической. „За счет” политики, как профессии, живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; „для” политики — тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог жить «для» политики должен быть тривиальные предпосылки в нормальных условиях, он должен быть независим от доходов, которые ему может принести политика. Следовательно, он должен быть просто состоятельным человеком».¹

Академик Е. В. Тарле высказал следующую мысль: «Основная черта Витте, конечно, жажда и, можно сказать, пафос деятельности. Он не честолюбец, а властолюбец. Не мнение о нем людей было ему важно, а власть над ними была ему дорога. Не слова, не речи, не статьи, а дела, дела и дела — вот единственное, что ему важно».² Но для этого были необходимы элементарные материальные условия жизни, соответствующие положению в обществе.

Новая бюрократия

Царская бюрократия — явление сложное и противоречивое. «Все чиновники от высших до низших — члены русского общества и зависят от разума и „зрелости общества”. Всякое

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1992. С. 652.

² Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте... С. 511.

прогрессивное движение в обществе, по мнению Витте, отражается прогрессом в бюрократии, застой в нем — реакцией в ней».¹ Не следует забывать, что из среды бюрократии вышли многие выдающиеся деятели, что Великие реформы Александра II разрабатывались и реализовались представителями либеральной бюрократии в борьбе с консервативными силами. При анализе механизма власти в самодержавном государстве, где отсутствуют какие-либо институты социального контроля, способные ограничить власть правительства и влиять на принятие решений, в центре внимания оказывается государственный аппарат управления и круг составляющих его лиц — чиновничества. Именно в этой среде находится «модернизирующая элита», перипетии борьбы в правящих верхах находят отражение в прерывности процессов модернизации, сочетании «реформ» и «контрреформ».

Как отмечалось выше, Витте, являясь реформатором эпохи контрреформ, проводил экономические преобразования в период последнего периода укрепления самодержавия, стремился осуществить управленческую модернизацию, оставляя неизблемыми устои общества, и ему многое удалось.

Успехи преобразования связаны с использованием власти административного аппарата, бюрократических структур, существовавших до прихода Витте во власть. Новаторство Витте было связано не с ломкой прежних структур, а с внедрением новой философии и стиля управления, повышением эффективности работы аппарата. Витте являл собой новый тип бюрократии, сформировавшейся на капиталистической стадии развития России.

Появление нового типа государственного служащего связано с приходом во властные структуры молодой плеяды деятелей из практической сферы и с периферии, с иными взглядами и жизненным опытом, чем старое чиновничество.

«Невская столица издавна славится своим „безлюдьем“: оно и понятно, так как петербургская бюрократия несомненно вырождается. Ввиду этого волей-неволей приходится выписывать „сановников“ из недр провинции. В их число попал Витте», — пишет современник.² Говоря о начале пути, он пишет, что почти вся служебная карьера Витте протекала вдали

¹ Там же.

² *Small*. Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут. СПб., 1906. С. 44.

от Петербурга. Юго-западные железные дороги — дело живое. Железнодорожные служащие в тысячу раз либеральнее и «умственнее» так называемых столичных «канцелярских крыс». В столице Витте мало-помалу обюрократился, но сохранил такие лучшие качества управляющего и предпринимателя, как прагматизм, деловая хватка, настойчивость, энергия, демократичность.

У руля финансового ведомства встал не чиновник-манипулятор, а актуализатор, решатель проблем, который смог подобрать и сплотить команду единомышленников, разработать стратегию и организовать целенаправленную работу в напряженном ритме. «Для Витте настали минуты, когда он мог развернуться во весь свой богатырский рост. Со сказочной быстротою полетели друг за другом: золотая валюта; выкуп дорог в казну, винная монополия, насаждение торговли и промышленности и даже насаждение коммерческо-технических школ. Как бы по мановению жезла все заволновалось, все задвигалось, и бюрократия приуныла. Министры сошли на роль как бы чиновников особых поручений при особе Витте. В результате победоносное либерально-коммерческое „ура“ совершенно заглушало собой аграрно-консервативный „караул“... Витте, сгибая в бараний рог противников, по-царски жаловал своих друзей и сторонников. В силу этого обстоятельства в особенно благоприятных условиях находилось в те времена Министерство финансов, которое по сравнению с другими ведомствами и по сию пору вмещает в себе сливки русской бюрократии, все более или менее культурное и деловитое».¹

Витте привлек со стороны немало образованных и талантливых сил. «Он ввел закон, по которому самый мелкий чиновник финансового ведомства обязан иметь университетский диплом, тогда как в прочих учреждениях и по сие время процветает „домашнее образование“ или же „пшютовские дипломы камер-пажей и лицеистов“. Правда, требуя талантливости и диплом, Витте иногда очень щедро вознаграждал своих служащих; поэтому акцизный надзиратель получает у него жалование чуть ли не вице-губернаторское... все бюрократы сильно завидовали друзьям и сослуживцам финансового бога»,² — заключает современник.

² Там же. С. 45.

¹ Там же. С. 46.

Кадровая политика у Витте всегда была приоритетной: «Я имел счастье вообще, где бы я ни служил, приглашать талантливых сотрудников, что, по моему мнению, составляет одно из самых главных и необходимых достоинств администраторов по крупным делам, а по государственным, в особенности. Люди, которые не умеют выбирать людей, не имеют нюха к людям, которые не могут оценивать их способностей и недостатков, мне кажется, не могли бы быть хорошими администраторами и управлять большим делом. Что касается меня, то я могу сказать, что у меня этот нюх, может быть природный, очень развит. Я всегда умел выбирать людей и какую бы должность ни занимал и где бы я ни был, везде являлась крупная плеяда талантливых и способных работников».¹

Соратники Витте

Действительно, Витте умел подбирать и привлекать талантливых и способных сотрудников, которые были под стать министру финансов. Некоторые из них становились его соратниками на многие годы. К «команде» Витте можно отнести таких незаурядных деятелей, как В. И. Ковалевский, В. Н. Коковцов, А. Ротштейн, И. П. Шипов, И. И. Кауфман, В. И. Тимирязев и др. Нельзя не выделить Д. И. Менделеева — гениального химика и менее известного экономиста.

В подборе сотрудников Витте выделял профессиональные качества, игнорируя нередко даже политические мотивы, ценил научные идеи, но не любил абстрактного теоретизирования. Правда, Г. М. Клейнов, выдававший себя за «доброжелателя» Витте, утверждает: «Политико-экономическими соображениям Витте себя не затруднял. Соответственно сему определяются и качества его сотрудников. Витте были пригодны лишь такие люди, которые изыскивали новые пути к золоту или прославляли „его“ финансовую систему. Директор Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевский сочинил пресловутую книгу „Производительные силы России“, А. Н. Гурьев ежегодно снова вычислял увеличивающееся благосостояние населения. Люди, задающиеся теоретическими соображениями, не подходили для Витте. Поэтому и П. Х. Шванебах, этот в высшей степени просвещенный зна-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 15.

ток народного хозяйства, должен быть покинуть свою должность, и Витте рекомендовал ему издать труды в Париже».¹

В «Воспоминаниях» Витте неоднократно дает характеристики современникам, в том числе и своим соратникам, оценки при этом почти всегда содержат какие-то язвительные замечания, умаляющие достоинства человека; например, его преемник на посту министра финансов Плеске: «весьма чистый, честный и благородный человек, но с немецким умом, который имеет то преимущество, что он ограничивает полет мысли».²

К числу редких исключений относится его характеристика В. И. Ковалевского как «человека талантливого, чрезвычайно способного». Владимир Иванович Ковалёвский многие годы сотрудничал с Витте в Министерстве финансов, сначала в должности директора департамента, а с 1902 г. — товарищ министра, был человеком необыкновенной судьбы. Начинал он с приверженности к революционному движению, общался с известным террористом С. Г. Нечаевым. Затем, правда, отошел от революционных идей, занялся исследовательской работой и был приглашен министром финансов Н. Х. Бунге к работе в Министерстве, но слава политически неблагополучного долго его преследовала. Тем не менее Витте сразу привлек его к работе, поручив руководство одним из важнейших участков — Департаментом торговли и мануфактур. С его участием разрабатывались программы индустриализации страны, развития специального образования в России и многое другое. Из революционера он превратился в деятеля, лояльного самодержавию, но считал, что изменения в сфере экономики должны привести к демократическим изменениям в политической области. Отношения Ковалевского к Витте всегда сохранялись теплыми и, надо полагать, искренними, хотя в то же время Витте в мемуарах не удержался от реплики: «Он наверное сделал бы совершенно выдающуюся карьеру, если бы не его слабость к женскому полу».

К соратникам Витте, несомненно, можно причислить и Дмитрия Ивановича Менделеева, всемирно известного ученого-химика, человека необычайно широкого кругозора и интересов. Эти интересы охватывали многие области и сферы

¹ Клейнов Г. М. Граф С. Ю. Витте. СПб., 1906. С. 17.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 345.

народного хозяйства, Витте пишет: «В ведении Министерства финансов была и палата мер и весов, начальником этой палаты был Менделеев. Его назначил на этот пост Вышнеградский. Но эта палата мер и весов была в большем запущении, и сам Менделеев был в большом загоне.

Я, конечно, не мог не оценить того обстоятельства, что управляющим этой палатой состоит такой выдающийся ученый, как Менделеев. Поэтому как самому Менделееву, так и учреждению, находящемуся в его ведении, я оказывал всяческую поддержку».¹

Следует отметить, что их тесное сотрудничество касалось и многих других сфер; как и Витте, Менделеев был активным сторонником национального протекционизма, политики индустриализации страны, развития образования в России и др. Витте неоднократно опирался на авторитет известного ученого, особенно когда необходимо было в чем-то убедить царя или Государственный совет. По просьбе Витте Менделеев составлял различные записки и доклады, выступал на совещаниях. Интересны личные отношения этих двух людей, которые, очевидно, не были близкими. Любопытно, в частности, письмо Д. И. Менделеева к Витте, написанное в августе 1903 г.:

«Глубокоуважаемый Сергей Юльевич!

Решаюсь в первый и последний раз писать Вам по личным делам... Я выслужил 48 лет Родине и науке. Плоды моих трудов, прежде всего в научной известности составляющие гордость, не одну мою личную, но общую русскую... Лучшее время жизни и ее главную силу взяло преподавательство... Третья служба моя наименее видна, хотя заботила меня с юных лет до сих пор. Это служба по мере сил и возможности на пользу русской промышленности.

Оставив педагогическую деятельность, до сих пор кормившую, я хотел все свое время отдать газете... Основной целью своей газеты я считал развитие начал протекционной политики, которую считал, как и до сих пор считаю, единственным способом спасения России,... Вы поймете, что при всей скромности жизни у меня было мало возможности скопить какое-либо обеспечение для себя и семьи и вовсе не было времени и склонности заниматься этим. Вижу, что в таком

¹ Там же. С. 356.

печальном положении своих дел личных кругом сам виноват, что детям оставляю долги, что перед смертью надо подумать об исправлении наделанных ошибок».¹

Конца в письме по сути нет, великий ученый, видимо, просто постеснялся выразить конкретную просьбу министру финансов о помощи. Более того, не решился даже отправить письмо. На конверте была приписка: «послать после моей смерти». Так престарелый человек заботился о своей большой семье. Очевидно, что в сотрудничестве Д. И. Менделеева с всемогущим министром финансов не было и тени расчета, а только бескорыстное служение отечеству.

К числу соратников Витте может быть отнесен и В. Н. Коковцов, который, по сути, и стал преемником, поддерживая созданную систему. Правда, отношения их были очень непростыми, о чем свидетельствуют и мемуары обоих. Коковцов всегда отдавал первенство Витте, признавал его заслуги, в своих воспоминаниях он отмечал, что «не выступил новатором в деле управления русскими финансами и не проложил новых путей для экономического развития страны, стараясь лишь сберечь, охранить и развить то, что было сделано предшественниками».²

Первая их встреча и знакомство состоялись осенью 1892 г. Произошло это на фоне служебного конфликта. Витте тогда усомнился в достоверности представленных данных и «в выражениях чрезвычайной резкости» обвинил в недобросовестности чиновников, в том числе и Коковцова. Вскоре, правда, выяснилось, что ошибки не было, и Витте выразил сожаление о случившемся недоразумении, но осадок остался. Следующий контакт имел место в начале 1895 г., когда Витте подыскивал себе заместителя и его взгляд остановился на Коковцове. На переданное предложение тот ответил, что «опасался бы перехода в Министерство финансов, при близко мне известном теперь и невыдержанном характере министра». Кончилось тем, что «как-то утром, без всякого предупреждения заехал ко мне на квартиру Витте и в самых простых и дружеских выражениях предложил мне занять должность его товарища... При этом он сказал, что дает мне слово, что я никогда не услышу от него ни малейшей резкости... Я принял

¹ Архив Д. И. Менделеева. Т. 1, А, 1951. С. 32.

² Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. М., 1992. Кн. 1. С. 263.

сделанное мне предложение и в этом никогда не раскаивался».¹

Коковцов оставался в должности товарища министра в течение шести лет, и между ними, по его признанию, не было самого ничтожного недоразумения. После отставки Витте с поста министра финансов Коковцов возглавлял ведомство в 1904—1905 и 1906—1914 гг. Перерыв в полгода пришелся на тот период, когда Витте встал во главе первого объединенного правительства, и опять был связан с личным конфликтом между ними. Позже отношения поддерживались, но продолжали оставаться сложными, а порой и враждебными, что нередко объясняется ревностью Витте, отставленному от дел, к более удачливому сопернику.

Все, с кем приходилось Витте работать, отмечали очень высокую требовательность и к себе, и к другим. «Чиновники, приходившие с докладом, страшно его боялись, — пишет Вера, приемная дочь Витте. Один директор департамента всегда принимал валериановые капли, прежде чем идти к министру. Но, несмотря на всю его требовательность, служащие ценили его за уважение к чужому труду и за то, что он сам работал за троих».²

Многие говорили о доверии к подчиненным, в частности В. В. Максимов: «Я состоял директором Железнодорожного департамента и работал под руководством Сергея Юльевича в течение десяти лет. Впрочем, необходимо заметить, что Сергей Юльевич лишь первые два года интересовался Железнодорожным департаментом, после же он предоставил мне вести дело совершенно самостоятельно. Витте страшно ценил в своих сотрудниках самостоятельность во всем и до конца.

Доклады у Витте происходили при весьма любопытной обстановке. У докладчика нет с собой ни бумаги, ни карандаша, и вот в течение двух часов докладчик и Витте ходят из угла в угол по кабинету и яростно спорят. Витте при этом вводит собеседника в круг своих идей и горячо отстаивает защищаемый им проект. Если Витте сдавался на доводы собеседника, то обыкновенно он начинал горячиться и кричать: „Я вас не понимаю, что вы хотите делать, — и после некоторого раздумья: — Ну, да делайте, делайте!“».³

¹ Там же... С. 284.

² *Нарышкина-Витте В.* Записки девочки. Лейпциг, 1922. С. 12.

³ *Глинский Б. Б.* Граф Сергей Юльевич Витте... С. 253.

При Витте совершенно нельзя было выразить какое-либо ходячее мнение, он требовал серьезной и ответственной подготовки по всякому вопросу. Сергей Юльевич все время учился, читал серьезные исследования и, не получив специального образования, неустанным трудом достиг во многих вопросах весьма серьезной эрудиции. На глазах сотрудников совершалась эта удивительная метаморфоза. Были вопросы, по которым Сергей Юльевич сначала выказывал абсолютное невежество, но через два-три года он являлся знатоком вопроса. О многом свидетельствует и личная библиотека Витте, переданная по завещанию в Политехнический институт и хранящаяся там поныне.

В. И. Ковалевский отмечает, что С. Ю. Витте отличался удивительной трудоспособностью, работал не меньше 12 часов в сутки, и работа его была чрезвычайно производительна. В работе его интересовали основная мысль и общее направление. К мелочам он не придирался и не требовал условного канцелярского языка.

«Работать с ним было и приятно, и легко. Усваивал он новый предмет, что называется, на лету. К ближайшим сотрудникам он относился с большим доверием и представлял им широкую самостоятельность и большой почин».¹

Информативно в этом плане и письмо князя А. Д. Оболенского к Витте от 27 сентября 1897 г., в котором он пишет: «...от всей души грустно теперь уходить из-под Вашей команды, но нравственно, я все же буду под властью Вашего твердого и ясного взгляда на дело, взгляда, который привык ценить во время службы с Вами». Далее Оболенский объясняет, что взгляд этот состоит в удивительной способности отбросить всю мелочь и подробности дела, уметь смотреть на него и оценивать исключительно с точки зрения общего блага и пользы государства. Правда, он отмечает у Витте и ту сторону, которая «его смущает», а именно — жесткий прагматизм, «склонность придавать хозяйственной жизни государства чрезмерно преобладающее влияние, почти исключительное, считая многое другое пустыми фразами идеальничанья».

Другие современники обвиняли Витте в потребительском отношении к сотрудникам и соратникам. «Как Вы уме-

¹ Ковалевский В. И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте... С. 65.

ли эксплуатировать людей, много взять и мало дать, за чечевичную похлебку купить старшинство. Вы выжимали окружающих как лимоны и швыряли ими как сношенными перчатками. Вспомните Ваших сподручных, трудами и талантами которых возвеличилось Ваше имя, — Ковалевского, Максимова, Антоновича, Меринга, Гурьева, Ротштейна и многих, многих других, кто для Вас сочинял реформы, составлял Ваши речи, записки, доклады, кто тащил воз, на котором, помахивая кнутом и задрав лоб, сидели Вы — великий реформатор».¹ Это писал И. И. Колышко — чиновник, которого Витте обидел своей оценкой в «Воспоминаниях», человек явно пристрастный. Тем не менее вопрос о том, как Витте удалось создать высокопрофессиональную команду, возникает.

Ответ на него можно найти, на наш взгляд, обратившись к теории «пассионарности», предложенной Л. Н. Гумилевым. Для пассионариев, характеризующихся избытком энергии, характерно посвящение себя той или иной цели, преследуемой иной раз на протяжении всей жизни. Работа, выполняемая пассионариями в развитии этноса, конечно сама по себе значительна, но явно недостаточна, учитывая объемы, требуемые для этногенеза. Л. Н. Гумилев говорит о важнейшем признаке пассионарности в коллективе как о признаке пассионарной индукции, или заразительности, вследствие чего человек, попадающий под влияние пассионария, сам ведет себя так, как если бы он был пассионарием.²

В этом плане примечательно письмо В. И. Ковалевского к Витте от 31 мая 1910 г., где он пишет, что Витте был центральной фигурой эпохи, «выразителем редкой государственной мощи и таланта, фокусом всего живого»: «...к Вам неслись надежды, около Вас группировались деятельные силы, зарождалось новое — это лучшее время моей жизни». Ковалевскому не было нужды угождать отставному политику, да еще в опале, представляется, что только искренняя признательность могла родить эти строки.

Как отмечает Я. Сакер, наиболее крупные свои реформы Витте провел при помощи чиновников, и это приводит его к убеждению, что «ходячее мнение, что нельзя вести хозяйства

¹ Баян. Ложь Витте... С. 8.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 276.

посредством чиновников, есть устаревший анахронизм». «Еще 20 лет тому назад, — говорит он в своей известной записке о земстве, — никто не предполагал возможности ведения казной такого сложного хозяйства, как хозяйство железнодорожное, никто не допускал мысли о введении винной монополии. Опыт настоящего показал обратное».¹

Однако это не заставляет Витте замкнуться в бюрократическом кругу, интересы страны, — так, как он их понимал — он не приносит в жертву бюрократическому принципу управления. В 1902 г. учреждается Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, и стараниями Витте круг участников совещания значительно расширился, в нем приняло участие, на уровне губернских и уездных совещаний, около 11 тыс. человек из 49 губерний России. Так Витте от одной формы работы переходит к другой, от аппаратной — к широко представительной и совещательной.

Представитель новой российской бюрократии смог добиться результатов в реформах, опираясь на традиционные структуры, на старых и новых чиновников.

8.3. Витте и профессиональное образование

Витте — бюрократ в лучшем смысле слова, он работал и настраивал окружающих на предельно рациональную организацию дела и прекрасно понимал значение науки и профессионального образования. Отсюда его идея о создании системы подготовки управленцев для государственного аппарата и специалистов для промышленности, которой до него в России, по сути, не было.

Представитель и знаток русской бюрократии М. Е. Салтыков-Щедрин смог в наиболее яркой форме отразить уникальную управленческую культуру и знания в самодержавной России XIX в.: «Человек, видевший в шкафу свод законов, считает себя юристом; человек, изучивший форму кредитных билетов, называет себя финансистом; человек, усмотревший

¹ Сакер Я. Трагедия графа С. Ю. Витте // Северные записки. 1915. № 3.

нагую женщину, изъявляет желание быть акушером. Все эти люди, не обремененные знаниями, которые в „свежести” почерпнут решимость для исполнения каких угодно приказаний, а в практике отыщут и средства для их осуществления».

«„Прикажут — завтра же будут акушерами”. Ответ этот драгоценен, ибо дает меру талантливости русского человека, но еще он более драгоценен в том смысле, что раскрывает некоторую тайну, свидетельствующую, что упомянутая выше талантливость находится в теснейшей зависимости от „приказания”. Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это значит, что и по сему предмету никакого распоряжения не последовало. Мы не виноваты. Прикажут — и Россия завтра же покроется школами и университетами, прикажут, и просвещение вместо школ сосредоточится в полицейских управлениях. Куда угодно, когда угодно и все, что угодно». А заключает свою мысль сатирик так: «Уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается даже никакой профессиональной подготовки. Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы от рождения вкуса получили. Свобода от науки не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку букет „свежести”».¹

Витте как администратор европейского типа понимал, что опорой современного западного государства является чиновник-специалист, так же как промышленности — инженер. М. Вебер отмечает: «...конечно чиновник известен везде: в Китае, Индии, Египте, однако полная зависимость всей жизни от организации профессионально подготовленных чиновников ...которые являлись носителями основных повседневных функций социальной жизни, существует только на Западе».²

Н. Кутлер замечает, что Витте как политический деятель в отличие от других деятелей старого режима имел и проводил свои самостоятельные взгляды, придавал большое значение интересам культуры и просвещения и мог вообще считаться государственным человеком в западноевропейском смысле

¹ *Салтыков-Шедрин М. Е. Сочинения в 10 т. Т. 10. С. 9.*

² *Вебер М. Избранные произведения. М., 1992. С. 47.*

этого слова. «Он был в теории и на практике сторонником просвещенного абсолютизма, при котором министры, пользующиеся доверием верховной власти, имеют возможность беспрепятственно осуществлять самые смелые мероприятия». ¹

Одним из менее известных направлений государственной деятельности Витте была сфера специального образования, здесь он, используя преимущества централизованного бюрократического управления, смог добиться радикальных перемен. Интерес Витте к этой сфере не был случайным. В Программе 1899 г. в качестве трех сил, которые могут ускорить процесс образования вполне независимой национальной промышленности, наряду с капиталами и предприимчивостью выделялись знания. Витте, по сути, стал зачинателем профессиональной подготовки персонала в России как для нужд промышленности, так и для государственного аппарата. Сферу управления он стремился сделать предметной, требующей специальных знаний и умений. При Витте, можно сказать, «по приказанию сверху», впервые началось формирование системы профессионального, технического образования на разных уровнях: ремесленных школ, коммерческих училищ, политехнических институтов.

Исходная проблема

Переход страны на капиталистический путь развития сопровождался быстрым ростом промышленных, транспортных и торговых предприятий, увеличением численности рабочих и специалистов. Вместе с тем огромная страна располагала ничтожным числом высших технических учебных заведений. В Петербурге находились Горный институт (с 1773 г.), Институт инженеров путей сообщения (1810 г.), Технологический институт (с 1842 г.), Электротехнический (с 1891 г.). В Москве — техническое училище (с 1868 г.), инженерное училище (с 1895 г.), в Харькове — Технологический институт (с 1885 г.), в Риге — Политехнический институт (с 1862 г.). В 1895 г. в восьми технических и в четырех сельскохозяйственных учебных заведениях страны обучалось всего пять с половиной тысяч

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новый энциклопедический словарь. Т. 10. С. 849.

студентов, что лишь минимально удовлетворяло потребности народного хозяйства. По официальным данным, в 1885 г. из 22,3 тыс. руководителей промышленных предприятий только 1,6 тыс. имели высшее и среднетехническое образование, иначе говоря, 93 % директоров изучали дело только на практике. Одна треть руководителей, имевших образование, приходилась на долю иностранцев, следовательно, из 22,3 тыс. лишь 5 % русских имело хотя бы какое-то техническое образование. Даже на технически сложных производствах директора-специалисты не составляли большинства: в машиностроении — лишь 45,6 %, в сталелитейном и рельсопрокатном производстве — 57%, в химическом — 43 %. На текстильных предприятиях около 70% директоров не имели технического образования.¹

Количество инженеров и техников на предприятиях росло очень медленно, как и вообще количество образованных людей в России. Но и при таких условиях, как писали в то время, «известная часть нашего общества старается, насколько можно, задержать просветительное движение... их конек — это „перепроизводство интеллигенции“. Они считают, что следовало бы выпускать из университетов как раз столько молодых людей, сколько надо для нужд департаментов».² В 1894 г. на один миллион населения в России приходилось всего 152 студента, в Германии — 534, во Франции — 460.

Такое положение было в стране, которая была пионером в создании высших технических учебных заведений. В России Горный институт был основан в 1773 г., во Франции первое подобного типа заведение — в 1794 г., в Англии и США — лишь в XIX в.

Аналогичным было положение и с экономическим образованием, хотя России опять же принадлежало первенство в создании так называемых коммерческих училищ. Первое из них возникло в 1772 г. в Москве на деньги П. А. Демидова, позже оно было переведено в Петербург. К 1895 г. средние коммерческие училища были в Петербурге, Москве, Одессе, Харькове, коммерческое отделение имелось при Рижском по-

¹ Ковалевский В. И. Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов, по официальным данным // Техническое образование, 1893. Кн. 4. С. 12.

² «Перепроизводство» интеллигенции и недостаток у нас инженеров // Техническое образование. 1897. Кн. 5. С. 70.

литехническом институте, кроме того, существовала с 1804 г. Московская практическая академия коммерческих наук. После 1872 г. коммерческие отделения стали открываться при некоторых реальных училищах. Почти все эти учреждения содержались за счет пожертвований и средств, отпускаемых купечеством. Страна испытывала острый недостаток и в техниках, и в экономистах. К этому времени в России действовало 8 коммерческих школ, выпускавших коммерсантов со средним образованием. Подготовки высшего эшелона коммерсантов не было, его составляли преимущественно из иностранцев.¹

В 1889 г. на первом съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию рассматривался вопрос об учреждении коммерческого института. В докладе профессора С.-Петербургского университета Л. В. Ходского категорически утверждалось, что русской торговле, а вместе с тем и промышленности при современном состоянии коммерческого образования никогда не выйти из-под господства иностранцев «не только на иноземных рынках, но даже и у себя дома», если не будут созданы высшие коммерческие институты.

В такой ситуации при промышленном буме 90-х годов возникла настоятельная необходимость организации новых учебных заведений. Министерство народного просвещения, ведавшее техническими учебными заведениями, плохо справлялось с задачей подготовки инженеров, а подготовкой экономистов вообще почти не занималось. Тогда инициативу взяло на себя Министерство финансов.

По признанию Витте, он занимался этим делом «весьма ретиво и с большим удовольствием».² Конечной целью было не только создание достаточных кадров отечественных специалистов необходимого профиля, но и содействие повышению технического и морального уровней организации промышленности и торговли. В этой связи перед Витте возникло три задачи: во-первых, централизовать заведование существующими учебными заведениями в Министерстве финансов. Во-вторых, как говорилось в Программе 1893 г., «строго сообразовать программы и деятельность специальных образо-

¹ Янжул И. Значение образования для успехов промышленности и торговли // Техническое образование. 1896. № 3.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 255.

вательных учреждений с практическими нуждами страны». В-третьих, признавалось желательным увеличить число этих учреждений и расширить их финансирование предпринимателями, тем более что к этому времени русское купечество осознало важность и необходимость специального образования и было готово финансировать деятельность соответствующих учебных заведений.

До Витте в ведении Министерства финансов было 9 профессиональных учебных заведений, в их числе училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге, Строгановское училище в Москве, Московская практическая академия коммерческих наук и др.

Уже в середине 1893 г. С. Ю. Витте обратился к министру народного просвещения графу И. Д. Делянову с просьбой изъявить согласие на передачу подведомственных Министерству коммерческих училищ в ведение Министерства финансов. Однако согласие получено не было, и тогда Витте обратился к царю с просьбой рассмотреть вопрос в Государственном совете. Было решено, что «правильная постановка коммерческого образования» в России должна быть признана одной из главнейших мер для успешного развития внутренней и внешней торговли.

Большинство членов Госсовета приняли сторону Витте. В журнале заседания записано: «Следует совершенно отрешиться от теоретических воззрений и, став на чисто практическую почву, задаться вопросом, в каком ведомстве будет более обеспечено широкое распространение коммерческих знаний в нашем купечестве. Если держаться этой точки зрения, то приходится дать решительное предпочтение сосредоточению коммерческого образования в руках Министерства финансов».¹ В связи с этим была расширена и активизирована деятельность отдела образования в составе Департамента торговли и мануфактур министерства. Во главе отдела был поставлен И. А. Анопуло, по образованию технолог. Д. И. Менделеев, В. И. Ковалевский и С. Ю. Витте стали главными инициаторами и идеологами реформы образования.

«Я провел через государственный Совет положение о коммерческом образовании, благодаря которому последовало

¹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во II половине XIX века. Л., 1981. С. 237.

значительное расширение коммерческих училищ, — пишет Витте. По этому положению я возбудил инициативу между самими промышленниками и коммерческим людом, дав им значительную инициативу как в учреждении коммерческих школ, так и в их управлении. Вследствие этого они охотно стали давать средства на устройство».¹

Нельзя обойти вниманием тот факт, что инициаторами высшего коммерческого образования в России и до того были купеческие объединения, банки, биржевые комитеты. Понимая растущую опасность конкуренции наиболее развитых капиталистических стран, они привлекали для этого лучшие научные силы страны и давали средства.

По инициативе Витте в 1896 г. Государственный совет обсудил состояние коммерческого образования в России и пришел к заключению, что вследствие развития международных коммерческих сношений отечественная торговля ныне все более и более входит в круг торговли мировой. Успех всякого сколько-нибудь значительного торгового или промышленного предприятия в значительной степени зависит от того, насколько предприниматели понимают и знают действительно положение международного рынка, насколько верную оценку они могут дать множеству весьма сложных явлений экономической жизни как своей страны, так и соперничающих с нею других стран.

Запись в журнале Государственного совета от 18 ноября 1896 г. гласит: «Между тем наш строй университетского и вообще высшего образования, основанный на строгом распределении по факультетам и специальностям, устраняет возможность достижения теоретической коммерческой подготовки в имеющихся высших учебных заведениях; поэтому создание у нас высшего коммерческого учебного заведения представлялось бы весьма желательным, дабы коммерсанты по своей предварительной подготовке могли стать на один уровень с их соперниками на иностранных рынках».²

В том же документе говорилось, что интересы прежде всего государственной службы требуют учреждения такого высшего учебного заведения, в котором на преподавание экономических наук и тесно связанных с ним отраслей знаний

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 255.

² Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия... С. 238.

было бы обращено внимание гораздо большее, чем то, которое уделяют и могут уделять юридические факультеты университетов.

Спустя два года Витте представил проект положения о развитии коммерческих учебных заведений в Государственный совет, который возложил на Министерство финансов поручение подробно разработать и обосновать вопрос об организации в России высшего коммерческого образования.

В результате многолетних усилий при Витте было принято пять законоположений по учебной части, предусматривалось открытие даже женских учебных заведений, в которых «лица женского пола пользовались одинаковыми с мужчинами правами». Это было неслыханным для того времени нововведением. Для эпохи Витте характерна демократизация обучения, широкое привлечение общественных сил к учебному попечительству.

Университет нового типа

Витте, разрабатывая идею подготовки кадров высокообразованных коммерсантов, экономистов-финансистов и администраторов с высшим техническим образованием, прекрасно понимал всю сложность этой проблемы.

«Развив сеть коммерческого образования в России, у меня явилась мысль устроить высшие заведения — коммерческие и технические университеты в России, в форме политехнических институтов, которые содержали бы в себе различные отделения человеческих знаний, но имели бы организацию не технических школ, а университетов, т. е. такую организацию, которая наиболее способна была бы развивать молодых людей, давать им общечеловеческие знания, вследствие соприкосновения с товарищами, занимающимися всевозможными специальностями».¹

Как виделся Витте технический университет нового типа, при каких условиях он мог соответствовать своему времени? «Университет, кроме того, представляет из себя такую среду для научного развития молодых людей, какую не может представить никакая высшая школа, потому что в университете преподаются все научные категории знаний, которые в

¹ *Vumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 255.

данный момент составляют достояние человечества, и студенты живут в атмосфере этих знаний... Так, например, я, будучи студентом математики, очень интересовался предметами юридического факультета».

«Правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития. Вот с этой точки зрения, — пишет Витте, — многие говорят: „важно, чтобы студент приобрел не научные знания, а научное развитие, экономические и технические науки, связав их с достижениями „прикладных экономических и технических наук и присуждением, впервые в России, по научным направлениям института ученых степеней”».

Получив предварительную общую подготовку, воспитанники изучают рядом с общими предметами и науками еще одну техническую или экономическую специальность, получив при этом достаточно широкую теоретическую подготовку, овладев самостоятельным методом познания и практикой приемов инженерной творческой работы по своей специальности, не обремененным излишним балластом деталей, иной раз устаревших и никем не применяемых».¹

Витте, разрабатывая с помощью ученых идею подготовки высокообразованных инженеров, коммерсантов, экономистов-финансистов и администраторов с высшим техническим и экономическим образованием, прежде всего опирался на высказанную еще Д. И. Менделеевым концепцию системы просвещения в России.²

Важным практическим шагом Витте было основание трех политехнических институтов в Петербурге, Киеве и Варшаве. Сам Витте называл их «коммерческими и техническими университетами». При этом он столкнулся с рядом трудностей, в частности с предостережениями относительно того, что они могут стать новыми очагами политической крамолы. Эти опасения имели основания, университеты и другие высшие учебные заведения в конце XIX в. были традиционно центрами студенческих выступлений, которые часто приобретали политический характер. Следует отметить, что Витте, хотя и чувствовал приближение революционной грозы, нередко, скорее, с либеральных позиций относился к студенче-

¹ Там же.

² См.: Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1905.

ским волнениям, считал, что свойственная молодежи активность часто провоцируется грубыми действиями полиции.

Примером тому является его записка о студенческих волнениях в Петербургском университете в феврале 1899 г., когда студенты сначала освистали ректора за то, что он выпустил объявление, призывающее студентов к соблюдению порядка на улицах во время университетского праздника, а затем в ответ на притеснения полиции устроили беспорядки в центре города, перекинувшись на другие учебные заведения столицы. Включенный в состав комиссии и разобравшись с причинами, Витте пишет, что они возникли исключительно на почве тех недоразумений, которые имели место по поводу домашних университетских дел, между студентами и их начальством. Он считал, что действия полиции были «не вполне тактичны», и для успокоения студентов рекомендовал царю оповестить о разборе происшествия, что будет способствовать успокоению горящих юных умов, увидевших в объявлении ректора оскорбление.

Тем не менее очевидно, что при выборе места расположения Политехнического института в Петербурге свою роль сыграли и соображения об удаленности от города. В дачном пригороде Петербурга, в красивой лесной местности, Сосновке, был определен участок для строительства института. Расположенный в 12 верстах от центра, не имея надежной транспортной связи с городом, институт тем самым был бы практически изолирован от революционно настроенной столицы. Проектом предполагалось, что здесь будет построен университетский городок с учебными зданиями, общежитиями для студентов и квартирами для преподавателей. Живя в общежитии в обязательном порядке, студенты получат возможность общаться только между собой и педагогами, живущими здесь же, использовать внеурочное время для углубленных занятий по читаемым курсам и выполнять лабораторные работы под наблюдением доцентов, старших лаборантов. Практически Политехнический институт был задуман как элитный учебно-научный центр закрытого типа, изолированный городок, наделенный университетской автономией, напоминающий по уставу и другим признакам закрытое военное учебное заведение. Правила приема студентов, режим учебы и жизни их отличались от ординарных университетов и институтов и строго регламентировались, что в некоторой ме-

ре было продиктовано целью создания института особого типа.

Следует отметить, что у проекта было немало противников в министерствах народного просвещения и внутренних дел, но Витте, используя личное влияние на царя, удалось энергичными мерами опередить их действия, поставив перед фактом.

19 февраля 1899 г. началась история Петербургского политехнического института. В этот день Николаем II был утвержден высочайший доклад Витте об организации института. В докладе, в частности, говорилось, что «с развитием промышленности и торговли в России все более и более ощущается недостаток в лицах, специально подготовленных для государственной и частной деятельности в области банковского дела, кредита и вообще финансовых операций. Университеты, как средоточие чистой науки, не могут готовить деятелей для непосредственно практических целей».

С. Ю. Витте хорошо понимал, что с ростом капитализма и индустриализацией страны существенно меняются роль и хозяйственные функции современного государства. Усиливается и расширяется деятельность, все более регулирующая социальные и экономические отношения на внутреннем и внешнем рынках, между предпринимателями. Повернуть университеты к нуждам крупной капиталистической промышленности и усилить в них подготовку экономистов и техников с государственным кругозором для ведущих отраслей промышленности и народного хозяйства стало необходимостью.

А. С. Посников отмечает, что «история возникновения этого высшего учебного заведения показывает, с какими трудностями приходилось бороться. Чтобы судить о разнице в положении высшей школы, созданной тогда Министерством финансов, и той, которая находится в ведении Министерства просвещения, достаточно привести на память хотя бы то, что политехнические институты с момента учреждения получали право избрания своих профессоров и преподавателей, а университеты с 1884 г. и по сей час лишены этого права. Само собой понятно, что ведомство просвещения и близкие ему правящие круги были настроены против начинаний Витте, особенно в период министерства Боголепова».¹

¹ Вестник Европы. 1915. Кн. 4. С. 349—350.

По истечении трех лет Витте, проектируя структуру будущего Политехнического института, ввел в его состав четыре отделения, а именно: экономическое (коммерческое), электромеханическое, металлургическое, кораблестроительное. Следует отметить, что, будучи детищем Министерства финансов, институт формировался прежде всего как управленческо-экономический вуз для подготовки государственных чиновников, поэтому на экономический факультет в первый год планировалось принять 125 чел., тогда как на кораблестроительный — 25 чел., а на другие по 50—60 студентов.

К созданию Петербургского политехнического института Витте привлек лучших представителей технической и экономической мысли России: Д. К. Чернова — основоположника современной металлургии, А. С. Попова — выдающегося физика, изобретателя радио; главу русской школы кораблестроения А. Н. Крылова; «отца русских инженеров» — В. Л. Кирпичева. В число известных ученых-экономистов того времени — А. С. Посникова, А. Г. Гусакова, И. И. Иванюкова, А. И. Гурьева, А. А. Чупрова, В. Э. Дэна входил и ряд других, работавших советниками и консультантами в различных департаментах Министерства финансов.

Для того чтобы тесно связать теоретическую и практическую подготовку будущих инженеров и экономистов, к разработке учебных планов были привлечены представители промышленности: директор Балтийского завода — К. К. Ратник, главный металлург Обуховского завода — А. А. Ржешотарский и др.

Витте создал учредительную Комиссию, куда вошло большинство названных корифеев русской технической и экономической науки. «Явился вопрос: кого назначить директором этого института, — пишет Витте. Нужно было назначить человека, который не возбуждал бы в высших сферах каких-нибудь сомнений. Мне указывали, что я устраиваю такое заведение, которое впоследствии может внести смуту. Я остановился на князе Гагарине».¹

Андрей Григорьевич Гагарин как первый ректор немало сделал для строительства и становления Политехнического института, но как либерал оказался неугоден властям.

¹ *Bumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 256.

В 1907 г. была устроена полицейская провокация, на чердаке здания была «найдена» бомба, и ректор был предан суду — «за преступное бездействие». «В конце концов его судил Сенат, и он был уволен от службы без прощения. Конечно, такое решение было заранее подсказано», — с возмущением пишет Витте, обвиняя Столыпина.

Открытие Политехнического института состоялось в установленный срок, с октября 1902 г. начались занятия, к которым были привлечены лучшие преподавательские силы. В последующем, особенно после 1905 г., кроме перечисленных выше ученых в стенах Политехнического института преподавали такие известные мыслители начала века, как П. Б. Струве, С. Л. Франк, М. И. Туган-Барановский, Л. П. Карсавин, М. М. Ковалевский и др. Благодаря им Политехнический институт стал своего рода центром либеральной мысли не только Петербурга, но и России. Не случайно некоторые из них, в частности П. Б. Струве, С. Франк, стали авторами знаменитого сборника «Вехи» (1909 г.), который Ленин назвал «энциклопедией либерального ренегатства».

Витте гордился своим творением, в «Воспоминаниях» он писал: «Я довольно часто ездил в это заведение, которое я любил как мною основанное». Приемная дочь Вера отмечает: «Теплее всего он относился к учащейся молодежи и радовался, когда замечал, что его посещение доставляло удовольствие студентам. Он лелеял как любимое детище Политехнический институт, мечтая из него сделать первое высшее учебное заведение в России».¹ Об особом отношении Витте к институту свидетельствует и тот факт, что именно библиотеке этого института он завещал свою личную библиотеку, которая была передана туда после его кончины в 1915 г., где поныне и находится.

Приблизительно по тому же принципу Витте удалось основать еще два политехнических института: один в Варшаве, а другой в Киеве. Конечно, Витте не внес в их создание и доли того личного участия и заботы, как в Петербурге.

Политехнический институт столицы в последующие годы превратился в один из ведущих кадровых и научных центров страны. Здесь работали такие известные ученые-академики, как А. Ф. Иоффе, Н. С. Курнаков, А. И. Крылов, С. Г. Стру-

¹ Нарышкина-Витте В. Воспоминания девочки. С. 124.

милин, Ю. Б. Харитон, И. В. Курчатов, нобелевские лауреаты П. Л. Капица, Н. Н. Семенов. В советское время профиль института значительно изменился от первоначально задуманного, после реорганизации 1930 г. здесь уже не готовили экономистов-управленцев. На базе прежних факультетов возник ряд ленинградских институтов: финансово-экономический, торговый, кораблестроительный, а политехнический институт в 30-е годы стал самым крупным индустриальным вузом страны. Хотя все последующие преобразования института мало что оставили от замысла С. Ю. Витте, тем не менее ничто не может умалить его вклада как одного из отцов-основателей ведущего учебного заведения России.

Общие результаты государственной деятельности Витте в сфере профессионального образования достаточно впечатляющие. К 1902 г. в ведении Министерства финансов значилось не 9, а 191 учебное заведение, включая три политехнических института. Средних специальных учебных заведений насчитывалось 147, остальные — торговые школы, курсы, ремесленные мастерские и т. п. В них обучалось 24 тыс. человек. Таким образом, в России «по приказу сверху» административными усилиями в течение одного десятилетия была создана система образования, которая в странах Запада формировалась целое столетие.

Витте — яркий представитель новой российской бюрократии, которая стала формироваться внутри самодержавной системы на капиталистическом этапе развития страны. Государственный чиновник нового типа разрушает стереотипные представления, сложившиеся в обществе, появляется деловитость, ответственность, широкий кругозор и культура, привнесенная образованием. Как следствие возрастает эффективность государственного управления, снижается стена недоверия и отчуждения в обществе. Витте был в то время в зените своей популярности. Либералы тех дней, а отчасти и пресса воспевали его как «смелого и сильного пионера европеизации нашей азиатской бюрократии», — пишет современник.¹

¹ *Small.* Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут. С. 43.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ9.1. Творец Манифеста
17 октября 1905 года

Манифест 17 октября 1905 г. — важная веха в политической жизни России и вершина в государственном творчестве С. Ю. Витте. «На черном мраморе Александро-Невской лавры, прикрывающей Ваш прах, высечено золотом: 17 октября». И больше ничего. Так на плите Александра II могло быть высечено: „19 февраля”. Вы добились приравнения Вас к Великим реформаторам человечества», — это написано современником, «доброжелателем» И. И. Колышко (Баян).¹ Действительно эта дата была выбита на надгробии по завещанию самого Витте, что свидетельствует о том, какое значение он придавал Манифесту. Появление акта стало следствием развития внутриполитического кризиса и нарастания революции в России. Витте считается автором Манифеста, хотя к его составлению имеют отношение и другие деятели. Октябрю 1905 г. предшествовали годы нарастания кризиса и попыток спасти самодержавие на основе политических маневров, в которых Витте играл активную роль.

Отставка с поста министра финансов в августе 1903 г. хотя и нанесла ощутимый удар по самолюбию Витте, но не выбила его из колеи. В. Н. Коковцов свидетельствует, что в первое время после удаления Витте внешне сравнительно спокойно пережил свое устранение от активной деятельности, и еще с 1903 до половины 1905 г. не было каких-либо резких проявлений его недовольствия, несмотря на то, что он был в прямой немилости.

«Государь относился к Витте явно отрицательно. Императрица, еще более того, не скрывая, называла его в кругу

¹ Баян. Ложь Витте... С. 32.

своих близких не иначе, как «этот вредный человек». Все, кто жил около двора, подделывались под этот тон неблагоприятного к нему настроения, почти к нему не ездили, и только немногие, постоянно окружавшие его, когда он был у власти, и пользовавшиеся его особым вниманием, соблюдали приличие и время от времени навещали его не то из чувства благодарности, не то в предвидении, что, не ровен час, Витте опять выйдет из забвения и еще им пригодится, не то от скуки и однообразия петербургской жизни и от жажды сенсационных новостей и закулисных пересудов, всегда обильно черпавших в антураже этого большого человека.

Невзирая на это, влияние Витте было значительно. Он всегда был прекрасно осведомлен обо всем, что говорилось наверху, думал только об этом и учитывал каждый доходящий отсюда слух и с поразительным искусством пользовался им».¹

После отставки Витте много переосмыслил в своей деятельности и, весьма вероятно, прислушался к мнению авторитетных современников, в частности А. С. Суворина, который писал: «С. Ю. Витте говорил на этих днях биржевикам, что он торопится сделать как можно больше, и действительно сделал много. Как министр финансов он останется в истории личностью замечательною... Вопреки многим, я думаю, что С. Ю. ничего не осталось делать в области финансов, говорю только про эту область, которой надо отдохнуть и окрепнуть. Финансовой политике настало время уступить свое место, если можно так выразиться, политической политике... Необходимо общее творчество, а не финансовое только, не железнодорожное и торгово-промышленное.... Надо дать отдых податным силам. Они устали, мне думается, что он и сам устал, сам увидел необходимость остановиться и разобраться».²

Либерал-консерватор

По мнению Н. Кутлера, «Витте верил в исключительную силу неограниченной бюрократии, пока располагал всеми ресурсами... Лишившись власти в 1903 году, Витте усомнился в достоинствах государственного строя, который прежде ему казался нормальным для России. Русско-японская вой-

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Кн. 1. С. 395.

² Суворин А. С. О С. Ю. Витте // Промышленный мир. 1903. № 36.

на сделала Витте доступным влиянию конституционных идей».¹

Для понимания эволюции взглядов Витте необходимо учесть, что он был воспитан в строго монархическом духе и испытал значительное влияние славянофильских традиций, усвоенных от своего дяди Р. А. Фадеева и очищенных от малейшего налета оппозиционности. Он избежал увлечения радикальными идеями, столь распространенными в студенческой среде. Участие в «Святой дружине» красноречиво свидетельствует о настроениях Витте в период народовольческого террора. Активным защитником самодержавия он выступал на частной и государственной службе, о чем свидетельствует и записка «Самодержавие и земство». Витте писал: «Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской Великой империи». Исповедуя консервативную утопию, придерживаясь охранительного направления в политике, Витте в частном разговоре с А. А. Половцовым заявил в апреле 1902 г.: «Я враг по принципу, с детства мною усвоенному, враг всякого конституционализма, парламентаризма, всякого дарования политических прав народу».²

После опубликования в печати записки о земстве, Витте стал весьма одиозной фигурой для либеральных кругов, как «охранитель самодержавия». И в это же время в глазах крайних реакционеров он был «красным». А. Н. Куропаткин в дневнике пишет, что Плеве указывал государю на то, что Витте красный, что все недовольные элементы в своей противоправительственной работе находят поддержку и опору у Витте.

Противники Витте справа изображали его перед царем претендентом на пост президента республики и подстрекателем «всех смут — от конституции до революции», стремящимся довести дело до революции и затем, захватив в свои руки власть, явиться спасителем. Репутация «красного» упрочилась вследствие независимости его суждений. Являясь убежденным монархистом, он никогда не испытывал религиозного благоговения перед монархами, будь то русский царь или германский император, он видел человеческие недостатки и у почитаемого им Александра III, а уж про Николая II он

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новая энциклопедия. Т. 10. С. 849.

² Дневник А. А. Половцова. Запись 18 апреля 1902 г // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 66.

говорил просто много нелестного. Его отношение к царственным особам лучше всего выразилось фразой в «Воспоминаниях» о том, что «верноподданные его величества... чтут в лице государя не Николая Александровича, но тот принцип, при влиятельном значении которого создавалась великая Россия».¹

Независимость выражалась и во многих других вопросах. Витте, в частности, показал себя защитником инородцев и евреев. Известный юрист А. Ф. Кони приводит в воспоминаниях описание заседания Комитета министров 7 января 1903 г. по вопросу «О ходатайстве еврейского общества г. Вильны о разрешении открытия дома трудолюбия для евреев». Казалось бы, мелкий, частный вопрос, но против его разрешения высказался министр внутренних дел В. К. Плеве. Кони тогда точно записал, кто что говорил; Плеве: «„Я считаю еврейство явлением враждебным национальному и государственному благу России“».

Витте в ответ: Ввиду заявлений статс-секретаря Плеве я должен сказать, что хотя и во всех министерствах стеснительные меры против евреев считались необходимыми, но министерство финансов всегда признавало их несправедливыми и в своей деятельности, считая евреев полезными посредниками для торговли и промышленности, отступало от этого неоднократно и будет впредь отступать».²

При антисемитизме двора такого рода заявление выглядело вызывающе. Именно подобные высказывания Витте и дали позже повод черносотенцам обвинить его в жидомасонстве. Конечно, независимость суждений Витте вовсе не основание для причисления его к красным и даже к либералам, он оставался убежденным монархистом. В записке германского канцлера Бюлова Вильгельму II содержится почти стенографический отчет о его беседе с Витте в июле 1904 г., когда тот откровенно высказался против резкого перехода в России от «ретроградного образа правления к чрезмерным либеральным уступкам». «Теперь можно было бы парализовать недовольство в России, если бы проявить больше терпимости по отношению к нерусским народностям и иноверцам, менее грубо третировать учащуюся молодежь, предоставить некоторую

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 558.

² *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте... С. 56.

свободу печати и во внутреннем управлении заменить далеко идущую бюрократическую опеку хотя бы скромным самоуправлением. Если же под влиянием террористических актов верховная власть придет к мысли дать России конституцию, — это был бы конец России. Россия не вынесет конституции в европейском смысле слова. Конституция с гарантиями, парламентом и всеобщими выборами повела бы к анархии и взорвала бы Россию».¹

Очевидно, что Витте был одним из представителей политической элиты России, силами которой осуществлялись внутренняя политика и преобразования в период, предшествовавший принятию Манифеста 17 октября. Подробный и основательный анализ механизма выработки политических решений содержится в работе Р. Ш. Ганелина,² где прослеживаются внутренняя логика и преемственность ряда правительственных актов (12 декабря 1904 г., 18 февраля и 6 августа 1905 г.) и, конечно, события 9 января 1905 г., которыми началась первая русская революция.

Важен ответ на вопрос, какова же была ведущая тенденция в области реформирования государственного строя. Процесс носил нелинейный характер, реформы перемежались с периодами усиления репрессий и даже временами реставрацией царизма, который с трудом и явной неохотой расставался с феодальным прошлым. В этом сложном процессе Витте и некоторые другие представители либеральной бюрократии гораздо лучше царя понимали необходимость назревших преобразований и отстаивали свои позиции, невзирая на возможную опалу. Неохотные, но неизбежные шаги властей в области государственных преобразований делались под влиянием революционных событий навстречу требованиям либеральной оппозиции и широких демократических кругов.

Чем выше поднималась революционная волна, тем настоятельнее становились эти требования и неизбежные уступки. Но отход от самодержавного принципа, движение к народному представительству сопровождались драматическими переживаниями самого царя и его ближайшего окружения.

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории. С. 126.

² Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революции. СПб., 1991.

Психодрама расставания с самодержавной властью хорошо показана у Р. Ш. Ганелина. Характеризуя внутреннюю политику начала XX в., историк отмечает, что все меры, направляемые против освободительного движения, только подрывали авторитет власти. Решительный удар этому авторитету был нанесен русско-японской войной.

Следует выделить момент, когда в июле 1904 г. был убит Плеве. Вокруг освободившегося поста министра внутренних дел развернулась острая борьба, в которой принял самое активное участие Витте, хотя он об этом умалчивает в «Воспоминаниях». Острота борьбы объяснялась тем, что при Плеве он оказался таким же влиятельным в области определения курса правительства, каким был пост министра финансов, когда его занимал Витте. В обстановке отсутствия объединенного правительства в России на первые роли выходили руководители ведущих министерств.

В дневнике А. С. Суворина 4 августа 1904 г. появилась запись о переданном ему разговоре министра юстиции Н. В. Муравьева с царем, вскоре после убийства Плеве. «Муравьев сказал царю откровенно о положении России, — записал Суворин. — Оно отчаянное. Нельзя управлять без общества, нельзя управлять через министров при их очных докладах и при том обычае, когда министры выпрашивают у царя его самодержавную подпись и это является законом. — Что же вы хотите, чтоб я кабинет учредил с г. Витте?» — «Не кабинет, а у нас есть Совет министров, который совсем не собирается». — «Значит, по моей вине? Как мне председательствовать по всяким пустякам?»¹

Не знавший об этом разговоре Витте полагал в эти дни, что его шансы быть «первым министром» (т. е. премьером) возрастают, и говорил о подготовке своей программы. Однако наиболее доступным он считал кресло министра внутренних дел.

С назначением преемника Плеве случилась заминка, которая была связана не только со столкновением личных интересов и влияний на царя, за ней стояла необходимость выбора нового политического курса, который помог бы укрепить позиции самодержавия. Рассматривалась кандидатура Б. В. Штюрмера — директора Департамента общих дел Мини-

¹ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 6.

стерства внутренних дел, но он был отвергнут по настоянию вдовствующей императрицы как «твердолобый консерватор». Кандидатура Витте, заверявшего в верности самодержавию, но настаивавшего на том, что для «излечения болезни необходимо объединение министров в форме кабинета» (с ним самим в качестве премьера), был царем отвергнута.

В конце концов остановились на князе П. Д. Святополк-Мирском, который имел репутацию либерала. Хотя прежде, до 1902 г., он был товарищем министра внутренних дел и шефом жандармов, но покинул этот пост как несогласный с репрессивными методами Плеве.

После назначения Мирского Витте уехал отдыхать в Сочи, взяв с собой по совету И. В. Гессена (редактора журнала «Право») курс «Государственного права», и если до того он не желал вникать в основы конституционного устройства стран, «то по возвращению был ориентирован во всех основных вопросах». Следует отметить, что в личной библиотеке Витте, переданной по завещанию в Политехнический институт, литература по разделу право составляет самую большую часть — около 200 наименований книг, что свидетельствует об его самообразовании.

Министерство Святополк-Мирского внесло свежую струю во внутреннюю политику. При назначении он поставил царю ряд условий, говорил о программе реформ-уступок, царь как будто на все согласился. Мирский вынес из беседы с царем, что того политика предыдущих лет «начинает тяготить».

Однако первые же интервью Мирского корреспондентам газет, в том числе иностранным, вступительная речь перед чиновниками министерства, отмена некоторых из наиболее одиозных мер Плеве тотчас же вызвали недовольство царя и озлобление противников нового курса. Суворин назвал курс Мирского «правительственной весной», земские организации выражали Мирскому восторги по поводу курса «доверия». Однако Витте, узнав о первых шагах нового министра, решил, что ему «не сдобровать». Тем не менее шаги Мирского оказались толчком к радикализации, которую претерпели различные группы либеральной оппозиции.

Затем последовала разработка программы Мирского под влиянием съезда земств. Началась серия напряженных переговоров либералов с представителями правительства, в ходе

которых Мирский придерживался ориентации на умеренных земцев и добился разрешения на их съезд. Они дорожили своей монархической лояльностью, но испытывали влияние радикальных элементов.

«Скорей, скорей! Левый крен наклоняет корабль! Делайте же ваши конституционные заявления! Внушите вашим славнофилам и вот этому безвольному, часто плачущему монарху, что прямой, честный, открытый, нелицеприятный переход к народному представительству еще может спасти не только страну, но даже саму монархию!» — так характеризовала впоследствии смысл давления слева на умеренных земских либералов Е. Д. Кускова.¹

В доказательство неотвратимости конституции либералы ссылались на изданную записку Витте о земстве. Россия должна была стать по их проекту конституционной монархией с законодательной думой из двух палат — земской палаты и палаты народных представителей.

А Витте всеми способами добивался восстановления своего былого могущества. Он решил приспособиться и приветствовал «курс доверия» Мирского, стремясь оказывать на него свое влияние. Он демонстративно поддерживал нового министра, противопоставляя его Плеве, и окружал, по словам В. Н. Коковцова, «льстивыми, подчас совершенно ненужными проявлениями покровительства в заседаниях Комитета министров». В глазах придворных и в правительственных сферах Мирский вскоре оказался «ставленником» Витте, а затем «все стали говорить в один голос, что фактически министром является теперь не кто другой, как тот же С. Ю. Витте».²

Витте играл против Святополк-Мирского «очень двусмысленную роль», в кругах, где разделялись реформаторские идеи, говорил одно, в придворных кругах другое, противоположное. По мнению Р. Ш. Ганелина, несомненно, что в создании неблагоприятной обстановки для нового курса, ощущавшейся Мирским уже в конце октября 1904 г, значительная, хотя и незаметная роль принадлежала председателю Комитета министров. Мирский узнал обо всех проделках

¹ Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. С. 15.

² *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 48.

Витте позже, да и тогда не поверил, что тот «умышленно играет двойную роль», сказывались, видимо, личные заверения Витте о поддержке курса.

Положение Мирского было крайне осложнено активностью Витте, как бы вырвавшего у него власть. Но и Витте это не пошло на пользу: он власть не получил.

Противостоять идее народного представительства, хотя и отвергнутой официально, но пропитавшей политическую атмосферу тех недель, становилось все труднее. Тем острее становилась политическая борьба в верхах. Программа Мирского обсуждалась в особом совещании, где Витте перехватил инициативу. Результатом стал указ 12 декабря 1904 г., представлявший собой неохотные, но неизбежные шаги царских властей в области государственных преобразований. «Витте пытался еще совместить законность с самодержавием, но выработанный под его руководством указ 12 декабря 1904 года остался мертвою буквою»,¹ — пишет Кутлер.

Между тем положение ухудшалось как на японском фронте (20 декабря пал Порт-Артур), так и внутри страны. Назревали события января 1905 года.

9 января и начало революции

Обстановка в начале января 1905 г. продолжала накаляться, 3 января Мирский получил от царя письмо, в котором говорилось, что «теперешнее бездействие вполне равносильно преступному попустительству». На следующий день царь потребовал от министра общего запрета собираться и говорить. На слова Мирского, что для этого «нужно всех запереть, объявить осадное положение», Николай ответил: «Ну что же, может быть, и придется объявить». Мирский заключил, что с указом 12 декабря «выйдет скандал, что государь его подписал бессознательно». Он опять просил об отставке, царь обещал отпустить его через неделю или две.

6 января, на церемонии рождественского богослужения на Неве в присутствии царской семьи произошел казус. С бастиона Петропавловской крепости вместо холостого выстрела

¹ Кутлер Н. С. Ю. Витте. Новая энциклопедия. Т. 10. С. 849.

произошел боевой, картечью, ударив рядом со свитой. Чудом обошлось без жертв. Полиция посчитала это случайностью, но царь испугался.

А в те дни на 9 января готовилась народная манифестация, священник Гапон призывал рабочих идти с петицией к царю, чтобы рассказать о бедах простых людей. Сама идея была воплощением мечты Николая II — «Народ и царь». Простой народ шел за защитой к самодержцу. Однако после казуса поползли слухи, что во время демонстрации произойдут кровавые беспорядки, подготовленные революционерами, возможен захват Зимнего, и царь сбежал из столицы в Петергоф. Военные готовятся к подавлению «мятежа». В ночь накануне шествия в казармах раздают боевые патроны, готовят лазареты. А Гапон — полицейский провокатор, призывает идти к Зимнему дворцу.

Накануне, 7 и 8 января, у Святополк-Мирского проходили совещания военных и полицейских чинов, которые носили сугубо частный характер, но было выработано решение о разгоне демонстрации с петицией царю. Формально юридическая сторона дела заключалась в том, что в России, в сущности, не было права петиций. Существовала, таким образом, возможность объявить гапоновскую акцию преступлением, а руководителя арестовать. Действительно, 8 января было решено Гапона арестовать, но его не могли найти.

Вечером 8 января особняк Витте на Каменноостровском проспекте посетила депутация, избранная в редакции «Наших дней», в составе крупных ученых, писателей, деятелей культуры. В ответ на просьбу о вмешательстве в назревшие события Витте заявил, что в его компетенцию это не входит. Правда, он не преминул назвать ответственных за это лиц — Коковцова и Мирского, которые «уже приняли свои меры», и самого царя, который должен был быть осведомлен «о положении и намерениях рабочих». В ответ на требование М. Горького «довести до сведения сфер, что, если завтра прольется кровь — они дорого заплатят за это», он по телефону просил Мирского принять депутацию, однако тот ответил отказом, заявив, что знает о соображениях депутации, но что «их желание неисполнимо».

Депутация возникла стихийно из лиц, собравшихся в тот вечер в редакции газеты и обеспокоенных предвидением кровавой расправы. Департамент полиции на основании доноса

усмотрел в этой депутации временное правительство, поэтому члены ее в ночь на 11 января были арестованы, но вскоре выпущены, когда вскрылась вся нелепица. Это был признак того страха и ужаса, в котором пребывали власти.

Витте занял формальную позицию, о чем свидетельствуют и его мемуары: «Рабочих предупредили, они не верили, что в них будут стрелять, и не удалились. Всюду последовали выстрелы, залпы, и, таким образом, было убито и ранено, насколько я помню, больше 200 человек».¹ На самом деле в результате действия войск 9 января 1905 г. свыше 1 тысячи человек было убито, около 2 тысяч ранено.

Витте и другие министры объясняли трагическое события 9 января отсутствием единства государственного управления, разобщенностью министерств и ведомств, лишенных права совещаться. Ведь тогда вместо царя эту петицию мог бы принять кто-то из министров и этим избежать кровавой драмы.

Витте считал, что в эти дни его акции резко поднялись, теперь он уже не собирался довольствоваться креслом министра внутренних дел, а надеялся возглавить правительство. Витте развернул в те дни широкую кампанию, доказывая, что если бы царь прислушался к его мнению, а Комитет министров под его председательством был органом реальной власти, то 9 января все обошлось бы мирно и благополучно. Взмахивая вину на Мирского и, шумно негодуя, он открыто заявлял в кругу высших сановников, что «стрелять совсем не нужно было».

В те дни в газете «Эко де Пари» появилось короткое интервью с Витте ее петербургского корреспондента Дрю, в котором Витте с нарочитой сухостью повторял лишь, что его накануне событий никто ни о чем не спрашивал, что он председатель не Совета, а Комитета министров, члены которого ему не подчинены.

В газете «Освобождение» 9 февраля 1905 г. опубликована статья, где анонимно кто-то обвинял царя (избегая только прямо его назвать) в том, что рабочих «принялись дико, нелепо расстреливать», хотя, если уже царь сам не хотел к ним выйти, он мог бы послать кого-нибудь другого вместо себя. «Только авантюрист или дурак может решиться теперь стать

¹ Bumme С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 343.

министром внутренних дел», — заявлял аноним. Ему было, конечно, совершенно точно известно, что «не соглашается принять этот пост и Витте, если только ему вместе с этим титулом канцлера не предоставят полной свободы применять свою программу».¹ И когда царь, вызвавший его как будто бы по делам Комитета министров, заговорил о революционных событиях, то Витте прямо заявил, что хотя «наверное, все будут уговаривать назначить министром внутренних дел именно его, он советует государю этого не делать, так как если он будет министром внутренних дел, то он заберет все в свои руки, что у него такой характер, что он иначе не может, а что это государю не понравится». Не очень трудно угадать, чья рука водела «анонимом».

Рекомендации царь, кажется, услышал, и 18 января министром внутренних дел вместо Святополк-Мирского был назначен вызванный из Москвы А. Г. Булыгин. А Витте было поручено царем созвать совещание всех министров и председателей департаментов Государственного совета. Целью совещания Николай II поставил обсуждение тех мероприятий государственной важности, которые вызываются событиями последнего времени, и выработку, «мер, необходимых для успокоения страны». Царь предписывал Витте собирать такие совещания и впредь как по его собственной инициативе, так и по вопросам, вносимым отдельными министрами.

Между тем оборот, который приняли события после 9 января, заставили правительство искать выход в борьбе не только с пролетариатом. Забастовки, стачки, охватившие всю страну, были, по сути, поддержаны предпринимателями. «Промышленность, класс у нас, как и везде, консервативный и боящийся резких перемен, на этот раз в лице своих наиболее крупных групп высказался за коренное изменение государственного строя и сделал это, очевидно, потому, что видел в происходящих событиях грозное предостережение»,¹ — говорилось позже в обзоре, составленном по указанию Витте. Важным элементом политической ситуации были выступления либеральной и демократической интеллигенции, а также студенческое движение.

¹ Цит по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. С. 68.

Давление на царя в пользу преобразований все усиливалось, лихорадочные поиски выхода заставляли прислушиваться к советам даже со стороны. 24 января свой план предложил царю германский император Вильгельм II, который, с одной стороны, предостерегал, — «сохрани Бог от какой-либо уступки бунтующей черни», с другой — уговаривал Николая ехать в Москву и там с большой торжественностью объявить, что после японской войны будут обсуждены вопросы «о внутреннем благоустройении». Но особенно энергично Вильгельм предостерегал «от вверения внутреннего переустройства России» Витте, считая его «весьма опасным» из-за «нанесенных его самолюбию уколов».¹

Тем временем Витте продолжал разработку проекта объединения в Совете министров высшего государственного управления, исходя из того, что обстоятельства «переживаемой години» требуют единства в действиях правительства. Он предложил формулу, которая, казалось бы, должна была удовлетворить всех здравомыслящих. Не создавая отнюдь кабинета «в западноевропейском значении этого слова», т. е. сохранив первенство монарха, этой формулой Витте и в дальнейшем склонял царя к образованию объединенного правительства, но тот усмотрел в ней угрозу самодержавному принципу, еще не приступая даже к вопросу о представительстве (парламенте).

Но объединенного правительства требовали и другие министры, в частности А. С. Ермолов — министр земледелия и госимуществ. В обращении к царю (которое в печати было названо как «проект конституции», но опровергнуто автором) министр первым из трех пунктов поставил «полное объединение правительственной власти». Ермолов понимал, что опора на штыки ненадежна. Сам Витте 18 января заявил, что 80% «простого народа» еще не затронуто революционной пропагандой, и призывал царя на него опираться. «Если государь утратит эту опору, останутся штыки, но они из народа», — предостерегал он.

Витте было ясно, что карательная машина забуксовала или во всяком случае теряет свою эффективность. Нельзя было сбрасывать со счетов и реакцию в Европе на события в России. «Первые же сообщения о начале январского движе-

¹ Ганелин Р. III. Российское самодержавие в 1905 году. С. 78.

ния в Петербурге опрокинули царский кредит на парижской бирже и вызвали на ней нарастающую панику».¹

В первой половине февраля состоялись заседания Совета министров, где обсуждалась ситуация в стране. Была идея опубликовать манифест не в смысле призыва, но с нотой «щипа». Витте был против. Царь метался между желаниями не делать никаких отступлений от самодержавного образа правления и боязнью «потерять все». Обсуждался вопрос о «представительстве» (парламенте), большинство было за его созыв, однако по поводу сроков созыва, способов его составления точки зрения разошлись.

Витте с нарочитой прямоотой пугал Николая ролью конституционного монарха («права государя в парламентах ограничиваются. Не угодно ли справиться?»), предсказывал, что конфликты с представительством и вокруг него могут принять «даже вооруженный характер». Цель его словно состояла в том, чтобы заставить царя поверить, будто единственный, кто знает верный путь к выходу из трудностей, это он, Витте. Не лишне напомнить, что под его представительством разрабатывался в эти дни проект объединенного правительства и перед ним маячило видение кресла премьера.²

Витте представил свой проект царю 9 февраля. Другой проект предложил Коковцов, которого как министра финансов беспокоили вопросы получения кредитов в Европе, и поэтому он ратовал за вариант ближе к западноевропейскому. В принципе это было выгодно и Витте, но он это не показывал.

Официальная полемика по поводу преобразования органов высшего управления отражала «борьбу партий» в верхах. По сути, сформировались две партии. Первая, консервативная «придворная», группировалась вокруг фигур П. Гессе, М. Путятина, В. Фредерикса. Им противостояла «конституционная» — партия министров во главе с Ермоловым, в котором первые видели тень ненавистного им Витте. Самого же Витте «справа» представляли врагом не только царя, но и монархии, стремящегося к собственному возвышению, вплоть до поста президента республики в случае свержения монархии. Возведя перед царем все эти страшные обвинения против Витте, консерваторы сами никаких планов не имели,

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории. С. 35.

² Ганелин Р. III. Российское самодержавие в 1905 году. С. 90.

«они стараются мешать Витте... и только», — пишет Р. Ш. Ганелин.¹

Тем временем беспорядки в стране нарастали, а власти были парализованы. «Власть как будто отсутствует», — записал в дневнике 15 февраля великий князь Константин Константинович.

Особой вехой в событиях того периода стало заседание Совета министров 18 февраля 1905 г., на котором обсуждался рескрипт о созыве представительства. В «Воспоминаниях» Витте пишет, что он на заседании молчал. «На самом деле, по свидетельству очевидцев, это было не так: запись Нольде показывает, что Витте высказался за его подписание: рескрипт может помочь делу... Спешить надо... Страна в опасности... Опереться на общество».²

Энергичнее всех за рескрипт выступил тогда Булыгин — новый министр внутренних дел, получавший по телефону и сообщавший на заседании сведения о все новых революционных выступлениях. Попытки оттянуть подписание рескрипта не удались. Прочитанный Булыгиным проект рескрипта «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего и в искоренении крамолы и в противодействии смуты внутренней» был принят и подписан царем.

В умеренно-либеральных кругах 18 февраля объявили «поворотным пунктом» в истории России. «Право» писало, что «власть желает опереться на народ, править в согласии с его волей», земские собрания, городские думы в адрес царю выражали благодарность. Левые же либералы, в частности П. Струве, не удовлетворились в рескрипте тем, что «при характере и образе мыслей царя» он открывал «эпоху не внутреннего мира, а еще более напряженной борьбы». И оказались провидцами. Но в тот момент рескрипт сыграл определенную умиротворяющую роль. Напряженность в стране временно пошла на спад. Это позволило царю на какое-то время уйти от давления Витте, да и в день подписания рескрипта царь поручил председательствовать в Совете министров не Витте, а Сольскому. Либеральная уступка царя лишила тогда Витте возможности добиться своей цели и занять клю-

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 101.

чевую роль в правительстве. Инициатива на время перешла к Булыгину, Трепову и другим.

В те дни русские войска терпели поражение на Дальнем Востоке, они вынуждены были с большими потерями отступить у Мукдена. Тогда прозвучал призыв к либеральной оппозиции усилить натиск на правительство, о чем несомненно было известно Витте. Он и сам 28 февраля обратился со всеподданнейшим письмом, в котором требовал мира, чтобы выполнить рескрипт и тем хоть немного успокоить Россию. «Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи... — писал он. — Бедность населения увеличится, параллельно увеличится озлобление и помрачение духа. Россия потеряет кредит, и все заграничные держатели фондов (между прочим, вся французская буржуазия) сделаются нашими врагами». Витте, предсказывая дальнейшие военные неудачи, предлагал, хотя это и «ужасно больно», начать мирные переговоры, обставив их «условиями, охраняющими престиж царской власти».¹

Письмо не было воспринято царем, который тогда еще находился под влиянием сторонников войны, но негативная реакция тем не менее проявилась в отношении самого Витте неожиданным упразднением 30 марта 1905 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое он возглавлял. Это означало потерю позиций Витте и вызвало в Петербурге резонанс, молва приписывала Трепову главную заслугу «в крушении Сергея Юльевича». Для всех было очевидно, что Витте потерпел поражение от «придворной» партии.

В последующем беспорядки в стране продолжались и нарастали, но в мае 1905 г. после цусимской катастрофы в какой-то степени внимание общественности и властей переключилось на события на Дальнем Востоке. Царь вынужден был думать о мирном договоре с Японией, заключение которого пришлось поручить ненавистному Витте.

Позорное поражение в Маньчжурии вызвало возмущение в стране, которое было усилено новым назначением Д. Ф. Трепова (будучи Петербургским генерал-губернатором, отдал приказ «патронов не жалеть»), товарищем министра внутренних дел. Полицейская диктатура была расценена не соответствующей рескрипту 18 февраля. Напряжение в стра-

¹ Там же. С. 104.

не не спадало, волнения охватили даже армию — «оплот режима». Восстание на броненосце «Потемкин» имело большой резонанс. Как новая уступка правительства появился Манифест от 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы («Булыгинской»), но Витте к его появлению не имел отношения, поскольку в тот период находился в Портсмуте.

Манифест 17 октября

Вернувшись в Россию после успешного завершения переговоров в США, Витте застал страну в состоянии встревоженного улья. Он прибыл в Петербург 15 сентября, встретил довольно прохладный прием, но тем не менее получил графский титул и, как считали в бюрократических верхах, нацелился на пост премьера в будущем кабинете.

В дневнике А. А. Половцова 18 сентября 1905 г. сделана запись: «Забавно видеть смятение разных здешних сфер по случаю скорого возвращения „Иуды“, увенчанного лаврами миротворца. Его менее чем когда-либо любят и более чем когда-либо опасаются, и в настоящую минуту придумываются всякие меры к его „обезвреживанию“».¹

За время отсутствия Витте в стране произошел ряд политических подвижек: манифестом 6 августа была официально принята идея народного представительства. Получила дальнейшее развитие и идея объединенного правительства. Царя пугали тем, что, не учредив такое правительство, он придет к «великому бедствию» — сама царская власть окажется низведенной до вовлечения в борьбу партий. Новый Совет министров должен был заменить собой не только старый, заседавший в редких случаях под председательством царя, но и Комитет министров, который возглавлял Витте.

Многие ожидали, что Витте будет огорчен приемом, обижен и подаст в отставку. Витте, однако, поступил противоположным образом. Он продемонстрировал полную лояльность государю и сразу включился в работу. Первый свой визит он нанес Сольскому, который еще 1 сентября получил разрешение царя на включение Витте в состав своего совещания. А 21-го Витте выступил на совещании с грозной речью,

¹ Цит. по: Ганелин Р. III. Российское самодержавие в 1905 году. С. 219.

утверждая, что «враги правительства сплочены и организованы, дело революции быстро продвигается».

Спасение он видел в создании Кабинета министров, которые должны назначаться царем по рекомендации председателя (или первого министра) из лиц, согласных «с господствующим мнением председателя». Витте настойчиво требовал побыстрее покончить с вопросом о кабинете и представить дело царю не позднее 10 октября.

Все это происходило в дни стремительного нарастания революционных событий. Сентябрьская стачка московских рабочих, ознаменовавшая вовлечение в революционную борьбу крупнейшего промышленного района, в течение первых дней октября начала перерастать во всеобщую политическую стачку. 4 и 5 октября начались забастовки на крупнейших заводах Петербурга, остановили работу главные мастерские Николаевской железной дороги. Витте реагировал на это новой речью о том, что «нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархией».

Осенью 1905 г. царская семья, отрезанная всеобщей забастовкой, сидела в Петергофе и единственным средством сообщения с Петербургом был пароход. «Хоть вплавь добираться», — печально острил царь. Казалось, вопрос о падении Николая II был предрешен. Добиравшийся на пароходе к царю Витте слышал сочувственную речь гофмаршала Бенкендорфа о том, как трудно будет царской семье с пятью детьми искать пристанища у коронованных родственников в Европе.

Скованному ужасом перед революцией царю Витте предлагал выбор между военной диктатурой и собственными услугами в качестве премьера государства с конституцией. А к выбору царя толкала обстановка. Вот как описывал ее в те дни начальник канцелярии Министерства двора генерал А. А. Мосолов: «...под влиянием непрерывных террористических актов и объявлений всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки. Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета, в чем они должны выразиться».¹ А Витте знал, и царь знал, что он знает, поэтому 9 октября и состоялось совещание, к которому Витте подготовил записку. Угрожая «ужа-

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 54.

сами русского бунта», отметив растущую с каждым днем злобу против правительства в обществе, «не исключая консервативных слоев», и необходимость предоставления гражданских свобод, Витте приучал Николая II к слову «конституция», которая никакой опасности в действительности не представляет». Если еще недавно Витте называл конституцию «великой ложью», то в записке говорилось, что государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. «Это слово не должно пугать и быть под запретом».

Нет основания считать, что Витте резко изменил свои взгляды и превратился в либерала, пусть даже самого умеренного толка. Он поставил свою подпись под написанной по его заказу запиской, но вряд ли разделял изложенные в ней идеи. Витте считал, что уступки привлекут на сторону правительства умеренные слои общества. Именно к этому моменту относится приписываемая Витте знаменитая фраза из обращения к Николаю II: «Прежде всего постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на Вас направленные, направит на себя».¹ В записке Витте предлагались реальные шаги по пути государственных преобразований. Наряду с уверениями, что полнота царской власти сохранится, говорилось о необходимости перехода к законодательному представительству (созыву Думы) и о неизбежности введения в будущем всеобщего избирательного права. В качестве срочных мер — создание объединенного правительства и преобразование Государственного совета. В рабочем вопросе предлагалось нормирование рабочего дня, государственное страхование рабочих. В аграрной политике с особой осторожностью была высказана мысль о возможности выкупа крестьянами части помещичьих и казенных земель.

Перед царем возникла альтернатива: либо принять программу Витте, либо силой подавить смуту во всех ее проявлениях, «не останавливаясь перед пролитием крови». Расчет был беспроигрышным. Витте знал, что сил для осуществления карательной политики не было, и найти подходящего кандидата в военные диктаторы после проигранной войны было трудно.

При повторной встрече 10 октября Витте в присутствии царицы повторил сказанное накануне. Николай II высказался

¹ Цит. по: Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 175.

за опубликование «основания записки» в виде Манифеста. Распространился слух, что Витте посоветовал царю дать конституцию и брался провести это преобразование. По словам Мосолова, «у всех отлегло на душе». Но затем получил огласку вызов царем великого князя Николая Николаевича, находившегося у себя в имении в Орловской губернии. Правые стали с восторгом уповать на него как на диктатора. Однако диктатор не появился.

Великому князю из-за забастовки на железной дороге пришлось добираться до столицы в товарном вагоне, а когда по дороге рабочие потребовали у него конституции, то он оказался просто морально сломлен. Мосолов так описывает ситуацию: когда министр двора граф Фредерикс, обрадованный приездом Николая Николаевича, сказал ему, что его приезда ждали, чтобы назначить диктатором, великий князь, будучи в каком-то неестественном возбуждении, выхватил револьвер и закричал: «Если государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера».¹

Критический момент для самодержавия стал звездным часом для Витте. После 10 октября он был уверен, что царь примет его проект, но тем не менее продолжал действовать не покладая рук.

13 октября Николай II дал по телеграфу поручение Витте «впредь до утверждения закона о кабинете» объединить деятельность министров, которым ставил целью «восстановить порядок повсеместно». Это уже стало фактически премьерством Витте. Но он не торопился, заявив, что не примет должности, если не будет утвержден его всеподданнейший доклад, который предназначался для публикации. В нем провозглашалось стремление к утверждению гражданских свобод, однако подчеркивалось, что «устройство правового порядка» — дело долгое, и вообще весь доклад был весьма умеренным.

Однако царь настаивал на манифесте, и тогда Витте поручил князю А. Д. Оболенскому за ночь составить его проект, и утром 15 октября по дороге в Петергоф, где находился царь, проект Манифеста уже обсуждался на пароходе. А положение было совершенно критическим. Петербург был без уличного транспорта и железнодорожного сообщения даже с Петерго-

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. С. 57.

фом, частично без освещения и связи. Бастовали все, банки, почта, типографии, даже правительственная, так что и важнейшие политические документы было негде отпечатать. Генерал-губернатор Трепов считал, что у него в Петербурге достаточно войск для подавления вооруженного восстания, но военный министр А. Ф. Редигер заявил, что находящиеся внутри страны войска ненадежны в целом. А Витте, как и прежде, развивал свою мысль о двух путях борьбы с революцией, высказываясь за конституционный. Царь прервал заседание, приказав Витте представить текст Манифеста. И началась изнурительная работа по доработке текста Манифеста, принятого только 17 октября. О ее драматизме подробно поведал как свидетель генерал Мосолов.

Кроме проекта Витте—Оболенского существовали варианты Горемыкина и барона Будберга. Шла отчаянная борьба, противники Витте пытались не допустить его до поста премьера. Однако их усилия оказались тщетны, позиции Витте были таковы, что он мог позволить себе даже игнорировать придишки царя к тексту Манифеста, заставив подписать его в целом. Это произошло вечером 17 октября 1905 г.

Из дневника царя: 17 октября «завтракали Николаша и Стана. Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал Манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию».

О том, каково значение Манифеста 17 октября 1905 г., написано немало. Общеизвестно, что либеральная буржуазия горячо приветствовала Манифест, видя в нем провозглашение «коренных начал, правового строя», первую конституцию, и расценила ее принятие как свою победу. Примечательно, что вскоре появилась даже политическая партия «Октябристов» во главе с А. И. Гучковым (Союз 17 октября). Некоторые правоведы считали, что после 17 октября самодержавный строй прекратил свое существование, другие — что Манифест не внес изменений в организацию государства. Однако даже Ленин характеризовал его как первую победу буржуазной революции, несомненно, что в целом это был прорыв в сторону формирования в России конституционного правового государства, и роль Витте в этом процессе невозможно умалить. То был апогей его жизни и карьеры.

9.2. Первый премьер и зарождение парламентаризма в России

Манифест родился в чрезвычайно смутной обстановке русской жизни. По мнению Б. Б. Глинского, ни один год из всей русской истории не представляет собой такого запутанного клубка нитей разнообразных цветов, как именно последняя четверть 1905 г. Этот клубок мы еще не скоро будем в состоянии размотать по составным частям.¹

«Одобрение моей программы и подписание Манифеста 17 октября, — пишет Витте, — отрезали мне возможность уклониться от поста председателя Совета Министров, т. е. от того, чтобы взять на себя бразды правления в самый разгар революции. Таким образом, я очутился во главе власти, вопреки моему желанию, — держит традиционную позу граф. — Конечно, я очутился у власти потому, что все другие симпатичные монаршему сердцу лица отпраздновали труса, уклонились от власти, боясь бомб и совершенно запутавшись в хаосе самых противоречивых мер и событий. Повторилось то, что случилось перед Портсмутом; точно так, как государь был вынужден обратиться ко мне, чтобы я принял на себя тяжелую миссию ликвидировать постыдную войну... Как в первый раз, так и теперь, во второй, я волею Государя был брошен в костер с легким чувством: «Если, мол, уцелеет, можно будет затем его отодвинуть, а если погибнет, то пусть гибнет. Неприятный он человек...».²

В беседах с Глинским о том времени Витте высказывал следующие мысли. «Я никому не угодил — ни правым, ни левым, ни друзьям, ни врагам, ни тем, кем был выдвинут к власти и к активной деятельности...

Те самые люди, которые еще накануне 17 октября выдвигали меня, как активную силу, очень скоро перешли в разряд моих врагов и стали помышлять о том, как бы разрушить то, что было установлено Манифестом 17 октября. Среди окружающих меня сановников, ныне вешающих на меня всех собак, царил также полнейший сумбур...

Короче, в наличии русской жизни, сразу взбудораженной 17 октября, господствовал полный хаос, а тут еще полная дез-

¹ Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте. Т. 142. С. 610.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 57—58.

организация власти сверху донизу, от центра к перифериям, раскаты революции, знаменитые иллюминации помещичьих имений, отсутствие войска для подавления беспорядков, отсутствие денежных средств в казне для ликвидации злополучной японской войны и для ведения необходимой стране и государству финансовой политики, что в таком положении можно было сделать и притом сделать сразу и к общему довольству?»¹

*Формирование кабинета
и борьба с анархией*

Действительно, с первых дней премьерства Витте стал искать опору в обществе. Он оговорил с царем вопросы формирования правительства, удалив такие одиозные фигуры, как Победоносцев и Булыгин. Было в принципе решено, что на посты министров премьер сможет привлечь и общественных деятелей, если таковые могут помочь своею репутацией успокоить общественные волнения.

Однако все же начал он с прессы, полагая, что она может оказать наиболее существенное волнение на успокоение умов. С этой целью уже 19 октября Витте пригласил к себе в особняк на Каменноостровском проспекте представителей большинства петербургских газет, надеясь установить контакты и найти в кругах либеральной интеллигенции союзников. Однако результат оказался противоположным и явно обескуражил Витте. Тон встрече задал редактор «Биржевых ведомостей» Проппер, тот самый, что много раз прежде получал от Витте поддержку и которого он имел основания считать своим человеком. «Проппер преимущественно и даже почти исключительно говорил со мной от всей прессы... ему никто не противоречил, несмотря на крайние его взгляды в смысле революционном... довольно нахальные, в особенности по тону...

Значит, действительно случилось в России и прежде всего в этом прогнившем Петербурге что-то особенное, какой-то особый вид умственного помешательства масс, коль скоро такой субъект заговорил таким языком, а остальные представители прессы или потакали ему, или молчали», — делает вывод Витте.²

¹ Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте. С. 610—611.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 60.

Что же, собственно, заявил Проппер? «Мы правительству вообще не верим», — начал он. Затем заявил требование, чтобы все войска были выведены из города и охрана представлена городской милиции. Витте воспринял это как революционное требование и совершенно неприемлемое: «Я отлично понимал, что если я это сделаю, то сейчас же начнутся в городе грабежи и убийства, что мне через несколько дней придется ввести в город войска и пролить кровь тысяч людей». Далее Проппер требовал всеобщей амнистии и «опять столь же нахальным тоном». «При подобных требованиях для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно, что пресса совершенно деморализована».

«Итак, ожидать помощи от помутившейся прессы я не мог; напротив того, газеты или желали, чтобы я был пешкою в их руках, или жаждали тех или иных от меня благ, — рассудил Витте.¹ Он явно не оценил тех последствий, которые имело появление Манифеста 17 октября. Состояние эйфории, охватившее либералов, выразилось в ряде демонстративных шагов в отношении властей — «принципиальном слушании правительства».

Свобода слова, продекларированная в Манифесте, определенно связала руки властям, и меры были приняты против некоторых газет лишь тогда, когда появилась угроза паники на денежном рынке вследствие публикаций.

После неудачной попытки опереться на прессу Витте решил искать союзников среди общественных деятелей. Он остановился на умеренных деятелях, близких по позициям, в частности Д. Н. Шипове и А. И. Гучкове — будущих лидерах партии октябристов. Первому он хотел предложить пост государственного контролера, второму — министра торговли. В ходе переговоров возникли непреодоленные разногласия, в частности по поводу кандидата на пост министра внутренних дел. Витте после поисков остановился на кандидатуре П. Н. Дурново, хотя был осведомлен о его моральном облике, вызывавшем протесты либералов. В период разгара революции на этом посту требовался знающий и опытный полицейский, и в этом плане, сделав на ставку Дурново, Витте не ошибся, хотя потом признавал, что это ухудшило его и без того сложное положение как премьера.

¹ Там же. С. 63.

Интересны воспоминания лидера кадетов П. Н. Милюкова о беседе с Витте. Это был момент, когда Витте искал общественных деятелей для участия в его кабинете, и когда он, уже получив несколько отказов, недоумевал относительно причины этой сдержанности общественных деятелей.

«Общество знает ваше прошлое, — и общество вам не верит. — заявил Милюков. Оно не знает и того, на что вы имеете полномочия и на что не имеете. Но оно, естественно, опасается, что известные обществу деятели будут использованы только как прикрытие, как ширмы, за которыми будут делаться дела, которые общество одобрить не может.

Но как же добиться доверия общества? — возражал граф Витте, — ведь доверие это может быть получено только делами, а для того, чтобы дела эти были, уже нужно иметь общественное доверие и общественное действие?»

«Конечно, положение психологически чрезвычайно трудно, — отвечал Милюков, — и очень похоже на заколдованный круг. Но вот что казалось бы мне возможным исходом. Теперь никакой общественный деятель к вам не пойдет. Но вы можете начать реформы немедленно, не дожидаясь вступления их в ваше министерство: образуйте то, что за границей называется в подобных случаях переходным министерством, *cabinet d'affaires*, деловым министерством».¹

По мнению Леонтовича, Витте искренне искал соглашения с представителями общественности. Он придавал этому настолько большое значение, что сначала старался не выработать окончательной программы; иными словами, разработку ясной и четкой правительственной программы он принес в жертву усилиям достигнуть соглашения с общественностью.

«Конечно, это была ошибка, — считает Леонтович. — Четко выработанная программа облегчила бы соглашение с оппозицией, так как определенность всегда обладает притягательной силой».²

Витте не нашел общего языка ни с кадетом Милюковым, ни с октябристами Гучковым и Шиповым. «Мне противны разные эсдеки, я презираю кадетов с их главными лидерами

¹ Речь. 15 марта 1915 г.

² Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 486.

во главе, но если я кого ненавижу, то это именно октябристов. Они присвоили себе то, что связано непосредственно с моим именем, — 17-го октября, и повлекли это самое по грязи», — скажет потом Витте.¹

Однако Леонтович считает, что не только присутствие в правительстве таких одиозных фигур, как Дурново, оттолкнуло умеренных земцев. Им просто психологически трудно было из представителей оппозиции добровольно превратиться в членов правительства. Он отмечает, что переговоры представителей общественности (отчасти именно тех же самых) со Столыпиным носили «совершенно тот же характер».

В итоге Витте создал как бы временное, рабочее правительство из малоизвестных деятелей — «деловой кабинет».

«В сущности я должен был в это время один управлять Россией, Россией поднявшейся, революционизировавшейся, не имея в своих руках никаких орудий управления сложным механизмом империи», — пишет он в «Воспоминаниях».² Если к этому прибавить, что забастовка железных дорог, а потом почта и телеграф мешали сообщениям, передаче распоряжений, то будет совершенно ясно, что в первые недели после 17 октября появилась полная дезорганизация власти. Действовала сломанная, неорганизованная власть, которую потом окрестили растерянной властью. «Я со своей стороны знаю, что я был безвластный, а затем все время моего премьерства с властью, оскопленной вечной хитростью, если не сказать коварством, императора Николая II», — описывает свое состояние Витте.³

В ноябре взбунтовалась Москва, строились баррикады. Николай почувствовал злобу обманутого. Он дал им конституцию, он перешагнул через себя. И в ответ все продолжается. Что же правительство Витте?

Проблемой для Витте стало влияние генерала Д. Ф. Трепова на государя. Трепов на посту товарища министра внутренних дел был по сути диктатором и своими грубыми действиями способствовал разжиганию революции. Выйдя в октябре в отставку, он занял влиятельный пост дворцового коменданта в Царском Селе, где большей частью и находилась семья монарха. «Таким образом, Трепов во время моего

¹ Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте. С. 895.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 73.

³ Там же.

министерства имел гораздо больше влияния на его величество, нежели я; во всяком случае, по каждому вопросу, с которым Трепов не соглашался, мне приходилось вести борьбу. В конце концов, он являлся как бы безответственным главою правительства, а я ответственным, но мало влиятельным премьером», — пишет Витте.¹

В такой сложнейшей обстановке Витте тем не менее не растерялся и вследствие продуманных мер смог постепенно овладеть ситуацией. Он выделил для кабинета ряд первоочередных задач. Прежде всего — подавление революции, пламя которой охватило всю страну. На улицах происходили стычки революционеров с войсками, полицией и черносотенцами, были убитые и раненые. Бастовали рабочие заводов и фабрик, железнодорожники и телеграфисты, в сельских уездах пылали помещичьи усадьбы. Армия была ослаблена тем, что большая часть войск застряла в Манчжурии, а главное — брожение коснулось и ее рядов. Не получив поддержки в широких кругах общественности, Витте решил, что необходимо отныне бороться с революцией теми методами, против которых он недвусмысленно возражал. И тогда он уполномочил Дурново подавить революцию при помощи полиции и военных сил.

Главная угроза исходила слева, от рабочих советов. А. С. Суворин иронизировал: «...отчего, дескать, Хрусталева-Носаря не арестует граф Витте? Правительству графа Витте он противопоставил правительство Хрусталева-Носаря... Ни Носаря, ни его правительство, ни всех этих рабочих депутатов я не боялся и в грош их не ставил», — пишет Витте.² Г. С. Носарь (псевдоним Хрусталева) был одним из руководителей Петербургского совета рабочих депутатов, образованного в результате всероссийской октябрьской стачки. Петербургский совет, как совет столицы, был призван возглавить революционное движение в стране, однако этой задачи, как пишется в советской энциклопедии, совет не выполнил, ввиду меньшевистского руководства, возглавлявшегося политическим авантюристом «беспартийным меньшевиком» Носарем. 26 ноября 1905 г. правительство арестовало Носаря, а 3 декабря был арестован весь состав Петербургского совета.

¹ Там же. Т. 3. С. 89.

² Там же. С. 98.

Когда, казалось, беспорядки пошли на спад, в Москве 2 декабря 1905 г. произошло восстание 2-го гренадерского Ростовского полка, в результате которого солдаты взяли командование в свои руки. Выбранный революционный полковой комитет потребовал созыва учредительного собрания, передачи земли крестьянам, освобождения политзаключенных и т. п., был создан Совет солдатских депутатов из представителей ряда полков гарнизона. Это был пик революции, пришлось принимать экстренные меры для усмирения. Как пишет Леонтович, это удалось Дурново сравнительно легко. Даже для подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве оказалось достаточным вызвать из Петербурга гвардейский полк. В других городах полиция одна справлялась с революционерами.

В вопросе о числе жертв историки сталкиваются с разногласиями. Проправительственные источники их занижают, прореволюционные — завышают. Витте пишет: «Я ставлю себе в особую заслугу то, что за полгода моего премьерства во время самой революции в Петербурге было всего убито несколько десятков людей и никто не казнен».¹

Советские же источники в противовес отмечают: «Количество жертв контрреволюционного террора правительства Витте не поддается точному определению, во всяком случае только казненных и расстрелянных насчитывались тысячи и тысячи».²

Витте, видимо, сознательно говорит только о Петербурге. По его инициативе посылались карательные экспедиции генералов Ренненкампа и Меллера в Сибирь, Мина — в Москву. В конце 1905—начале 1906 г. правительство издает целую серию секретных циркуляров о расстреле без суда и следствия участников революционного движения, об арестах забастовщиков, административного выселения участников крестьянских выступлений. Так, в секретном циркуляре военного министра от 15 декабря 1905 г. предписывалось войскам без всякого колебания прибегать к употреблению оружия «для немедленного прекращения беспорядков».

Министр внутренних дел Дурново в своем циркуляре местным властям предлагал приказать немедленно истребить

¹ Там же. С. 62.

² См. примечания к «Воспоминаниям», С. 616.

силой оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — сжигать их жилища, чтобы раз и навсегда искоренить самоуправство.

Решительные меры правительства достигли целей, беспорядки пошли на спад.

В дни спада революции супруга внушает царю со всей своей верой и страстностью мысль о злонамеренности Витте. Манифест, мол, ни к чему не привел, — недаром после него продолжались восстания. Великие тени стояли за спиной царя — его предки Романовы и небесный покровитель — Серафим Саровский. Они вместе с ним и подавили революцию, а не жалкий манифест, который Витте в дни тяжких бедствий заставил подписать царя.

К тому времени стало ясно: монархия спасена. Пережив бурю, «правые» стали думать о смене караула у престола — пришла пора убирать либералов. Вновь Витте сделал свое дело.

А к императрице присоединяется великий князь Николай Николаевич, еще вчера и обнимавший Витте, и славивший Манифест. Он теперь его враг, покровительствует черносотенцам.

Витте и черносотенцы

Витте отмечает, что в подавлении революции значительная роль принадлежала и черносотенцам. Сразу после объявления Манифеста 17 октября по всей России прокатилась волна контрреволюционных выступлений, сопровождаемых еврейскими погромами. Царские власти, не располагая силами для прямого и открытого подавления революционного движения в стране, не препятствовали и даже попустительствовали черносотенным организациям в подавлении забастовок для запугивания буржуа и интеллигенции. 17 октября черносотенцы устроили побоище в Москве в Марьиной роще, на следующий день в Петербурге, волна черного террора охватила более ста городов. На протяжении трех недель было убито до 4 тысяч человек, ранено и изувечено свыше 10 тысяч. Самые большие жертвы были во время еврейских погромов в Одессе.

Отношение Витте к черносотенцам всегда было презрительным, хотя в те дни он был просто бессилён. Его принципиальная оценка такова: «Эта партия в основе своей патрио-

тична, а потому при нашем космополитизме симпатична. Но она патриотична стихийно, она зиждется не на разуме и благородстве, а на страстях. Большинство ее вожаков — политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы».¹

Под «партией» подразумевался «Союз русского народа», образовавшийся в октябре 1905 г. для борьбы с революцией. «Они ни по приемам своим, ни по лозунгам (цель оправдывает средства) не отличаются от крайних революционеров слева, они отличаются от них только тем, что революционеры слева — люди, сбившееся с пути, но принципиально большей частью люди честные, истинные герои, за ложные идеи жертвующие всем и своей жизнью, а черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистичные, самые низкие, цели желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла... их армия — это хулиганы самого низкого разряда. Благодаря влиянию великого князя Николая Николаевича и государь возлюбил после 17 октября больше всех черносотенцев, открыто провозглашал их как первых людей Российской империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость».²

Одновременно с ростом красного террора Витте ясно увидел и рождение террора черного, рука об руку с главарями которого пошли его столь недавние единомышленники. Трудности Витте в противостоянии правым националистам заключались не только в их высоком покровительстве, но и в том, что эта партия имела сторонников в провинции, среди губернаторов, градоначальников. Витте заботило, что громкая деятельность черносотенцев подрывала престиж царской России в глазах мирового общественного мнения, затрудняя получение иностранных займов. Она осложняла проведение политических реформ, единственного, по мнению Витте, средства спасения царизма от катастрофы. Отсюда резко враждебное отношение его к черносотенцам и уничтожающие, но справедливые по существу оценки их руководителей — Дубровина, Маркова, Коновицина и др.

¹ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 272.

² *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 42—43.

Следует отметить, что ультраправые платили тем же, их злобные нападки на Витте начались гораздо раньше осени 1905 г. Весьма примечательны в этом плане постановление и приговор собрания ложи Мезори, ордена Розенкрейцеров от 30 апреля 1905 г.: «Собрание признало вполне для себя доказанным, что этот человек, — без чести и совести, едва достигнув власти, сделался злым гением своего отечества и что, продавшись международной шайке жидов, он упорно добивается разорения и уничтожения России.... Преступник достиг предела своего могущества и безнаказанности. Если слаб монарх, а большинство других стоящих у власти людей сделались рабски послушными сообщниками Сергея Витте, то существует иная власть, свободная и сильная, которая бесповоротно решила уничтожить злодея», — свидетельствует документ, обнаруженный в фондах Российской национальной библиотеки.

Приговор был суров: исключение Витте из ложи и символическая казнь преступника. Документы оставляют впечатление фарса, поскольку нет никаких сведений, что Витте когда-нибудь был масоном. Вероятнее всего, то было бессильное выражение злобы правых националистов.

Проявлений враждебности черносотенцев к Витте немало примеров, в частности переименование в 1905 г. улицы в Одессе, носившей его имя, по инициативе местных националистов, имевших там большое влияние. Однако более существенна была опасность террористических актов против личности Витте, что вообще было довольно нередким явлением в политической жизни начала прошлого века. Не случайно сразу после назначения председателем Совета министров Витте, по настоянию департамента полиции, переехал жить из своего незащищенного особняка на Каменноостровском проспекте в запасную половину Зимнего дворца. Здесь он и провел 185 дней своего премьерства.

Опасность не миновала, даже когда Витте уже находился в отставке. «Когда я вернулся из-за границы, то к моему дому было поставлено несколько агентов охранного отделения... Через некоторое время по моем приезде я начал получать угрожающие письма... которыми меня предупреждали, что вот такие-то партии решили меня убить. Я на эти письма не обращал внимания и их уничтожал».¹

¹ Там же. С. 414.

Витте, конечно, не мог признаться, но нетрудно представить, что он и его семья испытывали в условиях психологического террора. Только угрозами дело не обошлось, в конце января 1907 г. была совершена попытка покушения на жизнь Витте, злоумышленники с крыши дома опустили в дымоход адскую машину, взрыв который уничтожил бы весь особняк. Случайно обнаруженное устройство было обезврежено полицией. При расследовании дела Витте заявил, что личных врагов не имеет, а политическими врагами его были не анархисты, а «Союз русского народа», т. е. крайне правые. На следующий день в другом дымоходе была обнаружена вторая бомба. Расследование затянулось. Враги пустили слухи, что случившееся подстроено чуть ли не самим Витте. На самом деле нити заговора, по его мнению, тянулись к Дубровину, который использовал агентов охранного отделения. Позже предположение полностью подтвердилось, несмотря на все оттяжки и попытки охраны замести следы.

Финансовый кризис

Острой проблемой, которую пришлось Витте решать в те дни в экстренном порядке, было надвигавшееся государственное банкротство. В конце ноября—начале декабря 1905 г. финансовое положение достигло критической точки. Толпы людей с ночи занимали очереди в ссудосберегательные учреждения, чтобы изъять свои вклады. Некоторые газеты подливали масла в огонь призывом требовать расчета золотой монетой. Вслед за мелкими вкладчиками веру в надежность банков теряли состоятельные люди. Великий князь Константин Константинович отмечал в своем дневнике: «Началась паника среди капиталистов, они стали сбывать деньги за границу».

Министр финансов И. П. Шипов докладывал комитету финансов, что продажа иностранной валюты всего за две недели достигла 240 млн рублей, что являлось несомненным признаком утечки капиталов за границу. Политическим настроениям поддались и некоторые заграничные кредиторы. Управляющий Государственным банком писал, что представитель немецких банков предложил выслать в Берлин транспорт с золотом для обеспечения русских ценных бумаг. Пришлось подчиниться. Под угрозой оказалось золотое обраще-

ние, с великими трудами введенное Витте. Губернские казначейства запрашивали золотую монету, а Госбанк мог выслать только кредитные билеты. 3 декабря министр финансов вынужден был внести предложение о прекращении размена бумажных денег на золото и введение принудительного курса. Члены Комитета финансов констатировали, что главными опасностями, ожидаемыми от прекращения размена, является потеря доверия к финансам государственного кредита внутри страны и за границей. Было принято решение удержать курс до последней возможности и обратиться за помощью к иностранным банкирам.

В Париж был командирован Коковцов. Если верить его мемуарам, Витте едва ли не на коленях просил его взяться за дело, умоляя придать забвению старые обиды. В «Воспоминаниях» Витте интерпретация другая: «Так как положение все ухудшалось, то я предложил Коковцову, так как видел, что он желал бы поехать за границу, съездить в Париж попробовать сделать заем».¹ Впрочем, хорошо известно, что Витте не стеснялся пускать в ход лесть, когда хотел добиться своего. «Такая паника после несчастной войны, стоившей около 2500 млн руб., конечно поставила наши финансы и денежное обращение в самое трудное, скажу, отчаянное положение, и одной из главных моих задач являлось не допустить государственные финансы до банкротства»,² — пишет Витте в «Воспоминаниях».

Вопрос о финансовом положении страны не мог не обостриться в период революции, и надо отдать должное Витте, что он смог решительными мерами удержать золотой паритет рубля, созданная им система оказалась все же устойчивой и продержалась вплоть до 1914 г. Правда, для того потребовалось прибегнуть к новому крупному займу во Франции.

Миссия Коковцова оказалась очень трудной. Переговоры с ведущими французскими финансистами затянулись, поскольку те сомневались в прочности самодержавия и боялись потери денег. Ранее Витте вел дела с банкирами еврейского происхождения, в частности Ротшильдами. На обращение Коковцова те ответили решительным отказом, мотивировав его еврейскими погромами в России. Витте использовал все,

¹ Там же. С. 225.

² Там же.

даже неприкрытый шантаж. «Но предупредите французское правительство и банкиров, — инструктировал он Коковцова, — что при прекращении обмена мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов». Одновременно премьер предупреждал царя: «По-видимому операция не удастся». Через два дня он уже с большей определенностью и драматичностью докладывал: «Как это мне ни больно видеть, что плоды моего двенадцатилетнего управления финансами разбиты прахом, тем не менее я со страхом вижу, что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления».¹

Все же спасение пришло, что-то, видимо, подействовало. Французский премьер Рувье сумел сломить сопротивление банкиров, и те согласились разместить краткосрочные государственные обязательства России на 100 млн руб. Известие из Парижа стало дорогим новогодним подарком для правительства Витте, хотя он в мемуарах иначе оценил событие: «Согласно моему разрешению Коковцову удалось только получить 100 млн руб., авансом в счет будущего займа от банкиров, с которыми я вел переговоры о займе. Эти 100 млн не могли оказать никакой помощи».²

Получение 100 млн предотвратило банкротство и помогло удержать золотое обращение, однако этих денег хватило только на покрытие самых необходимых расходов. Витте докладывал Николаю II, что в 1906 г. потребуется около миллиарда рублей. Для привлечения такой огромной суммы премьер-министр задумал колоссальную финансовую комбинацию с привлечением средств чуть ли не всего Старого света и США. Нити этой операции находились исключительно в его руках, ни министр финансов Шипов, ни Комитет финансов не были посвящены в суть переговоров. В Россию был приглашен представитель международного консорциума банкир Нецлин, причем в целях конспирации он прибыл под именем своего лакея.

Механизм операции был разработан на конфиденциальных встречах Витте с Нецлиным. Партнеры долго спорили, торг в основном шел вокруг процента по займу. Нецлин отстаивал интересы кредиторов, важно было, «чтобы вся спеку-

¹ Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте... С. 229.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 226.

лирующая публика увидела здесь непосредственную возможность извлечь значительную выгоду», — откровенно писал он позже Витте.

Приходилось учитывать, что успех операции зависел и от международной обстановки, в частности от разрешения конфликта между Германией и Францией по поводу Марокко. В начале 1906 г. название испанского городка Алжезирас, где 2 января открылась конференция по Марокко, было одним из самых часто повторяемых в правительственных кругах России. «Алжезирас, ради Бога...», «Ради Бога, Алжезирас...» — такие карандашные записочки передавал Витте министру иностранных дел Ламсдорфу на заседаниях правительства. Дело в том, что французское правительство поставило одним из главных условий согласия на заем содействие России в мирном урегулировании марокканского конфликта.

Германское правительство понимало, что русскому уполномоченному на конференции графу Нелидову даны инструкции поддерживать французскую сторону, однако Витте не терял надежду добиться финансовой помощи и от Германии. Он играл на монархических интересах, доказывая Вильгельму II, что от благополучия династии Романовых зависит и прочность трона Гогенцоллернов: «революционеры избрали Россию для испробования своих сил, и если они не потерпят поражение, то революция перейдет за наши границы; тому пример французская революция. Поэтому желательно, чтобы у нас воцарилась тишина».¹

Конференция в Алжезирасе проходила драматично, требуя от Витте постоянного внимания и усилий, так как неудача ее означала бы и провал попыток России в получении займа, и финансовую катастрофу. Дипломатические таланты Витте здесь, несомненно, сыграли свою роль, и, как следствие, страна получила спасительный заем в сумме 2,25 млрд франков, или 843 млн рублей. Большая часть займа была размещена во Франции (1,2 млрд руб.), кроме того, в Англии, Австрии и России. В этом списке нет Германии и США, где первоначально также намечалось размещение части займа.

Причину следует, видимо, искать в том, что для Германии, по сути, решения конференции явились дипломатическим поражением, которым она в значительной степени была

¹ Цит. по: Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте... С. 231.

обязана России. Американцы же обуславливали свое участие в консорциуме допуском на российский промышленный рынок. Министерство финансов отвечало, что отечественная промышленность достаточно развита и Россия придерживается такого же протекционистского принципа, как и США, — «Америка для американцев». Иначе говоря, проект Витте удалось осуществить не в полном объеме, да и условия займа для России были невыгодными. По облигациям выплачивалось 6% годовых — весьма высокий процент по тем временам. С учетом комиссионных членам консорциума и других выплат на каждые 100 рублей облигаций русская казна получила всего 83,5 рубля. Заем был взят на 50 лет и должен был погашаться отдельными тиражами начиная с 1917 г.

Тем не менее главная цель была достигнута. Русские революционеры заявили, что европейская буржуазия субсидировала царизм. Но следует уточнить, что это, скорее, была мелкая буржуазия, служащие и даже рабочие. В одной только Франции 596 тысяч человек пожелали приобрести русские облигации.

Подготовка Думы

Сбив пламя революции, устранив анархию и относительно стабилизировав обстановку в стране, Витте смог больше внимания уделять проблемам, связанным с реализацией положений Манифеста 17 октября, главным из которых был переход к парламентаризму в России.

Правда, положение правительства и самого премьера не способствовало этому, государь и окружение, почувствовав разрядку, не склонны были стремиться выполнять обещанное народу, против Витте и либеральных членов кабинета усилились нападки правых. В письме к Витте от 12 февраля 1906 г. министр народного просвещения граф И. И. Толстой пишет: «Считаю, что чем резче Вы поставите вопрос Его Величеству, тем лучше, так как чувствую, что теперь наступил психологический момент, когда следует выяснить, пойдет ли Россия по новому пути или хотя бы временно (т. к. надолго, думается, невозможно) вернется на старый, со всеми его опасностями и мерзостями. Уверен, что ни Вам, ни мне государь не доверяет, но не решается сказать этого». Действительно, вскоре после отставки Витте царь просто уволил И. И. Толстого, не дав ему никакого соответствующего назначения, как это было

принято. Граф Толстой черносотенной прессой и правыми «объявлен был если не прямо революционером, то, во всяком случае, жидофильствующим кадетом».¹

В составе объединенного кабинета обнаружились очень серьезные разногласия и трения. Все это в короткое время и до чрезвычайности издергало Витте, и уже в феврале 1906 г. он решил проситься в отставку, как только закончатся переговоры о займе с французскими банкирами. Но оставались нерешенными другие важные вопросы, прежде всего о Думе, которые пришлось решать ему в силу ответственности.

Вопрос о Государственной думе возник гораздо раньше октября 1905 г., еще при Святополк-Мирском, пытавшемся опираться на земских деятелей, сделаны были первые шаги к конституционному строю. Однако эта политика потерпела неудачу, и произошла радикализация обстановки в стране. Тем не менее уже с весны 1905 г. стоял вопрос об открытии Думы, и министром внутренних дел А. Г. Булыгиным готовилось положение о выборах. Потом был Манифест от 6 августа об учреждении Государственной думы, названной Булыгинской. Предполагалось, что она будет носить законосовещательный характер, а состав ее будет представительного-сословным.

После принятия Манифеста 17 октября, вследствие появления многих политических партий, процесс приобрел иной характер. Существовало два пути введения в России конституционного строя: через созыв Учредительного собрания и пожалования Конституции царем. В этом вопросе мнения земцев разошлись. На съезде в ноябре 1905 г. большая часть их (из них потом сформировалась партия «кадетов») высказалась за концепцию Учредительного собрания, чего никак не хотел допустить Витте. Все его усилия были направлены на это и оказались не напрасны, из меньшинства родилась партия октябристов (союз 17 октября), которая ставила цель мирным путем осуществить принципы конституционной монархии, провозглашенные Манифестом. От их имени прозвучало воззвание, в котором подчеркивалась необходимость объединения всех тех, «кто искренне желает мирного обновления страны, кто отвергает одинаково застой и революционные потрясения и кто признает необходимость создания

¹ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 118.

сильной авторитетной власти, которая совместно с народным представительством могла бы внести в страну умиротворение путем созидательной законодательной деятельности».¹ Отклик на призыв был положительным. По всей провинции стали возникать группы октябристов.

Казалось бы, близость позиций лидеров октябристов и Витте должна была их объективно сблизить, а партия октябристов стать опорой, тем более что Витте искренне искал соглашения с представителями общественности. Однако этого не произошло. Хотя Витте и намеревался пригласить Шипова и Гучкова в правительство, но они не сошлись во взглядах. «Я не согласился бы иметь дело с председателем этой партии Гучковым, бретером, купчиком, «моему нраву не препятствуй».² Действительно, у Гучкова был сложный, крутой характер, но и Витте был не прост, к тому же не привык иметь дело с представителями общественности.

Не получив прямой поддержки, Витте тем не менее не прервал контактов с общественными деятелями. Он поручил А. И. Гучкову, Е. Н. Трубецкому и Д. Н. Шипову составить избирательный закон.

Манифест 17 октября обещал привлечь к участию в выборах те слои населения, которые были лишены избирательного права. Эта формулировка была расплывчатой, и от закона зависело, насколько широким будет контингент избирателей. В бюрократических инстанциях собирались лишь слегка подправить систему выборов по куриям, которая предполагалась Булыгинской Думой.

Общественные деятели предложили прямое и всеобщее избирательное право. Это означало, правда, что голосовать могли только мужчины, достигшие 25-летнего возраста, женщины в ту эпоху, даже в самых демократических странах, избирательных прав не имели, а в самодержавном государстве тем более. Даже несословные выборы воспринимались как неслыханный либерализм.

Витте был в большом колебании, ему очень хотелось пойти навстречу пожеланиям общественности, но вместе с тем он боялся, и не без оснований, всеобщих выборов в силу непредсказуемости их результатов. Колебания отразились на

¹ Леонтович В. В. История либерализма в России... С. 480.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 508.

двусмысленности поведения Витте на заседании Совета министров 19 ноября 1905 г. Консервативное крыло правительства резко возражало против всеобщего голосования. Министр внутренних дел Дурново даже демонстративно удалился из зала, когда приглашенные общественные деятели начали отстаивать свой проект.

Шипов напомнил, что в сущности введение всеобщего избирательного права предрешено Манифестом 17 октября. Витте немедленно парировал, что общие основы булыгинского положения о выборах не могут быть изменены и сословная система должна быть сохранена. Это поразило Шипова и других, поскольку перед этим Витте придерживался противоположной точки зрения. В этом вопросе он явно уступил давлению консервативных сил. В последующем Витте не раз еще подобным образом проявлял себя. Такое поведение было осуждено представителями общественности. И у царя вызвало недоверие, что отметил Николай II в письме к матери: «Я никогда не видел такого хамелеона-человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит». В левой, социал-демократической печати на Витте печатались карикатуры, одной из которых была «министр-клоун». Прагматизм имел цену.

Результатом многих дискуссий и маневров стало принятие в декабре 1905 г. закона о Государственной думе с ограниченными законодательными правами и выборностью по куриям, т. е. сословным представительством. Поскольку и эта система не гарантировала, что будет обеспечен верноподданныческий депутатский корпус, в высших сферах родилась мысль на всякий случай нейтрализовать Думу, поставив над ней второе законодательное учреждение.

В системе государственных органов империи имелось учреждение, пригодное для этой роли. Это был Государственный совет, еще в начале XIX в. задуманный М. М. Сперанским как партнер Государственной думы. От грандиозного ансамбля органов управления России остались лишь руины в виде совещательного органа при монархе. Государственный совет, члены которого назначались царем, частенько называли синекурой для вышедших в отставку министров, «государственные старцы», как правило, занимали консервативные позиции. Витте был нелестного мнения о большинстве коллег

по Государственному совету, он предлагал очистить Совет от лишнего балласта и сделать его хотя бы частично выборным органом. И это удалось.

Реорганизация Государственного совета по его предложению была одобрена царем в феврале 1906 г., Совет превратился в законодательный орган. Председатель и половина членов Совета по-прежнему назначались царем, а вторая половина состава избиралась. Выборные члены Государственного совета представляли губернские земства, крупнейшие города, биржевые комитеты, университеты. Часть мест закреплялась за выборными от дворянских обществ. Крестьянам и рабочим доступ был открыт лишь в Думу. Витте предвидел будущие столкновения между палатами и предложил меры, препятствующие превращению Госсовета в кладбище законопроектов, поступающих из Думы.

Не удовлетворившись превращением Думы в нижнюю палату, правительство спешило связать Думу еще до выборов, и для этих целей была осуществлена новая редакция Основных государственных законов Российской империи. Замысел Витте заключался в том, чтобы поставить депутатов Думы перед свершившимся фактом. Но если поставить эти вопросы на обсуждение, то избранники народа захотят гораздо большего и превратят Думу в Учредительное собрание. В этом случае придется разгонять думцев силою, и тогда погибнет новый строй, провозглашенный Манифестом 17 октября, — рассуждал Витте.

В новой редакции Основных законов присутствовали слова о том, что «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Вся разница со старой формулировкой фактически сводилась к изъятию слова «неограниченной», но Николай II остался крайне недоволен этим новшеством. По этому вопросу возникли баталии, но проект Витте получил поддержку большинства совещания, и изменение прошло. За императором закреплялись огромные полномочия, особенно исполнительной власти. Сущность ограничений, наложенных на самодержавца, излагалась в главе «О Законах», где повторялось по сути положение Манифеста 17 октября, что никакой закон не может последовать без одобрения Думы. В основных законах была заложена масса оговорок, которые сводили к минимуму возможности парламента.

Основные государственные законы были введены высочайшим указом Сенату от 23 апреля 1906 г. Их с большой натяжкой можно назвать первой российской конституцией. В то же время неправомерно оценивать их как «антидемократические», как «закрепляющие господство царской бюрократии», что делалось в советские времена. В них впервые были закреплены политические свободы, в системе государственных органов отводилось место выборным законодательным учреждениям. Основные законы были документом переходной эпохи, и, как бы ни критиковали этот документ, он стал заметным шагом в направлении к правовому государству.

Добившись получения спасительного для монархии займа и подготовив открытие первой Государственной думы, Витте подал царю прошение об отставке, 16 апреля 1906 г. он получил ответ: «Граф Сергей Юльевич! Вчера утром я получил письмо Ваше, в котором Вы просите об увольнении со всех занимаемых должностей. Я изъявляю согласие на Вашу просьбу. Николай». Так буднично завершилась карьера первого премьер-министра России.

Уходя в отставку под давлением обстоятельств, Витте полагал, что у царя отношения с Думой не сложатся, и тогда опять вынуждены будут позвать его. И хотя так и получилось, но появился энергичный Столыпин, который на пять лет затмил Витте, затем был Коковцов, «удобный человек». А его больше не позвали.

Витте ушел под радостные возгласы справа и слева. Для консерваторов эта отставка символизировала долгожданный отказ от реформаторского курса, уверенность, что будет положен конец колебаниям и власть заговорит со своими врагами надлежащим тоном. Либералы восприняли отставку как свидетельство своей силы, поражение лукавого бюрократа и сочинителя регрессивных Основных законов. Не менее их радовался царь, который наконец избавился от «вредного человека».

Сам Витте так описывал ситуацию: «Когда результаты были налицо, я получил милостивое разрешение сложить с себя ту власть, которая меня и тяготила и, опираясь на которую, я ничего более достигнуть не мог в интересах благополучия моей родины. И я сошел со сцены никем не оплакиваемый и никому не нужный. Я никому не угодил, и по сию пору

меня продолжают не оставлять в покое, и имя графа Витте рисуется в глазах многих и многих как имя какого-то злодея и неудачника».¹

Большой человек

На тему о роли графа Витте с октября 1905 г. до ухода с поста председателя Совета министров в апреле 1906 г. написано немало разного. «Граф Витте хотел обмануть историю, — считает Милюков. — На деле он сам был обманут историей — так жестоко, фатально и бесповоротно, как история это умеет делать. В глазах истории граф Витте — поконченный человек. Его шанс прошел, больше не вернется».²

Представляет интерес, на наш взгляд, оценка, данная в некрологе «Новое время» в 1915 г. «Ни один справедливый человек не упрекает графа Витте, что он в такую трудную минуту политического кризиса не отклонил от себя этой роли... Можно с уверенностью утверждать, что инициатива Манифеста 17 октября 1905 года не принадлежала графу Витте. Он со своей стороны считал достаточным для успокоения умов и более тщательной подготовки политических реформ ограничиться, на первых порах, объединением правительства, как единомысленного кабинета министров и предоставить этому кабинету разработку потребностей политической реформы. Но события были сильнее его воли».

Манифест был лишь руководящей директивой деятельности объединенного правительства, пришлось спешно исправлять так называемый булыгинский проект Государственной думы, переделывать избирательный закон, вырабатывать новый текст основных законов, требовалось одновременно преобразовать Государственный совет, подготовить созыв Государственной думы и принять ряд исключительных мер для подавления смуты и восстановления порядка.

Все это делалось торопливо. Немудрено было тут потерять голову, и те, кто упрекает графа Витте за разные ошибки и промахи его в этот тяжелый период ликвидации политического кризиса, едва ли ясно представляют себе положение государственного деятеля, несущего на себе страшную ответственность и окруженного, с одной стороны, растерявшимися представителями исполнительной власти, а с другой — заго-

¹ Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте. Т. 141. С. 610.

² Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте. Т. 142. С. 904.

ворами и интригами крайних правых и крайних левых. Прибавьте, что казна была в отчаянном состоянии, и требовалось во что бы то ни стало заключить большой заграничный заем.

Причина краха политики Витте очевидна, она заключалась не только в его ошибках, что справедливо подчеркнул позже П. Струве в очерке-некрологе.¹ Он, по сути, был обречен в своих попытках мирно, сверху осуществить либеральные преобразования, для этого слишком много оказалось в стране «горючего материала» в виде накопившихся противоречий.

Витте выступил защитником самодержавия, но его подход существенно отличался от других. Как прагматик, он ценил самодержавие как систему, при которой, по его мнению, легче всего достигать конкретных результатов. Большинство же приверженцев самодержавия ценило его как защиту от реформ и как воплощение идеологической формулы: православие, самодержавие, народ. Оппозиционные круги, наоборот, отвергали монархию как препятствие на пути к реформам и как строй, противоречащий требованиям либеральной и демократической идеологии. Витте, по выражению Маклакова, «...судил о годности принципов по их результатам, а не расценивал жизнь по ее соответствию принципам».

Витте был убежден, что необходимые для России реформы могут быть проведены, только если можно опереться на прочное основание в виде власти абсолютной монархии. Его не интересовало, соответствует ли самодержавие известным требованиям той или иной идеологии или, наоборот, с ними непримиримо. По его мнению, все виды государственного строя имеют лишь относительную ценность.

Он не был принципиальным противником конституционного строя, считал, что Россия со временем придет к нему, когда возникнут условия. Вот ход его мыслей. По мере того, как общество богатеет, привыкает к самостоятельной деятельности, привычка к повиновению в нем исчезает. Оно начинает не только желать власти, но приобретает и способность к ней, конституции требует тогда весь уклад привыкшего к свободе и общественной дисциплине народа. Поскольку таких условий в стране не было и в ближайшее время возникнуть не могло, то Витте на деле весьма скептически относился к конституционным преобразованиям, и в частности парламентаризму.

¹ Струве П. Б. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики. Пг., 1915.

Витте не верил в возможность конституционного строя в стране, в которой еще недостаточно укоренилась личная гражданская свобода, а у крестьянства ее просто вообще нет. Он считал срочно необходимой не конституцию, а крестьянскую реформу, которую, по его мнению, прекрасно можно осуществить в условиях самодержавия.

Как считает Леонтович, «Витте интересный пример большого государственного деятеля, который, однако, в то же время был очень слабым политиком».¹ Насколько обоснован этот приговор? Разве полтора десятка лет пребывания не говорят сами за себя, кто бы мог, не обладая искусством интриги и бесконечной гибкостью, удержаться на ведущих ролях в столь сложное время? А его искусство дипломата, вошедшее в историю благодаря блестяще проведенным переговорам в Портсмуте, а заключение договоров с Германией и другое. Леонтович признает большой успех Витте в Портсмуте, но считает, что это был успех внешнеполитический и, кроме того, это отдельный случай. Что касается внутренней политики, то, по его мнению, при защите предлагаемых мероприятий Витте, собственно говоря, только и умеет ссылаться на объективные аргументы. Он совершенно не умел исходить не из сути дела, а приспособлялся к уровню, характеру и идеологическим позициям тех, к кому он обращался (что, собственно, и отличает политика).

«Ему было легко иметь дело с Александром III, который, по-видимому, сам в высшей степени любил объективные аргументы. Но ему не удавалось так влиять на Николая II и часто совершенно беспомощен оказывался он перед представителями общественности». Маклаков пишет: «Чтобы влиять на Государя, уже не годилась та резкая правда, которая Витте так удавалась с его покойным отцом. Приходилось затрагивать те специальные струны, на которые Государь откликался. Витте на это пошел, и это было большим унижением его жизни; но искусно делать это он умел. В нем было слишком мало настоящего царедворца».²

Что же касается общественности, то, собственно говоря, Витте познакомился с ее представителями лишь во время переговоров, которые он вел с ними, став премьер-министром. И склад ума общественных деятелей оставался ему непонятен. Он

¹ Леонтович В. В. История либерализма в России... С. 389.

² Маклаков В. В. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. Рига. Б. г. С. 274.

ограничивался тем, что приглашал отдельных общественных деятелей и излагал им свои объективные аргументы, но лишь иногда доходившие до собеседника. Но как только он пытался говорить с группами представителей общественности, они неизменно отклоняли его предложения, объясняя свой отказ требованиями общественного мнения. «Кто же делает общественное мнение? — спрашивает Витте с недоумением, — Я не встречал человека, который бы наедине считал правильным то, что он сам от меня во имя общества требовал».

В этом, может быть, и кроется причина приверженности к самодержавию и критического подхода к конституционному строю — считает Леонтович. Наверное, нелегко бывало убеждать или переубеждать самодержца, но во всяком случае не труднее, чем убеждать общественность, а ведь при конституционном строе это приходится делать все время, если хотеть проводить в жизнь свои идеи, а не слушаться слепо голоса общественности.

Маклаков пишет, что Витте был сильной индивидуальностью с убеждениями «которые складываются в ее голове, а не постановлениями большинства. Он сам знал, что нужен России, и верил себе. Его не увлекал политический спор, который развивается при конституционном порядке; не интересовало впечатление, которое он производил на публику, ни газетные отзывы, в которых политические деятели ищут оценки себе. Занимал его один результат... и он предпочитал порядок, при котором конкретных результатов казалось легче всего достигнуть, хотя бы и с наименьшим успехом».¹

По всей вероятности, Витте так держался самодержавия именно потому, — делает вывод Леонтович, — что совершенно не чувствовал в себе политического таланта и склонности к политике. Ведь нет сомнения, что самодержавный строй гораздо менее политический по своей природе, чем строй конституционный.²

Представляется, что вывод этот не бесспорный, но аргументы заслуживают внимания. В известной степени его подтверждают слова графини М. М. Витте в предисловии к «Воспоминаниям»: «Граф Витте не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе».

¹ Там же. С. 261.

² Леонтович В. В. История либерализма в России... С. 391.

После Конституции 23 апреля 1906 г. законодательная власть царя утратила свой абсолютный характер полностью, за исключением немногих особых случаев, в частности жизни двора. Однако исполнительная власть в полной мере принадлежала царю и бюрократии, т. е. тем, кто в то время только и обладал опытом в области управления государством.

Маклаков, характеризуя ситуацию, пишет, что «в 1906 г. слуги старого режима были не только внушительной политической силой, у них одних был государственный опыт и школа. А между тем у них не было шансов быть выбранными, их прошлое клало на них клеймо в глазах демократических избирателей. Устранить их вовсе от участия в законодательной деятельности было бы вандализмом, государственным мотовством. Но поскольку хотели не революции, а превращения самодержавия в конституционную монархию, опытных и знающих государственных людей надо было сохранить и использовать. И характерно, что в число таких назначенных членов попали не только люди реакции, а такие люди, как Витте».¹

В России было тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, многое правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной и согласованной работе. Конституция 1906 г. — и в этом ее основная идея — не только давала возможность их совместной и согласованной работы, но делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюдном согласии. Соглашение между двумя политическими силами сделано было необходимым условием государственной жизни.

Как считает В. В. Водовозов, «жизнь сделала из Витте к 1905 г. конституционалиста, хотя и весьма умеренного и безусловно враждебного началам парламентаризма. С точки зрения этих убеждений Витте понятно утверждение, что на перевале русской государственности условия бурного момента оказались ему не по плечу».²

Если бы Витте был убежденным либералом, то они были бы правы. Но ведь размеры таланта политического человека

¹ Маклаков В. В. Власть и общественность... С. 261.

² Водовозов В. В. Граф С. Ю. Витте и император Николай II. М., 1992. С. 113.

нужно определять по его целям. Витте не был либералом, а был консерватором, в лучшем случае либеральным консерватором, и цель его была вовсе не водворить в России конституционализм, а спасти монархию, и только ради ее спасения он хотел несколько раз подновить ее. Для этого прежде всего нужно было разъединить либеральную оппозицию и революцию. Это поставил себе своей задачей Витте, и этого он не скрывает, напротив, гордится этим...

И Витте добился своего. Правительство вышло из жесточайшего испытания почти без урона. Старые формы государственного строя восстановлены почти в прежнем виде и только слегка подновлены Государственной думой, являющейся скорее новым бюрократическим учреждением, своего рода департаментом народного представительства, чем истинным народным представительством. Вместе с ним спасены интересы промышленности и торговли, производительным силам России вновь предоставлен простор, в экономическом отношении страна быстро пошла вперед, и только первая мировая война прервала движение.¹

Витте был первый конституционный премьер-министр России — не партийный деятель, а просто большой дальновидный государственный человек и как таковой при всем своем усердии к реформам вовсе не новатор — искатель приключений. Он далеко ушел от того, чтобы быть реакционером, но он также не демократ. Как идеал перед ним рисуется создание всемогущего государства, которое бы было собственником и умным управителем всех благ и которое заботилось бы о благосостоянии всех граждан.

С оставлением поста председателя Совета министров и до последних дней жизни — это был период постепенного увядания графа Витте с нередкими минутами огорчений и даже личных тревог. Он, правда, оставался членом Государственного совета и председателем Комитета финансов и на этих постах при каждом сколько-нибудь важном случае проявлял большую активность, но как государственный деятель, которого не переставали травить в известных кругах и которого его противники все еще считали опасным. «Действительно, он был и до конца остался большим человеком!» — писал современник.

¹ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа является попыткой проанализировать и обобщить материалы об экономической политике царского правительства и деятельности С. Ю. Витте как реформатора в поисках путей модернизации социально-экономической системы России. В начале XXI в. страна испытывает во многом аналогичное состояние; как и столетие назад, стоят задачи перехода от полуфеодальной административной системы к полноценному рыночному хозяйству и гражданскому обществу, как и прежде, возникает вопрос о роли государства в экономическом развитии в специфических условиях России. Представляется, что Россия должна перестать быть страной «невыученных уроков», анализ национального опыта должен полнее учитываться при стратегическом планировании.

Созданная в конце XIX в. Витте уникальная система государственного капитализма привлекает внимание своей результативностью. С ее созданием связан этап «взлета» национальной экономики, позволивший заметно сократить отставание от высокоразвитых стран Запада. Очевидно, что Витте удалось найти наиболее адекватные в тех условиях формы и методы государственного регулирования экономики. Информативно в этом плане сопоставление подходов к реформам двух министров финансов — М. Х. Рейтерна и С. Ю. Витте.

Рейтерн в 60-е годы XIX в., исповедуя либеральные ценности, сделал акцент на европейские фритредерские принципы развития экономики, он выступил апологетом частной собственности и предпринимательства, невмешательства государства в естественно складывающийся экономический порядок. В то время «правительство ожидало от частной инициативы все». Однако в условиях отсталости и противоречий России, незрелости и малокультурности предпринимателей

ослабление государственного контроля привело не к цивилизованному бизнесу, основанному на конкуренции, а к расцвету варварских методов ведения частного хозяйства с разгулом спекуляций, финансовых афер, грюндерства, взяточничества и т. п. Хотя либеральный курс придал экономике России определенный импульс, однако в итоге политика Рейтерна потерпела неудачу и была пересмотрена.

Витте, более реалистично оценивая возможности, сделал ставку на ведущую роль государства в ходе экономических преобразований. Сконцентрировав в бюджете огромные финансовые ресурсы, расширив казенное хозяйство, он придал государству функцию «локомотива», который «тянул» экономику в выбранном направлении. Это, однако, не означало, что министр финансов недооценивал роль предпринимателей. Ведь «вагоны» того «поезда» были частные, экономика рыночной. Витте много делал для поддержки отечественного производителя, предпринимателя: протекционистские меры, огромные государственные заказы и кредиты, шадящее налогообложение и другое стимулировали развитие производства. Этому способствовали и меры общего характера: укрепление рубля, привлечение иностранного капитала, развитие банковской сферы, а также отсутствие ограничений для монополий.

Вместе с тем проводившееся Министерством финансов широкое вмешательство в экономику препятствовало естественному развитию рыночных отношений в стране. Но было необходимо догнать Запад и сделать это быстро, чем и объясняется специфика национального пути.

Система государственно-монополистического капитализма, возникшая в эпоху Витте, стала предвестником советской экономики. На это указывают американские историки. Об этом, по сути, говорил и Ленин в статье, написанной в сентябре 1917 г.: «Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо и неизбежно означает шаг к социализму» и далее: «...социализм есть не что иное, как государственно-монополистическая монополия, обращенная на пользу всего народа... поскольку переставшая быть капиталистической монополией».¹

¹ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191—192.

Крайности, характерные для российского менталитета, всегда приводили к печальным результатам. История XX в. показала в конечном итоге непродуктивность как централизованного управления экономикой в советский период, так и «бегство» государства из экономики при либеральном правительстве Гайдара. Полученные уроки должны способствовать правильному определению роли государства в современных условиях, и опыт Витте для переходного периода в этом плане трудно переоценить.

Как реформатор С. Ю. Витте оставил яркий след в политической и экономической истории России. По словам П. Б. Струве, «он вложил свою личность в великие события и воплотил свою энергию в больших делах в самую сложную эпоху перехода всего русского народного хозяйства на капиталистический путь развития». Витте многого добился, хотя и не раз испытывал горечь неудач и провалов своей политики.

Система Витте в конечном итоге потерпела крах. В 1914 г. правительство отказалось от золотого обеспечения рубля, от винной монополии и некоторых других элементов его системы. Реформаторский процесс в России эпохи Витте, оставив заметный след в ее развитии, оказался все-таки не настолько глубоким, чтобы разрешить острейшие проблемы и остановить движение к революции. Более того, Витте, на наш взгляд, некоторым образом, вопреки собственному желанию, способствовал такого рода развитию событий, в частности, путем проведения жесткой фискальной политики, приведшей «к перенапряжению податных сил», а также восточной политикой, ставшей одной из причин японской войны.

В оценке его деятельности никогда не было и не могло быть однозначных оценок, и это зависело не только от классовых взглядов. Экономическая политика Витте была глубоко противоречива, ибо для промышленного развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России власти. Консерватизм «системы» Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества отжившего самодержавного режима.

С другой стороны, те кто называл Витте «охранителем самодержавия», не замечали того, что Витте своей буржуазной, по сути, политикой расшатывал устои самодержавия, способ-

ствовал росту капиталистических сил, которые объективно не могли долго мириться с прежним режимом власти.

В Витте удивительным образом сочетались капиталистический делец-прагматик и крупный чиновник-бюрократ, стремившийся держать все «в одном кулаке». Тем не менее он был представителем новой просвещенной бюрократии с широким кругозором и ответственностью за судьбу страны.

Основное внимание в ходе капиталистической модернизации страны в эпоху Витте было уделено развитию промышленности при известной консервации феодальных пережитков в деревне. И дело не только в неудаче попыток его преобразований, «система» Витте и не предусматривала коренной аграрной реформы, в частности, создания рынка земли, а предлагала лишь правовое раскрепощение крестьян. Очевидно, что при таком подходе рыночное хозяйство России не могло бы органично развиваться. Но можно ли упрекать в этом Витте, если и сегодня столетие спустя, проблема остается нерешенной.

Анализируя реформаторскую деятельность С. Ю. Витте, можно отметить и другие противоречия, нерешенные проблемы. Однако и то, что сделано, впечатляет масштабностью и глубиной свершений.

Исследование эпохи Витте дает немало полезной социокультурной информации об осуществлении крупных реформ в специфических условиях России. Наибольший интерес в современных условиях вызывает ведущая роль государства, формы и методы государственного регулирования, которые были использованы в переходный период. Продолжение изучения наследия С. Ю. Витте обещает еще немало открытий, представляющих не только академический интерес.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Российские реформы и модернизация в зеркале мирового опыта	6
Глава 2. Великие реформы и экономическая политика цар- ского правительства	17
2.1. Общество, государство и экономическая поли- тика	17
2.2. Предшественники С. Ю. Витте на посту министра финансов (М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Выш- неградский)	33
Глава 3. Становление и развитие «системы» Витте	61
3.1. Реформатор эпохи контрреформ	61
3.2. Программа 1893 года и задачи индустриализации России	75
3.3. Программа 1899 года: роль иностранного капи- тала	93
Глава 4. Финансово-бюджетная политика С. Ю. Витте .	115
4.1. Государственный бюджет в регулировании эконо- мики	115
4.2. Доходы и налоговая политика государства . . .	126
4.3. Расходы бюджета и винополия	136
Глава 5. Денежно-кредитная политика С. Ю. Витте . .	151
5.1. Денежная реформа и золотой рубль	151
5.2. Кредитная политика и банковская система . .	166
5.3. Иностраный капитал и государственный долг .	180
Глава 6. Экономическая политика и хозяйство в эпоху Витте	198
6.1. Правительство и частное предприниматель- ство	198
6.2. Государственное предпринимательство и казен- ное хозяйство	217
6.3. Аграрная политика: Витте и Столыпин	235

Глава 7. Внешняя политика и экономическая экспансия России	253
7.1. Геополитические интересы и внешняя политика России	253
7.2. Восточная политика Витте и КВЖД	267
7.3. Русско-японская война и Портсмутский мир: роль Витте	287
Глава 8. Государственное управление и образование . . .	304
8.1. Самодержавие и местное самоуправление . . .	304
8.2. Старая и новая бюрократии России	318
8.3. Витте и профессиональное образование . . .	339
Глава 9. Политические преобразования и парламентаризм	353
9.1. Творец Манифеста 17 октября 1905 года . . .	353
9.2. Первый премьер и зарождение парламентаризма в России	374
Заключение	400

Научное издание

Сергей Дмитриевич Мартынов

**ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА:
Система Витте**

Редактор издательства *Н. А. Никитина*

Художник *А. И. Слепушкин*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Корректоры *О. И. Буркова, Ю. Б. Григорьева*
и *Н. И. Журавлева*

Компьютерная верстка *А. В. Моисеева*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 26.02.02. Подписано к печати 30.04.02.

Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.5.

Уч.-изд. л. 23.3. Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3188. С 69

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-028509-9

9785020285095